

20
25

№4 (32)
Oktyabr-Dekabr

ISSN 2181-0567

ISSN 2181-1830

IQTISODIYOT: TAHLILLAR VA PROGNOZLAR

ЭКОНОМИКА:
АНАЛИЗЫ И ПРОГНОЗЫ

ECONOMY:
ANALYSIS AND FORECASTS

JORIY YILDA 5 MILLION AHOLI DAROMADLI BO‘LIB, ISHSIZLIK DARAJASI 5,5 FOIZDAN 4,9 FOIZGA TUSHDI. QARIYB 1,5 MILLION EHTYOJMAND AHOLI KAMBAG‘ALLIKDAN CHIQDI, ILK BOR 1 MING 435 TA MAHALLA “KAMBAG‘ALLIKDAN XOLI” HUDUDGA AYLANDI.

SHAVKAT MIRZIYOYEV

IMRS
Institute for Macroeconomic
and Regional Studies

O‘ZBEKISTON RESPUBLIKASI VAZIRLAR MAHKAMASI HUZURIDAGI
MAKROIQTISODIY VA HUDUDIY TADQIQOTLAR INSTITUTI JURNALI

ISSN 2181-0567

9 772181 056008

IQTISODIYOT: TAHLILLAR VA PROGNOZLAR

**ЭКОНОМИКА:
АНАЛИЗЫ И ПРОГНОЗЫ**

**ECONOMY:
ANALYSIS AND FORECASTS**

№ 4 (32)
Oktyabr-Dekabr, 2025-yil

TAHRIR HAY'ATI:

J.Qo'chqorov – O'zbekiston Respublikasi Bosh vazirining o'rinbosari – O'zbekiston Respublikasi Iqtisodiyot va moliya vaziri, tahrir hay'ati raisi

U.Obidxo'jayev, DSc – O'zbekiston Respublikasi Iqtisodiyot va moliya vaziri o'rinbosari – Makroiqtisodiy va hududiy tadqiqotlar instituti direktori

Z.Xaldarov, PhD – Makroiqtisodiy va hududiy tadqiqotlar instituti direktorining birinchi o'rinbosari

T.Axmedov, i.f.d., prof. – Makroiqtisodiy va hududiy tadqiqotlar instituti direktorining o'rinbosari

X.Xamidov – Makroiqtisodiy va hududiy tadqiqotlar instituti direktorining o'rinbosari

M.Karimov, PhD – Makroiqtisodiy va hududiy tadqiqotlar instituti ilmiy kotibi

S.Chepel, i.f.d., k.i.x. – Makroiqtisodiy va hududiy tadqiqotlar instituti bosh mutaxassisi

N.Rasulov, DSc, dots. – Makroiqtisodiy va hududiy tadqiqotlar instituti loyiha rahbari

D.Karimova, i.f.d., prof. – Makroiqtisodiy va hududiy tadqiqotlar instituti loyiha rahbari

R.Xasanov, i.f.d., prof. – Makroiqtisodiy va hududiy tadqiqotlar instituti bo'lim boshlig'i

E.Yakubova, PhD – Makroiqtisodiy va hududiy tadqiqotlar instituti loyiha rahbari

M.Axmedova, PhD – Makroiqtisodiy va hududiy tadqiqotlar instituti loyiha rahbari

S.Maxmudov, PhD – Makroiqtisodiy va hududiy tadqiqotlar instituti loyiha rahbari

TAHRIRIYAT:

Bosh muharrir – **R. Xasanov**

Mas'ul muharrir – **A. Yuldashev**

Texnik muharrir – **I. Odashev**

Kompyuter grafikasi dizayneri – **R. Odilov**

Nashr uchun mas'ul – **N. Primov**

Jurnal Oliy attestatsiya komissiyasi Rayosatining 2019-yil 29-iyundagi 266/8-sonli qaroriga asosan OAK dissertatsiyalar asosiy ilmiy natijalarini chop etish tavsiya etilgan ilmiy nashrlar ro'yxatiga va Rossiya Federatsiyasining Ilmiy iqtibos indeksi (RINS) ro'yxatiga kiritilgan.

Jurnal O'zbekiston Respublikasi Prezidenti Administratsiyasi huzuridagi Axborot va ommaviy kommunikatsiyalar agentligida 2021-yil 22-aprelda 1043-sonli guvohnoma bo'yicha qayta ro'yxatga olingan.

Bosma ISSN 2181-0567; Elektron ISSN 2181-1830.

Format 84/60, 1/8, 8,5 b.t. Chop etishga 31.12.2025-yilda ruxsat etildi.

Jurnalning «Matbuot tarqatuvchi» AK obuna katalogidagi indeksi – 1360.

Jurnal uch oyda bir marta chop etiladi. Bahosi kelishilgan narxda.

Jurnalda berilgan materiallarni to'liq ko'chirish yoki qisman iqtibos keltirishga, shuningdek, jadval va grafiklardan foydalanishga **imrs.uz** saytiga giperxavola mavjud bo'lgan va/yoki "Iqtisodiyot: tahlillar va prognozlar" jurnalining muallifligini ko'rsatuvchi yozuv ilova qilingan taqdirda yo'l qo'yiladi.

Tahririyat fikri mualliflar fikriga mos kelmasligi mumkin. Maqoladagi ma'lumotlar haqqoniyligiga mualliflar shaxsan mas'ul hisoblanadi.

Tahririyat manzili:

100011, Toshkent sh., Xadra massivi, 33A. Tel.: (+998 71) 244-03-43. E-mail: jurnal@imrs.uz

Tarqatish bo'limi telefoni: (+998 71) 244-03-43

Jurnal 2019-yildan boshlab nashr etilmoqda

Toshkent – 2025

Mundarija / Содержание / Contents

Makroiqtisodiyot, prognozashtirish va tahlil / Макроэкономика, прогнозирование и анализ / Macroeconomics, forecasting and analysis

Azizbek RAKHMONOV. The effects of tax reforms on Uzbekistan's economy.....	4
Нодира АБДУНАЗАРОВА, Зиёдулла МУХИТДИНОВ. Роль циклически скорректированного баланса бюджета в обеспечении макроэкономической стабильности Узбекистана.....	12

Investitsiyalar, raqamli va innovatsion texnologiyalar / Инвестиции, цифровые и инновационные технологии / Investments, digital and innovative technologies

Юлдуз АБДУГАНИЕВА, Турсун АХМЕДОВ. Женщины в цифровой экономике: сокращение цифрового разрыва как условие гендерного равенства.....	24
Konstantin KURPAYANIDI. Institutional and investment determinants of renewable energy development in Uzbekistan.....	32
Gulomjon KOSIMJONOV, Ikromjon QOSIMJONOV. The grip of anxiety: an empirical investigation into financial stress and its impact on the investment decision-making process of small and medium enterprises in Uzbekistan.....	44
Nilufar NABIYEVA. Ishbilarmonlik muhitini yaxshilashda Gruziya tajribasidan O'zbekiston amaliyotida foydalanish imkoniyatlari.....	51
Yulduz A'ZAMOVA. Xalqaro tadbirlar (MICE) turizmining rivojlanish strategiyalari.....	63

Korporativ boshqaruv, sanoat, agrar va hududiy iqtisodiyot / Корпоративное управление, промышленность, аграрная и региональная экономика / Corporate governance, industry, agriculture and regional economy

Рухсора ХОЛИКОВА. Совершенствование методологии ранжирования и приоритизации рисков в хлопково-текстильных кластерах Узбекистана.....	72
Эльвира БИКЕЕВА, Малика САПАРМУХАМЕТОВА. Технологии возобновляемых источников энергии: мировые тенденции и актуальные вопросы их утилизации.....	83
Xusanjon BAKIROV. Yashil iqtisodiyotga o'tishda yashil taksonomiyalarning ahamiyati va xorij tajribasi tahlili.....	92
Abdulatifxon ANVARXONOV, Raxmatullo AYUBOV. O'zbekiston iqtisodiyotida sektorlar rivojlanishining ahamiyati va ularning iqtisodiy o'sishdagi rolining tahlili.....	103

Дилора АБДУХАЛИКОВА. Ночор корхоналарнинг ҳолатини молиявий баҳолаш моделлари.....	113
--	-----

Ijtimoiy masalalar, fan, ta'lim va kambag'allikni qisqartirish /

Социальные вопросы, наука образование и сокращение бедности /

Social issues, science, education and poverty reduction

Тоштемир БЕРДИЕВ. Аҳоли молиявий саводхонлигини оширишнинг банк тизими ривожланишидаги ўрни.....	123
Umidjon NURMATOV. Health insurance and health status. Does having private health insurance lead to better self-report on health?.....	131
Nasimjon ALIMOV. Mulkchilik munosabatlari tizimida ijtimoiy-iqtisodiy adolat masalalari.....	144
Bobur QORABOYEV, Islamjan XUDAYBERDIYEV. O'zbekistonda bukmekerlik faoliyatini soliqqa tortishni barqaror rivojlanish maqsadlari asosida takomillashtirish.....	156

Qishloq xo'jaligi, yer va suv resurslaridan samarali foydalanish/

Сельское хозяйство, эффективное использование земельных и водных ресурсов/

Agriculture, effective use of land and water resources

Фаррух ДЖУРАЕВ, Абдукаххор ОРИПОВ. Эквивалентный обмен в агропромышленном комплексе зарубежных стран: проблемы и перспективы развития.....	165
--	-----

**Makroiqtisodiyot, prognozashtirish va tahlil / Макроэкономика, прогнозирование и анализ /
Macroeconomics, forecasting and analysis**

УЎК: 336.226 (575.1)

Azizbek RAKHMONOV,
PhD (in Economics),
Head of "International economics" department
KIMYO international university in Tashkent,
E-mail: azizrakhmonov1913@gmail.com

THE EFFECTS OF TAX REFORMS ON UZBEKISTAN'S ECONOMY

Abstract: *this article examines the impact of reforms implemented in Uzbekistan during 2017–2024 on key macroeconomic indicators. The analysis shows that tax reforms helped align the tax burden with its growth-maximizing optimal level, approximately 19.96% of GDP. Based on the research findings, the main recommendations include reducing and maintaining the tax burden at its optimal level, broadening the tax base, and developing digital tax administration to ensure sustainable and inclusive economic growth.*

Keywords: *Uzbekistan, tax reforms, revenue mobilization, direct and indirect taxation, tax burden, economic growth, VAT, PIT, CIT, fiscal policy, income inequality.*

**Soliq islohotlarining
O'zbekiston iqtisodiyotiga ta'siri**

Azizbek Raxmonov,
PhD (iqtisodiyot fanlari bo'yicha),
Toshkent Kimyo xalqaro universiteti
"Xalqaro iqtisodiyot" kafedrasini mudiri

Annotatsiya: *ushbu maqolada O'zbekistonda 2017–2024-yillarda amalga oshirilgan islohotlarning asosiy makroiqtisodiy ko'rsatkichlarga ta'siri o'rganilgan. Amalga oshirilgan tahlillar soliqlik islohotlari soliqlik yukini uning iqtisodiy o'sishning maksimalashtiruvchi optimal darajasi, ya'ni YAIMning 19,96%iga yaqinlashtirishga*

erishilganligini ko'rsatadi. Tadqiqot natijalari asosida shakllantirilgan asosiy tavsiyalar bo'lib soliqlik yukini uning optimal darajasiga tushirish va saqlash, soliqlik bazasini kengaytirish va raqamli soliqlik boshqaruvini rivojlantirish orqali barqaror va inklyuziv iqtisodiy o'sishni ta'minlash hisoblanadi.

Kalit so'zlar: *O'zbekiston, soliqlik islohotlari, daromadlarni safarbar etish, bevosita va bilvosita soliqlar, soliqlik yuki, iqtisodiy o'sish, QQS, JShDS, foyda solig'i, fiskal siyosat, daromadlar tengsizligi.*

**Влияние налоговых реформ на экономику
Узбекистана**

Азизбек Рахмонов,
PhD (по экономическим наукам),
заведующий кафедрой «Международная экономика» Ташкентского международного университета Кимё

Аннотация: *в данной статье изучается влияние реформ, проведённых в Узбекистане в 2017–2024 годах, на основные макроэкономические показатели. Проведённый анализ показывает, что налоговые реформы позволили приблизить налоговую нагрузку к её оптимальному уровню, максимизирующему экономический рост, то есть к 19,96% ВВП. На основе результатов исследования основные рекомендации включают снижение и поддержание налоговой*

нагрузки на оптимальном уровне, расширение налоговой базы и развитие цифрового налогового администрирования для обеспечения устойчивого и инклюзивного экономического роста.

Ключевые слова: *Узбекистан, налоговые реформы, мобилизация доходов, прямое и косвенное налогообложение, налоговая нагрузка, экономический рост, НДС, НДФЛ, налог на прибыль, фискальная политика, неравенство доходов.*

Introduction

Fiscal reforms are widely recognized as one of the most powerful macro-institutional levers for accelerating growth trajectories in post-transition economies. Uzbekistan represents a distinctive case where fiscal reforms were embedded not as incremental corrections but as part of a systemic modernization agenda launched in 2017 to liberalize prices, reduce administrative distortions, and align domestic regulation with international market standards. Since then, the reform trajectory has included tax base harmonization, VAT restructuring, reduction of corporate income taxation, gradual digitalization of public finance, and the introduction of medium-term expenditure frameworks.

Unlike reform episodes in other transition economies that often focus on narrow consolidation or sectoral adjustments, Uzbekistan's reform agenda has been multi-dimensional: (i) shifting from a predominantly revenue-extraction tax system towards a growth-friendly design, (ii) enhancing public spending efficiency through program budgeting, transparency and digital tools, and (iii) aligning the fiscal architecture with global standards to reduce risk premia and enhance investment inflow. These reforms are intended not just to stabilize but to structurally transform the economy.

Early post-reform dynamics suggest that the fiscal package has been growth-congruent rather than growth-neutral. Real GDP growth averaged 5.7 percent in 2022 despite global shocks [7],

while tax collection increased without raising headline rates: consolidated budget revenues rose from 25.0% of GDP in 2018 to 27.4% in 2022 [17], implying that compliance and base-broadening effects dominated rate cuts. Parallely, FDI inflows almost doubled between 2017 and 2021 [22], indicating that fiscal credibility interacted positively with capital-market signaling.

International institutions acknowledge that a non-trivial share of these macroeconomic outcomes is attributable to fiscal reforms, specifically VAT modernization, rationalization of tax expenditures, and improved administration [7, 18]. Domestic empirical studies further observe that growth effects are conditional rather than automatic: they depend on the persistence of institutional modernization, the elasticity of private investment to tax restructuring, and the evolution of the informal sector. Given the scale and breadth of Uzbekistan's reforms, the country offers a valuable empirical case to explore whether fiscal reform in a late-transition economy serves primarily as a stabilising mechanism or as a sustained engine for growth. This article contributes by systematically analysing the growth impact of Uzbekistan's recent fiscal reforms, situating country-specific evidence within the broader global literature, and unpacking the transmission channels, compliance behaviour, investment incentive effects, and productivity responses, through which fiscal restructuring influences growth and sustainability.

Literature review

Theoretical background

The theoretical literature identifies multiple channels through which fiscal policy and fiscal reforms affect economic growth. Early contributions emphasize aggregate demand and supply channels: public expenditures directly affect demand in the short run and productive public investment raises potential output in the medium run [3,13]. Work on fiscal adjustments stresses that the composition of consolidation (spending cuts vs. tax increases), credibility, and sequencing determine growth outcomes: credible, well-designed consolidations that protect growth-

enhancing spending may raise private investment by lowering risk premia [1,2,3]. Blanchard and Perotti (2002) and related structural-VAR literature provide empirical identification strategies demonstrating that tax shocks and spending shocks have distinct dynamic effects on output and investment. Complementary theoretical work highlights the role of institutions and enforcement capacity, as in optimal tax literature and public-finance models, so that reforms improving administration or reducing evasion can expand revenue with smaller distortions than headline rate hikes [10].

Selected theoretical sources that structure the hypotheses tested in empirical studies include Alesina and Ardagna (1998), Alesina et al. (2002), Blanchard and Perotti (2002), Barro (1990), Romer (1994), Tanzi and Zee (2001), and Keen (2010). These works jointly suggest that (i) composition and sequencing matter; (ii) revenue gains from administrative reforms are qualitatively different from gains from statutory rate increases; and (iii) institutional credibility modifies private-sector responses to fiscal tightening or expansion.

Empirical international evidence

Empirical cross-country and micro-level evidence paints a nuanced picture. Several influential studies find that fiscal consolidations have often been contractionary in the short run, unless accompanied by institutional reforms and credible commitment mechanisms [6, 12]. Guajardo et al. (2014), using a new dataset and event-study identification, find generally negative short-run effects of consolidations on GDP, while other research [1] documented cases of expansionary fiscal adjustments under particular conditions – highlighting heterogeneity across episodes.

On the revenue side, micro-evidence indicates that VAT and administrative reforms can substantially improve compliance and raise revenue with limited adverse demand effects. Pomeranz's field experiments in Chile show that information and third-party reporting greatly reduce VAT evasion [11]. Cross-country analyses

[10,12] emphasize that the design of VAT systems, invoicing, and third-party information flows are critical determinants of effectiveness. Studies by international organizations stress that sequencing, modernizing administration before large base-broadening or rate hikes, preserves taxpayer legitimacy and compliance [9,12].

Representative empirical contributions include Guajardo, Leigh, and Pescatori (2014), Blanchard and Perotti (2002), Pomeranz (2015), Keen (2010), Égert (2017) on structural reform quantification, OECD (2012) on consolidation design, and World Bank/IMF evaluation pieces [9, 12]. Collectively these studies imply three empirically robust lessons: (1) composition matters (investment-protecting consolidations are less harmful), (2) administrative modernization can expand revenue with milder growth costs, and (3) credible sequencing and transparency mitigate negative short-run effects.

Uzbekistan-specific empirical and practical studies

A rapidly expanding body of Uzbekistan-specific diagnostics and academic work evaluates the country's recent fiscal transformation (post-2017). A study by documents that growth remained resilient as pandemic-era fiscal support was withdrawn and highlights the role of tax-administration upgrades and spending reprioritization in sustaining revenues and macro stability [7]. World Bank country publications provide detailed implementation evidence on digitalization, e-filing, VAT gap measurement, and taxpayer services, showing measurable improvements in registration, audit capacity, and analytical capability [17,18]

Several peer-reviewed and locally published studies assess the 2020 Tax Code changes and subsequent reforms. For example, policy analyses and regional journal articles document improvements in business-friendliness and simplification, while highlighting persistent problems such as discretionary exemptions, uneven effective tax burdens across sectors, and remaining compliance gaps [19]. UNCTAD and investment-

climate diagnostics indicate that regulatory reforms and clearer tax rules correlated with improved FDI inflows and investor perceptions, but governance and institutional capacity constraints limit the full growth payoff [14].

Empirical and implementation findings specific to Uzbekistan suggest four main points: (1) tax-administration modernization is yielding measurable operational gains [17, 9], (2) VAT gap analysis and e-invoicing rollout are narrowing compliance shortfalls [7], (3) discretionary tax expenditures remain a significant policy challenge limiting revenue potential (PwC Uzbekistan, 2022), and (4) the macroeconomic effects on growth depend on protecting public investment and social spending during any fiscal consolidation [7, 18]. These findings align with international experience showing that administration and composition are critical for growth-friendly fiscal adjustment.

Methodology

This study is based on publicly available documents and official statistics. First, we collected macroeconomic and fiscal data from the Agency of Statistics of Uzbekistan, the Ministry of Economy and Finance, the IMF, and the World Bank. The key indicators used include GDP growth, fiscal balance, tax revenue to GDP ratio, and public investment. Second, we compared these indicators over time before and after major fiscal reforms, such as the 2020 Tax Code changes, VAT reforms, and the introduction of digital tax administration tools. This allowed us to see how economic indicators changed alongside these reforms.

Third, we used qualitative analysis to understand through which channels the reforms might have affected growth, for example, by improving tax collection, reducing uncertainty for businesses, or protecting investment spending. Finally, although this paper does not run its own regression or statistical model, it suggests that in future research, time-series models or difference-in-differences methods could be applied using the same data for more precise measurement of the effect of fiscal reforms on growth.

Analysis and discussion

Over the past several years, Uzbekistan has implemented a comprehensive package of fiscal and tax reforms aimed at modernizing the tax system, improving administration, and strengthening revenue mobilization while safeguarding growth. The reform program had several interconnected elements. First, a comprehensive modernization of the tax code, effective from January 2020 with subsequent amendments, sought to simplify tax rules, reduce compliance costs, and align statutory rates with policy objectives. Second, tax-administration modernization, which started with the introduction of automation, e-filing, VAT-gap analysis to enhanced taxpayer services. Third, post-pandemic fiscal consolidation and expenditure reprioritization (after 2021) focused on improving budget transparency and introducing medium-term fiscal frameworks. Collectively, these reforms aimed to increase budget revenue, shift reliance from indirect toward more direct taxation, improve collection efficiency, and protect growth-promoting public spending.

The effects of these reforms in short-term has reflected in the trajectory of total tax revenue, which demonstrates a marked increase, rising from 36,492.67 bln. UZS in 2015 to 274,422.70 bln. UZS in 2024. This growth reflects a combination of nominal economic expansion, base broadening, and improvements in collection efficiency, which together indicate that reforms were effective in mobilizing additional revenue. The tax burden, defined as total tax revenue relative to GDP, increased from approximately 16.5% in 2015 to a peak near 20.28% in 2022, before slightly declining to 18.87% in 2024. The rise through 2021–2022 corresponds to a period of intensified reform implementation, including digitalization and improved compliance measures, whereas the moderate decline in 2023–2024 suggests either faster GDP growth relative to revenue, policy adjustments such as rate changes or exemptions, or temporary fluctuations in collection (see Table 1).

Table 1.

Tax revenue and its composition in Uzbekistan

Year	Total tax revenue (in bln. uzs)	Tax burden (% of GDP)	Share of direct taxes (% of Total)	Share of indirect taxes (% of Total)
2015	36,492.67	16.49	24.11	52.60
2016	41,041.98	16.07	24.01	51.49
2017	49,683.25	13.94	23.22	52.60
2018	79,099.08	16.70	19.52	52.19
2019	112,165.38	18.86	28.24	41.39
2020	132,938.04	19.90	34.01	34.92
2021	164,799.40	20.08	28.43	34.16
2022	201,863.80	20.28	31.93	35.37
2023	231,720.70	19.24	31.55	35.96
2024	274,422.70	18.87	33.10	32.19

Source: Formulated and calculated by author (Source: URL: <https://openbudget.uz>)

The composition of tax revenues shifted notably over this period. The share of direct taxes in total revenue increased from roughly 24% in 2015 to approximately 33% in 2024, whereas the share of indirect taxes fell from 52–53% in 2015–2018 to 32–36% in recent years. This structural shift reflects the effect of reforms that strengthened the collection of personal and corporate income taxes, broadened the direct tax base, and reduced distortive exemptions. Policy linkages indicate that these outcomes were likely driven by the combined effects of tax-code modernization, more effective CIT and PIT collection through audits and digital reporting, and VAT reforms that simultaneously improved invoicing while allowing direct taxes to grow more rapidly. From an equity perspective, the reduction in reliance on indirect taxation, which is typically regressive and disproportionately burdens lower-income households, suggests a movement toward a somewhat more progressive tax structure. Increasing the relative weight of direct taxes can improve fiscal neutrality and the progressivity of the revenue system, as direct taxes more closely align with taxpayers' ability to pay. Nevertheless, this shift also introduces heightened sensitivity to corporate profit cycles and income fluctuations, emphasizing the need for continuous base-

broadening measures and robust compliance enforcement to ensure revenue stability and to prevent the regressive effects of temporary reliance on indirect taxes from reemerging.

The observed shift toward a higher share of direct taxes in total revenue is further illuminated by examining the performance of individual tax components. VAT collections experienced substantial absolute growth, rising from 10,850.94 million in 2015 to 59,280.10 million in 2024. This increase reflects both macroeconomic expansion and improvements in VAT administration, including e-invoicing and VAT-gap analysis, which strengthened compliance. Despite VAT's absolute growth, its share in total revenue declined relative to direct taxes because PIT and CIT collections expanded at a faster pace. PIT collections increased steadily from 3,800.71 bln. uzs in 2015 to 35,383.90 bln. uzs in 2024, driven by formal employment growth, higher wages, and improved payroll reporting. This expansion of the PIT base potentially enhances equity, although the precise distributional impact requires further household-level data. CIT collections showed the most pronounced rise, from 1,180.49 bln. uzs in 2015 to 52,619.70 bln. uzs in 2024, with notable volatility around 2019–2021 (see Fig. 1).

Overall, the individual trends in VAT, PIT, and CIT collections provide empirical support for the observed compositional shift toward direct taxes and its implications for the progressivity and stability of Uzbekistan's revenue system. While VAT remains a substantial source of revenue, the faster growth of PIT and CIT highlights the reform-induced movement toward a tax structure that better aligns with taxpayers' ability to pay and reduces reliance on regressive instruments.

The macroeconomic implications of these revenue and compositional changes are evident in Table 3. The tax burden increased from 16.49% of GDP in 2015 to a peak of 20.28% in 2022, reflecting the cumulative effects of reform-driven improvements in compliance and direct-tax collection. Despite this rise, GDP growth remained robust, reaching 8.03% in 2021 and 6.00% in 2022, suggesting that higher revenues did not impede economic expansion. Effective administration, base broadening, and careful policy design allowed fiscal consolidation to coexist with strong growth, demonstrating the growth-compatible nature of the reforms. FDI inflows, expressed as a share of GDP, increased from 1.21% in 2015 to 3.44% in 2019, aligning with rising tax burdens and signaling that tax-code clarity, reduced distortions, and stronger enforcement can enhance investor confidence. Post-2019 moderation of FDI to 2.47% by 2024 highlights the influence of external factors and sectoral conditions, which may limit the independent effect of tax policy.

However, rising revenue and structural improvements have not fully translated into equitable outcomes. The GINI coefficient increased from 0.274 in 2015 to 0.286 in 2024, indicating a modest rise in income inequality despite higher direct-tax collection. While reforms reduced reliance on regressive indirect taxes and improved PIT and CIT enforcement, these measures alone were insufficient to deliver distributional gains. This underscores the need for complementary social policies and targeted redistributive measures to ensure that fiscal gains are broadly shared.

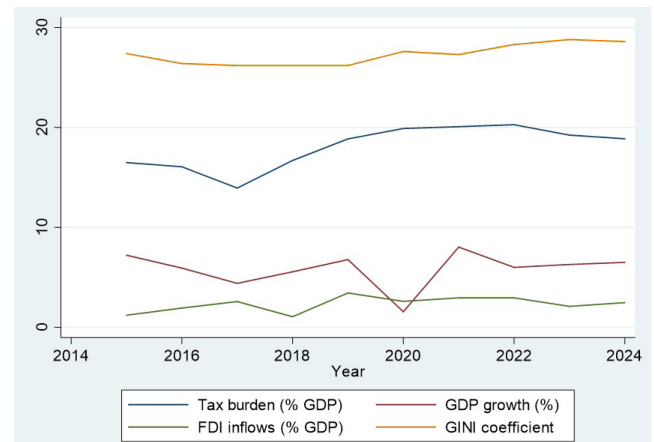

Fig. 1. Change in main macroeconomic indicators

In synthesis, Uzbekistan's tax reforms achieved significant revenue mobilization, shifted the composition of taxes toward direct instruments, and strengthened the administration of VAT, PIT, and CIT. These changes were compatible with sustained GDP growth, supported FDI inflows, and did not impede export performance. At the same time, the analysis highlights potential challenges: increased reliance on CIT introduces cyclical vulnerability, VAT gaps and exemptions persist, and distributional outcomes remain only partially addressed. The reforms demonstrate that structural improvements in tax policy and administration can expand fiscal space without undermining growth, but a comprehensive approach that integrates equity-focused measures is essential to ensure sustainable and inclusive outcomes.

A complementary dimension of this analysis concerns the optimization of the tax burden to maximize economic growth. Statistical estimations based on historical data for Uzbekistan (2000–2024) indicate that the growth-maximizing tax burden is approximately 19.96% of GDP. At this level, potential GDP growth reaches 7.31%, while GDP per capita growth attains 5.27%. These results are robust across specifications using either aggregate GDP or per capita growth as the dependent variable, with estimated optimal burdens of 19.96% and 19.95%, respectively.

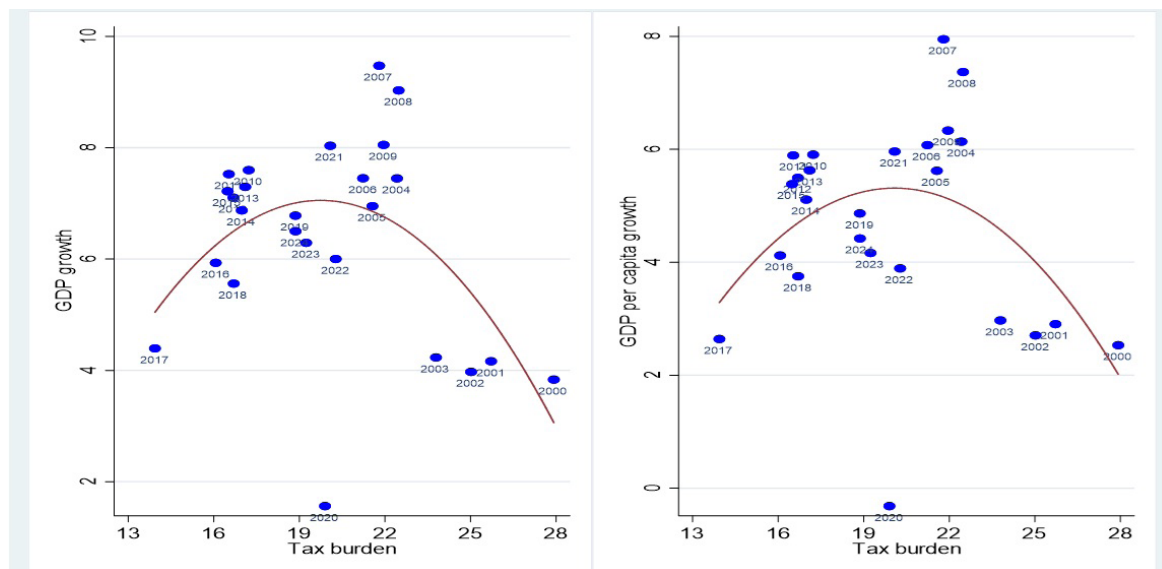

Fig. 2. Growth-maximizing optimal tax burden for Uzbekistan

The historical record shows that the actual average tax burden over the 25-year period was remarkably close to this optimal level (19.95%). Nonetheless, actual GDP growth (6.37%) and GDP per capita growth (4.70%) fell short of the potential values implied by the model, partly reflecting year-to-year volatility in both taxation and economic performance.

These findings emphasize that while Uzbekistan's reforms successfully increased fiscal capacity and improved compliance, careful attention to maintaining the tax burden near the growth-maximizing threshold is crucial. Deviations above or below this level may result in diminishing returns: excessively high burdens could dampen investment, corporate profits, and labor incentives, while too low burdens could constrain fiscal resources for productive public spending. Therefore, optimizing the tax burden not only ensures sustainable revenue mobilization but also maximizes growth potential, providing a critical policy benchmark for balancing efficiency, equity, and macroeconomic stability in the ongoing reform agenda.

Conclusion and policy recommendations

Uzbekistan's 2015–2024 tax reforms significantly modernized fiscal policy, strengthened revenue mobilization, improved compliance, and shifted the tax system toward greater progressivity.

Despite a higher tax burden, GDP growth, FDI inflows, exports, and household savings remained strong, confirming that the reforms were compatible with growth. However, rising income inequality shows that stronger revenue alone does not guarantee fairness. Econometric results identify an optimal tax burden of 19.96% of GDP, which maximizes growth. Although the actual burden has approached this level, economic volatility limited the realization of full growth potential.

Policy priorities include keeping the tax burden near the optimal level, broadening and stabilizing the tax base, reducing reliance on CIT, expanding PIT coverage, and limiting exemptions. VAT compliance should be enhanced through digital tools and VAT-gap analysis, while targeted social measures can reduce regressivity. Predictable, investment-friendly tax policy is essential for supporting FDI and innovation. Continued development of digital tax administration, automated reporting, data-driven audits, and analytics, is critical for increasing efficiency and reducing the tax gap. Monitoring reliance on large taxpayers and managing cyclical risks will help ensure fiscal sustainability. These measures will enable Uzbekistan to consolidate reforms, optimize revenues, and support sustainable, inclusive, and equitable economic growth.

References

1. Alesina, A., & Ardagna, S. (1998). Tales of fiscal adjustment. *Economic Policy*, 13(27), 489–545. <https://doi.org/10.1111/1468-0327.00032>
2. Alesina, A., Ardagna, S., Perotti, R., & Schiantarelli, F. (2002). Fiscal policy, profits, and investment. *American Economic Review*, 92(3), 571–589. <https://doi.org/10.1257/00028280260136255>
3. Barro, R. J. (1990). Government spending in a simple model of endogenous growth. *Journal of Political Economy*, 98(5, Part 1), S103–S125. <https://doi.org/10.1086/261726>
4. Blanchard, O., & Perotti, R. (2002). An empirical characterization of the dynamic effects of changes in government spending and taxes on output. *Quarterly Journal of Economics*, 117(1), 1329–1368. <https://doi.org/10.1162/003355302753650401>
5. Égert, B. (2017). The quantification of structural reforms in OECD countries. OECD Economics Department Working Papers. OECD Publishing. <https://www.oecd.org/economy/egert-structural-reforms.htm>
6. Guajardo, J., Leigh, D., & Pescatori, A. (2014). Expansionary austerity? International evidence. *Journal of the European Economic Association*, 12(4), 949–968. <https://doi.org/10.1111/jeea.12083>
7. International Monetary Fund. (2024). Republic of Uzbekistan: 2024 Article IV consultation—Press release and staff report. <https://www.imf.org/en/Publications/CR/Issues/2024/07/11/Republic-of-Uzbekistan-2024-Article-IV-Consultation-Press-Release-and-Staff-Report-551710>
8. International Monetary Fund. (2025). Republic of Uzbekistan—Staff concluding statement of the 2025 Article IV mission. <https://www.imf.org/en/News/Articles/2025/04/23/mcs-042325-uzbekistan-staff-concluding-statement-of-the-2025-article-iv-mission>
9. Junquera-Varela, R. F. (2019). Thinking strategically about revenue administration reform. World Bank Policy Note. World Bank. <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/xxxx>
10. Keen, M. (2010). The value-added tax: Its causes and consequences. *Journal of Development Economics*, 92(2), 138–151. <https://doi.org/10.1016/j.jdeveco.2009.03.008>
11. Pomeranz, D. (2015). No taxation without information: Deterrence and self-enforcement in the value added tax. *American Economic Review*, 105(8), 2539–2579. <https://doi.org/10.1257/aer.20130393>
12. Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD). (2012). Fiscal consolidation: How much, how fast and by what means? OECD Publishing. <https://doi.org/10.1787/9789264114218-en>
13. Romer, P. M. (1994). The origins of endogenous growth. *Journal of Economic Perspectives*, 8(1), 3–22. <https://doi.org/10.1257/jep.8.1.3>
14. UNCTAD. (2022). World Investment Report 2022. United Nations Conference on Trade and Development. https://unctad.org/system/files/official-document/wir2022_en.pdf
15. United States Department of State. (2024). 2024 investment climate statements: Uzbekistan. <https://www.state.gov/reports/2024-investment-climate-statements/uzbekistan/>
16. World Bank Independent Evaluation Group (IEG). (2017). Lessons from World Bank Group support for tax reform. World Bank. <https://ieg.worldbankgroup.org>
17. World Bank. (2021–2024). Uzbekistan: Tax Administration Reform Project (P173001) — Project appraisal documents and implementation status & results reports. The World Bank. <https://documents.worldbank.org/en/publication/documents-reports/documentdetail/542691624154434845>
18. World Bank. (2024). Uzbekistan country economic update 2024: Reform momentum and resilience. World Bank. <https://www.worldbank.org/en/country/uzbekistan/overview>
19. Ibodullayev, A. A. (2025). Tax reforms in Uzbekistan's tax system and their effectiveness. *Journal of Economics and Business*. <https://usajournals.org/index.php/4/article/download/262/288>

УЎК: 336.143:338.2.(575.1)

Нодира АБДУНАЗАРОВА,
кандидат экономических наук,
главный специалист Института
макроэкономических и региональных исследований,
E-mail: n.abdunazarova@imrs.uz,
Зиёдулла МУХИТДИНОВ,
руководитель проекта Института
макроэкономических и региональных исследований,
E-mail: z.muxitdinov@imrs.uz

РОЛЬ ЦИКЛИЧЕСКИ СКОРРЕКТИРОВАННОГО БАЛАНСА БЮДЖЕТА В ОБЕСПЕЧЕНИИ МАКРОЭКОНОМИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ УЗБЕКИСТАНА

Аннотация: эффективность фискальной политики республики зависит от адекватности мер по сбалансированности доходов и расходов бюджета без влияния циклических колебаний экономики. Вследствие этого, анализ циклически скорректированного баланса бюджета способствует пониманию характера фискальной политики Узбекистана. Однако, расчет данного показателя сопряжен с рядом методологических проблем, в том числе вызванного трудностями оценки потенциального ВВП. В данной статье фискальная политика Узбекистана изучается с помощью оценки циклически скорректированного баланса на основе агрегированного метода. Полученные результаты свидетельствуют о тенденции к контрциклическости фискальной политики в последние годы.

Ключевые слова: циклически скорректированный баланс, контрциклическая фискальная политика, проциклическая фискальная политика, стабильность, эффективность, Узбекистан.

**O'zbekistonning makroiqtisodiy barqarorligini
ta'minlashda siklik tuzatilgan budjet
balansining roli**

Nodira Abdunazarova,
iqtisodiyot fanlari nomzodi,
Makroiqtisodiy va hududiy tadqiqotlar instituti
bosh mutaxassisi,
Ziyodulla Muxitdinov,
Makroiqtisodiy va hududiy tadqiqotlar instituti
loyiha rahbari

Annotatsiya: respublikada fiskal siyosatning samaradorligi ko'p jihatdan iqtisodiyotning siklik tebranishlari ta'siridan holi budjet daromadlari va xarajatlari muvozanatini ta'minlash bo'yicha choralarga bog'liq. Shu sababli, siklik tuzatilgan budjet balansini tahlil qilish O'zbekistonning fiskal siyosati xususiyatini tushunishga yordam beradi. Ammo, ushbu ko'rsatkichni hisoblash bir qator metodologik muammolar bilan bog'liq bo'lib, jumladan, potensial YaIMni baholashdagi uslubiy qiyinchiliklar bilan bog'liq. Ushbu maqolada O'zbekistonning fiskal siyosati agregatsiyalangan usul asosida siklik tuzatilgan budjet balansini baholash uslubi o'rganiladi. Olingan natijalar so'nggi yillarda fiskal siyosat kontrsiklik xususiyatga ega bo'lgan tendensiyaga egaligidan dalolat beradi.

Kalit so'zlar: siklik tuzatilgan balans,

kontrsiklik fiskal siyosat, protsiklik fiskal siyosat, barqarorlik, samaradorlik, defisit, profisit.

The role of the cyclically adjusted budget balance in maintaining macroeconomic stability in Uzbekistan

Nodira Abdunazarova,
PhD (in Economics),
chief specialist, Institute for macroeconomic and regional studies,
Ziyodulla Muxitdinov,
head of project, Institute for macroeconomic and regional studies

Abstract: *the effectiveness of fiscal policy in Uzbekistan largely depends on the adequacy of measures to balance budget revenues and expenditures, unaffected by cyclical economic fluctuations. Consequently, an analysis of the cyclically adjusted budget balance contributes to understanding the nature of Uzbekistan's fiscal policy. However, computing this indicator is associated with several methodological challenges, including estimation of potential GDP. This article examines Uzbekistan's fiscal policy by estimating the cyclically adjusted balance using an aggregated method. The findings indicate a trend towards a counter-cyclical fiscal policy in recent years.*

Keywords: *cyclically adjusted balance, counter-cyclical fiscal policy, pro-cyclical fiscal policy, stability, effectiveness, Uzbekistan.*

Введение

Одной из основных целей бюджетно-налоговой политики республики является уменьшение негативных последствий циклических колебаний и поддержание макроэкономической стабильности. Важна контрцикличность мер, когда в периоды рецессии правительство, снижает налоговые ставки и увеличивает расходы, тогда как в периоды подъёма оно повышает налоги и сокращает расходы. В результате возникает необходимость расчета циклически

скорректированного сальдо бюджета (CAB – cyclical adjusted balance), представляющий собой фискальный баланс за вычетом влияния экономического цикла.

В период с 2020 года по 2024 год государственный бюджет Узбекистана исполнялся с годовым дефицитом. Однако при оценке эффективности фискальной политики и рисках макроэкономической стабильности, необходимо понимать на какой фазе цикла находится экономика республики и каковы мировые тенденции развития.

Использование показателя общего фискального баланса при оценке состояния бюджета может дать не совсем верные выводы, особенно для стран богатых природными ресурсами как Узбекистан. Например, повышение мировых цен на сырьевые ресурсы может привести профициту бюджета и побудить власти увеличить расходы. Фискальное расширение в периоды экономического бума, когда объём производства уже превышает потенциальный уровень, приводит к снижению эффективности. Однако, когда в среднесрочной перспективе цены на сырьевые ресурсы вернуться к своему тренду, реакцией властей станет сокращение государственных расходов, что сузит совокупный спрос и, таким образом, окажет отрицательное влияние на экономические показатели.

Цель данной статьи оценить циклически скорректированный баланс бюджета для Узбекистана, который позволит определить эффективность налогово-бюджетной политики исходя из циклических экономических колебаний и соответствующих действий фискальных властей. В дальнейшем полученные результаты позволят принимать более обоснованные решения налогово-бюджетной политики, нацеленной на поддержание стабильности и устойчивого роста.

Методология

Циклически скорректированный фискальный баланс отражает фискальную позицию государства, если бы ВВП находился на потенциальном уровне, т.е. выпуске при максималь-

ной занятости и постоянном уровне инфляции. Таким образом, для проведения контрциклической политики фискальные органы должны корректировать государственные расходы не в соответствии с изменениями фактического ВВП, а в соответствии с изменениями потенциального выпуска.

Существует несколько методов расчета циклически скорректированного баланса бюджета, поскольку соответствующая корректировка должна учитывать ряд специфических для страны факторов, включая доступность данных, фискальный режим и экономическую структуру страны. На практике различают агрегированный подход, дезагрегированный подход, а также методы, учитывающие изменение цен на активы и на сырьевые товары [1-3].

Исходя из рекомендаций международных организаций, а также с учетом располагаемых статданных в данном исследовании расчет циклического скорректированного баланса (CAB) осуществлен на основе агрегированного подхода, т.е. подсчета баланса с учетом циклического компонента [1-2].

Согласно агрегированному подходу, циклический компонент бюджетного баланса, «СС», сначала оценивается, а затем вычитается из номинального бюджетного баланса (BB) для получения CAB, так что:

$$CAB = BB - CC \quad (1)$$

где все переменные выражены в процентах от ВВП.

Один из способов получить показатель циклически скорректированный баланс бюджета CAB – это вычислить его как разницу между циклически скорректированной выручкой (R^{CA}) и циклически скорректированных расходов (G^{CA}):

$$CAB = R^{CA} - G^{CA} \quad (2)$$

Циклически скорректированные доходы можно рассчитать, изменив фактические показатели выручки, чтобы учесть влияние разницы между потенциальным и фактическим объемом производства, где эластичность выручки определяет величину циклического влияния:

$$R^{CA} = r \left(\frac{Y^*}{Y} \right)^{\rho_{R,Y}} \quad (3)$$

где r – обозначает долю доходов в ВВП, $\frac{Y^*}{Y}$ обозначает разрыв выпуска, определяемый как отношение потенциального (Y^*) к фактическому ВВП (Y),

$\rho_{R,Y}$ – коэффициент эластичности общих доходов к разрыву выпуска.

С экономической точки зрения, при эластичности доходов выше единицы ($\rho_{R,Y} > 1$) каждое процентное увеличение разрыва выпуска приводит к изменению доходов более чем на один процент.

Аналогично, циклически скорректированные расходы рассчитываются как:

$$G^{CA} = g \left(\frac{Y^*}{Y} \right)^{\rho_{G,Y}} \quad (4)$$

где g обозначает долю расходов в ВВП,

$\rho_{G,Y}$ – коэффициент эластичности общих расходов к разрыву выпуска.

Исходя из вышеуказанных формул, методология исследования для расчета циклически скорректированного баланса состоит из трех этапов. Первый этап включает оценку потенциального выпуска и соответствующего разрыва выпуска. Второй этап – оценку эластичности расходов и доходов по разрыву выпуска. Третий этап состоит в расчете самого скорректированного баланса.

На первом этапе необходимо подсчитать потенциальный ВВП. Расчет осложняется тем, что это ненаблюдаемая переменная, но играющая важное значение для анализа и прогноза макроэкономических трендов и оценки эффективности проведения экономической политики.

Отклонение потенциального ВВП Узбекистана от своего фактического значения называется разрывом выпуска. Разрыв выпуска выступает индикатором дисбаланса между совокупным спросом и совокупным (потенциальным) предложением, а значит, индикатором наличия дез- или проинфляционного давления в экономике.

Если фактическое значение ВВП выше своего потенциального значения, отклонение выпуска становится положительным, это приводит к увеличению реальных предельных издержек и повышает инфляцию. Таким образом, положительный разрыв выпуска сигнализирует об необходимости ужесточения фискальной политики, а отрицательный – о ее смягчении.

В эмпирических исследованиях существует несколько методов расчета разрыва выпуска, однако в Узбекистане исследования по данной тематике достаточно ограничены. Для расчета потенциального выпуска был применен одномерный фильтр Ходрика-Прескота (НР) – это широко применяемый метод разложения временного ряда на трендовую и циклическую части. Одномерные фильтры просты в использовании и понимании их применения, однако

при их применении возникает проблема «конца выборки», когда результаты слишком чувствительны к крайним наблюдениям. Недостатком всех одномерных фильтров является также отсутствие теоретических обоснований получаемого результата [4].

Описание данных

В последние годы проводится фискальная политика, направленная на стимулирование экономики. В период с 2020 года по первую половину 2025 года консолидированный государственный бюджет (без учета расходов госпрограмм, финансируемых за счёт внешнего долга) исполнялся с годовым дефицитом. В квартальном разрезе бюджет был исполнен с профицитом в первом квартале 2020 года и в третьем квартале 2024 года.

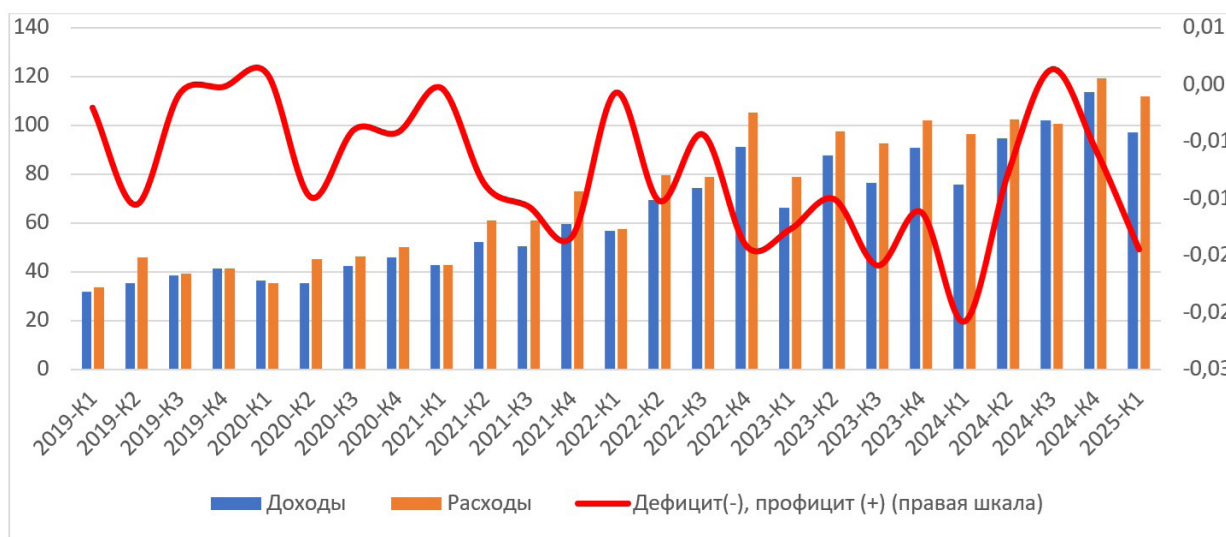

Рис. 1. Консолидированный государственный бюджет, трлн. сум

Источник: рассчитано на основе данных Министерства экономики и финансов РУз. (https://api.mf.uz/media/budget_activity_files/GGO_statistic_reports_5NGwFt9.pdf).

Рассмотрим динамику годовых темпов роста ВВП и дефицита бюджета по отношению к ВВП. Из рис. 2 видно, что дефицит бюджета к ВВП был достаточно волатильным в пределах от -2% до -4%. В 2020 году небольшое повышение дефицита бюджета сопровождалось снижением экономической активности из-за ограничений в связи с пандемией, а в 2021 году при

постепенном восстановлении экономики, дефицит бюджета продолжал расти. В 2023–2024 годах при стабильных темпах экономического роста, дефицит бюджета вырос, а затем сократился. Таким образом, сделать однозначный вывод о процикличности или контрцикличности фискальной политики без дополнительного анализа затруднительно.

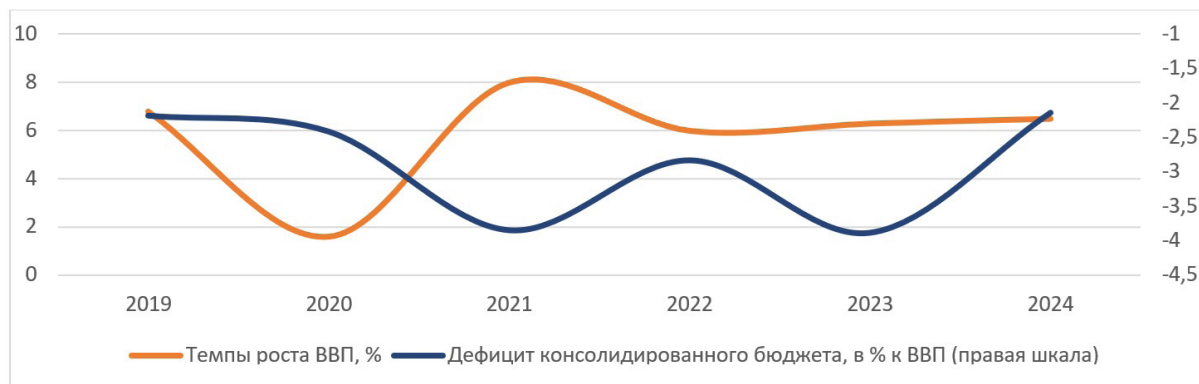

Рис. 2 Динамика изменения дефицита консолидированного бюджета и темпов прироста ВВП

Источник: рассчитано на основе данных Министерства экономики и финансов РУз (https://api.mf.uz/media/budget_activity_files/GGO_statistic_reports_5NGwFt9.pdf) и Нацкомитета РУз по статистике (<https://stat.uz/ru/ofitsialnaya-statistika/national-accounts>).

Доля косвенных и прямых налогов в структуре доходов государственного бюджета на рис. 3 составляет более 65% в квартальном разрезе. На структуру доходов влияют сезонные процессы. В частности, в анализируемом периоде наблюдается резкий рост доли прочих доходов в третьем и четвертом кварталах года. Это объясняется, главным образом, тем, что в этот интервал времени осуществлялись выплата дивидендов, начисленные по государственным активам.

Доходы государственного бюджета от налога на доходы физических лиц (НДФЛ) увеличиваются. В частности, в первом квартале 2020 года НДФЛ составил 35% прямых налогов, а к 2024 году данный показатель составил 39%. Доля налога с оборота остаётся относительно стабильной, в диапазоне 3–4%. За анализируемый период доля налога на прибыль снизилась с 61% до 58%.

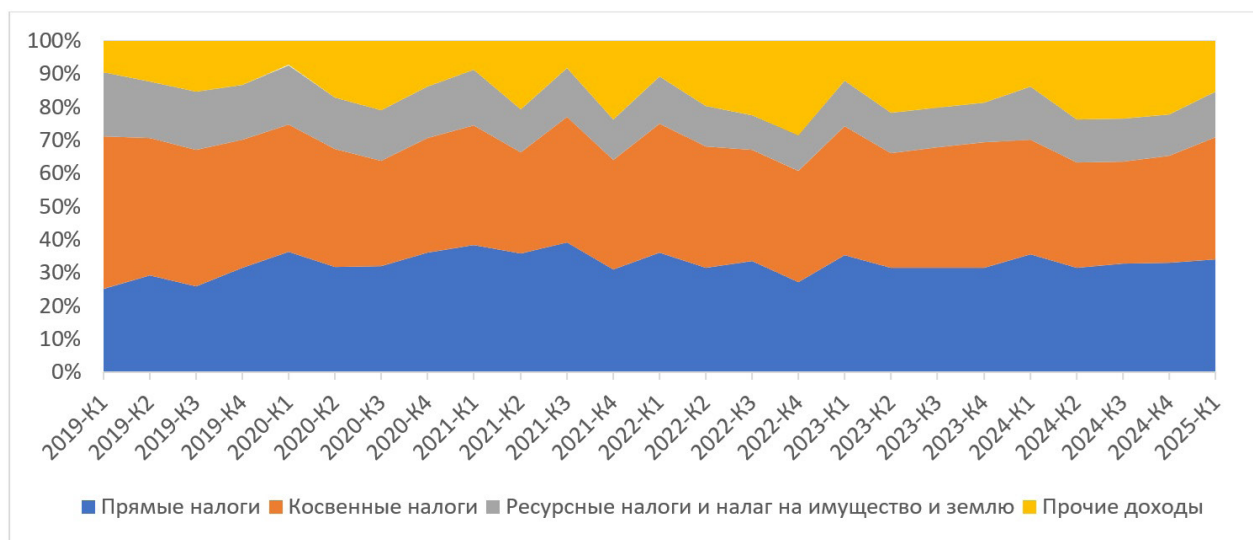

Рис. 3. Структура доходов государственного бюджета, в %

Источник: рассчитано на основе данных Министерства экономики и финансов РУз (https://api.mf.uz/media/budget_activity_files/GGO_statistic_reports_5NGwFt9.pdf).

Доля НДС в составе косвенных налогов остаётся высокой. Этот налог формирует в среднем 70% доходов от косвенных налогов. Акцизы составляют в среднем 22% косвенных налогов, таможенные пошлины – 9%.

Несмотря на то, что налог за пользование недрами остаётся важной частью структуры ресурсных платежей и налогов на имущество, в последние периоды наблюдается рост доли земельного и имущественного налогов. В первом квартале 2020 года налог за пользование

недрами сформировал 73,4% доходов данной группы, а к концу 2024 г. этот показатель составил 55,5%. За этот период доля земельного и имущественного налогов увеличилась с 24,8% до 39,0%.

Государственный бюджет сохраняет соблюдение принципов социальности в расходах (рис. 4). Доля социальных расходов в расходах государственного бюджета остается на уровне около 50%.

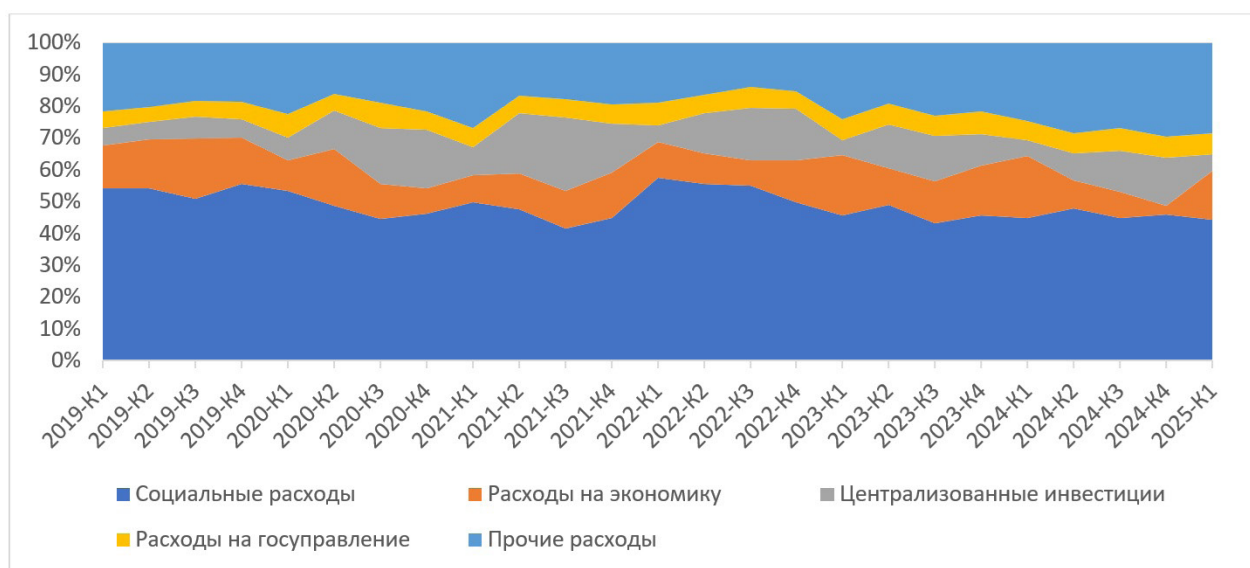

Рис. 4. Структура расходов государственного бюджета, в %

Источник: рассчитано на основе данных Министерства экономики и финансов РУз (https://api.mf.uz/media/budget_activity_files/GGO_statistic_reports_5NGwFt9.pdf).

В последние годы наблюдается снижение объёмов средств, выделяемых из государственного бюджета отраслям экономики, что объясняется уменьшением объёмов трансфертов, выделяемых предприятиям отрасли в результате реформы тарифов на энергоносители.

Обслуживание государственного долга и перечисления в Пенсионный фонд увеличивают расходы бюджета. Если в первом квартале 2020 года расходы на обслуживание государственного долга составляли 1% от общего объема расходов, то к концу 2024 года доля этих расходов была около 11%. Это объясня-

ется ростом внешних долговых обязательств и наступлением срока погашения основного долга по некоторым кредитам. Также недостающие расходы Пенсионного фонда покрывались из средств республиканского бюджета на сумму 11,2 трлн сумов в 2020 году и до 16,2 трлн сумов в 2024 году, что обуславливается ростом доли этих расходов.

Расчет циклически скорректированного баланса на примере Узбекистана. Статданные по годовым доходам и расходам бюджета Узбекистана доступны с 2019 по 2024 годы. Для расчета потенциального ВВП, был ис-

пользован фактический ВВП в постоянных ценах. Из рис. 5 видно, что в пандемийный период и период начала 2022 года шоки стали причиной отрицательного отклонения ВВП от своего потенциального уровня в Узбекистане. Все это потребовало повышение расходов в здравоохранение и другие государственные программы для борьбы с заболеваемостью, стимулирования спроса и недопущения роста безработицы. После снятия карантинных ограничений в 2021 году наблюдался период

стабилизации и восстановления экономики. В период начала 2022 года вновь наблюдалось некоторое снижение разрыва выпуска в Узбекистане из-за региональных геополитических событий. В 2023 году в Узбекистане произошла адаптация спроса со стороны как бизнеса, так и населения к изменившимся условиям. В 2024 году после благоприятных для республики мировых цен на золото и повышения притока денежных переводов, разрыв выпуска стал положительным.

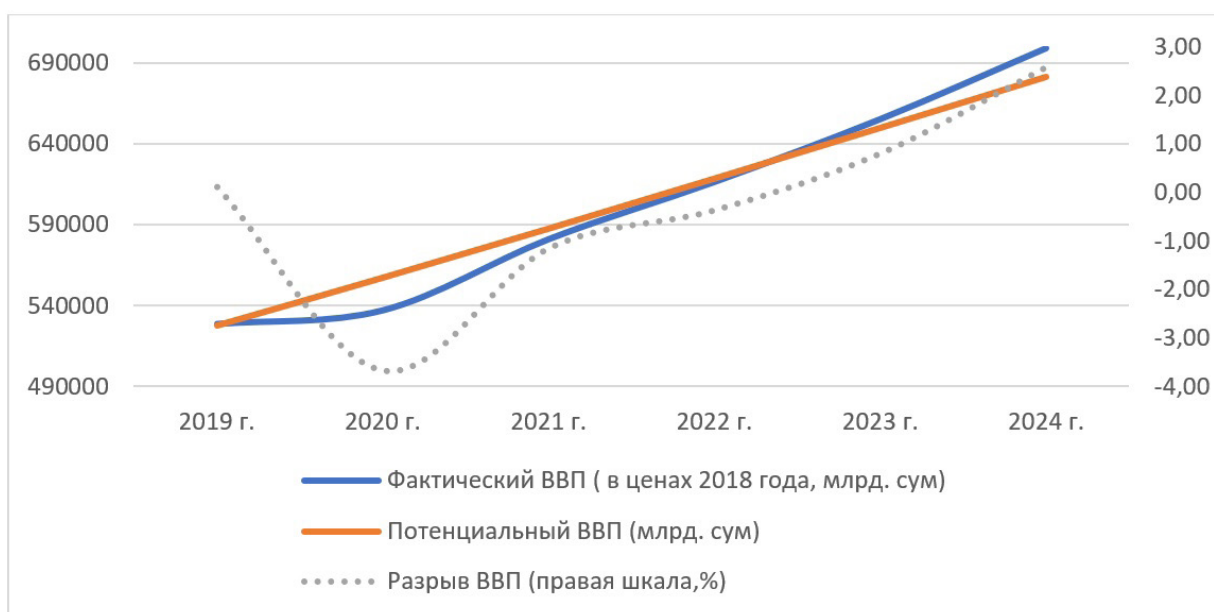

Рис. 5. Потенциальный и фактический ВВП, разрыв выпуска

Источник: рассчитано авторами на основе данных Нацкомитета РУз по статистике с помощью пакета программ Eviews.

На втором этапе для оценки эластичности расходов и доходов по разрыву выпуска были изучены рекомендации международных организаций, в частности МВФ и АБР. Как отмечено во многочисленных исследованиях МВФ, эластичность бюджетных доходов по разрыву ВВП равно примерно 1, а эластичность бюджетных расходов по разрыву ВВП примерно равно 0 или -0,1¹.

Азиатский Банк Развития провел исследование для Узбекистана и других 37 стран Азии

по оценке и получил аналогичные результаты оценки эластичности расходов и доходов по разрыву ВВП [5]. Касательно доходной части, расчёт эластичности для выборки из 38 стран-членов АБР, по которым имеются данные, даёт коэффициенты, представленные на рис. 2. Эластичность варьируется от 0,55 (в Папуа-Новой Гвинее) до 2,5 (в Казахстане) при среднем значении 1,6. У большинства стран, в том числе и у Узбекистана, эластичность общих доходов относительно близка к 1.

¹ IMF. Structural Fiscal Balances. <https://www.imf.org/external/np/fad/strfiscbal/>

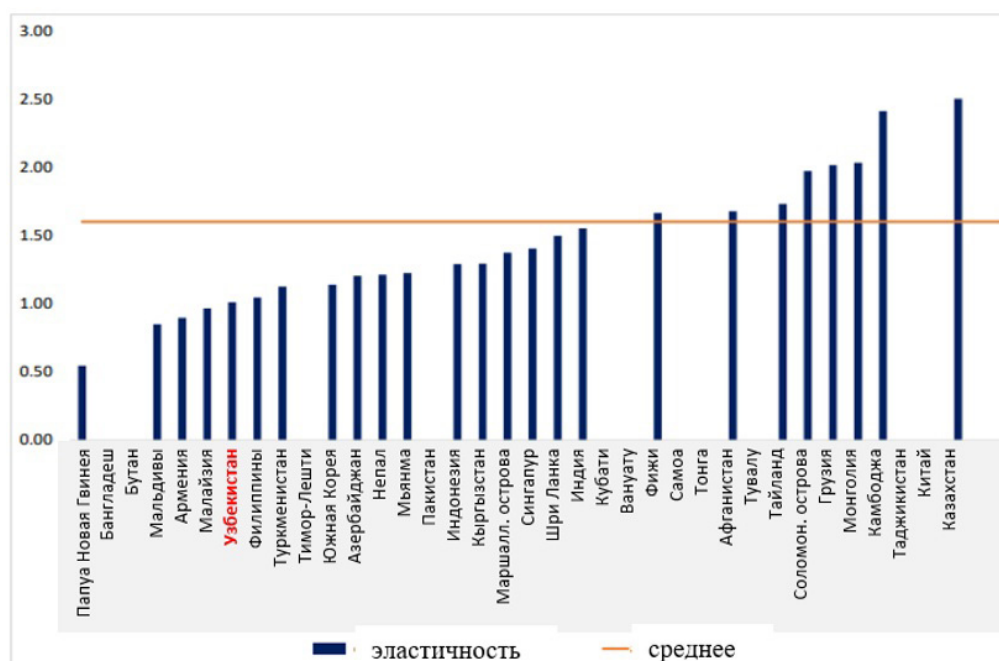

Рис. 6. Коэффициенты эластичности общих доходов к разрыву выпуска продукции в странах-членах Азиатского банка Развития (включая Узбекистан) *

Источник: данные АБР. * Оценка изменения реальных совокупных государственных доходов по сравнению с ростом реального ВВП методом наименьших квадратов (МНК). Рассматривались только экономики, для которых имелось не менее 15 наблюдений реальных совокупных государственных доходов. Экономики без столбцов обозначают незначимые оценки коэффициентов (заменены нулем).

Это означает, что каждое увеличение разрыва выпуска на 1 процент ведет к процентному изменению доходов, которое также равно 1.

На рис. 7 показаны результаты эмпирических результатов, из которых специалисты АБР делают вывод, для данной выборки экономик, в том числе и по Узбекистану. Согласно расчетам АБР в качестве отправной точки для исследований, принято значение эластичности бюджетных расходов равной 0. При допущении нулевой эластичности расходов циклически скорректированные расходы равны фактическим расходам. В этом случае экономический цикл не вызывает реакции в уровне расходов, и циклическая составляющая расходов равна нулю. Расходы часто рассматриваются как полностью дискреционные и, следовательно, независимые от экономического цикла.

Хотя это может быть разумным приближением в некоторых случаях. На практике некоторые статьи расходов (например, расходы на выплаты пособий по безработице) будут демонстрировать циклическую динамику.

**На рис. 7 показаны
результаты
эмпирических
результатов, из которых
специалисты АБР
делают вывод, для
данной выборки
экономик, в том числе
и по Узбекистану.**

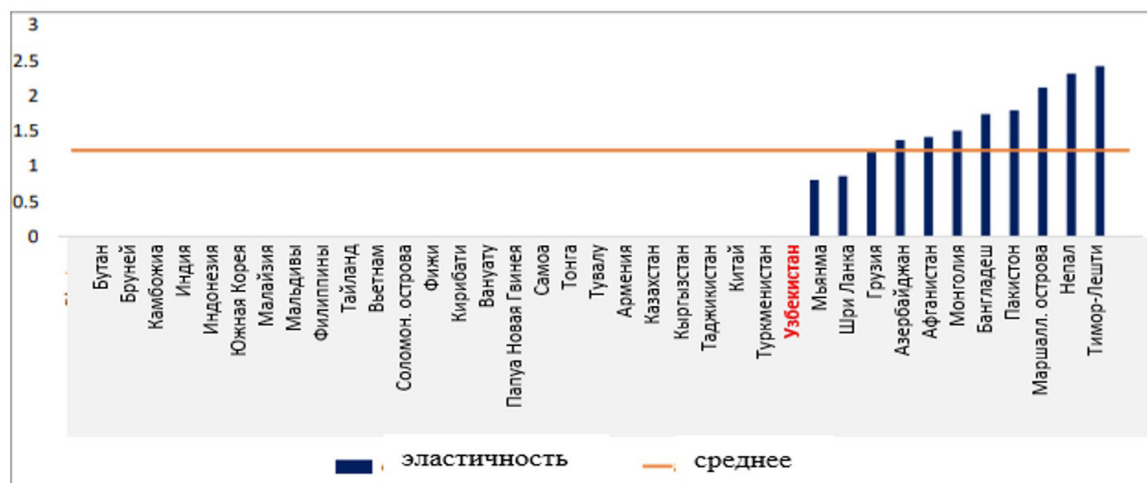

Рис. 7. Коэффициенты эластичности общих расходов к разрыву выпуска в странах-членах Азиатского банка Развития (включая Узбекистан)*

Источник: АБР. *Оценка изменения реальных общих расходов поступлений в зависимости от роста реального ВВП методом наименьших квадратов (OLS). Учитывались только страны, для которых было проведено не менее 15 наблюдений реальных общих государственных доходов. Экономике без столбцов, в том числе по Узбекистану обозначают незначимые оценки коэффициентов (заменены нулем).

С учетом собранной информации и предварительных расчетов на 3-м этапе был проведен расчет циклически скорректированного баланса согласно формуле (2) (рис. 8). Для обоснованности осуществленных расчетов также приведен скорректированный фискальный баланс по расчетам МВФ, опубликованные по Узбекистану в 2025 году, в рамках консультаций Статьи IV Устава МВФ [6].

Скорректированный фискальный баланс Узбекистана по расчетам МВФ за 2019-2024 годы, представляет собой бюджетные данные, скорректированные с учетом финансовых операций, таких как вливания капитала, кредитование целевых программ и поступления от приватизации до 2022 года². Вследствие этого, данный показатель может быть немного ниже, чем рассчитанный авторами (полученная разница составила около 1,5-2%).

Из рис. 8 видно, что скорректированный баланс в % к ВВП и по расчетам авторов данной статьи, и по расчетам МВФ имеет схожую динамику, а именно снижение в 2021 и 2023 годах, а также улучшение фискального баланса в 2022 и 2024 годах. Причем без учета циклических факторов, общий баланс в 2023-2024 годы должен быть немного ниже, что может свидетельствовать о благоприятной мировой и внутренней экономической ситуации.

Далее были сопоставлены изменения в циклически скорректированном балансе с разрывом выпуска предыдущих периодов для оценки цикличности фискальной политики.

2 International Monetary Fund. Middle East and Central Asia Dept. "Republic of Uzbekistan: 2025 Article IV Consultation-Press Release; and Staff Report", IMF Staff Country Reports 2025, 143 (2025), accessed October 9, 2025, <https://doi.org/10.5089/9798229014755.002>

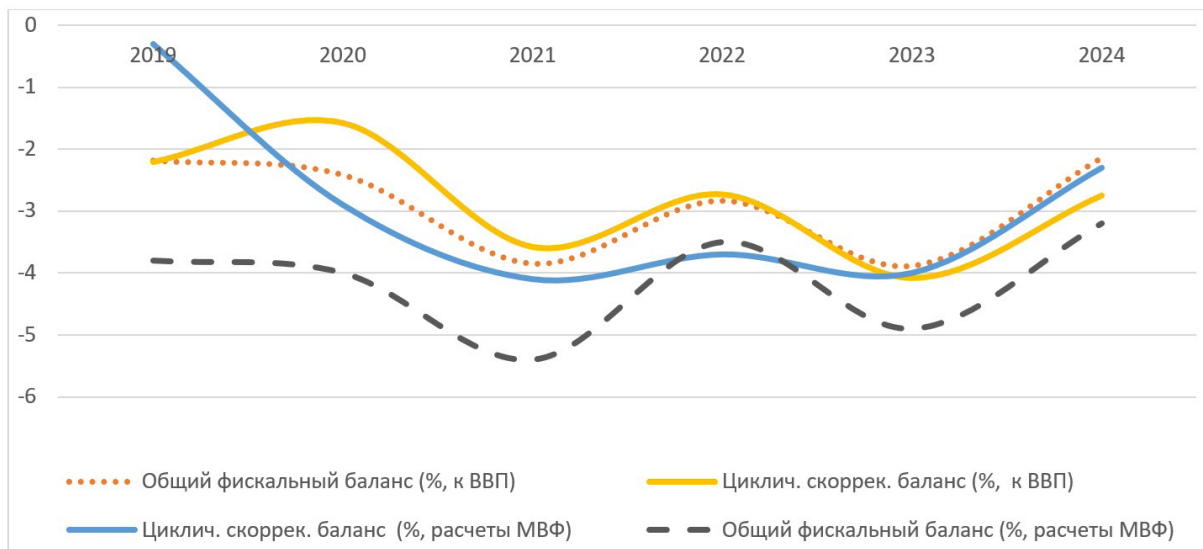

Рис. 8. Циклически скорректированный баланс бюджета Узбекистана

Источник: рассчитано авторами на основе данных Нацкомитета РУз по статистике и Министерства экономики и финансов РУз (https://api.mf.uz/media/budget_activity_files/GGO_statistic_reports_5NGwFi9.pdf), а также МВФ.

Из рис. 9-10 можно заключить, что результаты расчета по обоим методам показывают схожие результаты, с разницей в 2020 году. Так, расчеты данного исследования показывают, что в 2020 году снижались расходы бюджета и этому предшествовало почти нулевое отклонение от потенциального ВВП в 2019 году. В 2021 году,

проводилась контрциклическая фискальная политика которой предшествовал кризис пандемии COVID и отрицательный разрыв выпуска в 2020 году. Бюджетные расходы стали увеличиваться, что привело к усугублению фискального дефицита.

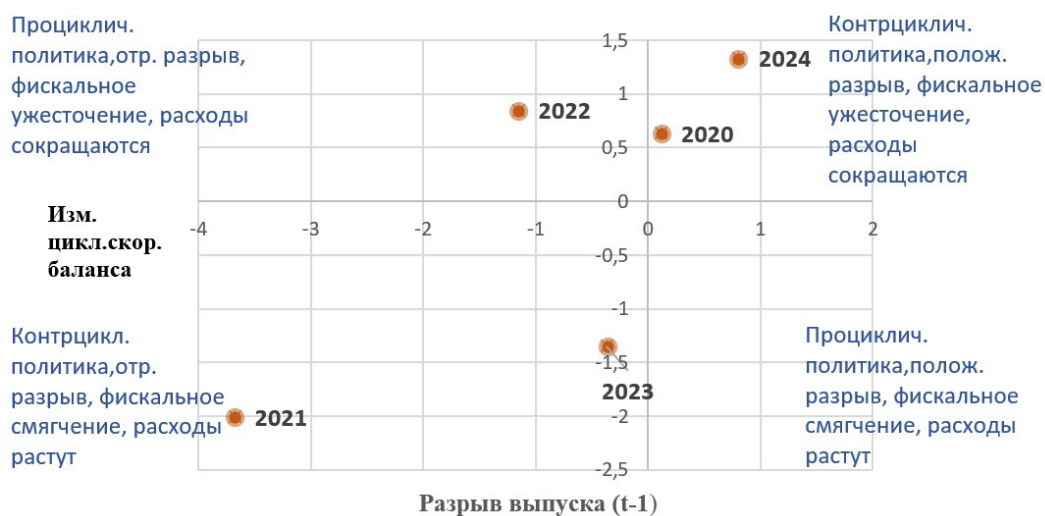

Рис. 9. Изменение циклически скорректированного баланса и разрыва ВВП Узбекистана по основе агрегированного метода

Источник: рассчитано авторами.

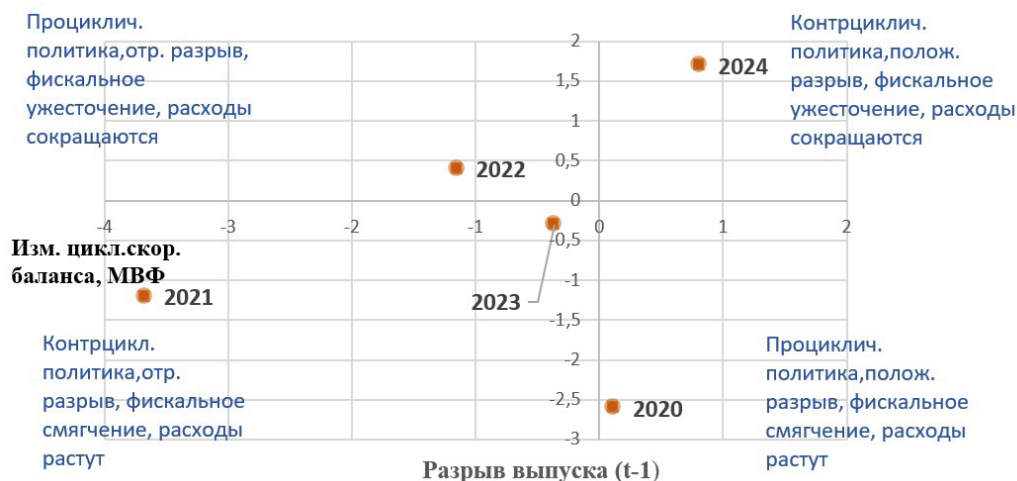

Рис. 10. Изменение циклически скорректированного баланса и разрыва ВВП Узбекистана по расчетам МВФ

Источник: рассчитано авторами на основе данных МВФ.

В 2023 году проводилась в большей степени контрциклическая политика. В 2024 году, которому предшествовала благоприятная внешняя и внутренняя конъюнктура 2023 года, наблюдалась контрциклическая политика и сокращение бюджетных расходов при положительном разрыве ВВП.

Выводы

Несмотря на имеющиеся недостатки и проблемы, циклически скорректированный баланс продолжает оставаться одним из основных индикаторов для анализа фискальной политики. В частности, это важная концепция позволяет отделить влияние дискреционной фискальной политики от влияния экономической среды, оценивать фискальные импульсы, а также анализировать является ли фискальная политика устойчивой в долгосрочной перспективе.

На основе полученных результатов оценки циклически скорректированного баланса можно предположить, что в настоящее время проводится контрциклическая фискальная политика. В данный период развития ожидается снижение нагрузки государственного долга на государственный бюджет, что может положительно сказаться на общей экономической сбалансированности. Сохранение объема дефицита бюджета

на уровне не превышающей 3% ВВП также будет способствовать обеспечению государственного долга на приемлемом уровне.

Укрепление национальной валюты позволит в краткосрочном периоде сократить расходы по обслуживанию внешнего долга, что также положительно скажется на сбалансированности государственного бюджета.

Между тем, для сохранения положительных экономических тенденций необходимо продолжить реформу в сфере государственных финансов. В частности, стоит актуальным вопросом пенсионной реформы. В настоящее время расходы пенсионного фонда покрываются за счет средств республиканского бюджета. В период экономического роста целесообразно провести глубокую реформу пенсионной системы для обеспечения долгосрочной её сбалансированности.

Проведенный анализ показывает, что внедрение практики оценки циклически скорректированного баланса позволит выявлять циклы экономического роста и разработать наиболее эффективные меры фискальной политики для обеспечения сбалансированного макроэкономического роста и обеспечения долгосрочной макроэкономической стабильности.

Источники и литература

1. Hagemann R. *The Structural Budget Balance: The IMF's Methodology: Working Papers of the International Monetary Fund*. WP/99/95. 19994
2. Bornhorst F., Dobrescu G., Fedelino A., Gottschalk J., Nakata, T. April 2011. *When and How to Adjust Beyond the Business Cycle? A Guide to Structural Fiscal Balances*. IMF Technical Notes and Manuals.
3. Ahmadov V., Sarkarli U., Rahmanov R. 2018. *Structural budget balances in oil-rich countries: The cases of Azerbaijan, Kazakhstan, and Russia*, Graduate Institute of International and Development Studies Working Paper, No. HEIDWP01-2018, Graduate Institute of International and Development Studies, Geneva
4. Абдуназарова Н. 2024. Эмпирический анализ макроэкономических трендов Узбекистана с помощью квартальной прогнозной модели (QPM). *Iqtisodiyot: tahlillar va prognozlar*. № 3 (27).
5. Jalles J. T. *Estimating Structural Budget Balances in Developing Asia* (April 4, 2024). Asian Development Bank Economics Working Paper Series No. 719.
6. International Monetary Fund. Middle East and Central Asia Dept. "Republic of Uzbekistan: 2025 Article IV Consultation-Press Release; and Staff Report", IMF Staff Country Reports 2025, 143 (2025).
7. Жакупова М, Ханетова А. 2023. Параметры фискальной политики Казахстана. Национальный банк Казахстана. *Working Papers* #2023-9.

Investitsiyalar, raqamli va innovatsion texnologiyalar /
Инвестиции, цифровые и инновационные технологии /
Investments, digital and innovative technologies

УЎК: 330.35(575.1)

Юлдуз АБДУГАНИЕВА,

*главный специалист Института макроэкономических
и региональных исследований,*

E-mail: y.abdiganiyeva@imrs.uz,

Турсун АХМЕДОВ,

*доктор экономических наук, профессор,
заместитель директора Института макроэкономических
и региональных исследований,*

E-mail: t.akhmedov@imrs.uz

**ЖЕНЩИНЫ В ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ:
СОКРАЩЕНИЕ ЦИФРОВОГО РАЗРЫВА КАК УСЛОВИЕ
ГЕНДЕРНОГО РАВЕНСТВА**

Аннотация: цифровая трансформация оказывает всё более значительное влияние на экономику, образование, здравоохранение и социальные процессы. Однако женщины по-прежнему сталкиваются с ограничениями в доступе к цифровым технологиям, участию в цифровой экономике и развитии цифровых навыков. В статье рассматривается понятие цифрового гендерного разрыва, его формы и последствия для достижения Цели устойчивого развития 5 (гендерное равенство). Анализируются международные и национальные инициативы, направленные на цифровую инклюзию женщин, а также предлагаются рекомендации по формированию более инклюзивной и устойчивой цифровой политики. Преодоление цифрового разрыва является ключевым фактором для расширения прав женщин и устойчивого развития.

Ключевые слова: цифровизация, гендерное равенство, цифровой разрыв, цифровая экономика, индикаторы, инклюзия, устойчивое развитие, ЦУР 5.

**Raqamli iqtisodiyotda ayollar:
gender tengligi sharti sifatida raqamli
tengsizlikni qisqartirish**

Yulduz Abduganieva,

*Makroiqtisodiy va hududiy tadqiqotlar instituti
bosh mutaxassisi,*

Tursun Ahmedov,

*uqtisodiyot fanlari doktori, professor,
Makroiqtisodiy va hududiy tadqiqotlar instituti
direktori o'rinbosari*

Annotatsiya: raqamli transformatsiya iqtisodiyot, ta'lim, sog'liqni saqlash va ijtimoiy jarayonlarga tobora katta ta'sir ko'rsatmoqda. Biroq, ayollar hali ham raqamli texnologiyalarga kirishda, raqamli iqtisodiyotda ishtirok etishda va raqamli ko'nikmalarni rivojlantirishda cheklovlariga duch kelmoqdalar. Ushbu maqolada raqamli gender tafovuti tushunchasi, uning shakllari va Barqaror rivojlanish maqsadlarining 5-maqsadiga (gender tengligi) erishishdagi oqibatlari ko'rib chiqiladi. Ayollarni raqamli inklyuziya

qilishga qaratilgan xalqaro va milliy tashabbuslar tahlil qilinadi hamda yanada inklyuziv va barqaror raqamli siyosatni shakllantirish bo'yicha tavsiyalar taklif etiladi. Raqamli tafovutni bartaraf etish ayollar huquqlarini kengaytirish va barqaror rivojlanish uchun muhim omildir.

Kalit so'zlar: *raqamlashtirish, gender tengligi, raqamli tafovut, raqamli iqtisodiyot, ko'rsatkichlar, inklyuziya, barqaror rivojlanish, BRM 5.*

Women in the digital economy: reducing the digital divide as a condition for gender equality

Yulduz Abduganiyeva,

chief specialist, Institute for macroeconomic and regional studies,

Tursun Akhmedov,

*DSc (in Economics), professor,
deputy director, Institute for macroeconomic and regional studies*

Abstract: *digital transformation is having an increasingly significant impact on the economy, education, healthcare, and social processes. However, women continue to face limitations in access to digital technologies, participation in the digital economy, and the development of digital skills. This article explores the concept of the digital gender gap, its forms, and its implications for achieving Sustainable Development Goal 5 (gender equality). It analyzes international and national initiatives aimed at promoting digital inclusion of women and offers recommendations for forming a more inclusive and sustainable digital policy. Bridging the digital gap is a key factor in empowering women and ensuring sustainable development.*

Keywords: *digitalization, gender equality, digital divide, digital economy, indicators, inclusion, sustainable development, SDG 5.*

Введение

Цифровая трансформация стала важнейшим фактором, влияющим на устойчивое развитие страны. Её влияние охватывает все

сферы жизни: от экономики и образования до здравоохранения и социальных коммуникаций. Несмотря на значительные достижения в цифровизации экономики и социальной сферы доступ к цифровым ресурсам остаётся неравномерным, что усиливает существующие социальные и гендерные различия по отраслям, территориям и социальным направлениям. В цифровизации женщины продолжают сталкиваться с ограничениями в доступе к технологиям, обучении цифровым навыкам и участии в цифровом секторе. В стратегии «Узбекистан–2030» цифровизация определена как важнейший индикатор эффективности намеченных целей [1].

Понятие *цифрового гендерного разрыва* – это различие между мужчинами и женщинами в возможностях доступа к цифровым технологиям, уровне цифровой грамотности и участии в цифровой экономике. Он проявляется в ограниченном доступе к интернету, дефиците цифровых навыков и низком представительстве женщин в ИКТ-сфере и цифровом предпринимательстве. Согласно данным ООН, женщины в Узбекистане демонстрируют в среднем на 24% более низкий уровень цифровых навыков, чем мужчины. При этом интернет-проникновение среди женщин в 2025 году достигло 93,1%, что говорит о положительной динамике. Тем не менее, цифровой разрыв остаётся ощутимым среди женщин старшего возраста, с низким уровнем образования и дохода [1].

Обзор литературы

Современные исследования подтверждают сохраняющийся характер цифрового гендерного разрыва, особенно в странах с низким и средним уровнем дохода (UN Women, 2022; ITU, 2023). Анализ международных источников показывает, что женщины менее представлены в цифровом секторе и имеют ограниченный доступ к технологиям. Как было отмечено, в Узбекистане уровень цифрового образования среди женщин на 24 % ниже, чем среди мужчин [1].

Эффективность мер по преодолению цифрового неравенства подтверждается приме-

рами зарубежных программ, таких как Digital Saksharta Abhiyan (Индия), Women in Digital Japan, Digital New Deal for Women (Корея) и Women4Cyber (ЕС). Узбекистан предпринимает шаги в данном направлении через поддержку и стимулирование IT-Парков, полный охват скоростным интернетом, создание Международного центра цифровых технологий, войти в ТОП–30 рейтинга электронного правительства, реализация 300 проектов в области цифровизации и другие.

В научной литературе тема цифрового гендерного разрыва всё чаще становится предметом теоретического и прикладного анализа. Так, С.В. Бурмистрова [2] подчёркивает влияние цифровых навыков на доступ женщин к экономическим ресурсам в условиях цифровизации. А. Hilbert [3] рассматривает цифровой разрыв как форма социального неравенства.

В Узбекистане проблема гендерного цифрового неравенства исследуется рядом ученых и специалистов. В частности Исматова Н. Р. [4], анализирующая барьеры вовлечения женщин в цифровую экономику, включая региональные и культурные ограничения. Кроме того, в работах Джураева Ш. А. [5] рассматриваются возможности интеграции цифрового образования для женщин как инструмент снижения социального неравенства. Эти исследования позволяют глубже понять природу гендерной цифровой асимметрии и определить возможные стратегии её преодоления в условиях Узбекистана. Вместе с тем, в этих разработках недостаточно рассмотрены положительная международная практика, система индикаторов оценки и мониторинга участия женщин в цифровой экономике.

Методологическая база исследования основана на анализе национальных и международных статистических источников, результатов социологических обследований, оценке программ цифровой инклюзии и сравнительном анализе гендерной цифровой политики в различных странах.

Методологические подходы исследования

форм и последствий цифрового гендерного разрыва рассматриваются как на уровне доступа к технологиям, так и в возможностях для их использования. Это снижает конкурентоспособность женщин на рынке труда, ограничивает их участие в инновационных процессах и приводит к усилению социального неравенства. Цифровое неравенство негативно сказывается на достижении ЦУР 5 (гендерное равенство), поскольку препятствует расширению прав и возможностей женщин в других сферах жизни – от образования до здравоохранения и политического участия.

Международный и национальный опыт. По данным Международного союза электросвязи (ITU), в 2023 году глобально доступ к интернету имели 65% женщин и 70% мужчин, что отражает сохраняющийся разрыв в цифровой сфере. Особенно он заметен в странах с низким и средним уровнем дохода, где у женщин меньше шансов обладать цифровыми устройствами, банковскими счетами и цифровыми навыками [6].

По данным ООН–Женщины, женщины составляют менее 30% работников в сфере ИКТ в большинстве стран, и только 1 из 5 специалистов по искусственному интеллекту – женщина. Это ограничивает не только индивидуальные карьерные возможности, но и разнообразие в разработке цифровых решений [1].

Международные практики демонстрируют эффективность специализированных программ цифровой инклюзии. Например, в странах ЕС действуют инициативы по развитию цифровых навыков у женщин, такие как Women4Cyber и Digital Europe Programme, направленные на вовлечение женщин в сферы кибербезопасности, ИКТ и цифрового предпринимательства (таблица 1).

Таблица 1

Примеры международных инициатив по цифровой инклюзии женщин

Страна	Программа	Цель
Индия	Digital Saksharta Abhiyan (DISHA)	Обучение женщин в сельских районах
Узбекистан	Онлайн-курсы от IT-Park и ПРООН	Обучение женщин цифровым навыкам
Япония	Women in Digital Japan	Повышение цифровых навыков среди женщин через платформы METI
Южная Корея	Digital New Deal for Women	Поддержка женщин в обучении ИКТ и цифровому предпринимательству
ЕС (Европа)	Women4Cyber, Digital Europe Programme	Поддержка женщин в кибербезопасности и цифровой экономике

Источник: таблица подготовлена на основе данных международных организаций, официальных правительственных источников (включая METI Japan, Digital India, Министерство науки и ИКТ Республики Корея, Европейскую комиссию), а также аналитических отчётов UN Women, ПРООН и ITU за 2022–2025 гг.

В Японии Министерство экономики, торговли и промышленности (METI) реализует программу Women in Digital Japan, направленную на расширение участия женщин в цифровой трансформации через обучение, менторство и продвижение в ИКТ-профессиях.

В Республике Корея в рамках стратегии Digital New Deal действует программа, специально ориентированная на женщин. Она включает обучение цифровым компетенциям, поддержку цифровых стартапов и развитие онлайн-платформ для занятости.

В Мексике работает программа Mujeres en STEM, направленная на увеличение числа женщин в науке, технологиях, инженерии и математике.

В Индии реализуется программа Digital Saksharta Abhiyan (DISHA), охватывающая женщин в сельских районах и предоставляющая базовые цифровые навыки.

В Узбекистане в рамках стратегии "Цифровой Узбекистан – 2030" проводятся меры по повышению цифровой грамотности женщин. Согласно ПРООН и IT-Park, с 2022 года более 3 000 женщин прошли обучение по программам цифровых компетенций, включая онлайн-курсы. Доля женщин среди студентов ИКТ-специальностей выросла до 23% (2024). Это подтверждает нарастающий интерес и вовлечённость женщин в цифровую сферу. Одна-

ко остаётся потребность в дальнейших мерах поддержки, особенно в сельской местности[7].

Методологический подход по мониторингу гендерного неравенства.

С учётом растущего значения цифровых технологий в экономике и социальной жизни, особую актуальность приобретает необходимость оценки гендерных различий в цифровой сфере. Традиционные подходы к измерению цифрового неравенства, как правило, ориентированы лишь на общий доступ к технологиям и не учитывают специфику участия женщин в цифровой трансформации. В этой связи возникает потребность в разработке инструмента, который позволит оценивать не только наличие, но и качество цифровой инклюзии с гендерной точки зрения. Для решения этой задачи предлагается подход измерения цифрового гендерного разрыва, основанная на систематизации ключевых направлений участия женщин в цифровой экономике. Она позволяет выявлять наиболее уязвимые группы, проводить мониторинг на уровне страны и регионов, а также разрабатывать адресные меры цифровой политики. Важным и основным составляющим мониторинга выступают индикаторы, отражающие реально происходящие изменения участия женщин в цифровой экономике. Ниже в таблице 2 приведены рекомендуемые индикаторы оценки участия женщин в цифровой трансформации.

Таблица 2

Система индикаторов для мониторинга участия женщин в цифровой экономике

Группа индикаторов	Показатели
1. Доступ к инфраструктуре	Доля женщин с доступом к интернету Доля женщин, имеющих смартфоны, компьютеры
2. Цифровые компетенции	Уровень цифровой грамотности Участие в онлайн-курсах и обучении ИКТ
3. Экономическая активность в ИКТ	Доля женщин в цифровом предпринимательстве Участие в стартапах и IT-проектах
4. Безопасность и участие	Частота случаев онлайн-насилия Участие женщин в разработке цифровой политики
5. Доступ к финансированию	Оценка условия инвестиции и инвестиционных проектов в целях сокращения цифрового гендерного разрыва.

Источник: разработка авторов.

Предлагаемый подход (система индикаторов) представляет собой усовершенствованный аналитический и прикладной инструмент, ориентированный на национальные и региональные уровни оценки состояния гендерного различия в цифровизации. В отличие от международных индексов и оценок, фокусирующихся преимущественно на доступе к интернету и базовых цифровых навыках, наш подход расширяет рамки анализа и включает экономическую активность в ИКТ, безопасность, доступ к финансированию. **Ее ключевые особенности, следующие:**

- **комплексный подход, охватывающий весь цикл цифрового участия.** Систематизируются индикаторы в пяти ключевых группах, что позволяет оценивать не только наличие ресурсов и навыков, но и фактическое вовлечение женщин в цифровую экономику и цифровое управление. Такой подход обеспечивает более глубокое понимание барьеров и возможностей;

- **мониторинг как на республиканском, так и на региональном уровне.** Индикаторы могут быть применены на субнациональном уровне в разрезе регионов и территориальных единиц. Это позволяет выявлять географические диспропорции, определять наиболее уязвимые группы и разрабатывать адресные региональные стратегии;

- **включение индикаторов онлайн-безопасности и политического участия.** В отличие

от большинства международных индексов, данный подход включает количественные показатели, отражающие онлайн-насилие в отношении женщин и участие женщин в формировании цифровой повестки.

- **адаптируемость и практическая применимость.** Индикаторы подобраны с учётом доступности через официальную статистику и социологические обследования. Они легко интегрируются и вписываются под условия Узбекистана, региона или программы и целевой программы;

- **фокус на цифровую трансформацию как драйвер равенства.** Данный подход рассматривает цифровую экономику не только как сферу технологий, но и как средство расширения возможностей для женщин в обучении, предпринимательстве, лидерстве и участии в управлении;

- **возможность сравнения с международной практикой.** Организации ООН и ЮНИСЕФ также предлагают ориентиры по измерению цифрового гендерного разрыва на уровне стран. Ключевыми международными показателями являются: доля женщин с доступом к интернету по сравнению с мужчинами; уровень цифровых навыков; а также различия по возрасту и региону. Эти показатели охватываются, в частности, в базе данных UNICEF DATA.

Предложенный подход во многом перекликается с международными подходами. Так,

группа индикаторов «Доступ к инфраструктуре» соответствует метрикам, представленным в Gender Digital Divide Index (GDDI) [8]. Группа «Цифровые компетенции» аналогична международным показателям цифровой грамотности. Индикаторы экономической активности женщин отражают участие в цифровом предпринимательстве и стартапах – также представленные в GDDI. Блок «Безопасность и участие» дополняет международную практику, в которой вопросы онлайн-безопасности и участия в цифровом управлении ещё только начинают получать должное внимание (например, в отчётах ЮНИСЕФ и ЮНЕСКО) [9].

Таким образом, предлагаемый подход не только опирается на лучшие международные практики, но и расширяет их, акцентируя внимание на качественном участии женщин в цифровой трансформации, региональном измерении и практическом применении данных для разработки политики.

Используя рекомендуемый подход и имеющийся на данном этапе информационной базы, в том числе зарубежной, нами выявлены основные барьеры по пути цифровой инклюзии женщин в Узбекистане. Ключевыми барьерами являются: социальные стереотипы и традиционные роли. Согласно исследованию ООН, культурные нормы и гендерные установки по-прежнему препятствуют вовлечению женщин в цифровую сферу, снижая их доступ к ИКТ-образованию и занятости. Особенно это касается женщин старше 35 лет, с низким доходом или уровнем образования. **Несмотря на положительные сдвиги, влияние социальных ролей в Узбекистане остаётся значительным:**

- *ограниченный доступ к финансированию. В настоящее время точных данных низкий уровень цифрового и финансового образования. По данным ООН, женщины в Узбекистане имеют в среднем на 24% более низкий уровень цифровых навыков по сравнению с мужчинами. Особенно уязвимыми являются сельские женщины и женщины без высшего образования. Однако стоит отметить позитивную тенденцию: в*

2025 году интернетом пользуются 93,1% женщин, что свидетельствует о росте цифровой вовлечённости;

- *отсутствие ролевых моделей и наставников. Проблема сохраняется как на международном уровне (по данным EIGE, женщины составляют лишь 17% специалистов в ИКТ в ЕС), так и в Узбекистане, где, по данным IT-Park, доля женщин в стартап-экосистеме остаётся ниже 20%. Отсутствие женщин-наставников снижает мотивацию девушек выбирать ИКТ-карьеру.*

- *онлайн-насилие и кибербуллинг. Исследования по этой проблеме в Узбекистане не проводилось. Однако глобальные тренды указывают на высокую распространённость угроз и домогательств в сети, особенно среди женщин. Это предполагает необходимость изучения ситуации в стране и разработки превентивных мер;*

- *социальные и региональные различия в доступе к интернету и оборудованию. По последним данным (2025), 93,9% жителей сельских районов Узбекистана имеют доступ к интернету. Хотя разрыв между мужчинами и женщинами в этом аспекте сокращается, проблема цифрового неравенства в доступе к оборудованию (смартфонам, компьютерам) остаётся, особенно среди пожилых женщин и людей с ограниченным доходом. По экспертным оценкам учитывая высокую дифференциацию социально-экономического развития регионов страны, существенным является и межрегиональный разрыв участия женщин в цифровизации экономики.*

Рекомендации по формированию гендерно-чувствительной цифровой политики:

- *использовать предложенную систему индикаторов в рамках национальной стратегии цифровизации и программ цифровой инклюзии. Это позволит проводить регулярный мониторинг уровня участия женщин в цифровой экономике и оперативно реагировать на выявленные проблемы. При разработке образовательных программ и инициатив, направленных на*

повышение цифровых компетенций женщин, особенно в сельских районах и среди уязвимых групп использовать данные предложенной системы индикаторов;

- *укрепление цифровых навыков женщин и девушек через комплексные STEM-программы.* Рекомендуются создание региональных курсов по программированию, робототехнике и цифровой грамотности, ориентированных на девушек, особенно в сельской местности;

- *внедрение гендерно-чувствительного бюджетирования.* При распределении средств на цифровые проекты включить гендерную экспертизу. Это обеспечит справедливое финансирование программ для женщин;

- *создание безопасной цифровой среды.* Необходимо ввести горячие линии, мобильные приложения и онлайн-платформы для сообщений о кибернасилии. Также важно включить темы цифровой безопасности и противодействия буллингу в школьную программу;

- *расширение участия женщин в цифровом предпринимательстве.* Узбекистану следует запустить национальные грантовые конкурсы для женщин в ИТ, поддержать женские стартапы, а также облегчить доступ женщин к акселераторам, в том числе в регионах;

- *сотрудничество с бизнесом и международными организациями.* Поддержка государственно-частных партнёрств, например, по модели SheTrades или проектов UNDP, поможет масштабировать инициативы по цифровой инклюзии женщин в сельских районах и среди женщин из уязвимых групп;

- *мониторинг и анализ цифрового гендерного разрыва.* Следует наладить регулярный сбор гендерно-дезагрегированных данных по доступу к интернету, цифровым устройствам и образованию. Это позволит отслеживать прогресс и корректировать политику на основе данных;

- *просвещение и цифровая этика.* Необходимо ввести модули по цифровой инклюзии, этике и безопасности в программы вузов и средних школ, с учётом гендерного равенства. Это

особенно важно для девочек в отдалённых и традиционных сообществах;

- *развитие служб поддержки.* Следует создать бесплатные онлайн-сервисы для женщин, подвергшихся киберпреследованию. Также важно привлекать психологов и медиаторов для оказания поддержки пострадавшим.

Заключение

Равный доступ к цифровым технологиям и навыкам является неотъемлемой частью устойчивого и инклюзивного развития. Проведенный анализ подтверждает наличие цифрового гендерного разрыва, особенно в аспектах цифровых навыков, ИКТ-образования, участия в цифровом предпринимательстве и вопросах онлайн-безопасности.

Для устранения этих барьеров необходима комплексная государственная политика, основанная на гендерно-дезагрегированных данных, региональной специфике. Важно активизировать сотрудничество между государством, бизнесом и гражданским обществом для реализации мер поддержки женщин в цифровой сфере.

Особое внимание следует уделить жительницам сельских регионов, пожилым женщинам и другим уязвимым категориям. Узбекистан, реализуя стратегию «Цифровой Узбекистан – 2030», обладает потенциалом для формирования модели устойчивой цифровой инклюзии. Это позволит не только продвинуться к выполнению ЦУР 5, но и обеспечить экономическое развитие, социальную справедливость и технологическое лидерство страны.

Для эффективного мониторинга прогресса и выработки адресных решений предлагается использовать систему индикаторов, охватывающую пять ключевых групп: доступ к инфраструктуре, цифровые компетенции, экономическую активность в ИКТ и безопасность, финансовую доступность. Эта система позволит выявлять проблемные зоны, измерять динамику изменений и формировать обоснованные меры политики, направленные на сокращение цифрового гендерного разрыва.

Источники и литература

1. UNDP (2023). *Gender Digital Divide Assessment: Uzbekistan*. <https://www.undp.org/>
2. Бурмистрова С. В. Цифровые навыки и их влияние на экономическую активность женщин // *Экономика и управление*. — 2022. — №4. — С. 35–41.
3. Hilbert A. *Digital Gender Divide as a Social Inequality* // *Journal of Information Technologies & International Development*. — 2011. — Vol. 7(2). — P. 1–17.
4. Исмамова Н. Р. Цифровая экономика и гендерное неравенство: узбекский контекст // *Региональная экономика*. — 2022. — №2. — С. 49–55.
5. Джураев Ш. А. Цифровое образование как фактор преодоления социального неравенства среди женщин // *Наука и инновации*. — 2023. — №5. — С. 22–28.
6. ITU. *Measuring digital development: Facts and Figures 2022*. Geneva: International Telecommunication Union
7. IT-Park Uzbekistan (2024). *Официальные данные по участию женщин в стартап-экосистеме*.
8. GDDI. *Gender Digital Divide Index Report 2022*. <https://gddindex.com>
9. UNICEF. *Bridging the Gender Digital Divide: Challenges and an Urgent Call for Action for Equitable Digital Skills Development*. <https://data.unicef.org/resources/ictgenderdivide>
10. Доля пользователей интернета среди женщин в Узбекистане. <https://stat.uz/ru/press-tsentr/novosti-goskomstata/>

YŷK: 330.322.5:620.91(575.1)

Konstantin KURPAYANIDI,*professor, International Institute of Food Technologies and Engineering
(Republic of Uzbekistan),**Professor of the Russian Academy of Natural Sciences (Russian Federation),
Academician of the International Academy of Theoretical and Applied Sciences (USA),***E-mail:** antinari@gmail.com

INSTITUTIONAL AND INVESTMENT DETERMINANTS OF RENEWABLE ENERGY DEVELOPMENT IN UZBEKISTAN

Abstract: *this article analyzes contemporary trends in the development of renewable energy in Uzbekistan within the broader context of the Central Asian energy transition. The findings show that Uzbekistan has demonstrated rapid expansion of solar and wind generation supported by ongoing institutional reforms. National policy initiatives prioritize reducing dependence on fossil fuels, modernizing energy infrastructure, and attracting foreign investment in green projects. However, structural constraints persist, including high capital costs and limited grid capacity. Comparative analysis reveals substantial variation in the pace of energy transition among countries in the region. The study identifies major drivers and barriers shaping renewable energy development in Uzbekistan. The results underscore the necessity of strengthening institutional frameworks and financial mechanisms to ensure sustainable sectoral growth.*

Keywords: *Renewable energy, green economy, institutional factors, investment, Central Asia, energy transition, Uzbekistan*

**O‘zbekistonda qayta tiklanuvchi
energetika rivojlanishining institutsional va
investitsiyaviy omillari**

Konstantin Kurpayanidi,*professor, Oziq-ovqat texnologiyasi va
muhandisligi xalqaro instituti
(O‘zbekiston Respublikasi),*

*Rossiya Tabiiy Fanlar Akademiyasi professori
(Rossiya Federatsiyasi),
Xalqaro Nazariy va Amaliy Fanlar Akademiyasi
akademigi (AQSh)*

Annotatsiya: *maqolada Markaziy Osiyo mintaqaviy energetik o‘tish jarayoni kontekstida O‘zbekistonda qayta tiklanuvchi energetika rivojlanishining zamonaviy tendensiyalari ko‘rib chiqiladi. Tadqiqotda quyosh va shamol energiyasi tarmog‘ining jadallik bilan kengayayotgani hamda institutsional islohotlar bilan qo‘llab-quvvatlanayotgani ta’kidlanadi. Davlat siyosati qazilma yoqilg‘iga qaramlikni kamaytirish, infratuzilmani modernizatsiya qilish va xorijiy investitsiyalarni jalb etishga yo‘naltirilgan. Shu bilan birga, yuqori kapital xarajatlari va tarmoq infratuzilmasining yetarli darajada rivojlanmagani kabi cheklovlar saqlanib qolmoqda. Taqqoslovchi tahlil mintaq davlatlarida energiya o‘zgarish dinamikasi farqlanishini ko‘rsatadi. Tadqiqotda mamlakatda qayta tiklanuvchi energetika rivojining asosiy omillari va to‘siqlari ajratib beriladi. Xulosa o‘rnida, sektorning barqaror o‘sishi uchun institutsional muhit hamda moliyaviy mexanizmlarni kuchaytirish zarurligi qayd etiladi.*

Kalit so‘zlar: *qayta tiklanuvchi energetika, yashil iqtisodiyot, institutsional omillar, investitsiyalar, Markaziy Osiyo, energetik o‘tish, O‘zbekiston.*

Институциональные и инвестиционные детерминанты развития возобновляемой энергетики в Узбекистане

Константин Курпаяниди,
*профессор, Международный институт
пищевых технологий и инженерии
(Республика Узбекистан),
профессор Российской Академии
Естествознания (Российская Федерация),
Академик Международной Академии
теоретических и прикладных наук (США)*

Аннотация: *в статье рассматриваются современные тенденции развития возобновляемой энергетики в Узбекистане в контексте регионального энергоперехода Центральной Азии. Показано, что Узбекистан демонстрирует ускоренные темпы внедрения солнечной и ветровой генерации, сопровождаемые институциональными реформами. Государственная политика направлена на снижение зависимости от ископаемого топлива, модернизацию инфраструктуры и привлечение иностранных инвестиций. Вместе с тем сохраняются структурные ограничения, включая высокие капитальные затраты и недостаточную развитость сетевого хозяйства. Сравнительный анализ указывает на различия в динамике энергоперехода между странами региона. В работе выделены ключевые драйверы и барьеры развития возобновляемой энергетики в стране. Сделан вывод о необходимости дальнейшего укрепления институциональной среды и финансовых механизмов для устойчивого роста сектора.*

Ключевые слова: *возобновляемая энергетика, зелёная экономика, институциональные факторы, инвестиции, Центральная Азия, энергетический переход, Узбекистан.*

Introduction

The current phase of global economic evolution is increasingly defined by the imperative of sustainable development and the accelerated transition toward low-carbon and green energy

systems. This paradigm shift is driven by mounting climate risks, geopolitical pressures on hydrocarbon markets, and rapid technological advances that continue to reduce the cost of renewable energy generation. In this context, countries are compelled to redesign energy strategies to ensure environmental safety, energy security, and economic resilience.

The **Central Asian region**, endowed with abundant natural resources and a strategically significant position between major global markets, is progressively integrating into international decarbonization trajectories. Despite the shared direction of transition, the pace, scale, and structural patterns of renewable energy deployment across Central Asian economies vary considerably. These discrepancies reflect differences in climatic and geographical conditions, the development of regulatory and institutional frameworks, access to financial markets, and the degree of technological readiness [1,2]. While some countries, such as Kazakhstan and Uzbekistan, have begun undertaking systemic measures to diversify energy portfolios, others remain largely dependent on hydropower or fossil fuel-based generation.

Within this heterogeneous energy landscape, Uzbekistan – the most populous state in the region – occupies a central and increasingly influential position in shaping the regional renewable energy agenda. Over recent years, the country has demonstrated discernible momentum in the development of solar and wind power infrastructure, driven by policy reforms and strategic investment programs. Simultaneously, Uzbekistan has pursued institutional transformation aimed at modernizing its legacy energy networks, reducing dependence on fossil-fuel imports, and expanding opportunities for private and foreign capital. These changes have resulted in the formation of a gradually evolving regulatory environment that favors market-based mechanisms, public – private partnerships, and the integration of innovative technologies into the national energy system [3].

Despite this progress, challenges remain. High initial capital requirements, limitations of

grid infrastructure, and the incremental nature of institutional reforms continue to constrain the pace of energy transition. Moreover, the specific geographic and climatic features of Uzbekistan - including high solar irradiation, limited hydrological resources, and extreme seasonal variability – necessitate a nuanced approach to renewable energy deployment. Thus, understanding the evolution of national policy, its institutional foundations, and its investment dynamics is critical for assessing Uzbekistan's trajectory within the broader regional and global context.

Research aims and objectives

The primary aim of this study is to analyze the dominant regional trends and national policy mechanisms driving the expansion of renewable energy in Uzbekistan within the wider context of Central Asian energy transformation. To achieve this aim, the study pursues the following objectives:

- to examine the institutional and regulatory frameworks guiding renewable energy development;
- to assess investment mechanisms and the role of domestic and foreign capital;
- to compare Uzbekistan's progress with that of neighboring states to identify shared patterns and divergences;
- to evaluate technological and infrastructural factors shaping the pace of sectoral modernization;
- to outline the prospects for further expansion of the renewable energy sector given global and domestic constraints.

Scientific novelty

The scientific novelty of this study lies in its integrated and multidimensional assessment of Uzbekistan's clean-energy development transformation, combining institutional analysis, investment dynamics, and regional comparative benchmarking into a single analytical framework. Which tends to focus narrowly on technical potential or macro-level energy indicators, this study:

- conceptualizes Uzbekistan's clean-energy development trajectory through the lens of

institutional performance, regulatory evolution, and market governance reforms;

- identifies the mechanisms through which competitive auctions, PPP instruments, and standardized PPAS have reshaped investor incentives and accelerated deployment of large-scale photovoltaic and wind-power projects;

- situates Uzbekistan's decarbonization trajectory within the broader central Asian regional context, highlighting both converging and diverging patterns relative to Kazakhstan, Tajikistan, Kyrgyzstan, and Turkmenistan;

- provides an empirically grounded explanation for Uzbekistan's rapid acceleration of non hydro clean-energy development capacity after 2020, linking it to institutional modernization and risk reduction instruments;

- advances a refined typology of structural constraints affecting fast-growing clean-energy development systems, including grid flexibility, storage integration, and infrastructural bottlenecks., unlike existing research These contributions extend current academic discourse by demonstrating that the effectiveness of clean-energy development expansion in emerging economies depends not only on resource endowments, but also on the coherence of governance modernization, market design, and investment governance.

Methods and materials/literature review

In recent years, issues of institutional support and investment mechanisms for the development of renewable energy in Uzbekistan have attracted considerable attention from both international and regional scholars.

One of the most comprehensive studies is the work by Laldjebaev et al. (2021), "Renewable energy in Central Asia: An overview of potential, deployment, outlook, and barriers," which evaluates the renewable energy potential in Central Asia. The authors identify key institutional barriers to sector development, including instability of the legal framework, a lack of transparent tariff mechanisms, and the limited development of public-private partnership (PPP) financing models. The study makes a significant contribution

by examining Uzbekistan within a regional context, demonstrating that the country possesses comparatively more favorable initial conditions for scaling renewable energy deployment [4].

The **“Uzbekistan 2022: Energy Policy Review”** (OECD, 2022) provides a systematic assessment of the ongoing transformation of the national energy sector. The report highlights the emergence of market-based incentives in Uzbekistan’s power industry through the introduction of competitive auctions and modernization of power-purchase agreements (PPAs). Its value lies in documenting institutional shifts toward market liberalization and increased private capital engagement [5].

In their article **“Comprehensive evaluation and sustainable development of water-energy-food-ecology systems in Central Asia,”** Qin et al. (2022) perform an integrated assessment of water-energy-ecology systems. The authors demonstrate the interconnected nature of water and energy resources, arguing that institutional planning in Central Asia must account for climatic risks - a factor of special relevance for Uzbekistan [6].

The study by Wang et al. (2023), **“Is the digital economy conducive to the development of renewable energy in Asia?”**, provides empirical evidence that the digital economy positively influences renewable energy expansion by enhancing grid management efficiency and modernizing technological infrastructures. This publication underscores the importance of incorporating digital tools into Uzbekistan’s institutional energy models [7].

Finally, the statistical report IRENA (2025), **“Renewable energy statistics,”** contains up-to-date information on the dynamics of cumulative renewable energy capacity, highlighting the rapid deployment of solar and wind power in Uzbekistan. These data constitute an essential basis for quantitative evaluation of investment trends [8].

Collectively, these studies demonstrate a scholarly consensus: predictable regulatory policy, long-term PPAs, the presence of investment platforms, and transparency of auction

mechanisms are the primary enablers of renewable energy investment growth in developing markets.

In Russian-language scholarship, Pulatov (2024) in **“The transition of Uzbekistan to a green economy: Problems and solutions,”** examines Uzbekistan’s strategy for green economic development. The author emphasizes institutional constraints, including insufficient diversification of energy sources and administrative barriers. The study is noteworthy for highlighting the need to further improve regulatory instruments [9].

In their publication **“Green economy: Problems, prospects and opportunities for Uzbekistan,”** Mikhailov and Turgunov (2023) analyze the impact of state support on renewable energy development. The authors note the positive role of PPP initiatives and the need to expand incentives for households. This work reinforces the understanding of how institutional mechanisms influence the investment climate [10].

In **“A new view on Russia’s economic integration strategy with the countries of Central Asia,”** Kheifets and Chernova (2024) examine cross-border cooperation mechanisms that affect energy security. The authors emphasize the interdependence of regional energy markets, including Uzbekistan [11].

Furthermore, Duysen and Aitzhanova (2024) in **“Assessment of factors in the development of Central Asia...”** analyze conditions for deepening regional cooperation, including in the renewable energy sector. Their findings reveal the necessity of harmonizing regulatory frameworks to facilitate investment inflows [12].

Taken together, these publications highlight the institutional dimension of reforms and the need for interstate coordination.

Qudratova (2025) in **“Qayta tiklanadigan energiya manbalari va O‘zbekistonning yashil iqtisodiyotga o‘tishidagi o‘rni”** emphasizes that renewable energy deployment has accelerated following the introduction of state support measures such as household subsidies, equipment cost compensation, and development of local production chains [13].

The InnoIST (2025) study, “Yashil iqtisodiyot – energetika sohasidagi indikatorlar bo'yicha tahlillar,” analyzes institutional indicators of green energy development. The study notes the need to refine auction mechanisms, tariff regulation, and private-capital engagement [14].

The conference collection “O'zbekistonning qayta tiklanadigan energetikaga o'tishi” (2025) analyzes regional differences in renewable energy deployment, emphasizing the importance of public and business awareness campaigns and the development of service infrastructure [15].

In summary, the examined literature indicates rapid renewable energy development in recent years, underscoring the importance of legal reforms, household support programs, and expanded PPP frameworks for further progress.

Analysis and results

The year 2025 marks a decade since the signing of the Paris Climate Agreement, a milestone that has shaped the strategic direction of all five Central Asian states. By adopting its key provisions, Kazakhstan, Uzbekistan, Tajikistan, the Kyrgyz Republic, and Turkmenistan established the institutional and regulatory foundations necessary for participation in global decarbonization processes and integration into emerging low-carbon value chains [16]. Their engagement is driven not only by international commitments but also by acute domestic vulnerabilities – including accelerating glacier loss, water scarcity, and rising temperatures – which have direct implications for regional energy security and long-term socioeconomic resilience.

According to the International Renewable Energy Agency (IRENA), global renewable-energy deployment has reached record levels, yet remains insufficient to align with net-zero trajectories. In 2023, global investment in renewables stood at USD 0.9 trillion, while the estimated annual requirement to achieve the SDG-aligned pathway is around USD 3.8 trillion through 2030 [17]. This financing gap underscores the need to expand blended-finance instruments, strengthen institutional and regulatory frameworks, and

reduce investment risks in developing economies – priorities particularly relevant to Central Asia, where capital costs remain comparatively high.

IRENA reports that global renewable-capacity additions reached 473 GW in 2023 (+13.9% year-on-year), dominated by solar PV and onshore wind. Preliminary estimates for 2024 indicate further acceleration to approximately 585 GW (+15.1%). Despite this record growth, current global trends fall short of the 2030 objective to triple renewable-energy capacity, highlighting the necessity of advancing power-system flexibility measures, including grid modernization, large-scale storage deployment, and capacity-market reforms [18].

From a financing perspective, 2024 marked an unprecedented expansion. The International Energy Agency (IEA) projects global energy investments exceeding USD 3 trillion, with around USD 2 trillion directed toward clean-energy technologies. Supporting this trend, BloombergNEF estimates that capital flows into the global energy transition – spanning renewable energy, EVs, heat pumps, hydrogen and related technologies – reached USD 1.8 trillion in 2023, rising to an estimated USD 2.1 trillion in 2024. Yet, despite this progress, investment volumes remain significantly below those needed to align developing regions with a 1.5°C-consistent pathway [19].

Structural Dynamics of Renewables in Central Asia. Despite heightened geopolitical and economic uncertainty, Central Asia continues to demonstrate robust growth in renewable-energy capacity. Based on IRENA and national energy-sector statistics, cumulative installed renewable capacity in the region reached several tens of gigawatts by the end of 2023, although structural compositions vary markedly across countries:

- *Kazakhstan.* 5.66–5.70 GW of installed renewable capacity, including ≈ 2.6 GW of hydropower and over 3.0 GW of non-hydro renewables, predominantly solar and wind. Kazakhstan leads the region in non-hydro VRE (variable renewable energy), with wind power accounting for ~ 55 – 57% of non-hydro RE capacity and solar PV for $\sim 40\%$.

- *Tajikistan*. ≈ 5.76 GW, over 98% hydropower, reflecting one of the world's highest levels of hydro dependence. Non-hydro renewables remain marginal but are gradually developing through small-scale solar initiatives.

- *Kyrgyz Republic*. ≈ 3.21 GW, ≈ 90 – 92% hydropower, with limited but growing solar and small-hydro additions, and pilot wind projects under development.

- *Uzbekistan*. Since 2020, Uzbekistan has demonstrated one of the fastest renewable energy growth trajectories in Central Asia. Driven by sector liberalization, the introduction of competitive auctions, and extensive use of public-private partnership models, the country's total installed renewable energy capacity reached approximately 2.3 GW by the end of 2023, comprising ≈ 0.25 GW of solar photovoltaic, ≈ 0.05 GW of wind, and ≈ 2 GW of small hydropower¹. During 2024–2025, deployment accelerated significantly: as of December 2025, operational solar and wind capacity exceeded 5 GW (≈ 3.2 – 3.4 GW solar PV and ≈ 1.0 – 1.2 GW wind), [3,4,4] raising the renewable share in electricity generation to 26–27 % and enabling more than 14.5 TWh of green electricity production in 2025². These achievements resulted from the implementation of over 38 investment agreements, a series of auctions yielding record-low tariffs (below USD 0.03/kWh), and the commissioning of large-scale projects incorporating battery energy storage systems (BESS). The results confirm the effectiveness of the chosen strategy and position Uzbekistan ahead of its interim targets under the national program aiming for 25 GW of renewable capacity by 2030³.

- *Turkmenistan*. remains in early-stage RE development, with less than 0.5 GW of installed capacity, though plans for large solar-wind hybrid parks were announced for 2024–2025 [20].

Comparative Structural Indicators: Uzbekistan vs Kazakhstan and Regional Peers

A cross-country comparison reveals clear structural differences:

1. Kazakhstan is the regional leader in non-hydro renewables, with solar and wind making up more than half of its renewable-energy portfolio. The country added over 500–700 MW annually in several consecutive years, becoming the most diversified RE market in Central Asia.

2. Uzbekistan demonstrates the fastest growth rate in new solar and wind capacity, though its structural base remains smaller. Unlike Kazakhstan, which began large-scale diversification earlier (2013–2017), Uzbekistan's expansion accelerated mainly after 2020 through IFC- and EBRD-backed competitive auctions.

3. Tajikistan and Kyrgyz Republic remain hydro-dominated, with hydropower representing 90–98% of their renewable profiles. Their diversification into solar and wind remains at an early stage but is expected to expand given water-energy nexus constraints and climate vulnerabilities.

4. Turkmenistan remains the least diversified, though it has launched notable large-scale solar tenders.

Structural Implications for Regional Energy Transition. The structural landscape indicates that while Central Asia is collectively increasing renewable capacity, the nature of this expansion differs substantially:

- Project scale and technology mix diverge. Kazakhstan and Uzbekistan are scaling utility-scale solar and wind; Tajikistan and Kyrgyzstan remain anchored in hydropower; Turkmenistan is still in the initial deployment phase.

- Energy-system flexibility varies widely, with Kazakhstan and Uzbekistan undertaking the most grid-modernization projects to enable variable renewable integration.

- Investment models differ. Uzbekistan leads in auction-driven PPPs; Kazakhstan uses a mixed model with feed-in tariffs and auctions; hydropower-heavy economies rely predominantly on state-led financing.

1 Ministry of Energy of the Republic of Uzbekistan. Renewable Energy Development Update, October–December 2025.

2 Mordor Intelligence. Uzbekistan Renewable Energy Market – Growth, Trends, and Forecasts (2025–2030), 2025 edition.

3 Enerdata. World Energy Statistics – Uzbekistan Country Profile, December 2025 edition.

These distinctions are essential for interpreting comparative performance: high RE shares in Tajikistan and Kyrgyzstan reflect hydropower heritage, while Uzbekistan's and Kazakhstan's indicators reflect new structural diversification into modern VRE technologies.

Kazakhstan. According to the Ministry of Energy of Kazakhstan, by the end of 2023, 148 RE facilities (excluding large hydropower plants) were in operation, totaling approximately 2.9 GW: 59 wind farms ($\approx 1,409$ MW), 46 solar plants ($\approx 1,222$ MW), 40 small hydropower plants (≈ 270 MW), and 3 biogas facilities. In the first half of 2024, RE generation accounted for roughly 6.5% of total electricity production. IRENA estimates that cumulative RE capacity (including hydropower) reached approximately 5.66–5.70 GW [21].

Uzbekistan. As reported by IRENA (2024), by the end of 2023, RE capacity increases were driven by hydropower and the first large-scale solar photovoltaic installations. During 2024–2025, rapid deployment of solar and wind farms under concession-based schemes substantially increased the share of “new” RE in the generation mix. According to official government reports (2025), expected additions by year-end include approximately 4.63 GW of solar and 1.65 GW of wind capacity, with estimated annual generation of roughly 11.5 billion kWh. (These figures represent national operational statistics and may differ from IRENA's retrospective assessments.) [22].

Kyrgyz Republic and Tajikistan. According to IRENA and regional surveys, the Kyrgyz Republic's installed RE capacity reached approximately 3.21 GW in 2023 (almost exclusively hydropower)—about 15% higher than in 2022 yet below the historic peak (≈ 3.69 GW). In Tajikistan, total RE capacity in 2023–2024 amounted to approximately 5.7–5.76 GW, dominated by hydropower. The national strategy to 2030 prioritizes expansion of generation and export potential [23].

Turkmenistan. Renewable-energy deployment remains limited; the power system relies almost entirely on natural gas, with hydropower contributing only marginally. Several industry

reports indicate that total RE capacity (mainly hydro) amounts to several hundred kilowatts to several megawatts out of an installed capacity exceeding 6.9 GW. This highlights persistent institutional and market barriers, including limited access for foreign investors, weak competitive mechanisms, and opaque project-selection practices [24].

Cost and competitiveness. In 2023, 81% of newly commissioned RE capacity worldwide delivered electricity at a lower cost than new fossil-fuel projects. Declines in the levelized cost of electricity (LCOE) for solar PV and wind continued, driven by falling module/turbine costs and improving capacity factors, further strengthening investment cases in emerging and developing economies [25].

Analytical Conclusions. The comparative analysis of renewable energy deployment across Central Asia reveals a heterogeneous structural landscape shaped by distinct resource endowments, institutional arrangements, and investment environments. Tajikistan and the Kyrgyz Republic maintain hydropower-dominated energy systems, where renewable energy exceeds 90–98 percent of total installed capacity. Their growth between 2015 and 2024, while notable in absolute terms, reflects an expansion of existing hydroelectric assets rather than diversification into modern variable renewable energy (VRE) sources such as solar and wind.

In contrast, Kazakhstan and Uzbekistan represent the principal drivers of non-hydro renewable energy development in the region. Kazakhstan's dual-track model – combining feed-in tariffs in earlier years with competitive auctions – has enabled the formation of a relatively mature solar and wind portfolio, reaching over 2.4 GW of non-hydro VRE by 2024. This positions Kazakhstan as the regional leader in technologically diversified renewable capacity.

Uzbekistan, meanwhile, exhibits the fastest growth trajectory in Central Asia, driven primarily by large-scale solar photovoltaic parks and increasingly significant wind-power additions.

Between 2015 and 2024, Uzbekistan increased its total renewable capacity by approximately 174 percent, catalyzed by the introduction of transparent competitive tenders, power-purchase agreement (PPA) standardization, and expanding public-private partnership (PPP) frameworks. Despite starting from a lower base compared to Kazakhstan, Uzbekistan's rapid acceleration reflects a structural shift towards modern VRE technologies and a deliberate policy orientation toward green transition commitments.

Turkmenistan remains at an embryonic stage of renewable energy development, with minimal installed capacity and emerging project pipelines that have yet to materialize at scale.

Overall, while Central Asia's renewable landscape remains heavily influenced by legacy hydropower assets, a clear regional bifurcation is evident:

- Hydropower-dependent systems (Tajikistan, Kyrgyz Republic), and
- Diversifying VRE-driven systems (Kazakhstan, Uzbekistan).

This divergence carries significant implications for energy-system flexibility, investment needs, and decarbonization pathways. Countries with a growing share of VRE – especially Kazakhstan and Uzbekistan – face expanding requirements for grid modernization, storage deployment, and ancillary services. Conversely, hydro-dominant systems must address climate-induced hydrological variability, which increases seasonal and interannual uncertainties in generation.

Taken together, the structural indicators suggest that while Central Asia as a whole is progressing toward a more diversified renewable-energy mix, the depth and direction of this transition differ markedly across countries, underscoring the need for differentiated policy strategies aligned with each state's specific technological and infrastructural context.

In the medium term, the scaling of renewable energy in Central Asia will depend on several interrelated determinants:

- mobilization of investment, including

blended-finance instruments and strengthened PPP frameworks;

- enhancement of regulatory and institutional environments, ensuring transparency, predictability, and reduced investor risk;

- technological modernization, including digitalization of energy systems, deployment of energy-storage capacity, and grid balancing solutions;

- regional coordination, particularly in water-energy nexus management; and

- integration into global climate institutions and supply chains.

Collectively, these measures are essential for strengthening the region's energy resilience and contributing to global decarbonization efforts under accelerating climate pressures.

Discussion

Uzbekistan continues to pursue an assertive trajectory toward sustainable development, a commitment institutionally reinforced by the designation of 2025 as the Year of Environmental Protection and the Green Economy. This high-level political prioritization signals a systemic intention to accelerate the energy transition and to align national policy with global climate targets. Within this strategic framework, the government is actively expanding renewable energy deployment, strengthening the technological and infrastructural base of the power sector, and promoting the uptake of alternative energy systems among both households and enterprises [17,18]. Such measures demonstrate not only the government's willingness to foster decarbonization, but also its readiness to stimulate private sector participation through long-term policy instruments.

According to official statistics, during the past three years Uzbekistan commissioned 16 solar and wind power plants, with a combined installed capacity of 3.5 GW, alongside 35 small hydropower plants. Further development plans for 2025 project an additional 16 renewable energy facilities, financed largely through private capital and public-private partnership (PPP) modalities. This proactive investment model reflects a

broad institutional shift toward market-based mechanisms and greater reliance on external financial inflows to accelerate capacity expansion.

A defining characteristic of Uzbekistan's transition is the dual emphasis on large-scale utility projects and decentralized energy generation. Beyond utility-scale developments, the government has introduced targeted policy measures to promote distributed energy systems. A notable instrument is the household subsidy scheme, under which approximately 60,000 homes equipped with rooftop photovoltaic systems receive direct financial support; additionally, the Intersectoral Energy Saving Fund partially compensates equipment costs. These incentives actively reduce the financial burden on households, mitigate adoption barriers, and stimulate the formation of bottom-up demand for renewable energy technologies.

As a result of the energy transition policy pursued in recent years, the share of renewable energy sources (RES) in the total installed capacity of the Uzbek electricity sector has grown to around 16% as of early 2025. The government's official targets are to bring this figure to around 26% by the end of 2025 through the commissioning of a series of solar and wind power stations, small hydropower plants and energy storage facilities⁴.

However, when analysing long-term dynamics, it is important to take into account the methodological difference between the indicators: the 'share in installed capacity' and the 'share in generation (energy balance)' can vary significantly (especially in countries with dominant hydro or thermal generation and seasonal variability). According to the International Renewable Energy Agency (IRENA), the share of RES in Uzbekistan's national energy balance increased from around 13–13.5% in 2018 to approximately 14.9% in 2023; while absolute capacity additions in the region in 2020–2023 were more significant for solar and

wind installations. A similar statistical profile for Kazakhstan shows a faster relative increase in the period under review, but a direct comparison requires the indicators to be brought to the same base (installed capacity vs. generation) [8].

A comparative regional assessment highlights the continued dominance of hydropower as a structural feature of renewable energy systems in Kyrgyzstan and Tajikistan, where hydropower accounts for 77.6% and 88.9% of installed capacity, respectively. However, this heavy reliance increases systemic exposure to climate-induced hydrological variability. Seasonal fluctuations in river flow and accelerated glacial melt have direct implications for power generation reliability. For example, winter shortages in Tajikistan result in regular power supply disruptions, with some areas experiencing only 8–10 hours of electricity per day. Despite climatic conditions favorable for solar power (up to 300 sunny days per year), solar capacity remains significantly underdeveloped, emphasizing the urgent need for diversification of national RES portfolios and complementary investment in energy storage and smart-grid systems.

The positioning of Central Asian economies in international benchmarking indices underscores these structural challenges. The Climate Change Performance Index (CCPI), developed by Germanwatch, evaluates progress toward reducing greenhouse gas emissions and advancing renewable energy. In the 2024 CCPI, only Kazakhstan and Uzbekistan from the region are represented, ranked 59th and 61st, respectively. Their performance in renewable energy deployment was assessed as “very weak,” placing them substantially behind leading European economies such as Norway, Sweden, and Denmark. This outcome suggests that despite recent achievements, regional climate and energy policies lack the scale and institutional robustness needed to achieve transformative outcomes.

Overall, the evidence indicates that Uzbekistan's energy transition is progressing, but remains constrained by structural, financial, and

⁴ Tashkent Times. Uzbekistan vows to bring renewables share to 26% in 2025. URL: https://tashkenttimes.uz/economy/14559-uzbekistan-vows-to-bring-renewables-share-to-26-in-2025?utm_source

institutional limitations. Weak grid infrastructure, underdeveloped storage capacity, and the absence of strong incentive frameworks continue to slow the integration of intermittent solar and wind energy. Furthermore, limited cross-border coordination undermines regional optimization of water - energy nexus management, despite its critical importance to hydropower-dependent systems.

Conclusion

Uzbekistan's renewable energy transition has entered a phase of rapid advancement, shaped by a series of systemic reforms undertaken in recent years. These reforms include the introduction of competitive auctions for solar and wind projects, the establishment of transparent power-purchase agreement (PPA) frameworks with international guarantees, and the strengthening of dedicated institutional structures to coordinate project pipelines and investor relations. Parallel measures – liberalization of the electricity market, modernization of transmission networks, and expansion of grid-integration capabilities for variable renewable generation – have strengthened the overall enabling environment for green investment.

Furthermore, government policy places increasing emphasis on diversifying the energy mix, attracting foreign developers through de-risking instruments, and aligning regulatory standards with international best practices (including tariff reform and phased transition to cost-reflective pricing). These steps collectively outline a positive long-term trajectory toward greater sustainability.

Nevertheless, although comparative regional data confirm that Uzbekistan has achieved the highest growth rate of installed renewable energy capacity in Central Asia over the past decade (+174.5 % from 2015 to 2024) and now ranks on

a par with Kazakhstan and Tajikistan in absolute terms, the speed of effective integration of new renewables into the national energy balance remains constrained by structural factors. Unlike hydro-dominated systems in Tajikistan and Kyrgyzstan, where renewables already constitute over 90 % of generation, the contribution of new solar and wind capacity in Uzbekistan is limited by lower capacity factors, seasonal variability, insufficient grid flexibility, and underdeveloped energy storage. This underscores the urgent need for deeper structural reforms – particularly in grid modernization, large-scale battery deployment, demand-side management, financing mechanisms, and market governance – to fully unlock the country's renewable energy potential and translate rapid capacity additions into a proportionally higher share of clean electricity in the energy balance.

To ensure alignment with national development priorities and international climate obligations, Uzbekistan must continue to diversify its renewable energy mix, particularly through accelerated deployment of solar and wind technologies combined with storage solutions, expansion of distributed generation, and further modernization of grid infrastructure. Strengthening financial instruments – including concessional financing, green bonds, PPP models, and blended finance – will be essential to mobilizing sufficient investment capital.

Moreover, integrating the country more deeply into global climate governance and supply chains will reinforce institutional capacity, reduce financing costs, and support technology transfer. Stronger regional cooperation – especially within the water-energy nexus – may also enhance collective resilience and support coordinated deployment of renewable energy assets.

Effective implementation of these priorities will not only enhance national energy security, but also improve Uzbekistan's standing within the global green energy landscape, positioning the country as a competitive participant in the emerging low-carbon economy.

References:

1. Kurpayanidi, K. (2025). *Digital Transformation and Institutional Framework of E-Commerce in Uzbekistan*. *International Journal of Business, Law, and Education*, 6(2), 1215 - 1227. <https://doi.org/10.56442/ijble.v6i2.1172>
2. Khamdamova, S. & ets. (2024). *Macroeconomic prospects and challenges: international business and green economy*. In *E3S Web of Conferences* (Vol. 531, p. 05025). EDP Sciences.
3. Михайлов, А., (2023). *Энергоэффективное строительство: французский опыт в решении проблем. «Qurilishda innovatsiyalar, binolar va inshootlarning seysmik xavfsizligi» mavzusidagi Xalqaro miqyosidagi ilmiy va ilmiy-texnik konferensiya materiallari to'plami*. Namangan, 14 dekabr 2023 y. 419-421 bb. <https://qurilishtalim.uz/index.php/1/article/view/899>
4. Laldjebaev, M., Isaev, R., & Saukhimov, A. (2021). *Renewable energy in Central Asia: An overview of potentials, deployment, outlook, and barriers*. *Energy Reports*, 7, 3125-3136.
5. OECD. (2022). *Uzbekistan 2022: Energy Policy Review*. Paris: OECD Publishing.
6. Qin, J., Duan, W., Chen, Y., Dukhovny, V. A., Sorokin, D., Li, Y., & Wang, X. (2022). *Comprehensive evaluation and sustainable development of water–energy–food–ecology systems in Central Asia*. *Renewable and Sustainable Energy Reviews*, 157, 112061.
7. Wang, B., Wang, J., Dong, K., & Dong, X. (2023). *Is the digital economy conducive to the development of renewable energy in Asia?* *Energy Policy*, 173, 113381.
8. IRENA. (2025). *Renewable energy statistics 2025*. Abu Dhabi: IRENA.
9. Пулатов, О. Т. (2024). *Переход Узбекистана к «зелёной» экономике: проблемы и пути решения*. *Science and Innovation, спецвыпуск*, 232–236.
10. Хейфец, Б. А., & Чернова, В. Ю. (2024). *Новый взгляд на экономическую интеграцию России со странами Центральной Азии. Россия и современный мир*, (1), 7–24.
11. Михайлов, А., & Тургунов, Н. (2023). *Зелёная экономика: проблемы и перспективы для Узбекистана*. *Материалы науч.-практ. конф., Ташкент–Ургенч*.
12. Рахманов, Ш. И. (2021). *Зелёный фактор экономического роста в Узбекистане. Иқтисодиёт ва инновацион технологиялар*.
13. Qudratova, G. M. (2025). *Qayta tiklanadigan energiya manbalari va O'zbekistonning yashil iqtisodiyotga o'tishidagi o'rni*. *Science and Research*.
14. InnoIST. (2025). *Yashil iqtisodiyot – energetika sohasidagi indikatorlar bo'yicha tahlillar*. *Innovatsion tadqiqotlar instituti nashri*.
15. *O'zbekistonning qayta tiklanadigan energetikaga o'tishi*. (2025). *Ilmiy anjuman materiallari*.
16. Qin, J., Duan, W., Chen, Y., Dukhovny, V. A., Sorokin, D., Li, Y., & Wang, X. (2022). *Comprehensive evaluation and sustainable development of water–energy–food–ecology systems in Central Asia*. *Renewable and Sustainable Energy Reviews*, 157, 112061.
17. International Renewable Energy Agency. (2023). *Global Landscape of Renewable Energy Finance 2023*. IRENA & Climate Policy Initiative. https://www.irena.org/-/media/Files/IRENA/Agency/Publication/2024/Mar/IRENA_RE_Capacity_Statistics_2024.pdf?utm_source
18. IRENA. (2024). *Renewable Capacity Statistics 2024*; Reuters. (2025, March 26). *Global renewable power capacity falls short...* https://www.irena.org/-/media/Files/IRENA/Agency/Publication/2024/Mar/IRENA_RE_Capacity_Statistics_2024.pdf?utm_source
19. IEA. (2024). *World Energy Investment 2024*; BNEF. (2024). *Energy Transition Investment Trends 2024*; PV-Magazine (на основе BNEF). (2025, Jan 31). *Global clean energy investment hit \$2.1 trillion in 2024*. https://www.iea.org/reports/world-energy-investment-2024/overview-and-key-findings?utm_source

20. IRENA. (2024). *Statistical Profiles: Asia (KZ, TJ, KG, UZ); Energy-Box* (на основе IRENA) https://www.irena.org/-/media/Files/IRENA/Agency/Statistics/Statistical_Profiles/Asia/Kazakhstan_Asia_RE_SP.pdf?utm_source

21. *Times of Central Asia* (со ссылкой на Минэнерго РК); *Qazaq Green* (со ссылкой на Минэнерго РК); IRENA Statistical Profile: Kazakhstan. https://timesca.com/kazakhstan-reports-on-renewable-energy-generation/?utm_source

22. IRENA Statistical Profile: Uzbekistan (данные на 2023 г.); Government of Uzbekistan (2025). https://www.irena.org/-/media/Files/IRENA/Agency/Statistics/Statistical_Profiles/Asia/Uzbekistan_Asia_RE_SP.pdf?utm_source

23. Trend.az (KG, со ссылкой на IRENA); Qazinform (KG); IRENA Statistical Profile: Tajikistan; UNECE Energy Policy Brief: Tajikistan (2025). https://www.trend.az/casia/kyrgyzstan/3882910.html?utm_source

24. IRENA Statistical Profile: Turkmenistan (2024); UNECE Turkmenistan Policy Brief (2024/2025); PV-KnowHow (обзор энергобаланса Туркменистана). https://www.irena.org/-/media/Files/IRENA/Agency/Statistics/Statistical_Profiles/Asia/Turkmenistan_Asia_RE_SP.pdf?utm_source

25. IRENA. (2024). *Renewable Power Generation Costs in 2023*. https://www.irena.org/-/media/Files/IRENA/Agency/Publication/2024/Sep/IRENA_Renewable_power_generation_costs_in_2023.pdf?utm_source

VŸK: 336.6.:330.322(575.1)

Gulomjon KOSIMJONOV,*Teacher, Westminster International university in Tashkent,***E-mail:** Gulomjonkosimjonov@gmail.com,**Ikromjon QOSIMJONOV,***Teacher, University of business and science in Tashkent,***E-mail:** Ikromjonokosimjonov@gmail.com

**THE GRIP OF ANXIETY:
AN EMPIRICAL INVESTIGATION INTO FINANCIAL STRESS AND
ITS IMPACT ON THE INVESTMENT
DECISION-MAKING PROCESS OF SMALL AND MEDIUM
ENTERPRISES IN UZBEKISTAN**

Abstract: *the paper investigates the effect of financial stress on the investment decisions of Small and Medium Enterprises (SMEs) in Uzbekistan. SMEs are integral to the Uzbek economy but operate in a rapidly changing world which can be limited by financial issues. The investment decisions of SMEs have been explored in depth about the relationships between access to financing and investment, but little is known about the psychological aspect of financial stress, and particularly from a Central Asia perspective. This paper engages with a mixed-methods study design involving a survey of 150 SME owners and managers in Tashkent and Samarkand, combined with semi-structured in-depth interviews. The results demonstrate statistically significant evidence of a complex multi-faceted relationship.*

Keywords: *financial Stress, investment decisions, SMEs, behavioural finance, risk aversion, cognitive bias.*

Tashvish iskanjasi:

O‘zbekistondagi kichik va o‘rta korxonalarning investitsiya qarorlarini qabul qilish jarayoniga moliyaviy stressning ta’siri bo‘yicha empirik tadqiqot

Gulomjon Kosimjonov,*Toshkent shahridagi Xalqaro Vestminster**Universiteti o‘qituvchisi,***Ikromjon Qosimjonov,***Toshkent shahridagi Biznes va fan Universiteti**o‘qituvchisi*

Annotatsiya: *ushbu maqolada O‘zbekistondagi kichik va o‘rta korxonalarning (KO‘K) investitsiya qarorlariga moliyaviy stressning ta’siri tadqiq qilinadi. KO‘Klar mamlakat iqtisodiyotining ajralmas qismi bo‘lib, tez o‘zgaruvchan iqtisodiy sharoitda faoliyat yuritadi, ammo moliyaviy cheklovlar ularning rivojlanish imkoniyatlarini toraytiradi. KO‘Klarning investitsiya qarorlarini moliyalashtirish imkoniyatlari va investitsiya o‘rtasidagi o‘zaro bog‘liqlik nuqtai nazaridan ko‘plab tadqiqotlar o‘rganilgan bo‘lsa-da, moliyaviy stressning psixologik jihatlarini, ayniqsa, Markaziy Osiyo kontekstida, yetarlicha tahlil qilinmagan. Tadqiqot aralash usullar (mixed-methods) asosida amalga oshirilgan bo‘lib, Toshkent va Samarqand shaharlaridagi 150 ta KO‘K egasi va menejerlari o‘rtasida o‘tkazilgan so‘rovnomalar hamda yarim tuzilgan chuqur suhbatlarni o‘z ichiga oladi. Natijalar moliyaviy stress va investitsiya qarorlari o‘rtasida murakkab, ko‘p omilli o‘zaro bog‘liqlik mavjudligini statistik jihatdan isbotlaydi.*

Kalit soʻzlar: *moliyaviy stress, investitsiya qarorlari, kichik va oʻrta korxonalar, xulq-atvor moliyasi, xavfdan qochish, kognitiv ogʻishlar.*

**Хватка тревоги:
эмпирическое исследование влияния
финансового стресса на процесс принятия
инвестиционных решений малых и средних
предприятий в Узбекистане**

Гуломжон Косимжонов,
*преподаватель Международного
Вестминстерского университета в Ташкенте,*
Икромжон Косимжонов,
*преподаватель Университета бизнеса и науки
в Ташкенте*

Аннотация: *в статье исследуется влияние финансового стресса на инвестиционные решения малых и средних предприятий (МСП) в Узбекистане. МСП являются неотъемлемой частью экономики страны, однако функционируют в условиях быстро меняющейся среды, где финансовые ограничения существенно ограничивают их потенциал развития. Хотя взаимосвязь между доступом к финансированию и инвестициями уже неоднократно изучалась, психологические аспекты финансового стресса, особенно в контексте Центральной Азии, до сих пор остаются недостаточно исследованными. Исследование основано на смешанном методологическом подходе и включает анкетирование 150 владельцев и менеджеров МСП в Ташкенте и Самарканде, а также проведение полуструктурированных глубинных интервью. Результаты показывают статистически значимую, многогранную взаимосвязь между финансовым стрессом и инвестиционным поведением.*

Ключевые слова: *финансовый стресс, инвестиционные решения, малые и средние предприятия, поведенческие финансы, избегание риска, когнитивные искажения.*

Introduction

Small and Medium Enterprises (SMEs) contribute to the sustainability of the Uzbek economy, helping to create jobs and share in the gross domestic product (GDP) [11]. Since the beginning of a new wave of economic reforms initiated in 2017, Uzbekistan has seen a significant loosening of its markets and an emphasis on private entrepreneurship once again. Despite this positive trend, Uzbek SMEs continue to experience a complicated and challenging operating environment. Access to finance is a persistent and major barrier to the growth of many, if not most, SMEs as they continue to struggle to get loans from formal banks due to collateral requirements, high-interest rates, and bureaucratic obstacles [1].

Although financial barriers and the structured arrangements for finance are considered when reviewing literature, the effect of financial barriers on financial decision-makers is an under-considered area. Financial stress, defined as a "psychological condition related to one's perception of not being able to meet financial obligations or even worrying about one's financial situation at all" [5], can affect cognitive processes and decisions. For an SME owner-manager, this is more than just a business problem, as its effect on their decisions creates a considerable amount of stress.

The fundamental investment decisions that SMEs can control, whether to invest in new machinery, expand to a new market, hire a new person, or invest in new technology are the "levers" in controlling growth and competitor positioning. It is important to understand how these decisions are being made while under the financial stress or worry of SMEs to recognise them as a key concept in understanding their influence on decision-makers. There is a growing body of research from developed Western contexts that suggest financial stress is associated with risk-averse behaviour and poor decision-making [4]. However, it is essential to investigate the situation in terms of the specific socio-economic context of Uzbekistan, given that the country is characterized by a transitional economy and a distinctive setting

of institutions within its formal and informal economies.

This research aims to answer the question: What is the impact of feeling financial stress on the investment decision-making process of Small and Medium Enterprises in Uzbekistan? In this article, it is proposed that the impact is significant as it transcends a simple capital rationing effect, impacting the underlying cognitive and behavioural mechanisms of the decision-maker. With a focus on empirical investigation, this research intends to uncover the psychological processes through which financial stress impacts the strategic investment decision-making capacity of SMEs in Uzbekistan, thereby contributing to the literature and informing the policy debate.

Literature Review

The examination of the relationship between financial stress and investment decisions is located at the intersection of the fields of corporate finance, behavioural economics, and entrepreneurship theory. Further, the review of the existing literature identified several broader themes that inform this study.

The importance of SMEs and finance-related challenges

The role of SMEs as drivers of economic development, innovation, and job creation is a well-established theoretical premise in the economics literature [3]. This role is magnified in the developing and transitional economy context. In the context of Uzbekistan, the World Bank (2022) outlines the necessity of an active SME sector for sustainable economic diversification beyond the current growth model of state-led and commodity-driven models. Overall, robust evidence exists that access to finance is the primary barrier to SME growth globally and within emerging markets [2]. Abdurakhmanov and Isakov [1] noted that in Uzbekistan, while banking liberalisation has recently occurred, the rate of credit constraints remains high enough to force SMEs to use informal loans or their own savings, both are limited and unreliable.

Financial Stress: A Transition from Objective Analysis to Psychological Perspective

Financial constraints had previously been treated as objective measures or statistics, such as liquidity ratios, debt-to-equity ratios, or credit ratings. However, the emergence of studies focusing on the subjective perception of financial constraints has gained traction. Financial stress is a psycho-social construct that encompasses the fear, insecurity, and stress that an individual experiences as related to their financial condition [5]. In a small enterprise, where the line between the personal and the corporate is fading, the owner-manager's subjective financial stress is also a critical construct. As Shepherd [8] stated: "the firm's financial situation is not merely a balance sheet; it is a psychological reality for the entrepreneur that can elicit affective reactions that would in turn affect their subsequent strategic behaviours."

The Effects of Stress on Decision-Making and Cognitive Functions

The psychological research provides a strong basis for understanding how stress affects cognitive function. The experience of chronic stress, like continuous financial stress, has shown an impact on executive functions such as working memory, cognitive flexibility, and long-range planning [9]. Extending this to an investment context, cognition impairment can take the form of several predictable biases. Risk aversion is heightened, which causes decision-makers to prefer guaranteed, but not as high, profits over uncertain, but potentially higher, profits [4]. In addition, myopic - or a short-term focus - is established where the immediate pressure of financial survival has more weight than strategic long-term positioning [6]. Additionally, loss aversion - which claims that one suffers an uneven amount when they experience a loss versus gain - can be crippling to the decision-maker causing managers to forego good investment opportunities due to an exaggerated fear of potential losses.

Synthesising the Gap

The synthesis of these literatures reveals a definite research gap. On the one hand, while we know through literature that Uzbek SMEs experience real, objective constraints when it

comes to financial resources [1], and we have theoretical models from behavioural finance which suggest stress leads to poor decision making [10], we do have evidence of empirical work in the context of Uzbekistan that will associate the two. The study focuses on capital being available but not from the perspective of the psychology of the capital-constrained decision-maker. Therefore, this study intends to explore this gap, by analysing to what extent does the subjective feeling of financial stress impact and distort the investment decision-making process for Uzbek SME managers, taking the conversation from the balance sheet to the mind of the decision-maker.

Methodology

To address the research question, a mixed-methods approach is deemed most suitable as it permits both the quantify of relationship and qualitative, in-depth knowledge surrounding unexplaining mechanisms.

Research Design and Data Collection

The research took place between January and March 2024. The data was collected in two sequential phases.

Phase One: Quantitative Survey

An online, structured questionnaire was designed and presented to a purposive sample of 150 SME owners and senior managers based in Tashkent and Samarkand, two of Uzbekistan's largest commercial centers. The companies represented in the sample were from the manufacturing, retail and service industries and employed between 5 and 100 employees. **The survey included two main constructs:**

1. Level of Financial stress: *Each respondent used a 5-point Likert scale adapted from the scale developed by Peirce et al., [7]. The respondents used the scale to indicate how much they agree with statements including: "I sometimes worry about my business being able to meet its financial obligations"; "The financial condition of my business often causes me personal distress".*

2. Investment Behaviour: *This section captured data on recent investment decisions or decision not to invest in areas such as technology,*

workforce expansion, and/or market investment. This portion of the survey also queried for behavioural tendencies regarding the timeframe they considered regarding their investment, and what they believed to be their perceived level of risk to invest in a growth opportunity.

Phase Two: Qualitative Interviews

The second phase involved semi-structured interviews with 15 respondents from the survey who represented the range of financial stress scores low, medium, high in order to add depth and nuance to the survey's results. The semi-structured interviews were approximately 45 minutes in length, and the interviews served to inform these respondents personal experiences, position emotional responses, and think through the cognitive process around making an investment decision under financial stress. The type of questions asked were open-ended, for example, "Can you suggest to me your thought process around the last time you chose to delay a strategic investment?"

Data Analysis

The quantitative data from the surveys were analysed using statistical software. Descriptive statistics were produced to profile the sample. Ordinary Least Squares (OLS) Regression Analysis was employed. This advanced statistical technique allowed us to determine the direction, magnitude, and statistical significance of the impact of financial stress (independent variable) on investment behavior (dependent variable), thereby moving beyond mere correlation to establish a potential causal link. The qualitative interviews were transcribed and subjected to thematic analysis which involved coding the interview responses, identifying data themes, patterns, and stories that illustrate the effect of financial stress. The quantitative and qualitative narratives offer a rigorous and rich understanding of the research issue.

Findings and Interpretation

The analysis demonstrates a compelling and consistent narrative: that financial stress acts as a strong cognitive filter that systematically

distorts the investment decision-making of Uzbek SMEs' managers. The findings are presented and interpreted thematically below.

4.1 The Paralysis of Strategic Foresight

The OLS Regression Analysis revealed a statistically significant and substantial negative impact of financial stress on the likelihood of undertaking long-term strategic investments. The regression model (Investment Likelihood = $\beta_0 + \beta_1 \text{Financial Stress} + \epsilon$) yielded the following key findings:

* *Coefficient (β_1): -0.72 ($p < 0.01$).*

This indicates that a one-unit increase in the Financial Stress score is associated with a 0.72 unit decrease in the Investment Likelihood score, confirming a strong inverse relationship.

* *Model Fit (R^2): 0.51.* Approximately 51% of the variance in investment likelihood can be explained by the level of financial stress. This robust statistical evidence supports the hypothesis that financial stress is a causal factor in inhibiting strategic investment. Quantitatively, 78% of high-stress respondents had postponed or cancelled a strategic investment in the previous 12 months, compared to 22% in the low-stress cohort. The qualitative interviews put these stark numbers into perspective. "How can we think about investing in a new machine that might pay for itself in three years, when we're not even sure we can make payroll in three months? Our focus is on the next invoice, the next payment; long-term planning feels like a luxury we simply can't afford."

Heightened Risk Aversion and the Loss Aversion Trap

The data further illustrated that financial stress can change the manager's risk/reward framework. When a hypothetical investment opportunity presents a 70% chance of a significant return, yet a 30% chance of a nominal loss, 85% of managers in high stress scenarios reject it. Conversely, 70% of the managers who did not report high stress were willing to proceed. This is a classic case of loss aversion [8], yet in the context of financial stress, it magnifies significantly. The interviews revealed that a potential loss was not simply negativity in the

business context; it was extraordinarily destructive with important personal ramifications. **"For large companies, an investment is just another line in the budget; but for small business owners like us, it can mean risking our homes, which we often use as collateral. The potential loss is so substantial and so personal that it can overshadow – even cancel out – the expected gains."** This quote signifies that the stakes are rendered to be very personal conveniently shifting risk that could be calculated in a business context to an existential threat and illuminating an ultra-conservative, avoidance approach to growth.

The Shift from Opportunity-Seeking to Liquidity Hoarding

Another emerging theme was the existential shift from engaging proactively in opportunity-seeking to a defensive posture of liquidity hoarding. Our survey data indicated that firms whose managers reported high financial distress had 35% more of their assets in cash, or near-cash equivalents than low distress firms, even with the opportunity cost of depriving them through foregone return on investment. Our interviews clarified the rationale behind the potentially irrational avoidance behaviour. Liquidity therefore is not simply considered an asset on the balance sheet, but rather a form of unconscious psychological security. Framing it this way, liquidity hoarding is not a financial strategy, but rather a coping strategy for ruinous avoidance behaviour. Holding cash is a way of relieving the emotional cost of financial stress, regardless of the firm's growth potential.

The Constraining of Cognitive Resources and Simplistic Heuristics

Finally, the qualitative results strongly implied that experiencing financial stress has implications for cognitive depletion, which leads to the use of simplistic heuristics to make decisions. Managers experiencing high-stress conditions reported perceptions of being "overwhelmed" and "unable to think clearly" when it came to analyzing multiple complex investment proposal options. Under high stress, majority of the managers resorted to relying on a single criterion that dominated their analysis,

"How fast is this going to generate cash?" The managers tended to ignore other strategic criteria such as earning market share or investing in brand building and having a competitive technological advantage. "Many managers report that they simply lack the mental bandwidth to conduct detailed cost-benefit analyses. If an investment does not clearly generate cash returns within the next six months, it becomes irrelevant to their decision-making, regardless of its long-term potential." This is truly a fundamental decline in the decision-making process. High stress replaces the sophisticated, multi-dimensional analysis to make a rational investment with a very crude one-dimensional rule of thumb that greatly increases the likelihood of an inferior outcome.

Conclusion and Implications

Conclusion

The goal of the study was to determine the extent that financial stress parameters impact the investment decision-making process of SMEs in Uzbekistan. The overall findings provide a clear, sobering conclusion: the extent is profound, pervasive, and largely psychological. Financial stress is not merely external constraint, but an internal cognitive tax that acts against the SME owner-manager's strategic judgement. It promotes a short-term mindset by creating risk and loss aversion paralysis, a defensive logic of hoarding liquidity, and exhausting the cognitive resources to engage in complex decision-making. Consequently, the very drivers of Uzbekistan's economic diversification and growth psychologically become programmed to stagnate, trading-it simply your-take-the-risk-of-an-alternative-against-the-risk-of-catastrophe.

Theoretical and Practical Implications

This study makes a theoretical contribution by integrating concepts of psychology into the economic study of SME investment behaviour within a transitional economy. We demonstrated that objective financial variables were only insufficient predictors of firm level investment, and that the subjective, affective experience of the decision-maker was a critical mediating variable.

The practical implications for multiple stakeholders are evidenced:

- *For SME Support Organisations and Policymakers:* Interventions must go beyond simply saying: improve access to credit and rather focus on programs to build financial resilience and psychological capital. **This includes:**

- *Financial Literacy and Stress Management Training:* Enslave entrepreneurs with tools to manage their finances and the inherent stress.

- *De-risking Mechanisms:* Further, a partial credit guarantee scheme, or co-investment fund, could be developed to alleviate the financial 'catastrophic' potential of 'loss' as seen by the entrepreneur.

- *Promote Alternative Finance:* Venture debt or revenue-based finance models that do not require the owners' personal guarantee collateral decouples business failure from personal catastrophe.

- *For Financial Institutions:* For example, banks could create richer models of 'risk profiling' borrowers' behavioural profile, and provide products and advisory services tailored to distressed SMEs experiencing mal-adaptive stress-primarily impacting their growth decisions.

- *For SME Owners themselves:* Recognising that it is normal to experience high levels of financial stress in an uncertain environment, is a start to consider; but it can be managed at the own agency of the individual. Seek and enter into the availability of mentorship and peer support for the realities of entrepreneurship, which as a practice time needs to be allocated for 'strategic'-not just operational-thinking.

Limitations and Future Directions for Research

This study was limited by its city boundary of Tashkent and Samarkand, as well as the cross-section design that captured a dynamic process rather a moment in time. Theoretical contributions could be drawn from longitudinal studies to capture dynamic investment decision making with changing financial conditions. Furthermore, comparative studies across transitional economies outside of Uzbekistan in Central Asia might

provide insights in the role of national institutions moderating the relationships between financial stress and entrepreneurial intention to invest.

In conclusion, the task of unleashing the latent potential of the SMEs in Uzbekistan will require

a potential Elim-aneraial approach: fostering the cognitive and emotional weights of the people leading them and the weight mimicking the work that promotes, as financial gaps close and hope prevails.

Reference

1. Abdurakhmanov, R. and Isakov, M. (2021) 'Financing Challenges for Small and Medium Enterprises in Uzbekistan: A Post-Reform Analysis', *Central Asian Journal of Economic Studies*, 8, pp. 45-59.
2. Ayyagari, M., Demirgüç-Kunt, A. and Maksimovic, V. (2012) 'Financing of Firms in Developing Countries: Lessons from Research', *World Bank Policy Research Working Paper*.
3. Beck, T. and Demirgüç-Kunt, A. (2006) 'Small and medium-size enterprises: Access to finance as a growth constraint', *Journal of Banking & Finance*, 30(3), pp. 2931-2943.
4. Kahneman, D. and Tversky, A. (1979) 'Prospect Theory: An Analysis of Decision under Risk', *Econometrica*, 47(4), pp. 263-291.
5. Kim, J. and Garman, E.T. (2003) 'Financial Stress and Absenteeism: An Empirically Derived Model', *Journal of Financial Counseling and Planning*, 14, pp. 31-42.
6. Laverty, K.J. (1996) 'Economic "Short-Termism": The Debate, the Unresolved Issues, and the Implications for Management Practice and Research', *Academy of Management Review*, 21(6), pp. 825-860.
7. Peirce, R.S., Frone, M.R., Russell, M. and Cooper, M.L. (1996) 'Financial Stress, Social Support, and Alcohol Involvement: A Longitudinal Test of the Buffering Hypothesis in a General Population Survey', *Health Psychology*, 15, pp. 38-47.
8. Shepherd, D.A. (2019) 'Venture Capitalists' Assessment of New Venture Survival', *Management Science*, 65, pp. 2019-2046.
9. Starcke, K. and Brand, M. (2012) 'Decision making under stress: A selective review', *Neuroscience & Biobehavioral Reviews*, 36, pp. 1228-1248.
10. Shafir, E. and Mullainathan, S. (2013) *Scarcity: Why Having Too Little Means So Much*. New York: Times Books.
11. World Bank (2022) *Uzbekistan: Supporting Small and Medium Enterprises*. Washington, D.C.: The World Bank Group.

УЎК: 338.22:334.72(479.22:575.1)

Nilufar NABIYEVA,
Toshkent davlat iqtisodiyot universiteti
Iqtisodiy va moliyaviy xavfsizlik kafedrasida katta o'qituvchisi,
E-mail: n.nabieva@tsue.uz

ISHBILARMONLIK MUHITINI YAXSHILASHDA GRUZIYA TAJRIBASIDAN O'ZBEKISTON AMALIYOTIDA FOYDALANISH IMKONIYATLARI

Annotatsiya: *ushbu maqolada Gruziya Respublikasining ishbilarmonlik muhitini takomillashtirish yo'nalishidagi iqtisodiy islohotlari chuqur tahlil qilinib, ushbu tajribaning O'zbekiston iqtisodiy tizimiga moslashtirish imkoniyatlari yoritilgan. Tadqiqot jarayonida davlat boshqaruvini soddalashtirish, soliqqa tortish tizimini isloh qilish, mulk huquqini raqamlashtirish orqali kafolatlash hamda investorlar ishonchini mustahkamlashga qaratilgan institutsional mexanizmlar o'rganilgan. Shuningdek, O'zbekiston sharoitida Gruziya tajribasini amaliyotga tatbiq etish asosida ishbilarmonlik muhitini rivojlantirish, tadbirkorlikni qo'llab-quvvatlash va investitsion jozibadorlikni oshirishga doir ilmiy asoslangan taklif va tavsiyalar ishlab chiqilgan.*

Kalit so'zlar: *Gruziya tajribasi, ishbilarmonlik muhiti, institutsional islohotlar, boshqaruv, raqamlashtirish, soliqqa tortish tizimi, mulk huquqi.*

Возможности использования опыта Грузии в практике Узбекистана для совершенствования деловой среды

Нилуфар Набиева,
старший преподаватель кафедры экономической и финансовой безопасности Ташкентского государственного экономического университета

Аннотация: *в данной статье проведён углублённый анализ экономических реформ,*

направленных на совершенствование деловой среды в Грузии, а также раскрыты возможности адаптации данного опыта к экономической системе Узбекистана. В ходе исследования изучены институциональные механизмы, направленные на упрощение государственного управления, реформирование налоговой системы, цифровое обеспечение гарантий права собственности и укрепление доверия инвесторов. Кроме того, на основе анализа опыта Грузии разработаны научно обоснованные предложения и рекомендации по развитию деловой среды, поддержке предпринимательства и повышению инвестиционной привлекательности в условиях Узбекистана.

Ключевые слова: *опыт Грузии, деловая среда, институциональные реформы, управление, цифровизация, налоговая система, право собственности.*

Possibilities of applying Georgia's experience in the practice of Uzbekistan for improving the business environment

Nilufar Nabieva,
Tashkent state university of economics, senior lecturer of the department of Economic and financial security

Abstract: *this article provides an in-depth analysis of Georgia's economic reforms aimed at improving the business environment and explores the possibilities of adapting this experience*

to Uzbekistan's economic system. The study examines institutional mechanisms focused on simplifying public administration, reforming the taxation system, ensuring property rights through digital registration, and strengthening investor confidence. Furthermore, based on Georgia's experience, the research develops scientifically grounded proposals and recommendations for enhancing the business environment, supporting entrepreneurship, and increasing investment attractiveness in Uzbekistan.

Keywords: *Georgia's experience, business environment, institutional reforms, governance, digitalization, taxation system, property rights.*

Kirish

Bugungi kunda mamlakatlarning iqtisodiy o'sish sur'atlari, investitsion jozibadorligi va raqobatbardoshlik darajasi ularning ishbilarmonlik muhiti qanchalik samarali shakllanganiga bevosita bog'liqdir. Ishbilarmonlik muhiti – bu nafaqat iqtisodiy siyosatning uyg'unligi va boshqaruv tizimining samaradorligi, balki huquqiy barqarorlik, institutsional ishonch, korrupsiyaga qarshi mexanizmlarning mustahkamligi hamda tadbirkorlik subyektlariga yaratilgan amaliy imkoniyatlarning o'zaro uyg'un tizimidir. Shu boisdan ham, so'nggi o'n yilliklarda biznes yuritish uchun eng qulay sharoit yaratgan davlatlardan biri sifatida Gruziya Respublikasi xalqaro miqyosda keng e'tirof etilgan. Gruziya 2003-yildan boshlab amalga oshirgan tub iqtisodiy va institutsional islohotlari orqali qisqa vaqt ichida barqaror rivojlanishning samarali modelini shakllantira oldi. Xususan, Jahon bankining **“Doing Business”** reytingida bu mamlakat 2006-yilda 112-o'rindan 8-o'ringa ko'tarilib, eng faol islohotchi davlatlardan biri sifatida xalqaro e'tirofga sazovor bo'ldi [27]. Mazkur natijalarga erishishda davlat boshqaruvining markazlashuvini kamaytirish, soliqqa tortish tizimini liberallashtirish, korrupsiyani keskin qisqartirish hamda biznesni ro'yxatdan o'tkazish jarayonlarini to'liq raqamlashtirish muhim rol o'ynadi. Gruziya tajribasi shuni ko'rsatdiki, qat'iy

siyosiy iroda, shaffoflik va soddalikka asoslangan iqtisodiy islohotlar qisqa davrda mamlakatning iqtisodiy muhitini tubdan yaxshilash imkonini beradi.

O'zbekiston Respublikasida ham so'nggi yillarda ishbilarmonlik muhitini takomillashtirish, tadbirkorlik faoliyatini qo'llab-quvvatlash va xususiy sektorni iqtisodiy taraqqiyotning asosiy drayveri sifatida rivojlantirish yo'lida keng ko'lamli chora-tadbirlar amalga oshirilmoqda. Ayniqsa, ushbu yo'nalishda bir qator muhim normativ-huquqiy hujjatlar qabul qilingan bo'lib, ular biznes yuritish uchun qulay shart-sharoitlarni yaratishda asosiy omil bo'lib xizmat qilmoqda. Xususan, O'zbekiston Respublikasi Prezidentining 2023-yil 11-sentabrdagi **“O'zbekiston – 2030” strategiyasi to'g'risida**”gi PF-158-son Farmonida iqtisodiyotda transformatsiya va institutsional islohotlarni izchil davom ettirish, mamlakatda qulay investitsion va ishbilarmonlik muhitini ta'minlash, kichik va o'rta biznesni xalqaro bozorlarga integratsiyasini kengaytirish, sanoatda ishlab chiqariladigan texnologik mahsulotlar ulushini 25 foizdan 32 foizga yetkazish, soliq ma'murchiligini takomillashtirish, shuningdek, iqtisodiy faoliyatni soddalashtirish, litsenziya va ruxsatnomalar tizimini optimallashtirish, davlat xizmatlarini raqamlashtirish hamda tadbirkorlarning huquqiy himoyasini kuchaytirish bo'yicha keng qamrovli vazifalar belgilangan.

Farmonda belgilangan ustuvor vazifalarni amaliyotga joriy etish jarayoni ularning murakkab institutsional va iqtisodiy xususiyatlari sababli qo'shimcha ilmiy tadqiqotlarni talab etadi. Shu nuqtai nazardan, Gruziya tomonidan so'nggi yillarda bosqichma-bosqich amalga oshirilgan institutsional islohotlar tajribasi alohida ilmiy ahamiyatga ega bo'lib, mamlakatda iqtisodiy boshqaruvni optimallashtirish, tadbirkorlikni qo'llab-quvvatlash va davlat xizmatlari sifati hamda shaffofligini oshirish borasida amaliy xulosalar chiqarish imkonini beradi. Shunga asosan, ushbu maqolada Gruziya Respublikasining biznes muhitini isloh qilish tajribasi, uning muvaffaqiyat omillari hamda Jahon bankining

“Doing Business” reytingida erishilgan yutuqlari tahlil qilinadi¹. Mazkur yondashuv O‘zbekiston iqtisodiyotida barqaror, raqobatbardosh va investitsion jozibador ishbilarmonlik muhitini shakllantirishda konseptual asos bo‘lib xizmat qiladi.

Adabiyotlar sharhi

Gruziya iqtisodiy islohotlarini o‘rganishga bag‘ishlangan ilmiy tadqiqotlar mazmunan o‘zaro chambarchas bog‘liq bo‘lib, ular mamlakatda 2003-yildan so‘ng boshlangan transformatsion jarayonlarning turli qirralarini yoritadi. Grier, Lawson va Absher (2017) tomonidan olib borilgan tadqiqot Gruziyada “Atirgul inqilobi”dan keyingi keskin bozor islohotlari natijasida iqtisodiy o‘rishning tezlashgani, soliq bazasining kengaygani hamda fiskal barqarorlikning mustahkamlangani bilan ajralib turganini ko‘rsatadi. Ularning natijalari Gruziya misolida islohotlarning tezlik va qat‘iyat bilan amalga oshirilishi iqtisodiy tizimni qisqa muddatda tiklashga olib kelishini isbotlaydi [1]. Mazkur yondashuvni Gugushvili (2017) o‘z ishida ijtimoiy nuqtai nazardan to‘ldiradi. U Gruziyaning neoliberal siyosati ijobiy makroiqtisodiy natijalar bergan bo‘lsada, qashshoqlik darajasini sezilarli kamaytira olmaganini ko‘rsatadi. Muallifning fikricha, bozor liberallashtirishning ijobiy ta‘siri keng qatlamlarga yetib bormagani mamlakatda ijtimoiy tafovutlarning kuchayishiga sabab bo‘lgan [2]. Shu jarayonlarning institutsional jihatini Kupatadze (2016) tahlil qilgan bo‘lib, u Gruziyada davlat boshqaruvi soddalashtirilgani, litsenziyalar soni kamaytirilgani hamda korrupsiyaga qarshi keskin choralar ko‘rilgani natijasida ma‘muriy to‘siqlar qisqarganini asoslaydi. Uning fikricha, davlat apparatini “oz, ammo samarali” tamoyili asosida qayta tashkil etish natijasida ishbilarmonlik muhitining sifati tubdan yaxshilangan [3]. Papava (2008) Gruziya iqtisodiy islohotlarini Yevropa integratsiyasi kontekstida baholab, bozor

iqtisodiyotiga o‘tish jarayonida Yevropa modellari bilan uyg‘unlikni tahlil qiladi. U mamlakat iqtisodiy jihatdan sezilarli yutuqlarga erishganini ta‘kidlab, biroq institutsional tizimlarning Yevropa standartlariga to‘liq moslashmaganini qayd etadi [4]. Davlat boshqaruvining soddalashuvi va raqamlashtirish jarayonlari haqida Eriksson (2017) tomonidan tayyorlangan intervyuda Gruziya Iqtisodiyot vaziri o‘rinbosari Kovziridze 2004-yildan keyin 2000 dan ortiq amaldorlarning ishdan bo‘shatilgani va 84 foiz litsenziya turlari bekor qilingani haqida ma‘lumot bergan. Natijada biznesni ro‘yxatdan o‘tkazish jarayoni bir necha kunga qisqargan, davlat xizmatlarida korrupsiya kamaygan [5]. Ozsoy va Kubetova (2006) kichik biznes rivoji nuqtai nazaridan Gruziya iqtisodiy o‘zgarishlarini tahlil qilganlar. Ularning natijalariga ko‘ra, xususiylashtirish kuzatilgan davrda tadbirkorlik subyektlari soni hamda kichik biznesning YAIMdagi ulushida ijobiy tendensiya kuzatilgan [6]. Bu o‘zgarishlarning siyosiy ildizlari Fairbanks (2004) tomonidan izohlanib, “Atirgul inqilobi”ning korrupsiyaga qarshi harakat sifatida boshlanganini ta‘kidlaydi. Muallif yangi hukumatning boshqaruvdagi shaffoflikni oshirish, davlat xizmatlarini operativligini oshirish siyosati Gruziyada fuqarolarning davlatga ishonchini tiklaganini ko‘rsatadi [7]. Korrupsiyaga qarshi siyosatning xalqaro qirralarini Di Pupp (2013) tahlil qilib, Gruziya muvaffaqiyatining xalqaro donorlar tomonidan turlicha talqin qilinganini ta‘kidlaydi. Muallif “muvaffaqiyat” tushunchasi ko‘pincha siyosiy imijga bog‘liq bo‘lganini, biroq mayda poraxo‘rlikning deyarli yo‘qotilgani islohotlarning eng muhim yutug‘i ekanini qayd etadi [8]. Bu jarayonlarda fuqarolik jamiyati o‘rni Aprasidze (2025) tomonidan tahlil qilinib, inqilobdan keyingi yillarda nodavlat tashkilotlar va faollar korrupsiyaga qarshi kurashda faol ishtirok etgani, keyinchalik esa ularning roli davlat tizimi bilan uyg‘unlashgani ko‘rsatib o‘tiladi [9]. Investitsion muhitga oid izlanishlarda Kbiltsetskhlashvili (2008) Atirgul inqilobidan so‘ng xorijiy sarmoyalar hajmi 3,2 barobarga oshganini qayd etadi. U soliqlarni soddalashtirish,

1 Izoh: “Doing business” reytingini yuritish 2022-yildan beri to‘xtatilgan bo‘lsada, Gruziya Respublikasining ishbilarmonlik muhitini yaxshilash borasidagi islohotlari xronologiyasi asosan 2003-2010 yillarga to‘g‘ri keladi. Shuning uchun muallif tomonidan tajribasi o‘ganilayotgan mamlakatning o‘sha yillardagi islohotlarning samaradorligini “Doing business” reytingi tahlil qilindi.

siyosiy barqarorlik va korrupsiya darajasining pasayishi investitsion oqimni rag'batlantirganini ta'kidlaydi [10].

Shunga yaqin yondashuvlar mahalliy tadqiqotlarda ham uchraydi. A.Xasanov va M.Abduraxmonovlar (2024) o'z tadqiqotlarida soliq tizimini soddalashtirish xorijiy investitsiyalar oqimini ko'paytirishning muhim omili ekanini ta'kidlaydilar. Ularning tadqiqotida Gruziya va Estoniya kabi mamlakatlarda soliq yukining kamaytirilishi iqtisodiy faollikni oshirganidek, O'zbekistonda ham soliqqa tortish mexanizmlarini soddalashtirish investorlar uchun qulay muhitni shakllantirishga xizmat qilishi asoslab beriladi [11]. T. Ahmedov va boshqalar (2023) O'zbekistonda tadbirkorlar uchun yaratilgan mavjud biznes muhitini baholash bo'yicha tadqiqotlar olib borishgan. Ishbilarmonlik muhitini baholash, so'rovnoma asosida olingan natijalarga ko'ra amalga oshirilgan. So'rovnoma natijasida mavjud muammolar aniqlangan va ular tartibga solish uchun bir necha taklif va tavsiyalar ishlab chiqilgan. Mualliflarga ko'ra, ishbilarmonlik muhitini yaxshilashda, tadbirkorlik subyektlari faoliyatning monitoringini kuchaytirish, sifatli ish o'rinlari yaratish va innovatsiyalarni kengaytirish, elektr va suv ta'minotini tezkor yechimlar bilan yaxshilash, biznes taklif va loyihalarni yagona bazaga jamlash, imtiyozlar va imkoniyatlardan samarali foydalanishni keng targ'ib qilish kabi chora-tadbirlarni amalga oshirishni ishbilarmonlik muhitini yaxshilashga xizmat qiladi [12].

Abduvaxidov, Kamilova va Eshpulatov (2022) o'z tadqiqotlarida O'zbekiston bank tizimini raqamlashtirishning iqtisodiy samaradorligini tahlil qilib, raqamli texnologiyalar joriy etilishi natijasida davlat xizmatlari tezligi va shaffofligi oshib, korrupsiya xavfi keskin kamayishini asoslab berganlar. Ularning fikricha, bank xizmatlarining raqamli transformatsiyasi nafaqat moliyaviy sektor samaradorligini oshiradi, balki ishbilarmonlik muhitida ishonchni mustahkamlaydi [13]. Mazkur raqamlashtirish yondashuvi bilan uzviy bog'liq holda, Zaynobiddinova (2020) O'zbekistonda investitsiya qonunchiligida

amalga oshirilgan islohotlarni o'rganib, yangi normativ-huquqiy mexanizmlar xorijiy investorlar uchun kafolat va imtiyozlar tizimini yaratganini ta'kidlaydi. Muallifning fikricha, investitsion siyosatda Gruziya tajribasiga o'xshash tarzda huquqiy muhitni barqarorlashtirish, sarmoyador huquqlarini ishonchli himoya qilish va byurokratik to'siqlarni bartaraf etish O'zbekiston iqtisodiyoti uchun strategik ahamiyat kasb etadi [14]. Bu jarayonlarning huquqiy asosi haqida Muminov (2020) o'z tadqiqotida to'xtalib, xorijiy investorlar uchun barqaror huquqiy muhit yaratish zarurligini ta'kidlaydi. Uning fikricha, islohotlar natijadorligini oshirish uchun normativ-huquqiy tizimni xalqaro amaliyot bilan uyg'unlashtirish muhim. Mazkur yondashuvlar O'zbekistonning tashqi iqtisodiy faolligini oshirish bilan ham bevosita bog'liqdir [15]. Akbarov (2025) o'z maqolasida eksport salohiyatini rivojlantirish uchun biznes jarayonlarini raqamlashtirish, bojxona tizimini soddalashtirish va **“yagona darcha”** mexanizmini keng joriy etish zarurligini ilmiy jihatdan asoslab beradi. U shuningdek, Gruziya tajribasida bo'lgani kabi, soddalashtirilgan bojxona amaliyoti eksport hajmini oshirishda muhim turtki bo'lishini ta'kidlaydi [16]. Shuningdek, Sotskolauri (2021) Gruziyada kichik va o'rta biznesni qo'llab-quvvatlashning davlat dasturlari, xususan **“Enterprise Georgia”** agentligi faoliyatini tahlil qilib, moliyaviy vositachilik va startaplarni moliyalashtirish mexanizmlari iqtisodiy faollikni oshirishda muhim o'rin tutganini ko'rsatadi. U Gruziya tajribasini O'zbekiston uchun ham amaliy ahamiyatga ega model sifatida baholab, davlat tomonidan tizimli qo'llab-quvvatlash mexanizmlarini mustahkamlashni taklif etadi [17]. Bu fikrlarni to'ldirgan holda, Normurodov (2022) kichik biznesni rivojlantirishda inson kapitalining o'rni va kadrlar salohiyatining ahamiyatiga to'xtaladi. U tadbirkorlik muhitini yaxshilash faqat moliyaviy va huquqiy islohotlargagina emas, balki malakali ishchi kuchini tayyorlash va bilim salohiyatini oshirishga ham bevosita bog'liqligini asoslaydi [18].

Yuqoridagi tadqiqotlarning uzviy tahlili shuni ko'rsatadiki, Gruziya tajribasidan chiqariladigan asosiy xulosa, boshqaruvni

soddalashtirish, korrupsiyaga qarshi samarali va ta'sirchan chora-tadbirlarni ishlab chiqish, raqamlashtirish, soliq yukini kamaytirish va tadbirkorlikni qo'llab-quvvatlashning huquqiy-institutsional yo'nalishlarini mustahkamlash, xususiylashtirishning samarali mexanizmini tashkil etish va bu borada shaffoflikni oshirish kabilarda namoyon bo'ladi. Ushbu yondashuvlarni milliy iqtisodiy rivojlanish strategiyalariga uyg'un ravishda muvofiqlashtirish, mamlakatning investitsion jozibadorligi va biznes muhitining raqobatbardoshligini oshirishda muhim omil bo'lib xizmat qiladi.

Tadqiqot metodologiyasi

Mazkur tadqiqotning metodologiyasi gipotezaning nazariy hamda amaliy ahamiyatini hisobga olgan holda ishlab chiqilgan bo'lib, unda ilmiy izlanishning har bir bosqichida aniq uslubiy yondashuvlar tizimli qo'llanildi. Tadqiqotning

nazariy asosini iqtisodiy rivojlanish, institutsional transformatsiya va ishbilarmonlik muhiti nazariyalariga oid ilg'or ilmiy ishlanmalar tashkil etdi. Shuningdek, unda tizimli yondashuv, sabab va oqibat bog'liqliklarini tahlil qilish, qiyosiy yondashuv, taqqoslama tahlil kabi ilmiy-uslubiy vositalardan foydalanilgan.

Tahlil va natijalar

Gruziya va O'zbekistonning iqtisodiy rivojlanish sur'atlarini tahliliy jihatdan solishtirish maqsadida, dastlab, so'nggi yillarda ularning asosiy makroiqtisodiy ko'rsatkichlari o'rganildi. Quyida keltirilgan jadvalda har ikkala mamlakatda amalga oshirilgan iqtisodiy islohotlar natijasida yuzaga kelgan asosiy o'zgarishlar raqamli ko'rinishda ifodalangan bo'lib, bu ma'lumotlar ularning iqtisodiy tizimidagi dinamik o'zgarishlar miqyosini aniqlash imkonini beradi.

1-jadval

Kuzatilayotgan davrda Gruziya va O'zbekistonning iqtisodiy natijalari

Ko'rsatkichlar	Gruziya (2003–2023)	O'zbekiston (2017–2023)
YaIM o'sishi (o'rtacha, %)	6,1	5,5
“Doing Business” reytingidagi o'rni	112 → 8	87 → 69
Korrupsiya indeksi (Transparency Int.)	27 → 56	22 → 33
Biznesni ro'yxatdan o'tkazish muddati (kun)	25 → 1	15 → 3
To'g'ridan to'g'ri xorijiy investitsiyalarning sof oqimi (mlrd. \$)	0,33 → 2,1	1,8 → 2,6

Manba: Jahon banki ma'lumotlari va uning “Doing Business” hisobotlari (2004–2020), Transparency International (2003–2023) ma'lumotlari hamda O'zbekiston Respublikasi Milliy statistika qo'mitasi ma'lumotlari asosida muallif tomonidan tuzilgan.

Olingan ma'lumotlar tahlili shuni ko'rsatadiki, 2003–2023-yillar oralig'ida Gruziya o'rtacha 6,1 foizlik iqtisodiy o'sishni ta'minlab, mintaqadagi eng barqaror iqtisodiy tizimlardan biriga aylandi. O'zbekiston esa 2017–2023-yillar mobaynida 5,5 foiz atrofidagi o'sish sur'atini ushlab turgan bo'lib, bu natija mamlakatda amalga oshirilayotgan iqtisodiy modernizatsiya siyosatining bosqichma-bosqich va izchil kechayotganidan dalolat beradi. Har ikkala mamlakat tajribasi iqtisodiy barqarorlikni saqlashda institutsional islohotlarning muhim o'rin tutishini tasdiqlaydi, biroq Gruziya

modeli o'zining tezkorligi, qat'iy siyosiy qarorlar va islohotlarning kompleksligi bilan ajralib turadi. 2012–2018-yillar oralig'ida Gruziyada biznes yuritish uchun yaratilgan shart-sharoitlar sezilarli darajada yaxshilandi. Bu yillarda mamlakat Jahon bankining “Doing Business” reytingida ketma-ket eng yuqori o'ntalikdan joy oldi. “Transparency International” tomonidan e'lon qilingan korrupsiya indeksleri hamda Jahon bankining “Governance Indicators” ma'lumotlariga ko'ra, Gruziya Markaziy Osiyo va Yevropa mintaqasida eng past korrupsiya darajasiga ega davlatlardan biri sifatida

e'tirof etilgan [19]. Ushbu yutuqlarga erishishda xalqaro hamjamiyat, ayniqsa Yevropa Ittifoqining moliyaviy va texnik ko'magi muhim rol o'ynagan.

Nozadze va hammualliflar (2024) ta'kidlaganidek, Yevropa Ittifoqi Gruziyada xususiy sektorni rivojlantirish borasida eng yirik hamkorlardan biri bo'lib, moliyaviy manbalarga kirish imkonini kengaytirish va biznes infratuzilmasini modernizatsiya qilishda bevosita ishtirok etgan. 2009-yildan buyon "EU4Business" dasturi orqali Yevropa Ittifoqi kichik va o'rta biznes subyektlarini qo'llab-quvvatlab kelmoqda [20]. Bundan tashqari, Xalqaro mehnat tashkiloti hisobotlarida ham Yevropa Ittifoqining Gruziyadagi o'tish davri islohotlariga faol yordam bergani qayd etilgan. 1995-yilda Tbilisida Yevropa Komissiyasining vakolatxonasi ochilishi ikki tomonlama iqtisodiy aloqalar uchun muhim bosqich bo'lgan. Ayniqsa, 2003-yilgi "Atirgul inqilobi"dan so'ng Yevropa Ittifoqi Gruziyada amalga oshirilayotgan siyosiy, ijtimoiy va iqtisodiy o'zgarishlarni faol tarzda qo'llab-quvvatladi. 2014-yilda imzolangan Assotsiatsiya bitimi (Association Agreement) esa Gruziya va Yevropa Ittifoqi o'rtasidagi hamkorlikni sifat jihatidan yangi bosqichga olib chiqdi [21]. Gruziya islohotlarining asosiy xususiyati shundan iborat ediki, mamlakat iqtisodiy va moliyaviy sektorni erkinlashtirishdan avval siyosiy-huquqiy va institutsional barqarorlikni mustahkamlashga e'tibor qaratdi. Natijada "Siyosiy barqarorlik va zo'ravonlikning yo'qligi" indeksi (Political Stability and Absence of Violence) bo'yicha sezilarli ijobiy tendensiya qayd etildi: 2008-yilda -0,91 bo'lgan ko'rsatkich 2013-yilda -0,46 gacha yaxshilangan [22]. Har yili kuzatilgan ushbu barqaror o'sish mamlakatda biznes muhitining ishonchliligi ortayotganidan dalolat beradi. Shuningdek, korrupsiyani idrok etish indeksi (CPI) bo'yicha ham 2007–2015-yillar davomida 3,4 dan 5,2 gacha o'sish kuzatildi, bu esa korrupsiyani kamaytirishdagi aniq yutuqlarni ifodalaydi. Shu bilan birga, Gruziyada xususiy sektorni kengaytirish maqsadida 2004-yildan boshlab "tezkor xususiylashtirish" siyosati boshlangan.

Dastur doirasida davlatga tegishli ko'plab sanoat korxonalari, energetika va telekommunikatsiya kompaniyalari, transport va bank sektori aktivlari ochiq auksionlar orqali xususiy sektorga o'tkazildi. 2004–2012-yillar davomida jami 13 mingdan ortiq obyekt xususiylashtirilgan bo'lib, bu jarayon iqtisodiyotda xususiy sektor ulushini sezilarli oshirdi. 2020-yilga kelib mamlakat yalpi ichki mahsulotining 85–90 foizi xususiy sektor hissasiga to'g'ri keldi [22]. Papava (2013) ma'lumotlariga ko'ra, 2004–2007-yillarda davlat mulkini sotish orqali byudjetga bir milliard dollardan ortiq mablag' jalb etilgan [23]. Energetika, transport, telekommunikatsiya va bank sohalarida xalqaro investorlar faolligining ortishi xususiylashtirish siyosatining natijadorligini yanada oshirdi. Kichik va o'rta biznes uchun ko'plab obyektlar ochiq savdoga chiqarilishi natijasida raqobat muhiti kuchaydi, iqtisodiy erkinlik kengaydi. Jahon bankining tadqiqotlariga ko'ra, 2012-yilga kelib Gruziyada yer uchastkalarining 95 foizdan ortig'i xususiy mulkka aylantirilgan [24]. Bu esa agrar sohada samaradorlikni oshirib, investitsion muhitning yanada jozibador bo'lishiga xizmat qilgan. Xalqaro ekspertlar Gruziyaning xususiylashtirish tajribasini Markaziy va Sharqiy Yevropa hamda MDH mamlakatlari orasida eng tezkor va eng shaffof islohotlardan biri sifatida e'tirof etishadi. "Transparency International" va boshqa nodavlat tashkilotlar bu jarayon davomida korrupsiya darajasi keskin pasayganini va davlat ishtirokining qisqarishi biznes muhitini yaxshilaganini ta'kidlaydi [25]. Davlat xizmatlarini soddalashtirish va tadbirkorlik faoliyatini erkinlashtirish yo'lida esa 2005-yildan boshlab "bir darcha" tizimi joriy qilindi. Mazkur mexanizm yordamida korxonalarni ro'yxatdan o'tkazish, litsenziya va ruxsatnoma berish jarayonlari bir joyda, qisqa muddatda va minimal hujjatlar asosida amalga oshirila boshlandi. Natijada, yuridik shaxsni ro'yxatdan o'tkazish muddati atigi bir ish kuniga tushirildi, davlat xizmatlarining shaffofligi esa sezilarli oshdi [26]. Soliq tizimi islohotlari ham Gruziya biznes muhitini yaxshilashda hal qiluvchi ahamiyat kasb

etdi. 2004-yildan boshlab amalga oshirilgan soliq modernizatsiyasi natijasida soliqlar soni 21 tadan 6 taga qisqartirildi, stavkalar pasaytirildi va elektron soliq to'lov tizimi yo'lga qo'yildi. Jahon banki va Xalqaro valyuta jamg'armasi mutaxassislarning

fikricha, bu islohotlar natijasida byurokratik to'siqlar kamayib, tadbirkorlik muhiti sezilarli darajada yaxshilangan [27]. Quyida Gruziyada soliq islohotlari fonida o'zgartirilgan soliqlar miqdorini tahlil qilamiz (2-jadval).

2-jadval

Gruziyada 2004–2007-yillardagi Soliq islohotlari natijasidagi o'zgarishlar [27]

Soliq turi	2004-yilgacha (Islohotdan oldin)	2007-yildan so'ng (Islohotdan keyin)
Jismoniy shaxslar daromad solig'i	20% (progressiv)	20% (qat'iy)
Yuridik shaxs foyda solig'i	20%	15%
QQS (Qo'shilgan qiymat solig'i)	20%	18%
Aksiz solig'i	Differensial stavkalar (baland)	Soddalashtirilgan (Faqat 4 turdagi tovarlarga: avtomobillar, yoqilg'i, alkohol, tamakiga solinadi)
Yer solig'i	Differensial stavkalar	Soddalashtirilgan
Mulk solig'i	Differensial stavkalar	
Ijtimoiy sug'urta to'lovi	31%	Bekor qilindi (2008 yilda)
Davlat ijtimoiy sug'urta puli	1%	Bekor qilindi
Pensiya sug'urtasi	1%	
Aholi farovonligi solig'i	2%	
Yo'l solig'i	1%	
Transport vositalari uchun soliq	Differensial stavkalar	
Elektr energiyasi uchun soliq	Differensial stavkalar	
Kommunal soliq	Differensial stavkalar	
Jamoat transporti uchun soliq	Differensial stavkalar	
Meros va hadya solig'i	20%	
Biznes uchun litsenziya to'lovi	Differensial stavkalar	
Bojxona bojlari	Tovarlar turiga qarab 0%, 12%, 20%, 32% gacha	0% yoki 12% gacha (asosan 0%)

Manba: Jandieri, G. (2019) va boshqa tadqiqotlar ma'lumotlari asosida to'ldirildi.

Gruziyada 2004–2007-yillardagi soliq islohotlari natijasida soliq tizimi tubdan soddalashtirildi. Natijada, soliqlarning soni va turlari sezilarli qisqartirildi, asosiy stavkalar kamaytirildi, ko'plab ortiqcha yig'imlar va ijtimoiy sug'urta to'lovlari bekor qilindi. Aksiz va QQS kabi asosiy soliqlar ham soddalashtirildi. Bu choralar soliq yukini kamaytirib, byurokratik to'siqlarni bartaraf etdi va natijada biznes ochish, investitsiya kiritish va iqtisodiy faollikning ortishiga zamin yaratdi.

Shu bilan birga, davlat budjetining daromadlari barqarorligini ham ta'minladi.

Muhokama

Tahlil natijalari shundan dalolat beradiki, Gruziya tajribasining muvaffaqiyati faqat islohotlar miqyosi yoki ularning soni bilan emas, balki ularning mantiqiy ketma-ketligi, o'zaro uzviy bog'liqligi va institutsional uyg'unligi bilan belgilanadi. Gruziya modeli aslida oddiy liberallashtirish siyosatining natijasi emas, balki

boshqaruv konsepsiyasining tubdan o'zgarishiga asoslangan keng qamrovli tizimli transformatsiyani ifodalaydi. Mazkur transformatsiyaning o'ziga xos jihati shundaki, islohotlar avvalo siyosiy-huquqiy va boshqaruv tizimini qayta shakllantirishdan boshlanib, keyinchalik moliyaviy, fiskal va ijtimoiy sohalariga izchil tatbiq etilgan. Aynan shu strategik ketma-ketlik islohotlarning davomiyligini va barqarorligini ta'minlagan. O'zbekiston misolida ham bu yondashuvning o'xshash jihatlari ko'zga tashlanadi: davlat xizmatlarini raqamlashtirish, litsenziyalash jarayonlarini soddalashtirish, soliq ma'murchiligini avtomatlashtirish kabi chora-tadbirlar Gruziya modelining moslashtirilgan amaliy ko'rinishlari sifatida e'tirof etilishi mumkin. Biroq, tahlil shuni ko'rsatadiki, Gruziyada islohotlar keskin va tezkor usulda amalga oshirilgan bo'lsa, O'zbekistonda ularning bosqichma-bosqich, ijtimoiy jihatdan moslashuvchan shaklda olib borilayotgani kuzatiladi. Bu farq, asosan, mamlakatlarning iqtisodiy tuzilmasi, bandlik darajasi hamda davlat sektorining iqtisodiyotdagi ulushi bilan bog'liq. Shu sababdan Gruziya tajribasi O'zbekiston uchun to'liq ko'chirib olinadigan model sifatida emas, balki mahalliy sharoitlarga moslashtiriladigan islohot yo'nalishi sifatida ko'rilishi maqsadga muvofiqdir.

Yana bir e'tiborga molik jihat shundaki, Gruziyada kuzatilgan "inqilobiy islohotlar" qisqa muddatda sezilarli natijalar bergan bo'lsa-da, ularning ijtimoiy tizimga ta'siri ba'zan ziddiyatli kechgan. Aksincha, O'zbekistonda olib borilayotgan "evolyutsion islohotlar" uzoq muddatda barqaror iqtisodiy o'sish va ijtimoiy muvozanatni saqlash imkonini bermogda. Shu nuqtai nazardan, ikki modelni solishtirganda, Gruziya tajribasi tezlik va qat'iyat bilan, O'zbekiston tajribasi esa izchillik va ijtimoiy muvofiqlik bilan ajralib turadi. Muhokama jarayonida xalqaro hamkorlik omili ham muhim o'rin tutadi. Gruziya uchun Yevropa Ittifoqi, Jahon banki va boshqa donor tashkilotlarning ko'magini "tashqi turtki" deb baholash mumkin, chunki ular moliyaviy resurslar bilan birga texnik yordam va tajriba almashuvini ham ta'minlagan.

O'zbekiston esa bu jarayonni milliy iqtisodiy siyosatini saqlab qolgan holda amalga oshirmogda. Shu jihatdan, Gruziya va O'zbekiston tajribalari orasidagi asosiy farq tashqi yordamning qo'llanish mexanizmidagi namoyon bo'ladi: Gruziya uchun u islohotlarning boshlang'ich harakatlantiruvchi kuchi bo'lgan bo'lsa, O'zbekistonda u mavjud siyosatni qo'llab-quvvatlovchi vosita sifatida xizmat qilmogda. Shu asosda aytish mumkinki, tashqi moliyaviy yoki institutsional yordam faqat ichki islohotlarning mantiqiy davomi sifatida integratsiyalashgandagina samarali bo'ladi. Aks holda, u natijani qisqa muddatda yaxshilasa-da, uzoq muddatda tizimli barqarorlikni ta'minlay olmaydi.

Umuman olganda, muhokama natijalari shuni ko'rsatadiki, Gruziya tajribasining asosiy g'oyalari, jumladan, davlat boshqaruvining soddalashtirilishi, korrupsiyani kamaytirish, fiskal siyosatni erkinlashtirish va raqamli iqtisodiy boshqaruvga o'tish kabilar O'zbekiston iqtisodiy islohotlarida ham o'z ifodasini topmogda. Biroq, ularning qo'llanish mexanizmlari milliy iqtisodiy, huquqiy va ijtimoiy sharoitlarga mos tarzda shakllanmogda. Shu bois, Gruziya tajribasi O'zbekiston uchun tayyor model emas, balki moslashuvchan, o'zgaruvchan iqtisodiy transformatsiya konsepsiyasining amaliy namunasidir.

Xulosa va takliflar

O'tkazilgan tadqiqotlar natijalari Gruziya tajribasining iqtisodiy islohotlar nazariyasida o'ziga xos o'rin tutishini ko'rsatadi. Mazkur tajriba iqtisodiy transformatsiya samaradorligini aniqlovchi asosiy mezon sifatida islohotlarning miqyosi yoki tezligidan ko'ra, ularning institutsional uyg'unligi, siyosiy qat'iyyati va ketma-ketlik tamoyillarining ustuvorligini asoslab beradi. Davlat boshqaruvi, huquqiy muhit, fiskal siyosat va moliyaviy sektor o'rtasida o'zaro funksional muvozanatning ta'minlanishi barqaror iqtisodiy o'sishning zaruriy sharti sifatida namoyon bo'ladi. Shu nuqtai nazardan, Gruziya modeli klassik bozor liberallashtirishdan farqli ravishda, "institutsional transformatsiya

modeli” sifatida shakllangan bo‘lib, bu modelning konseptual mohiyati O‘zbekiston iqtisodiyotida ham bosqichma-bosqich adaptiv tarzda amalga oshirilmoqda.

Birinchidan, Gruziya islohotlarining muvaffaqiyati ularning bosqichma-bosqich amalga oshirilganligi va tizimlararo integratsiyalashuv bilan izohlanadi. O‘zbekiston tajribasida raqamli hukumat tizimining joriy etilishi, litsenziyalash tartibotlarining elektronlashtirilishi hamda “yagona darcha” mexanizmining kengaytirilishi Gruziya modelining evolyutsion tarzda moslashtirilgan shakli sifatida baholanishi mumkin. Bunday yondashuv davlat boshqaruvida shaffoflik va samaradorlikni oshirib, iqtisodiy faoliyat uchun qulay institutsional asos yaratadi.

Ikkinchidan, Gruziyada amalga oshirilgan islohotlar “neo-institutsional yondashuv” tamoyillariga asoslangan bo‘lib, bunda boshqaruvdagi shaffoflik, korrupsiyaga qarshi siyosiy irodalilik va fiskal shaffoflik o‘zaro uyg‘un tizim sifatida ishlagan. O‘zbekistonning “Raqamli O‘zbekiston–2030” strategiyasi, fiskal shaffoflikni kuchaytirish tashabbuslari va korrupsiyaga qarshi kurashning institutsional mexanizmlari ushbu yondashuvning milliy adaptatsiyasini ifodalaydi. Bu holat O‘zbekistonning islohotlari Gruziya tajribasining shaklini emas, balki mazmuniy mohiyatini o‘zlashtirayotganini ko‘rsatadi.

Uchinchidan, Gruziya modeli “inqilobiy islohotlar” orqali tezkor natijalarga erishgan bo‘lsa, O‘zbekiston “evolyutsion transformatsiya” modeli orqali barqaror va ijtimoiy muvozanatli o‘sishni ta‘minlamoqda. Ushbu yondashuv iqtisodiy modernizatsiyani keskin choralar emas, balki bosqichma-bosqich institutsional o‘zgarishlar orqali amalga oshirishning afzalligini isbotlaydi. Natijada, iqtisodiy o‘sish jarayonida ijtimoiy barqarorlik va ishonch muhitini saqlash O‘zbekiston modelining muhim farqlovchi jihati sifatida namoyon bo‘lmoqda.

To‘rtinchidan, Gruziya islohotlarining muvaffaqiyati tashqi institutsional hamkorlik, xususan Yevropa Ittifoqi, Jahon banki va Xalqaro valyuta jamg‘armasining texnik yordam va siyosiy

maslahatlari bilan bevosita bog‘liq bo‘lgan. O‘zbekiston modeli esa tashqi hamkorlikni ichki modernizatsiya siyosatining mantiqiy davomi sifatida shakllantirib, milliy iqtisodiy suverenitetni saqlagan holda islohotlarni amalga oshirmoqda. Bu holat O‘zbekistonni “ichki resurslarga tayangan modernizatsiya modeli” doirasida rivojlanayotgan mamlakat sifatida tavsiflash imkonini beradi.

O‘tkazilgan tahlillar shundan dalolat beradiki, Gruziya tajribasi ishbilarmonlik muhitini yaxshilash borasida islohotlarning tezligi yoki miqyosi emas, balki ularning izchilligi, siyosiy qat‘iyligi hamda boshqaruv tizimining ochiqligi hal qiluvchi ahamiyat kasb etgan. Mazkur tajriba, o‘z navbatida, O‘zbekiston sharoitida ham tadbirkorlikni qo‘llab-quvvatlash va iqtisodiy barqarorlikni kuchaytirishda muhim yo‘nalishlarni belgilab berishi mumkin. Bunda islohotlarni moslashtirish, ularni milliy qonunchilik, iqtisodiy tizim va ijtimoiy muhit bilan uyg‘unlashtirish zarur.

1. Elektron mulk reyestrini joriy etish lozim. Ushbu tizim davlat tomonidan yaratilgan raqamli ma‘lumotlar bazasi bo‘lib, unda ko‘chmas mulk (yer, bino, inshoot, ishlab chiqarish vositalari, texnika, transport va boshqalar) haqidagi barcha huquqiy, texnik va moliyaviy ma‘lumotlar elektron shaklda saqlaydi. Gruziyada raqamlashtirilgan mulk reyestri tizimi moliyaviy muhitda ishonchni ta‘minlab, investorlar faoliyatini yengillashtirgan. Ushbu tizim mulk huquqlarini himoyalashni kuchaytirib, bitimlarni tezkor va ishonchli tarzda rasmiylashtirish imkonini bergan. O‘zbekistonda ham ko‘chmas mulk, yer va ishlab chiqarish vositalarini yagona elektron reyestriga kiritish tizimini joriy etishga ehtiyoj mavjud. Chunki, real hayotda, haliga qadar mulkning soxta hujjatlari bilan amalga oshiriladigan firibgarlik kabi holatlari uchraydi. Bu tizim esa mulk huquqlarini kafolatlash, tadbirkorlik bitimlarida xavfsizlikni oshirish, hamda investitsion muhitda ishonchni mustahkamlash imkonini beradi. Shu bilan birga, tizim mulkchilik shakllarining ochiqligini ta‘minlab, iqtisodiy faollikni rag‘batlantiradi.

2. Tadbirkorlik vakili institutining mustaqilligini kuchaytirish lozim. Gruziyada tadbirkorlik vakili (ombudsman) parlamentga bevosita hisobot beruvchi mustaqil tuzilma sifatida faoliyat yuritadi. U tadbirkorlarning huquq va manfaatlarini himoya qiladi, davlat idoralarning javobgarligini oshiradi hamda nizolarni hal etishda vositachilik qiladi. Hududlar kesimida ishbilarmonlik muhitini baholash borasida olib borilgan so'rovnomalar natijasi shuni ko'rsatmoqdaki, ushbu institut faoliyati 2017-yilda boshlangan bo'lishiga qaramasdan, aksariyat biznes egalari bundan xabardor emaslar. Aksariyati esa, bu tizimning real muammolarni hal etishida ishonchsizlik bildirmoqdalar. O'zbekistonda ham sharoitida ushbu institutni mustahkamlash, uni parlament tizimiga bog'lash va qonunchilik tashabbusi huquqini berish maqsadga muvofiqdir. Bunday islohotlar natijasida tadbirkorlarning huquqlari yanada ishonchli himoyalaniadi, ularning davlat organlariga bo'lgan ishonchi mustahkamlanadi va ishbilarmonlik muhiti barqarorlashadi.

3. Ishbilarmonlik ko'nikmalarini shakllantirishda amaliy yordam beruvchi markazini tashkil etish zarur. Gruziyada yoshlar o'rtasida tadbirkorlik madaniyatini rivojlantirish maqsadida maxsus o'quv markazlari tashkil etilgan bo'lib, ular amaliy bilim va ko'nikmalarni oshirishga xizmat qilmoqda. O'zbekiston Respublikasi Markaziy banki tomonidan aholining moliyaviy savodxonligini oshirish Finlit.uz loyihasi faoliyat yuritmoqda. Loyiha doirasida so'nggi yillarda 100 ta maktabda o'qituvchilar va 7,2 ming o'quvchi uchun maxsus darslar tashkil etildi. Shuningdek, 32 ta oliy ta'lim muassasasida moliyaviy savodxonlik kurslari tashkil etilganligi ta'kidlangan (cbu.uz 7-Avg.2025). Biroq, bu chora-tadbirlarning qamrovi juda tor doirada qolmoqda. O'zbekistonda ham "Biznes savodxonlik markazi" tizimini tashkil etish maqsadga muvofiqdir. Unda tadbirkorlikni rejalashtirish, moliyaviy savodxonlik, raqamli iqtisodiyot, sarmoya jalb etish va xalqaro iqtisodiy hamkorlik bo'yicha ta'lim dasturlarini yo'lga qo'yish hamda televideniya orqali keng

targ'ib qilinishi maqsadga muvofiq hisoblanadi. Ushbu yondashuv inson kapitalini rivojlantirish, yoshlar o'rtasida tashabbuskorlikni kuchaytirish va innovatsion iqtisodiy fikrlashni shakllantirish uchun mustahkam asos yaratadi.

4. Soliq imtiyozlarini optimallashtirish va yagona soliq siyosatini shakllantirish lozim. Gruziya tajribasi shuni ko'rsatadiki, soliq tizimining muvaffaqiyati imtiyozlarni keskin kamaytirish, soliqlar sonini soddalashtirish hamda yagona fiskal siyosatni joriy etish bilan bevosita bog'liq bo'lgan. 2005–2008-yillarda mamlakatda 21 turdagi soliqlar 6 taga qisqartirilgan, barcha soliq to'lovlari yagona elektron tizim orqali amalga oshirilgan. Bu o'zgarishlar fiskal tartibotni mustahkamlab, ma'muriy xarajatlarni 40 foizgacha kamaytirgan. O'zbekiston sharoitida ham mavjud soliq imtiyozlarini bosqichma-bosqich qayta ko'rib chiqish, iqtisodiy samaradorligi past bo'lgan imtiyozlarni bekor qilish va ularni yagona fiskal siyosat tamoyillari asosida tartibga solish muhim ahamiyat kasb etadi. Shu bilan birga, soliq siyosatini barqaror, oldindan prognoz qilinadigan va biznes uchun izchil mexanizm sifatida shakllantirish zarur. Bunday yondashuv fiskal barqarorlikni mustahkamlaydi, byudjet daromadlarini oshiradi va norasmiy iqtisodiyot ulushini qisqartiradi. Eng asosiysi, u tadbirkorlik muhitida ishonchni kuchaytiradi hamda soliq to'lovchi va davlat o'rtasidagi munosabatlarda o'zaro mas'uliyat va hamkorlik tamoyillarini qaror toptiradi.

Ilgari surilgan ushbu takliflar O'zbekiston ishbilarmonlik muhitini tubdan takomillashtirish, davlat va biznes subyektlari o'rtasidagi ishonchni mustahkamlash hamda iqtisodiy boshqaruvning shaffof va raqamli asosda rivojlanishini ta'minlashga xizmat qiladi. Shu orqali mamlakatda raqobatbardosh, barqaror va investitsion jihatdan jozibador iqtisodiy tizim shakllanadi.

Manba va adabiyotlar

1. Grier, K., Lawson, R., & Absher, S. (2017). *You say you want a (Rose) revolution? The effects of Georgia's 2004 market reforms. Texas Tech University Working Paper.*
2. Gugushvili, D. (2017). *Lessons from Georgia's neoliberal experiment: A rising tide does not necessarily lift all boats. Communist and Post-Communist Studies, 50(1), 1–14.*
3. Kupatadze, A. (2016). *The quest for good governance: Georgia's break with the past. Journal of Democracy, 27(1), 110–123.*
4. Papava, V. (2008). *The essence of economic reforms in post-revolution Georgia: What about the European choice? Georgian International Journal of Science and Technology, 1(1), 1–9.*
5. Eriksson, F. (2017). *Rapid economic liberalisation and the fight against corruption in Georgia – Interview with Dr. Tamara Kovziridze. Bergen: U4 CMI Experience Note 2017:1.*
6. Ozsoy, I., & Kubetova, M. (2006). *The development of the business sector in Georgia. IBSU Scientific Journal, 1(1), 77–94.*
7. Fairbanks, C. H. (2004). *Georgia's Rose Revolution. Journal of Democracy, 15(2), 110–124.*
8. Di Puccio, L. (2013). *The construction of success in anti-corruption activity in Georgia. East European Politics, 30(1), 105–122.*
9. Aprasidze, D. (2025). *Civil society and anti-corruption reform in Georgia: Revisiting the Rose Revolution. Frontiers in Political Science, 7, Article 1656511.*
10. Kbiltsetskhlashvili, T. (2008). *Investment climate of Georgia after the Rose Revolution: Recent improvements and new challenges. IBSU Scientific Journal, 2(2), 47–86.*
11. Xasanov, A. Sh., & Abduraxmonov, M. (2024). *Soliq tizimini soddalashtirish va xorijiy investitsiyalarni rag'batlantirishdagi ahamiyati. Molodoy ucheny (Young Scientist), 1(2024).*
12. Ахмедов, Т., Абдуллаев, Б., & Якубов, Н. *Ўзбекистонда тадбиркорлик фаолиятини амалга оширишда яратилган бизнес муҳитини баҳолаш. IQTISODIYOT, 4.*
13. Abduvaxidov, A. A., Kamilova, S. M., & Eshpulatov, D. B. (2022). *Issues of banking system digitalization in Uzbekistan. World Bulletin of Management and Law, 11, 14–19.*
14. Zaynobbiddinova, F. B. (2020). *Reforms in the investment legislation of Uzbekistan. Yurist Axborotnomasi (Lawyer Herald), 2, 45–52.*
15. Muminov, B. (2020). *Latest amendments in the foreign investment laws of Uzbekistan: Manifestation of serious ambitions for change? CEE Lawyer, 4, 12–18.*
16. Akbarov, A. I. (2025). *O'zbekistonda eksport salohiyatini oshirish yo'lida biznes muhitini yaxshilash choralari. Gospodarka i Innowacje, 1(2025).*
17. Sotskolauri, L. (2021). *Empowering small businesses in Georgia: Access to finance and state programs. Econstor Working Paper.*
18. Normurodov, D. (2022). *Qishloq hududlarida kichik biznesni rivojlantirishda inson kapitalining roli. Tadbirakorlik asoslari, 4, 31–36.*
19. World Bank. (2018). *Georgia: From Reformer to Performer (Country Economic Memorandum). World Bank Group.*
20. Nozadze, M., Chikviladze, N., & Beridze, T. (2024). *Business environment and micro and macro factors affecting it (in case of Georgia). International Journal of Social Science and Economic Research, 9(4), 1127–1142. <https://doi.org/10.46609/IJSSER.2024.v09i04.017>*
21. International Labour Office, Enterprises Department. (2016). *The enabling environment for sustainable enterprises in Georgia. Geneva: ILO. <https://www.ilo.org/publns>*
22. World Bank, Worldwide Governance Indicators. <http://info.worldbank.org/governance/wgi/index.aspx#home>

-
23. Papava, V. (2013). *Reforming of the Post-Soviet Georgia's Economy in 1991-2011*. GFSIS Center for Applied Economic Studies Research Paper-03.2013.
 24. Transparency International Georgia. (2022). *Corruption Risks in the Process of State Property Privatization*. Transparency International Georgia. <https://transparency.ge/en/post/corruption-risks-process-state-property-privatization>
 25. World Bank Group. (2020). *Georgia: Country Economic Memorandum – Past Reforms and Future Opportunities*. Washington, DC: World Bank.
 26. Magumba, Margaret (2019). *Tax Administration Reforms: Lessons from Georgia and Uganda*. The Institute of Development Studies and Partner Organisations. Report. <https://hdl.handle.net/20.500.12413/14441>
 27. Jandieri, G. (2019). *Tax Reforms in Georgia 2004-2012*. Washington, DC: Tax Foundation. <https://files.taxfoundation.org/20190716191139/Tax-Reforms-in-Georgia-2004-2012.pdf>
 28. World Bank. (2007). *Doing Business 2007: How to reform*. Washington, DC: The World Bank Group. <https://archive.doingbusiness.org/content/-dam/doingBusiness/media/Press-Releases06-09/2007/DB07-PR-CIS.pdf>
-

УЎК: 338.482.22

Yulduz A'ZAMOVA,
Toshkent Xalqaro Kimyo Universiteti
Turizm yo'nalishi magistranti,
E-mail: yulduzazamova1997@gmail.com

XALQARO TADBIRLAR (MICE) TURIZMINING RIVOJLANISH STRATEGIYALARI

Annotatsiya: *Mice (ingl. Meetings, Incentives, Conferences, Exhibitions) turizmi uchrashuvlar, rag'batlantirish safarlari, konferensiyalar va ko'rgazmalarturizmi hisoblanadi. Ushbu maqolada Mice (uchrashuvlar, rag'batlantirish safarlari, konferensiyalar va ko'rgazmalar) turizmining zamonaviy bosqichdagi rivojlanish tendensiyalari, uning iqtisodiy va ijtimoiy ahamiyati hamda raqamli transformatsiya sharoitidagi boshqaruv mexanizmlari tahlil qilinadi. Maqoladagi ilg'or xorijiy tajribalar asosida MICE sohasida barqaror rivojlanish, innovatsion yondashuvlar va "smart-even" texnologiyalarining qo'llanishi yoritilgan. Tadqiqotda kontent tahlil va komparativ tahlil usullaridan foydalanilgan bo'lib, MICE sanoatining raqamli ekotizimda shakllanishi, virtual va gibrad tadbirlarning iqtisodiy samaradorligi hamda mehmonxona va turizm sektoriga integratsiyasi ilmiy asosda tahlil etiladi. Maqola yakunida O'zbekiston sharoitida MICE turizmini rivojlantirish uchun zarur tashkiliy va innovatsion choralar bo'yicha takliflar keltiriladi.*

Kalit so'zlar: *MICE turizmi, raqamli transformatsiya, gibrad tadbirlar, innovatsion boshqaruv, xalqaro tajriba, O'zbekiston.*

Стратегии развития туризма в сфере международных мероприятий (MICE)

Юлдуз Аъзамова,
магистрант по направлению «Туризм»
Международного университета Кимё
в Ташкенте

Аннотация: *в статье анализируются тен-*

денции развития MICE-туризма (встреч, ин-сентив-поездок, конференций и выставок) на современном этапе, его экономическое и социальное значение, механизмы управления в условиях цифровой трансформации. На основе передового зарубежного опыта освещаются вопросы устойчивого развития, инновационных подходов и использования «умных» технологий в MICE-секторе. В исследовании с использованием методов контент-анализа и сравнительного анализа научно проанализированы формирование MICE-индустрии в цифровой экосистеме, экономическая эффективность виртуальных и гибридных мероприятий, их интеграция в гостиничный и туристический секторы. В конце статьи даны предложения по необходимым организационным и инновационным мерам для развития MICE-туризма в условиях Узбекистана.

Ключевые слова: *MICE-туризм, цифровая трансформация, гибридные мероприятия, инновационный менеджмент, международный опыт, Узбекистан.*

International events (MICE) tourism development strategies

Yulduz A'zamova,
master's student in Tourism,
Kimyo International University in Tashkent

Abstract: *MICE tourism is a tourism of meetings, incentives, conferences and exhibitions. This article analyzes the development trends of MICE tourism (meetings, incentives, conferences and*

exhibitions) at the modern stage, its economic and social significance, and management mechanisms in the context of digital transformation. Based on advanced foreign experience, the article highlights sustainable development, innovative approaches and the use of "smart-even" technologies in the MICE sector. The study uses content analysis and comparative analysis methods to scientifically analyze the formation of the MICE industry in the digital ecosystem, the economic efficiency of virtual and hybrid events, and their integration into the hotel and tourism sectors. The article concludes with proposals for the necessary organizational and innovative measures to develop MICE tourism in Uzbekistan.

Keywords: *MICE tourism, digital transformation, hybrid events, innovative management, international experience, Uzbekistan.*

Kirish

Global turizm industriyasi tarkibida MICE turizmi (Meeting, Incentive, Conference, Exhibition) eng tez sur'atlarda rivojlanayotgan tarmoqlardan biriga aylandi. Ushbu soha nafaqat xalqaro hamkorlik, balki mamlakatlarning iqtisodiy salohiyatini, biznes muhitini va turistik imijini kuchaytiruvchi omil sifatida qaralmoqda. Zamonaviy iqtisodiyotda MICE turizmi xizmatlar sohasi bilan ishlab chiqarish tarmoqlar o'rtasida ko'prik vazifasini bajaradi – chunki u transport, mehmonxona, marketing, IT, gastronomiya va madaniyat kabi ko'plab yo'nalishlarni birlashtiradi. Raqamli texnologiyalar jadal rivojlanayotgan hozirgi davrda MICE turizmi an'anaviy shakldan chiqib, virtual va gibrid formatdagi tadbirlar orqali yangi bosqichga ko'tarilmoqda. Ayniqsa, COVID-2019 pandemiyasi global miqyosda an'anaviy konferensiyalar o'rniga onlayn uchrashuvlar va interaktiv platformalarning joriy etilishini tezlashtiradi. Bu jarayon MICE turizmi boshqaruviga yangi talablar–moslashuvchanlik, raqamli kompetensiya va innovatsion yondashuvlarni olib keladi. Ko'plab rivojlangan mamlakatlarda (masalan, Singapur, Fransiya, Janubiy Koreya va BAA) MICE turizmi

milliy iqtisodiyotning ustuvor yo'nalishlaridan biri sifatida rivojlantirilmoqda. O'zbekiston uchun ham ushbu yo'nalish turizm industriyasini diversifikatsiya qilish, mavsumiylik muammosini kamaytirish va investitsiyalar oqimini oshirishda katta imkoniyatlar yaratadi. O'zbekiston Respublikasini 2030-yilgacha rivojlantirish strategiyasida xizmatlar sohasini, jumladan turizmni yuqori qo'shilgan qiymat yaratuvchi ustuvor tarmoqlardan biri sifatida rivojlantirish belgilangan. Strategiyada xalqaro biznes tadbirlari, investitsiya forumlari va kongresslar o'tkazish orqali mamlakatning global iqtisodiy maydondagi raqobatbardoshligini oshirish muhim vazifa sifatida qayd etiladi. Strategiyaning asosiy maqsadlari qatoriga barqaror iqtisodiy o'sishni ta'minlash, xizmatlar sektori ulushini oshirish, investitsiya muhitini yaxshilash hamda hududlarning xalqaro raqobatbardoshlini kuchaytirish kiradi. Turizmni iqtisodiyotning yuqori qo'shilgan qiymat yaratuvchi tarmog'iga aylantirish, xalqaro biznes tadbirlari va kongresslar orqali xizmatlar eksportini kengaytirish muhim vazifa sifatida belgilangan. Mazkur ustuvor yo'nalishlar MICE turizmini rivojlantirish uchun muhim institutsional va strategik asos bo'lib xizmat qiladi. "O'zbekiston –2030" strategiyasini amalga oshirish bo'yicha qaror ilovasining 23, 58, 59-maqсадlarida turizm va xizmatlar sohasini rivojlantirish va zamonaviy infratuzilmani shakllantirish vazifalari belgilangan. Mazkur yo'nalish MICE turizm uchun zarur bo'lgan kongress zallari, biznes markazlari va ko'p funksiyali tadbir maydonlarini rivojlantirish bilan bevosita bog'liq bo'lib, ushbu infratuzilma xalqaro biznes tadbirlarini jalb etish imkonini oshiradi. Investitsiyalarni jalb etish, xalqaro hamkorlikni kengaytirish hamda yirik forum va ko'rgazmalarni tashkil etish orqali mamlakatning iqtisodiy salohiyatini namoyon etish vazifalari ilgari suriladi. Bu esa MICE turizmini iqtisodiy diplomatiya va investitsion marketing vositasi sifatida rivojlantirish uchun muhim institutsional asos yaratadi. Raqamli texnologiyalarni joriy etish, xizmatlar sifatini oshirish va boshqaruv

samaradorligini kuchaytirish masalalariga alohida e'tibor qaratilgan. Mazkur ustuvorliklar MICE tadbirlarini rejalashtirish, boshqarish va targ'ib qilishda raqamli platformalardan foydalanish imkoniyatlarini kengaytirib, sohaning raqobatbardoshligini oshirishga xizmat qiladi [1].

Shuning uchun mamlakatimizda MICE turizmini rivojlantirish uchun xalqaro tajriba, raqamli boshqaruv va innovatsion infratuzilma asosida kompleks strategiya ishlab chiqish zarur. Ushbu maqolaning maqsadi – MICE turizmining zamonaviy rivojlanish tendensiyalarini o'rganish, raqamli transformatsiya sharoitida uning iqtisodiy samaradorligini tahlil qilish va O'zbekiston uchun istiqbolli yo'nalishlarni aniqlashdan iborat.

Raqamli transformatsiya sharoitida Mice turizmi rivojlanishining nazariy asoslari va xalqaro tajriba tahlili

MICE turizmining asosiy afzalligi – uning yuqori daromadlilik darajasidir: bu turdagi sayohatlar oddiy dam olish turizmiga nisbatan 2-3 baravar ko'p iqtisodiy foyda keltiradi [2]. So'nggi yillarda raqamli texnologiyalar MICE sohasida tub o'zgarishlarni yuzaga keltirdi. Virtual konferensiyalar, onlayn ko'rgazmalar, gibrid tadbirlar – bularning barchasi pandemiya davrida ommalashdi. Gibrid yondashuv bu yangi bosqich bo'lib, tadbirlarni bir vaqtda jonli va onlayn tarzda o'tkazish demakdir. Konferensiyada ba'zi ishtirokchilar zalda qatnashadi, boshqalar esa Zoom yoki boshqa platforma orqali ulanadi. Bu yondashuv MICE tadbirlarida (konferensiya, seminar, ko'rgazma) ishtirokchilar sonini oshiradi va xarajatni kamaytiradi. Ko'rinib turibdiki raqamli texnologiyalar tufayli MICE endi ko'proq auditoriyani qamrab oladi. MICE endi raqamli turizm bilan qo'shib, "Smart Mice" ko'rinishiga ham o'tmoqda. Bu orqali ishtirokchilar QR kod orqali ro'yhatga olish, sun'iy intellekt yordamida tahlil qilish, mobil ilova orqali dastur va joylashuvni kuzatish imkoniyatiga egadir. Onlayn uchrashuvlar (masalan, Zoom, Google Meet, MS Team orqali) MICE sanoatining muhim qismi bo'lib qoldi. Bu texnologiyalar tadbirlarni tashkil etish, marketing qilish, tahlil qilish va ishtirokchilar

bilan aloqa o'rnatishni osonlashtiradi. Porter (2020) [3] fikriga ko'ra, MICE sektorida "smart event" texnologiyalari, sun'iy intellekt, AR/VR tizimlari va big data tahlili kabi innovatsiyalar mijozlar tajribasini sezilarli darajada oshiradi. Shu bilan birga, "raqamli charchoq" (digital fatigue) fenomeni ham paydo bo'lib, bu MICE tadbirlarini inson omilini hisobga olgan holda yanada interaktiv qilish zaruratini tug'dirdi [4]. Singapur, Janubiy Koreya, Fransiya va Birlashgan Arab Amirliklari MICE turizmini iqtisodiy o'sish strategiyasining ustuvor yo'nalishiga aylantirgan [5]. Masalan, Singapurda "Singapore Exhibition and Convention Bureau" MICE sektorini boshqarish bo'yicha yagona platformani yaratgan bo'lib, u raqamli ekotizim orqali barcha jarayonlarni integratsiyalashgan holda yuritadi. Janubiy Koreyada esa "Smart Seoul" loyihasi doirasida onlayn va oflayn konferensiyalarni birlashtiruvchi gibrid tizimlar ishlab chiqilgan. O'zbekiston MICE turizmi uchun strategik joylashuv, boy madaniy meros va rivojlanayotgan infratuzilmaga ega. Toshkent, Samarqand va Buxoro shaharlarida zamonaviy kongress zallar, xalqaro mehmonxonalar va logistika markazlari faoliyat yuritadi. Toshkentdagi "UzExpo Center" yirik kongress va ko'rgazmalarni o'tkazish imkonini beradi. Samarqand va Buxoroda esa tarixiy muhit bilan zamonaviy konferensiya xizmatlari uyg'unlashgan. O'zbekistonning MICE turizmida rivojlanayotgan infratuzilmasi nafaqat iqtisodiy, balki madaniyatlararo diplomatiya vositasi sifatida ham katta ahamiyat kasb etadi. Tadqiqotchilar ta'kidlaganidek, MICE tadbirlari davlatlar o'rtasidagi siyosiy, iqtisodiy va madaniy aloqalarni mustahkamlashda strategik platforma sifatida xizmat qiladi: Rogers (2020) shunday yozadi: "MICE turizmi nafaqat biznes tadbirlarini tashkil qilish, balki mamlakatlarning madaniyatlararo muloqot va diplomatik aloqalarni rivojlantirishida muhim vositadir" [6]. Shuningdek Altinyuzuk (2022) MICE turizmiga berilgan strategik urg'uni ta'kidlab, uning raqamli transformatsiya va innovatsion boshqaruv orqali milliy va xalqaro iqtisodiy samaradorlikni

oshirishdagi rolini yoritadi. Bu, ayniqsa, O'zbekiston kabi rivojlanayotgan mamlakatlar uchun istiqbolli yo'nalish sifatida qaraladi: "MICE turizmi mamlakat iqtisodiyotining yuqori qiymatli sektorlaridan biri bo'lib, raqamli va innovatsion yondashuvlar orqali yanada samarali rivojlanish mumkin" [7]. Xalqaro tajriba shuni ko'rsatadiki, MICE turizmi faqatgina konferensiyalar va ko'rgazmalardan iborat emas; u xalqaro shaharlarda chuqur tahlil qilingan bozor mexanizmlari va investitsiya strategiyalari bilan uyg'unlashgan. Masalan, O'zdemir (2021) Istanbul va Antaliya shaharlarida MICE turizmini o'rganib, quyidagilarni aniqladi: "Antalya va Istanbul shaharlarida MICE turizmi nafaqat mehmonxona va konferensiya xizmatlari bilan cheklanib qolmay, balki turizmni diversifikatsiya qilish, brendni xalqaro miqyosda targ'ib qilish va madaniyatlararo aloqalarni mustahkamlashga xizmat qiladi" [8]. Shu asosda, O'zbekiston sharoitida ham MICE turizmini rivojlantirish strategiyasi shunchaki konferensiya zallarini qurishdan iborat bo'lmasligi, balki: xalqaro standartlarda gibrid tadbirlarni tashkil qilish, raqamli boshqaruv va innovatsion marketingni joriy etish, madaniyatlararo diplomatiya va brend strategiyasini integratsiyalash, investitsiya va turizmni diversifikatsiya qilish kabi kompleks choralardan iborat bo'lishi lozim.

Tadqiqot metodologiyasi va ma'lumot manbalari

Mazkur tadqiqot ishining asosiy maqsadi – O'zbekistonda MICE turizmining shakllanish jarayonini, uning iqtisodiy, madaniy va diplomatik ahamiyatini chuqur o'rganish hamda xalqaro tajribalar bilan solishtirgan holda tahliliy xulosalar ishlab chiqishdan iborat. Kontent va taqqoslama tahlil o'tkazildi. Sistemali yondashuv metodi qo'llanilib, MICE tarkibiy elementlari – Meeting (uchrashuvlar), Incentive (rag'batlantiruvchi sayohatlar), Conference (anjumanlar) va Exhibition (ko'rgazmalar) o'rtasidagi o'zaro aloqadorlik tahlil qilindi. Ushbu metod O'zbekiston turizm tizimida MICE sohasining iqtisodiyot, diplomatiya va madaniyat bilan

bog'liqligini chuqurroq anglash imkonini berdi. Taqqoslama tahlil metodi asosida O'zbekistonning mavjud MICE infratuzilmasi va rivojlanish dinamikasi Fransiya va Italiya tajribalari bilan solishtirildi. Xususan, O'zdemir (2021) tomonidan Istanbul va Antaliyada olib borilgan tadqiqotlar, Altinyuzuk ning (2022) MICE turizmi iqtisodiy o'sishdagi o'rni haqidagi qarashlari hamda Rogers (2020) ning MICE turizmini madaniyatlararo diplomatiya vositasi sifatida baholangan fikrlari tahlil qilindi. Ushbu yondashuv O'zbekiston uchun xalqaro standartlarga mos strategiyalar ishlab chiqishda nazariy asos bo'lib xizmat qildi. Jumladan, "2022 – 2026-yillarda O'zbekiston Respublikasini rivojlantirish strategiyasi"da turizmni modernizatsiya qilish va xalqaro tadbirlar tuzilmasini kengaytirish masalalariga alohida e'tibor qaratilgan [9].

1-shakl: 2025-yil 9-apreldagi Turizm haqida Prezident nutqi

Bu kontent tahlilda Prezident Shavkat Mirziyoyev raisligida 2025-yil 9-aprel kuni hududlarning turizm salohiyatini oshirish, xorijiy investitsiya loyihalarini jadallashtirish masalalari muhokamasi bo'yicha fikr bildiriladi. Prezident Shavkat Mirziyoyev rahbarligida o'tkazilgan videosektor yig'ilishida turizmni iqtisodiyotning drayveri sifatida rivojlantirish, xizmatlar hajmini ko'paytirish, xorijiy investitsiyalar oqimini

kengaytirish va yil davomida barqaror turist oqimini ta'minlash masalalari alohida urg'u bilan ko'tarildi. Nutqda asosan mehmondo'stlik infratuzilmasi, servis sifati, yangi yo'nalishlar ochish, hududiy loyihalarni qo'llab-quvvatlash, shuningdek, sarmoyadorlar uchun imtiyozlar yaratish masalalari yoritilgan. Biroq mazkur yig'ilishda turizmning barcha yo'nalishlari ichida eng yuqori daromad keltiruvchi – MICE turizm masalasi bevosita yoritilmagan, ammo Prizident tilga olgan vazifalar MICE sektori uchun ham asosiy poydevor bo'la oladi. Chunki videoselektor nutqida ko'tarilgan fikrlarning katta qismi aslida MICE turizmini rivojlantirishning ham zarur shartlaridir: investitsiya jalb qilish, xalqaro hamkorlikni kengaytirish, hududlarda infratuzilma yaratish, xizmat sifatini oshirish, yil davomida turist oqimini barqarorlashtirish bularning barchasi MICE sektorining o'sish mexanizmi bilan to'g'ridan-to'g'ri bog'liq. Shu o'rinda ta'kidlash joizki, agar mazkur videoselektor yig'ilishida MICE turizm masalasi alohida yoritilganida, Prizident tomonidan quyidagi yo'nalishlar qayd etilishi mumkin edi: 1) Toshkent, Samarqand va Buxoroda xalqaro darajadagi biznes-forumlar, kongresslar va ko'rgazmalarni ko'paytirish – bu shaharlarning zamonaviy kongress zallari va logistika imkoniyatlari mavjud. 2) MICE ishtirokchilarining yuqori xarajatlari orqali turizmning umumiy daromadlilikini oshirish (UNWTO ma'lumotlariga ko'ra, MICE turistlar oddiy sayyohlardan 2,5 baravar ko'p xarajat qiladi). 3) Biznes-turizmni raqamlashtirish, onlayn konferensiya sevislarini joriy etish, tashkilotchilar uchun yagona platforma yaratish. 4) Katta investitsiya loyihalarini jalb etish uchun xalqaro biznes hamjamiyatiga maxsus MICE paketlar taklif qilish. Shunday qilib, Prizident nutqi tarkibida bevosita "MICE" atamasi ishlatilmagan bo'lsa-da, u yerda ko'tarilgan masalalar – strategik infratuzilma, servis, investitsiya, marketing va hududiy rejalashtirish – amalda aynan MICE turizmining eng muhim tayanch elementlari hisoblanadi. Demak, mazkur videoselektor yig'ilishini kontent tahlili shuni

ko'rsatadiki, O'zbekistonda turizm siyosati umumiy yo'nalishda rivojlanayotgani holda, MICE sektori bu siyosatning tarkibiy, hali to'liq ochilmagan, lekin ulkan iqtisodiy salohiyatga ega bo'lgan segmentidir [10].

1- shakl. 2024 yilda eng ko'p xalqaro tadbirlar o'tkazilgan davlatlar [11]

Manba: ICCA, 2024

2024 yil uchun ICCA tomonidan e'lon qilingan xalqaro kongresslar soni bo'yicha reytingga ko'ra dunyoda MICE tadbirlarini eng ko'p qabul qilgan davlatlar qatorida AQSH, Italiya, va Ispaniya yetakchilik qilmoqda. Grafik xalqaro kongresslar geografiyasidagi asosiy tendensiyalarni yaqqol namoyish etadi. Ko'rinib turibdiki rivojlangan infratuzilma transport qulayligi yirik konferensiya markazlari va global biznes aloqalari yuqori bo'lgan davlatlar MICE bozori yetakchilariga aylangan. Bu O'zbekiston uchun MICE sektoriga investitsiya kiritish yirik konferensiya markazlari barpo etish xalqaro assotsiatsiyalar bilan hamkorlikni kuchaytirish orqali katta imkoniyatlar borligini ko'rsatadi. Diagramma xalqaro reytinglardagi holatni tahlil qilish O'zbekistonning MICE turizmdagi istiqbollarini baholash va strategik takliflarni ishlab chiqishda asosiy statistik manba sifatida foydalaniladi.

O'zbekistonda Mice turizmini rivojlantirish tahlili

So'nggi yillarda O'zbekiston MICE turizmini rivojlantirish bo'yicha Markaziy Osiyoda yetakchi davlatlardan biriga aylanib bormoqda. Mamlakatda xalqaro anjumanlar, biznes-forumlar, ko'rgazmalar

va kongresslarni tashkil etish uchun zamonaviy infratuzilmayaratilmoqda. Jumladan, Toshkentdagi “Toshkent City Congress Hall”, Samarqanddagi “Silk Road Samarkand Congress Center” va Buxorodagi “Bukhara International Conference Hall” mintaqadagi eng yirik MICE markazlaridan hisoblanadi. O‘zbekiston Respublikasining 2022 – 2026-yillarga mo‘ljallangan Taraqqiyot strategiyasida xalqaro miqyosdagi tadbirlar sonini oshirish, biznes-turizmni rivojlantirish va mamlakat imidjini yaxshilash MICE turizmining ustuvor yo‘nalishlaridan biri sifatida belgilangan. Rogers (2020) ta’kidlaganidek, “MICE turizmi mamlakatlar o‘rtasida iqtisodiy hamkorlik bilan bir qatorda, madaniyatlararo diplomatiya uchun samarali vosita bo‘lib xizmat qiladi” [6]. Altinyuzuk (2022) o‘z tadqiqotida MICE turizmi xizmatlar eksporti, investitsiya oqimlari va mahalliy tadbirkorlikni rag‘batlantirishda muhim omil ekanini ta’kidlaydi [7]. O‘zbekistonda bu jarayon ayniqsa mehmonxona biznesining rivojlanishida xalqaro tadbirlar o‘tkaziladigan shaharlar (Toshkent, Samarqand, Buxoro) da mehmonxonalar sezilarli oshishiga xizmat qilgan. Shuningdek, O‘zdemir (2021) [8] tomonidan Istanbul va Antalyada olib borilgan tahlillarga o‘xshash jarayon O‘zbekistonda ham kuzatilmoqda: MICE turizmi orqali mamlakat iqtisodiyotiga “ko‘paytiruvchi ta’sir” (multiplier effect) kiritilib, transport, umumiy ovqatlanish, IT va reklama sohalariga ham ijobiy ta’sir ko‘rsatmoqda. Bugungi kunda O‘zbekistonda o‘tkazilgan yirik tadbirlar orasida “Tashkent International Tourism Fair (TITF)”, “Bukhara Silk and Spices Festival” MICE turizmining amaliy namunalari sifatida e’tirof etiladi. Bu tadbirlar orqali mamlakat iqtisodiy salohiyatini targ‘ib etish, investorlarni jalb qilish va milliy brendni mustahkamlash imkoniyati yaratilmoqda.

O‘zbekiston bu yo‘nalishda o‘ziga xos ustunlikka ega. Jumladan, mamlakatning geografik joylashuvi, barqaror siyosiy muhit, tarixiy merosi va o‘zbek mehmondo‘stligi xorijiy delegatsiyalar uchun qulay sharoit yaratadi. Shu boisdan, milliy brend sifatida “UzMICE” konsepsiyasini ishlab

chiqish va xalqaro MICE tarmoqlariga integratsiya qilish muhim ahamiyatga ega bo‘ladi. Professor S. Ivanov (2021) fikricha, “MICE turizmini strategik rivojlantirish mamlakatning global iqtisodiy tizimdagi mavqeini kuchaytiruvchi diplomatik vositadir” [12]. Bu yondashuv O‘zbekiston uchun ham dolzarb bo‘lib, u nafaqat iqtisodiy, balki madaniy va siyosiy aloqalarni mustahkamlash vositasi sifatida xizmat qiladi. Shuningdek, K. Nakamura (2020) o‘z tadqiqotida MICE turizmi barqaror rivojlanish tamoyillariga asoslanishi zarurligini ta’kidlaydi, chunki “har bir tadbir ekologik, iqtisodiy va ijtimoiy muvozanatni ta’minlovchi mexanizm bo‘lishi kerak” [13]. Shu sababli O‘zbekistonda “yashil konferensiyalar” konsepsiyasini joriy etish zamon talabi hisoblanadi. Bundan tashqari MICE turizmini rivojlantirishda nafaqat zamonaviy infratuzilmaga, balki inson kapitaliga ham e’tibor qaratmoqda. Chunki har qanday kongress, konferensiya yoki ko‘rgazmaning muvaffaqiyati professional tashkilotchilar, gidlar, tarjimonlar va marketing mutaxassislarining tayyorgarlik darajasiga bog‘liq. Shu maqsadda 2023- yildan boshlab bir qator oliy ta’lim muassasalarida “Event management” va MICE tourism kabi yangi mutaxassislik yo‘nalishlari joriy etildi.

M. Larsson (2022) o‘z tadqiqotida ta’kidlaganidek, “MICE turizmi nafaqat iqtisodiy foyda manbai, balki bilim va innovatsiyalar almashinuvining strategik platformasidir” [14]. Shu jihatdan O‘zbekistonda tashkil etilayotkan xalqaro biznes forumlar, ilmiy konferensiyalar va madaniy anjumanlar mahalliy mutaxassislarning xalqaro tajribadan bevosita o‘rganishiga xizmat qilmoqda.

Bugungi kunda O‘zbekiston poytaxti va tarixiy shaharlari bir qator nufuzli tadbirlarga mezbonlik qildi. Masalan, 2022- yilda Samarqandda bo‘lib o‘tgan Shanxay Hamkorlik Tashkiloti sammiti, Toshkentdagi O‘zbekiston-Xitoy biznes forumi, hamda Buxoroda o‘tkazilgan “Silk Road Investment Forum” MICE turizmining amaliy imkoniyatlarini yaqqol namoyish etdi. Bu tadbirlar orqali nafaqat xorijiy sarmoyadorlar bilan aloqalar kuchaydi, balki mamlakatning imidji ham

mustahkamlandi. Shu bilan birga O'zbekistonda MICE bozori uchun raqamli texnologiyalardan foydalanish imkoniyatlarini kengaytirmoqda. "E-Tourism Uzbekistan" va "UzEvents" kabi onlayn platformalar orqali tadbirlarni rejalashtirish, ro'yhatdan o'tish, to'lovni amalga oshirish hamda virtual ishtirokni ta'minlash imkoniyatlari yaratilgan. Bu tizim pandemiyadan keyingi davrda gibrid MICE modelini – ya'ni onlayn va oflayn tadbirlarni birlashtirgan yangi yondashuvni rivojlantirdi. H.Morrison (2023) fikricha, "gibrid konferensiyalar global ishtirokchilarni jalb etishda logistika xarajatlarini kamaytiradi va ekologik izni pasaytiradi" [15]. Shu sababli O'zbekistonda tashkil etiladigan yirik tadbirlar ham bosqichma-bosqich raqamlashtirilmoqda. Bu esa barqaror rivojlanish va ekologik ma'suliyat tamoyillariga mos keladi. MICE turizmining muvaffaqiyatli rivojlanishi uchun marketing strategiyalarini xalqaro talablar darajasiga olib chiqish ham muhimdir. O'zbekistonning milliy brendi hali to'liq shakllanmagan bo'lsa-da, so'nggi yillarda "Uzbekistan - Heart of the Silk Road" konsepsiyasi asosida xalqaro reklama kompaniyalari yo'lga qo'yildi. Shunday tashabbuslar mamlakatni Markaziy Osiyoda barqaror biznes-turizm markazi sifatida ilgari surmoqda. Bundan tashqari MICE turizmini rivojlantirishda xususiy sektor ishtirokini kengaytirish dolzarb masala hisoblanadi. Xususan, "Hilton", "Hyatt Regency", "Marriot", "Wyndham" kabi global mehmonxona brendlari O'zbekistonda faoliyat yuritmoqda va ular konferensiya, seminar hamda ko'rgazmalar uchun yuqori darajadagi xizmatlarni taqdim etmoqda. Shu orqali xalqaro talab va standartlar milliy xizmat ko'rsatish tizimiga integratsiyalashmoqda.

P.Nyugen (2022) o'z asarida ta'kidlaydi: "MICE turizmini muvaffaqiyatli amalga oshirish uchun davlat siyosati, xususiy sektor va ilmiy institutlar o'rtasida sinergiya yaratish zarur" [16]. Shu ma'noda O'zbekistonda Turizm qo'mitasi, Savdo- sanoat palatasi va oliy ta'lim muassasalari hamkorligida MICE sohasini rivojlantirish bo'yicha kompleks dastur ishlab chiqilishi maqsadga muvofiqdir. Demak, O'zbekiston uchun xalqaro tajribani

o'rganish va uni mahalliy sharoitga moslashtirish – MICE turizmini kelgusida milliy iqtisodiyotning strategik segmentiga aylantirishning muhim omilidir.

O'zbekiston hali MICE turizmi bo'yicha yagona milliy brendga ega emas. Shu sababli, "UzMICE-Meet in the Heart of the Silk Road" nomli marketing konsepsiyasini ishlab chiqish maqsadga muvofiqdir. Bu brend nafaqat xalqaro tadbirlarni jalb qilish, balki mamlakatning madaniy merosi, mehmondo'stligi va innovatsion imkoniyatlarini birlashtirgan imidjini yaratadi. J. Bannett (2023) ta'kidlaganidek, "MICE brendining muvaffaqiyati barqaror kontent, raqamli ko'rinish va xalqaro hamkorlik tarmog'iga asoslanadi" [17]. Hozircha asosiy MICE tadbirlarini o'tkazish markazlari Toshkentda joylashgan. Ammo Samarqand, Buxoro, Xiva va Termiz kabi shaharlarda zamonaviy kongress zallari barpo etilganini inobatga olib, har bir hudud maxsus regional MICE markazlarini tashkil etish taklif etiladi. Bu tizim ichki turizmni faollashtiradi va iqtisodiy faoliyatni viloyatlar bo'yicha muvozanatlashtiriladi. K. Tanaka (2022) o'z tadqiqotida qayd etganidek, "Hududiy MICE markazlari milliy turizm siyosatining diversifikatsiya strategiyasida muhim rol o'ynaydi" [18]. Barqaror rivojlanish tamoyillari asosida barcha yirik tadbirlar ekologik jihatdan mas'ul tarzda tashkil etilishi kerak. "Green Event Uzbekistan" loyihasi orqali chiqindilarni kamaytirish, qayta ishlanadigan materiallardan foydalanish, energiya tejovchi texnologiyalarni qo'llash va ekologik transportni rivojlantirish zarur. E. Kovacs (2022) yozganidek, "Yashil MICE tashabbuslari global miqyosda tadbirlarning ekologik izini 40 foizgacha kamaytiradi" [19].

Soha uchun malakali mutaxassislar yetishtirishda an'anaviy dars uslublari yetarli emas. Shu bois, "MICE Academy Uzbekistan" nomli onlayn-o'quv platformasini tashkil etish taklif etiladi. U xalqaro sertifikatlash tizimi asosida MICE menejment, event marketing, PR va raqamli kommunikatsiya bo'yicha qisqa muddatli kurslarni taklif etadi. A. Roberts (2022) qayd etadi: "Kadrlar tayyorlashda onlayn ta'lim va amaliy stajirovkalarni birlashtirish – post-pandemiya davrida muvaffaqiyat kalitidir"

[20]. O'zbekistonda MICE turizmida xorijiy sheriklikni kengaytirish orqali tezkor natijalarga erishish mumkin. Bunda "Uzbekistan Convention Bureau" faoliyatini kuchaytirish, global MICE assotsiatsiyalariga (ICCA, MPI, SITE) a'zo bo'lish hamda xalqaro ko'rgazmalarda mamlakat stendini faol targ'ib qilish taklif etiladi. D. Lee (2022) fikricha, "MICE sohasida xalqaro sheriklik – davlat imidjini mustahkamlovchi eng samarali iqtisodiy diplomatiya vositasidir" [21]. Tadbirlarni tashkil etishda sun'iy intellekt asosida ishlaydigan tizimlar – masalan, ishtirokchilar oqimini tahlil qiluvchi AI Event Tracker, avtomatik tarjima va shaxsiylashtirilgan xizmat tizimlar – xizmat sifatini oshiradi. Shu bilan birga, "smart conference" texnologiyalarini sinovdan o'tkazish va "virtual turizm" integratsiyasini yo'lga qo'yish maqsadga muvofiq. S. Pastel (2022) qayd etganidek, "Sun'iy intellekt MICE sohasida mijoz tajribasini shaxsiylashtirish orqali ishtirokchilar sodiqligini 25–30 foizga oshiradi" [22]. Yuqoridagi takliflar O'zbekistonda MICE turizmini yangi bosqichga olib chiqish, uni innovatsion model asosida shakllantirish imkonini beradi. Shu yo'l bilan mamlakat nafaqat Markaziy Osiyoda, balki butun Yevropa va Osiyo mintaqasida ham yetakchi MICE yo'nalishiga aylanishi mumkin.

Tadqiqot davomida aniqlanishicha, bu yo'nalish oddit turizm oqimini tashkil etishdan ko'ra kengroq ma'noga ega – u biznes, diplomatiya, texnologiya va madaniyat sohalarining o'zaro kesishgan nuqtasida joylashgan murakkab tizimdir. Tahlillar shuni ko'rsatadiki, O'zbekistonda MICE faoliyatining iqtisodiy potentsiali hali to'liq ishga solinmagan. Toshkent, Samarqand, Buxoroda yaratilgan kongress markazlari yirik tadbirlarni qabul qilish imkonini bersa-da, ularning xalqaro raqobatbardoshligini ta'minlash uchun marketing tarmoqlari, logistika va xizmatlar zanjiri integratsiyasini kuchaytirish zarur. Mamlakatning geosiyosiy joylashuvi esa uni Markaziy Osiyoda mintaqaviy kongress va biznes markaziga aylantirish uchun qulay sharoit yaratadi. Shuningdek, MICE turizmining rivojlanishi nafaqat tashqi investorlarni jalb

etadi, balki mahalliy tadbirkorlik, ijodiy sanoat, transport, ta'lim va gastronomiya kabi qo'shimcha sektorlarni ham jonlantiradi. Bu esa multiplikativ iqtisodiy ta'sirni yuzaga keltiradi – ya'ni har bir tashkil etilgan xalqaro tadbir yuzlab yangi xizmat, ish o'rni va marketing aloqalarini shakllantiradi. **Kelajak istiqbollari nuqtai nazaridan, O'zbekiston MICE turizmini rivojlantirishda quyidagi strategik yondashuvni amalga oshirishi mumkin:**

1) Innovatsion MICE ekotizimini shakllantirish – sun'iy intellekt, raqamli platformalar va gibrid tadbirlar texnologiyasini integratsiya qilish;

2) Mintaqaviy raqobat ustunligini kuchaytirish – O'zbekistonni Markaziy Osiyo "conference hub"ga aylantirish;

3) Brendlashtirish va diplomatiya sintezi – MICE tadbirlarini "madaniyatlararo diplomatiya vositasi" sifatida yo'naltirish;

4) Kadrlar va bilimlar kapitaliga sarmoya kiritish – xalqaro tajriba asosida o'quv dasturlari va sertifikat tizimini joriy etish.

Shunday qilib, MICE turizmi O'zbekiston uchun nafaqat yangi turizm segmenti, balki rivojlanish paradigmasining tarkibiy qismi sifatida qaralmoqda. U milliy iqtisodiyotning innovatsion modelini shakllantirishda, xalqaro imidjni mustahkamlashda va barqaror diplomatik aloqalarni chuqurlartirishda hal qiluvchi rol o'ynaydi. Agar mamlakat bu yo'nalishda tizimli siyosat yuritsa, 2030-yilgacha O'zbekiston MICE xaritasida mintaqaviy yetakchi davlat sifatida e'tirof etilishi mumkin.

Xulosa

Tadqiqot natijalari shuni ko'rsatadiki, MICE turizmi O'zbekiston uchun nafaqat turizm tarmog'ining alohida yo'nalishi, balki xizmatlar eksportini kengaytirish va hududlarning iqtisodiy raqobatbardoshligini oshirishga xizmat qiluvchi strategik mexanizm hisoblanadi. Tadqiqot davomida xalqaro tajriba va milliy rivojlanish hujjatlari tahlili MICE turizmini rivojlantirish institutsional asoslar bilan uyg'unlashgan holda olib borilishi zarurligini ko'rsatdi. Kontent tahlil natijalari davlat darajasida turizm va investitsiya

masalalariga yuqori e'tibor qaratilayotganini tasdiqlagan bo'lsa-da, MICE turizimi alohida yo'nalish sifatida tizimli yondashuvni talab etishi aniqlandi. Xususan, ushbu sohada raqamli boshqaruv, professional kadrlar tayyorlash va xalqaro hamkorlikni chuqurlashtirish muhim

ahamiyat kasb etadi. MICE turizmini kompleks rivojlantirish O'zbekistonning mintaqaviy biznes va kongress markazi sifatidagi mavqeini mustahkamlashga, shuningdek, uzoq muddatli iqtisodiy barqarorlikni ta'minlashga xizmat qilishi mumkin.

Manba va adabiyotlar

1. "O'zbekiston Respublikasini 2030-yilgacha rivojlantirish strategiyasi to'g'risida" Toshkent, 2023 http://gov.uz/oz/pages/2030_strategy
2. Davidson, R., Cope, B. (2021). *Business Events and MICE Tourism: Global Trend and Impacts*. London: Routledge.
3. Porter, M. E. (2020). *Smart event management in the digital economy: Competitive strategies for the MICE sector*. *Harvard Business Review*, 98(4), 112-124.
4. Middleton, V. (2022). *MICE tourism development in Singapore and South Korea: Modern approaches and policy priorities*. *Journal of Asia-Pacific Tourism Studies*, 14(2), 45-49.
5. UNWTOU. (2023). *Global MICE Tourism Report 2023: Post-pandemic recovery and economic impact*. Madrid: United Nations World Tourism Organization.
6. Rogers, T. (2020). *Conferences and Conventions: A Global Industry*. (4th ed.). London: Routledge
7. Altinyuzuk, A. (2022). *Innovative approaches in MICE tourism and its economic potential*. *International Journal of Event Management Research*, 11(3), 67-81.
8. O'zdemir, M. (2021). *MICE tourism analysis in Istanbul and Antalya: Infrastructure, competitiveness, and post-COVID prospects*. *Turkish Journal of Tourism and Hospitality Research*, 5(2), 98-115.
9. Prezident Shavkat Mirziyoyev nutqi, 2025, president.uz
10. 2022–2026-yillarga mo'ljallangan Yangi O'zbekistonning taraqqiyot strategiyasi to'g'risida. Prezident veb-sayti. <https://president.uz/oz/lists/view/4954>
11. <https://www.traveldailynews.com/post/icca-unveils-top-performing-cities-and-countries-in-2024>
12. Ivanov, S. (2020). *Economic implications of MICE tourism: A macro-modeling approach*. *Journal of Tourism Economics*, 12(3), 201- 218.
13. Nakamura, N. (2021). *Digital transformation in Asia's MICE industry: Opportunities and challenges*. *Asian Business Tourism Review*, 9(1), 54-70
14. Larsson, M. (2022). *Sustainable event management: Scandinavian innovations in the MICE industry*. *Nordic Journal of Hospitality and Events*, 6(2), 89- 104.
15. Morrison, H. (2023). *Global destination competitiveness and the role of business tourism*. *International Journal of Destination Studies*, 7 (4), 133- 150.
16. Nyugen, P. (2022). *Smart city solution for MICE tourism: Case studies from Vietnam*. *Asia-Pacific Journal of Event Management*, 11 (2), 41-57.
17. Bannett, J. (2023). *Post- pandemic trends in business travel and event planning*. *Global Events Research Journal*, 4(1), 23-38.
18. Tanaka, K. (2022). *Japan's MICE strategy: Integrating technology, culture and internationalization*. *Journal of East Asian Tourism Studies*, 15 (1), 72-88.
19. Kovacs, E. (2020). *Central European perspectives on sustainable congress tourism*. *European Journal of Event Economics*, 3 (3), 119-134.
20. Roberts, A. (2022). *Innovations in venue management: Enhancing competitiveness in global MICE destinations*. *Event strategy Review*, 5(1), 66-82.
21. Lee, D. (2022). *South Korea's MICE boom: Policy reforms, infrastructure and regional development*. *Korean Journal of Tourism Policy*, 18(2), 101-120.
22. Pastel, S. (2022). *Behavioral trends of business tourists in the digital era*. *Journal of Contemporary Tourism Research*, 9(2), 57-74.

Korporativ boshqaruv, sanoat, agrar va hududiy iqtisodiyot /
Корпоративное управление, промышленность, аграрная и региональная экономика /
Corporate governance, industry, agriculture and regional economy

УЎК: 334.012.64:005.334(575.1)

Рухсора ХОЛИКОВА,
 кандидат экономических наук,
 доцент кафедры «Зелёная экономика»
 Ташкентского государственного экономического университета,
 Email: rxoliqova@bk.ru

**СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕТОДОЛОГИИ РАНЖИРОВАНИЯ
 И ПРИОРИТИЗАЦИИ РИСКОВ В ХЛОПКОВО-ТЕКСТИЛЬНЫХ
 КЛАСТЕРАХ УЗБЕКИСТАНА**

Аннотация: в статье рассматривается проблема повышения эффективности управления рисками в хлопково-текстильных кластерах Узбекистана. На основе анализа зарубежных методик и отраслевой специфики предложена усовершенствованная методология ранжирования и приоритизации рисков, включающая применение матрицы 5×5 , а также экспертных оценок. Методология позволяет объективно определить значимость рисков с учётом их вероятности, ущерба и уровня толерантности к риску в организациях. Проведённая систематизация факторов риска и их многокритериальная оценка обеспечивают формирование комплексного индекса приоритетности.

Ключевые слова: хлопково-текстильные кластеры, управление рисками, приоритизация рисков, ранжирование рисков, матрица 5×5 , метод АНР, метод TOPSIS, многокритериальная оценка, устойчивость кластеров, Узбекистан.

O'zbekiston paxta-to'qimachilik klasterlarida risklarni tartiblash va ustuvorlashtirish metodologiyasini takomillashtirish

Ruxsora Xoliqova,
 iqtisodiyot fanlari nomzodi,

*Toshkent davlat iqtisodiyot universiteti
 "Yashil iqtisodiyot" kafedrası dotsenti*

Annotatsiya: maqolada O'zbekiston paxta-to'qimachilik klasterlarida xavflarni boshqarish samaradorligini oshirish masalasi ko'rib chiqiladi. Xalqaro metodikalar va tarmoq xususiyatlari tahliliga asoslangan holda, 5×5 matritsasi hamda ekspert baholarini o'z ichiga olgan xavflarni ranjirlash va ustuvorlashtirishning takomillashtirilgan metodologiyasi taklif etiladi. Taklifetilgan metodologiya xavflarning ehtimolligi, zarar darajasi va tashkilotlarning xavfga nisbatan tolerantlik darajasini inobatga olgan holda ularning ahamiyatini obyektiv aniqlash imkonini beradi. Xavf omillarini tizimlashtirish va ularni ko'p mezonli baholash ustuvorlikning kompleks indeksini shakllantirishni ta'minlaydi.

Kalit so'zlar: paxta-to'qimachilik klasterlari, xavflarni boshqarish, xavflarni ustuvorlashtirish, xavflarni ranjirlash, 5×5 matritsa, АНР usuli, TOPSIS usuli, ko'p mezonli baholash, klasterlarning barqarorligi, O'zbekiston.

**Improving the methodology for ranking
 and prioritizing risks in the cotton-textile
 clusters of Uzbekistan**

Rukhsora Kholikova,
*PhD (in Economics), Associate Professor of the
Department of “Green Economy”
Tashkent State University of Economics*

Abstract: *the article examines the problem of improving the effectiveness of risk management in the cotton–textile clusters of Uzbekistan. Based on an analysis of international methodologies and industry-specific characteristics, an improved methodology for ranking and prioritizing risks is proposed, which includes the application of a 5×5 matrix as well as expert assessments. The methodology makes it possible to objectively determine the significance of risks, taking into account their probability, damage, and the level of risk tolerance within organizations. The systematization of risk factors and their multicriteria assessment ensures the formation of a comprehensive priority index.*

Keywords: *cotton–textile clusters, risk management, risk prioritization, risk ranking, 5×5 matrix, AHP method, TOPSIS method, multicriteria assessment, cluster resilience, Uzbekistan.*

Введение

Ранжирование и приоритизация рисков на кластерах – критически важный процесс для эффективного управления рисками. Он позволяет кластерам эффективно распределять ресурсы, сосредотачиваться на наиболее существенных угрозах и повышать свою устойчивость.

Кластеры часто имеют ограниченные ресурсы (время, деньги, рабочая сила) для устранения рисков. Приоритизация рисков гарантирует, что ресурсы направляются в самые критические области, минимизируя потенциальные потери и максимизируя отдачу от инвестиций в управление рисками. Ранжирование рисков помогает в принятии решения, понять, какие проблемы требуют немедленного внимания, а какие можно решить позже. Оно обеспечивает структурированный подход к оценке рисков,

снижая неопределенность и позволяя принимать обоснованные решения.

Следует учитывать, что не все риски оказывают одинаковое влияние: одни из них имеют незначительный характер, тогда как другие способны представлять серьёзную угрозу для устойчивого функционирования, а в отдельных случаях – и для выживания кластера. Приоритизация рисков позволяет сосредоточить управленческие усилия на тех из них, которые характеризуются одновременно высокой вероятностью наступления и значительным уровнем воздействия.

Понимая иерархию рисков, кластеры могут интегрировать управление рисками в свое стратегическое планирование. Это гарантирует, что критические риски учитываются в долгосрочных целях и операционных стратегиях.

Также, ранжирование рисков позволяет заранее выявлять потенциальные угрозы, что позволяет проводить проактивное снижение. Это снижает вероятность возникновения кризисов и минимизирует их влияние в случае их возникновения.

Регулирующие органы и заинтересованные стороны часто требуют от предприятий четкого понимания ландшафта своих рисков. Приоритизированный подход к управлению рисками помогает соблюдать требования ответственности и снижает юридическую ответственность. Управление всеми рисками в равной степени может привести к ненужным расходам. Приоритизация гарантирует, что кластеры тратят деньги на управление рисками, которые действительно имеют значение, избегая расходов.

Ранжированный список рисков обеспечивает четкий и лаконичный способ донесения приоритетов до заинтересованных сторон, сотрудников и руководства, способствуя согласованности и пониманию целей управления рисками во всем кластере. Приоритизация рисков помогает согласовать действия по управлению рисками с общими целями кластера. Она гарантирует, что организация сосредоточится на

рисках, которые могут сорвать ключевые цели или стратегические инициативы.

Обзор литературы

Исследование S. Bathrinath, R.K.A. Bhalaji, S. Saravanasankar (2021) является одним из наиболее значимых прикладных трудов, посвящённых оценке рисков в текстильной промышленности с использованием комбинированной методологии AHP–TOPSIS [1]. Авторы рассматривают текстильные предприятия как сложные производственные системы, подверженные множеству технологических, организационных и эксплуатационных рисков. К ключевым рискам они относят сбой оборудования, низкую стабильность сырья, дефицит квалифицированного персонала, нарушение экологических требований, логистические и операционные задержки.

Samhourî (2025) и коллеги посвящают своё исследование проблеме устойчивости цепочек поставок и анализируют риски, влияющие на их надёжность [2]. Авторы рассматривают цепочку поставок как комплексную систему, включающую закупку сырья, производство, логистику и внешние рыночные факторы. Главный акцент сделан на оценке рисков с использованием нечёткой логики, позволяющей учитывать экспертную неопределённость. Методология исследования основана на комбинировании Fuzzy AHP и Fuzzy TOPSIS. Эксперты формируют нечёткие парные сравнения критериев, что позволяет получить более гибкие веса. Затем авторы используют Fuzzy TOPSIS для ранжирования рисков, определяя те, которые наиболее критично влияют на устойчивость цепочки.

Работа Calixto (2025) и коллег представляет собой комплексный обзор и практическое применение MCDM-методов для оценки производственных рисков [3]. Хотя исследование направлено на анализ трудовых и операционных рисков, используемая методология универсальна и легко переносима на другие промышленные сектора, включая текстильный и аграрно-текстильный. Авторы анализируют

более десяти подходов MCDM, включая AHP, Fuzzy AHP, TOPSIS, VIKOR, PROMETHEE и их гибриды. Основная идея исследования заключается в том, что риски в современном производстве многогранны и не могут быть оценены однолинейно. Они включают технические, человеческие, организационные, экологические и системные факторы.

Методология исследования

В исследовании применены методы сравнительно-аналитического анализа для изучения зарубежных подходов к ранжированию и приоритизации рисков в промышленных и текстильных цепочках. Для идентификации ключевых рисков хлопково-текстильных кластеров использован контент-анализ нормативных документов и применением метода аналитической иерархии (AHP), позволяющего определить весовые коэффициенты критериев риска. Для предварительной оценки значимости рисков применена классическая матрица 5×5 , позволяющая классифицировать риски по уровню вероятности и степени ущерба. Экспертные данные собраны методом анкетирования и парных сравнений среди руководителей и специалистов кластеров.

Анализ и результаты

Риски в кластере – это негативные события, которые могут привести к значительным финансовым потерям. Риски разные: репутационные, финансовые, налоговые, валютные, ценовые, рыночные и т.д. По мере того как кластеры становятся более сложными и крупными, ими становится сложнее управлять и тем больше рисков и последствий, связанных с ними.

Природа опасности такова, что, если ею не управлять и не контролировать, она подобна вредному газу, который может заполнить все доступное пространство. Чем дольше вы откладываете борьбу с рисками, тем больше их потенциальные негативные последствия, а также вероятность их возникновения. Поэтому у владельцев и руководства компании возникает постоянная потребность выявить риски, оценить их значимость и возможность реализации,

а затем определить методы и инструменты работы с ними. Этот процесс называется управление риском или риск-менеджментом.

Однако не все риски нужно минимизировать, как и не каждую выбоину на дороге стоит избегать – некоторые из них вполне можно проехать, не заметив. Иногда случается, что учитывается риск, который может стоить компании 10 миллионов сумов, а ресурсов – гораздо больше. При этом риски, критичные для бизнеса, остаются без должного внимания.

Как ранжировать и приоритизировать риски:

Определить риски:	• перечислить все потенциальные риски.
Оценить воздействие:	• оценить потенциальное воздействие каждого риска на кластер.
Оценить вероятность:	• определить вероятность возникновения каждого риска.
Объединить воздействие и вероятность:	• использовать матрицу рисков или систему оценок для ранжирования рисков на основе их серьезности.
Регулярное обновление:	• риски меняются, нужно периодически пересматривать рейтинги, чтобы обеспечить их актуальность.

Рисунок 1. Этапы ранжирования рисков в хлопково-текстильных кластерах

Источник: систематизирован автором.

Одним из элементов управления рисками является разработка матрицы рисков. Матрица рисков – это практический инструмент управления угрозами, которые имеют серьезные негативные последствия и могут возникнуть.

Они получают высший рейтинг. Риски с малым влиянием на деятельность компании и малой вероятностью получают самый низкий рейтинг и на них можно и не обращать внимание.

Экономика всегда идет рука об руку с риском. Эффективное управление рисками может предотвратить крупномасштабные потери. При этом матрица рисков предоставляет подробную информацию о рисках, с которыми кластеры сталкиваются.

Если кластер охватывает одну отрасль, можно работать с единой матрицей рисков. Если бизнес многопрофильный, рекомендуется создавать матрицы рисков для каждого направления или сектора.

Для визуализации представления показателей риска предлагается использовать «карту рисков» или матрицу рисков, которая строится на основе качественной и количественной оценки рисков.

Матрица рисков 5x5 – это широко используемый на промышленных предприятиях инструмент для оценки и приоритизации рисков на основе двух ключевых измерений: вероятности (Probability) и серьезности (Impact). Она обеспечивает структурированную визуальную основу для категоризации рисков и руководства принятием решений.

Матрица представляет собой сетку с пятью уровнями вероятности (от «Редко» до «Почти наверняка») и пятью уровнями серьезности (от «Незначительно» до «Катастрофично»).

Влияние

		Влияние →				
Вероятность ↑		Незначительное 1	Минимальное 2	Значительное 3	Критическое 4	Катастрофическое 5
	Возможные 5	Среднее 5	Высокое 10	Очень высокое 15	Критическое 20	Критическое 25
	Вероятные 4	Среднее 4	Среднее 8	Высокое 12	Очень высокое 16	Критическое 20
	Умеренные 3	Низкое 3	Среднее 6	Среднее 9	Высокое 12	Очень высокое 15
	Маловероятные 2	Очень низкое 2	Низкое 4	Среднее 6	Среднее 8	Высокое 10
	Редкие 1	Очень низкое 1	Очень низкое 2	Низкое 3	Среднее 4	Среднее 5

Рисунок 2. Матрица рисков в управлении рисками промышленных кластеров

Источник: Адаптирован автором на основе применения матрицу рисков.

Цветовое обозначение, показанное в рисунке, имеет решающее значение для шаблона матрицы оценки рисков 5×5, чтобы отразить уровень вероятности и воздействия выявленных рисков. При этом высокие риски должны быть красного цвета, умеренные риски – желтого (янтарного), а низкие риски – зеленого. Организации, специалисты по охране труда, окружающей среды, технике устойчивости и охране труда и менеджеры проектов могут затем использовать другие тесно связанные цвета, такие как оранжевый, светло-красный и светло-зеленый, чтобы различать конкретные рейтинги рисков.

Каждая ячейка в матрице соответствует рейтингу риска, обычно от низкого до экстремального. Оценка риска рассчитывается как:

$$Op = P \times I$$

где:

Op – оценка риска;

P – вероятность риска;

I – влияние риска.

Матрица риска 5×5 также направлена на ответ на вопрос «Каковы 5 уровней рейтинга риска в матрице оценки риска?». Матрица риска 5×5 имеет две оси или, проще говоря, компоненты, которые составляют всю таблицу или сетку: Вероятность и Влияние. Под ними находятся 5 уровней рейтинга риска, используемых для расчета рисков.

Вероятность. Также называемая правдоподобием (Probability), Вероятность (ось X) относится к степени вероятности возникновения риска. 5 уровней оценки риска в рамках этого компонента следующие:

Редко – маловероятно, что произойдет и/или будет иметь незначительные или незначительные последствия;

Маловероятно – возможно, что произойдет и/или будет иметь умеренные последствия;

Умеренно – вероятно, что произойдет и/или будет иметь серьезные последствия;

Вероятно – почти наверняка произойдет и/

или будет иметь серьезные последствия;

Возможно – обязательно произойдет и/или будет иметь очень серьезные последствия;

Влияние

Также называемое серьезностью или последствиями, воздействие (ось Y) направлено на определение уровня воздействия, которое опасность может оказать на здоровье и устойчивость на рабочем месте.

Хотя матрицу риска 5×5 можно адаптировать к потребностям кластеру, ниже приведены общие термины, используемые для описания 5 уровней для определения воздействия риска:

Незначительный – не вызовет серьезных травм или заболеваний;

Маловероятный – может вызвать травмы или заболевания, только в легкой степени;

Значительный – может вызвать травмы или заболевания, которые могут потребовать медицинского вмешательства, но ограниченного лечения;

Критический/Серьезный – может вызвать необратимые травмы или заболевания, которые требуют постоянного медицинского вмешательства;

Катастрофический – может привести к летальному исходу.

Каждый блок риска представляет собой рейтинг риска, который рассчитывается на основе его конкретных уровней вероятности и воздействия. В большинстве случаев матрица риска 5×5 использует числовые значения для лучшего представления рейтингов риска.

Расчет рисков с использованием матрицы рисков 5×5. Первый шаг – присвоить числовое значение от 1 до 5, где 1 – самое низкое, для каждой из категорий в разделе «Вероятность» и «Влияние». Затем, используя формулу умножения значения вероятности на значение воздействия, определить уровень риска. Чтобы лучше понять, как различные уровни указывают на вероятность и воздействие, мы привели руководство по числовым значениям и их представлению в результате анализа:

1–4: Приемлемо – дальнейшие действия могут не потребоваться, и рекомендуется поддерживать меры контроля;

5–9: Удовлетворительно – может рассматриваться для дальнейшего анализа;

10–16: Допустимо – необходимо своевременно рассмотреть для реализации стратегий улучшения;

17–25: Неприемлемо – необходимо реализовать прекращение деятельности и одобрить немедленные действия.

Адаптация матрицы рисков для хлопково-текстильных кластеров Узбекистана. Применение матрицы рисков 5×5 (по вероятности и последствиям) в оценке рисков хлопково-текстильных кластеров Узбекистана позволяет системно выявлять, ранжировать и управлять наиболее критичными угрозами, с которыми сталкиваются предприятия отрасли. Этот инструмент помогает определить не только приоритетные направления для снижения рисков, но и сформировать экономически обоснованные планы адаптации.

Автором предложен адаптированный подход к применению матрицы рисков (5×5) для комплексной оценки экономической устойчивости кластеров, учитывающий отраслевую специфику, степень межотраслевой кооперации, институциональные условия и региональные диспропорции.

1. Отраслевая специфика. В оценке отраслевой специфики хлопково-текстильных кластеров учитывались технологическая структура производственного цикла (наличие последовательных звеньев «сырьё – прядение – ткачество – швейное производство»), уровень технологической модернизации, включающий долю автоматизированных процессов, показатели энергоэффективности и глубину переработки сырья, а также степень зависимости кластеров от сезонности и урожайности хлопка. Измерение осуществлялось через систему индикаторов производственно-технологической устойчивости: коэффициент использования производственных мощностей, уровень механизации и

автоматизации, долю глубокой переработки хлопка и энергоёмкость выпускаемой продукции. Каждому индикатору был присвоен нормированный балл по шкале 0–1 с применением метода min–max нормирования, после чего значения были усреднены для получения интегрального показателя отраслевой специфики.

2. Степень межотраслевой кооперации. При оценке межотраслевой интеграции учитывались степень связанности хлопково-текстильных кластеров с другими ключевыми отраслями – сельским хозяйством, логистикой, химической промышленностью (поставки удобрений и красителей), энергетикой и экспортной инфраструктурой, а также уровень локализации цепочки добавленной стоимости внутри региона. Измерено на основе коэффициента межотраслевой интеграции (КМИ):

$$KMI = \frac{N_{\text{уст.связ}}}{N_{\text{поставл}} + N_{\text{потреб}}}$$

$N_{\text{ис}}$ – количество устойчивых контрактных связей кластера с другими отраслями экономики;

N_{sup} – общее количество поставщиков, с которыми взаимодействует кластер;

N_{cons} – общее количество потребителей заказчиков, связанных с кластером;

K_{MI} – коэффициент межотраслевой интеграции, отражающий степень устойчивости и диверсифицированности внешних связей кластера.

Дополнительно использовались экспертные оценки (по 5-балльной шкале) по степени зависимости от внешних поставщиков. В матрице рисков это влияло на вероятность возникновения угроз (чем выше кооперация – тем ниже риск нарушения цепочек).

3. Институциональные условия. При оценке институциональной среды кластеров учитывались наличие и эффективность механизмов государственной поддержки, включая субсидии, налоговые льготы и программы технологической модернизации, а также уровень взаимодействия кластеров с региональными органами власти. Дополнительно анализировалось присутствие в их структуре институтов развития – банков, инжиниринговых центров, научно-исследова-

тельских организаций и технопарков. Измерение осуществлялось на основе индекса институциональной поддержки (ИИП), рассчитанного как среднее значение трёх подиндикаторов: наличия налоговых преференций (0/1), участия в государственных программах (0–1) и наличия инфраструктурных институтов (0–1). Кроме того, применялась экспертная оценка нормативно-правовой устойчивости по шкале 0–5, нормированная до диапазона 0–1.

4. *Региональные диспропорции.* В рамках оценки региональных диспропорций учитывались различия в уровне инфраструктурного обеспечения, трудового потенциала, логистической доступности и инвестиционной привлекательности областей, а также качество транспортной и энергетической инфраструктуры, доступ к водным ресурсам и сырьевой базе. Для измерения использовались статистические показатели регионального развития, включающие ВРП на душу населения, уровень занятости, объём инвестиций в основной капитал и индекс инфраструктурной обеспеченности, рассчитанный на основе удалённости от крупных транспортных узлов и энергетических мощностей. Все показатели были нормированы в диапазоне 0–1, после чего на их основе сформирован комплексный индекс региональных различий.

Интеграция всех рассмотренных факторов осуществлялась через их включение в матрицу рисков (5×5), где каждая из четырёх групп влияющих условий формировала значение вероятности возникновения угроз (ось X) и величину потенциального ущерба (ось Y). Например, слабая институциональная поддержка повышала вероятность риска «финансовая нестабильность», тогда как выраженные региональные диспропорции усиливали последствия угрозы «разрыв логистических связей».

В результате формировалась адаптированная матрица рисков 5×5, где вес каждого блока (отраслевой, кооперационный, институциональный, региональный) учитывался через систему весовых коэффициентов, определённых экспертным методом (0.3; 0.25; 0.25; 0.2).

Указанные факторы были интегрированы в адаптированную матрицу рисков (5×5) посредством введения весовых коэффициентов, отражающих их значимость: отраслевая специфика – 0,30; межотраслевая кооперация – 0,25; институциональные условия – 0,25; региональные диспропорции – 0,20. Такой подход позволил более точно оценить вероятности и последствия угроз, характерных именно для хлопково-текстильных кластеров Республики Узбекистан, с учетом территориальных и организационных различий.

Базовая формула:

$$OR_i = P_i \times C_i$$

где

OR_i – уровень риска i -й угрозы,

P_i – вероятность возникновения угрозы,

C_i – тяжесть (последствие) реализации угрозы.

1. *Модификация вероятности (P).* Вероятность каждой угрозы не бралась «в чистом виде», а корректировалась с учётом отраслевых и кооперационных факторов, влияющих на устойчивость к сбоям.

$$P_i = P_{\text{баз}} \times (1 - \alpha_1 S_{\text{отрасл}} - \alpha_2 S_{\text{кооп}})$$

где:

$P_{\text{баз}}$ – экспертная (или статистическая) базовая вероятность угрозы,

$S_{\text{отрасл}}$ – нормированный показатель отраслевой устойчивости (0–1),

$S_{\text{кооп}}$ – показатель межотраслевой кооперации (0–1),

α_1, α_2 – весовые коэффициенты (например, 0,3 и 0,2).

Чем выше технологическая устойчивость и кооперация, тем ниже вероятность риска, потому что кластер более защищён от сбоев поставок и технологических нарушений.

2. *Модификация последствий (C).* Последствия угрозы (ущерб) зависели от институциональных условий и региональных диспропорций: где есть сильная институциональная поддержка – риски компенсируются быстрее, а в слабых регионах эффект усиливается.

$$C_i = C_{\text{баз}} \times (1 + \beta_1 D_{\text{инст}} + \beta_2 D_{\text{рег}})$$

где:

$C_{баз}$ – базовый уровень последствий угрозы,

$D_{инст}$ – индекс институциональной уязвимости (1 - ИИП),

$D_{рег}$ – индекс региональной диспропорции (0–1),

β_1, β_2 – весовые коэффициенты (например, 0,25 и 0,25).

Если кластер находится в регионе с низкой инфраструктурой и слабой поддержкой – последствия реализации угрозы усиливаются, и риск растёт.

3. Итоговая формула адаптированного риска:

$$Op = [P \times (1 - \alpha_1 S_{отрасл} - \alpha_2 S_{кооп})] \times [C \times (1 + \beta_1 D_{инст} + \beta_2 D_{рег})]$$

Такой подход позволяет показать, что:

- оценка риска не усреднена, а учитывает реальные особенности кластеров;
- матрица 5×5 не просто “вероятность–последствие”, а многофакторная система, адаптированная к условиям Узбекистана;
- введён квазииндексный механизм корректировки, что повышает научную новизну и практическую применимость.

Применение матрицы рисков 5×5 (по вероятности и последствиям) в оценке рисков хлопково-текстильных кластеров Узбекистана позволило системно выявлять, ранжировать и управлять наиболее критичными угрозами, с которыми сталкиваются предприятия отрасли. Этот инструмент помогает определить не только приоритетные направления для снижения рисков, но и сформировать экономически обоснованные планы адаптации.

1. Риск срыва поставок сырья из-за погодных условий. На практике в условиях Узбекистана матрица 5×5 применяется для анализа таких рисков, как срыв поставок сырья из-за погодных условий, рост тарифов на энергоресурсы, задержки экспорта, устаревание оборудования и нехватка квалифицированных кадров. Так, в Бухарском и Кашкадарьинском регионах нередко задержки уборки хлопка вследствие аномальной жары или дождей, что в матрице оце-

нивается как риск с вероятностью 4 и последствиями 4, попадая в красную зону высокого риска. Это требует разработки мер по страхованию урожаев и созданию резервных складов.

В Бухарском и Кашкадарьинском регионах задержка уборки хлопка из-за дождей и аномальных температур.

Интерпретация матрицы:

Вероятность: 4 (довольно вероятно, учитывая последние годы климата);

Последствия: 4 (существенное падение загрузки текстильных фабрик);

Уровень риска: 16 - Высокий (красная зона).

Пути решения проблемы: рекомендуются страховые механизмы + создание резервных складов, использовать прогнозы для гибкого планирования сбора.

2. *Риск скачка цен на энергоносители.* Аналогично, рост цен на газ и электричество для текстильных фабрик оценивается по матрице как риск с вероятностью 3 и последствиями 4, что указывает на средневысокий уровень риска. Это подталкивает предприятия к внедрению энергосберегающих технологий, установке солнечных панелей и заключению договоров о фиксированных тарифах с поставщиками. Возникает проблема увеличения тарифов на газ и электричество для промышленности.

Интерпретация матрицы:

Вероятность: 3 (может случиться, но не каждый год);

Последствия: 4 (значительное увеличение себестоимости продукции, падение маржи);

Уровень риска: 12- средневысокий.

Решением проблемы может быть стратегия энергоменеджмента, установка солнечных панелей (в Узбекистане высокий потенциал), договоры с поставщиками энергоресурсов о фиксированных тарифах.

3. *Риск задержки экспорта из-за логистических проблем.* Не менее значимым является риск задержек экспорта из-за возможных проблем на транзитных маршрутах через Казахстан и Россию. При вероятности 3 и последствиях 5 этот риск также оценивается как вы-

сокий. В ответ на это предлагается диверсифицировать экспортные направления, используя маршруты через Туркменистан, Афганистан и Китай. Проблемой может оказаться закрытие пограничных пунктов или рост транзитных сборов в Казахстане и РФ.

Интерпретация матрицы:

Вероятность: 3;

Последствия: 5 (фактически блокирование выхода на рынок);

Уровень риска: 15- средний.

Пути решения данной проблемы: необходимо диверсифицировать экспортные маршруты через Туркменистан, Афганистан, Китай, а также заключать соглашения о приоритетной отгрузке.

4. Риск морального устаревания оборудования. Риск морального и физического устаревания оборудования – весьма актуальная угроза для кластеров, где на многих фабриках все еще эксплуатируются линии выпуска 1990–2000-х годов. Здесь вероятность риска оценивается на уровне 5, а последствия на уровне 3, что указывает на средний уровень риска, но с тенденцией роста. Решением служат государственные программы льготного финансирования обновления технологической базы и целенаправленное вовлечение таких предприятий в программы реконструкции. В некоторых предприятиях оборудование 1990–2000-х годов, низкая автоматизация.

Матрица:

Вероятность: 5 (уже происходит);

Последствия: 3 (снижение качества, потери клиентов);

Уровень риска: 15-средний.

Пути решения проблемы: Программы технологической модернизации за счет средств Фонда реконструкции и развития, льготные кредиты.

5. Риск нехватки квалифицированной рабочей силы. Еще один важный риск – нехватка квалифицированной рабочей силы, связанная с высокой трудовой миграцией за рубеж и ограниченным числом специалистов текстильного профиля в стране. Этот риск в матрице имеет оценку 4 по вероятности и 4 по последствиям, относясь к высокой категории. Для его смягчения предлагается развитие системы дуального обучения, организация учебных центров при предприятиях, а также приглашение иностранных тренеров и экспертов для ускоренной подготовки персонала. Проблема: Высокая миграция рабочей силы за границу (Россия, Южная Корея), дефицит текстильных инженеров.

Матрица:

Вероятность: 4;

Последствия: 4;

Уровень риска: 16 – высокий.

Пути решения проблемы: Создание учебных центров при кластерах, дуальное обучение, приглашение специалистов из Турции и Индии для тренингов.

По результатам исследования, несколько видов рисков систематизированы в таблице 2.

Таблица 2.

Матрица рисков для оценки экономической устойчивости хлопково-текстильных кластеров по регионам

№	Вид риска в ХТК	Вер-ть	Возд.	Уровень риска	Ситуация
1	Рост цен на импортируемое оборудование	3	3	9	Кашкадарья: рост затрат на закупку оборудования из-за девальвации.
2	Дефицит квалифицированной рабочей силы	2	3	6	Фергана: отток технологов в Ташкент.
3	Недостаток водных ресурсов для полива хлопка	3	2	6	Бухара: дефицит воды летом.
4	Колебания мировых цен на хлопок	3	3	9	2024 год: снижение доходов фермеров на 21%.

5	Коррупционные риски при распределении субсидий	2	2	4	Задержки в выплате поддержки.
6	Ограниченный доступ к долгосрочному финансированию	2	3	6	Только 40% предприятий получают долгосрочные кредиты.
7	Риски из-за изменения налоговой политики	1	3	3	Повышение налога на прибыль влияет на переработку.
8	Нарушение логистических цепочек	2	2	4	Фергана: задержки поставок зимой.
9	Утрата рынка сбыта (санкции, барьеры)	1	3	3	Ограничения экспорта текстиля в ЕС.

Источник: Составлен автором на основе анализа существующих рисков в деятельности ХТК.

Из полученных выше данных по трем регионам формируем Итоговую таблицу по результатам анализа рисков в хлопково-текстильных кластерах Узбекистана (Таблица 3.).

Таблица 3.

Итоговая таблица по результатам анализа рисков в ХТК Узбекистана

№	Риск	Вер-ть	Послед.	Уровень риска
1	Срыв поставок сырья (погода)	4	4	Высокий
2	Рост цен на энергоресурсы	3	4	Средневысокий
3	Задержки экспорта (логистика)	3	5	Высокий
4	Устаревание оборудования	5	3	Средний
5	Нехватка квалифицированных кадров	4	4	Высокий

Источник: составлен автором на основе анализа существующих рисков в деятельности ХТК.

Применение матрицы рисков 5×5 в хлопково-текстильных кластерах Узбекистана показывает, что основные угрозы концентрируются в операционной и логистической деятельности, в то время как финансовые и кадровые риски требуют системной работы с госорганами и ассоциациями.

Заключение

Таким образом, комплексная оценка рисков методом матрицы 5×5 в хлопково-текстильных кластерах Узбекистана позволила обоснованно утверждать, что ключевые угрозы сосредоточены в сферах логистики, энергозатрат и кадрового обеспечения. Это требует не только адресных мер на уровне отдельных предприятий, но и активной политики поддержки со стороны отраслевых ассоциаций и государства. Подобный подход создает фундамент для выработки стратегий устойчивого развития кластеров и

для укрепления их экономической устойчивости в долгосрочной перспективе.

Ранжирование и приоритизация рисков – это не только управление угрозами, но и выявление возможностей для роста и устойчивости. Данная методология позволит кластерам действовать стратегически, поддерживать доверие заинтересованных сторон и эффективно достигать своих долгосрочных целей.

Источники и литература

1. Bathrinath, S., Bhalaji, R. K. A., & Saravanasankar, S. (2021). *Risk analysis in textile industries using AHP–TOPSIS*. *Materials Today: Proceedings*, 45, 1257–1263. Ссылка: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S2214785320333708>
2. Samhour, M., Abualeenein, M., & Al-Atrash, F. (2025). *Enhancing supply chain resilience through a fuzzy AHP and TOPSIS to mitigate transportation disruption*. *Sustainability*, 17(16), 7375. <https://doi.org/10.3390/su17167375>.
Страница статьи (MDPI): <https://www.mdpi.com/2071-1050/17/16/7375>. MDPI+1
3. Almeida Calixto, B. S., & Michaloski, A. O. (2025). *Assessment of occupational risk using multi-criteria decision-making methods (fuzzy AHP case study)*. *Sustainability*, 17(6), 2715. <https://doi.org/10.3390/su17062715>.
Страница статьи (MDPI): <https://www.mdpi.com/2071-1050/17/6/2715>.
4. Р.С.Халикова. (2022). Вопросы совершенствования оценки конкурентоспособности и эффективности хлопково-текстильных кластеров Республики Узбекистан. *Евразийский международный научно-аналитический журнал «Проблемы современной экономики»*, № 3/2022 Агентство «Урал-пресс». Санкт-Петербург, октябрь, 2022 год. (08.00.00) <https://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=7415>
5. Р.С.Халикова. (2022). Совершенствование методологии оценки эффективности деятельности хлопково-текстильных кластеров в Узбекистане. *Научный журнал «Экономика и образование»*, №3, июль-август. (08.00.00) https://www.researchgate.net/publication/365230889_IMPROVING_THE_METHODODOLOGY_FOR_ASSESSING_THE EFFICIENCY_OF_COTTON-TEXTILE_CLUSTERS_IN_UZBEKISTAN
6. Р.С.Халикова. (2024). Аспекты оценки экономической безопасности промышленных кластеров в Узбекистане. *Экономическое развитие и анализ: Shafi Science*. Том 2 № 6 (2024 г.). 30-06-2024 <https://e-itt.uz/index.php/eitt/article/view/1397>

УЎК: 621.316.(575.1)

Эльвира БИКЕЕВА,
*руководитель проекта Института макроэкономических
и региональных исследований,*
E-mail: elbikeyeva@mail.ru,
Малика САПАРМУХАМЕТОВА,
*ведущий специалист проекта Института макроэкономических
и региональных исследований,*
E-mail: m.saparmuhamedova@imrs.uz

ТЕХНОЛОГИИ ВОЗОБНОВЛЯЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ ЭНЕРГИИ: МИРОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИХ УТИЛИЗАЦИИ

Аннотация: в статье обозначены основные тенденции развития сектора возобновляемых источников энергии (ВИЭ) на мировом и национальном уровне. Определена важность решения проблем утилизации технологий ВИЭ, актуальность которых возрастает на глобальном уровне. На основе анализа различных методов переработки, используемых в зарубежных странах, обоснован наиболее предпочтительный технологический способ утилизации солнечных панелей. Сформулированы выводы о необходимости принятия мер по созданию целостной системы управления процессами утилизации и переработки отработанных компонентов ВИЭ.

Ключевые слова: технологии ВИЭ, утилизация, тенденции, мощности ВИЭ, управление отходами, методы переработки, солнечные панели, эффективность, расширенная ответственность производителя, система регулирования.

**Qayta tiklanuvchi energiya manbalari
texnologiyalarining rivojlanish tendensiyalari
va ularni qayta ishlash muammolari**

Elvira Bikeyeva,
*Makroiqtisodiy va hududiy tadqiqotlar instituti
loyiha rahbari,*
Malika Saparmuxametova,

*Makroiqtisodiy va hududiy tadqiqotlar instituti
yetakchi mutaxassisi*

Annotatsiya: maqolada jahon va milliy miqyosda qayta tiklanuvchi energiya manbalari (QTEM) sektori rivojlanishining asosiy tendensiyalari ko'rsatilgan. Global miqyosda dolzarbligi ortib borayotgan QTEM texnologiyalarini utilizatsiya qilish muammolarini hal qilish muhimligi belgilandi. Xorijiy mamlakatlarda qo'llaniladigan turli xil qayta ishlash usullarini tahlil qilish asosida quyosh panellarini utilizatsiya qilishning O'zbekiston uchun eng maqbul texnologik usuli taklif etildi. QTEMning ishlatilgan komponentlarini utilizatsiya qilish va qayta ishlash jarayonlarini boshqarishning yaxlit tizimini yaratish bo'yicha chora-tadbirlar ko'rish zarurligi to'g'risida xulosalar shakllantirildi.

Kalit so'zlar: QTEM texnologiyalari, utilizatsiya, tendensiyalar, QTEM quvvatlari, chiqindilarni boshqarish, qayta ishlash usullari, quyosh panellari, samaradorlik, kengaytirilgan ishlab chiqaruvchi mas'uliyati, tartibga solish tizimi.

**Renewable energy technologies:
Global trends and current issues of their
disposal**

Elvira Bikeeva,

*Project Manager, Institute for Macroeconomic and Regional Studies,
Malika Saparmukhametova,
leading specialist, Institute for Macroeconomic and Regional Studies*

Abstract: *the article main trends in the development of the renewable energy sector at the global and national levels are identified. The importance of addressing the challenges related to the disposal of renewable energy technologies is determined, as their relevance is increasing at the global level. Based on an analysis of various recycling methods used in foreign countries, the most preferable technological approach to the disposal of solar panels is substantiated. Conclusions are drawn regarding the necessity of taking measures to establish an integrated management system for the disposal and recycling of end-of-life renewable energy components.*

Keywords: *renewable energy technologies, disposal, trends, renewable energy capacity, waste management, recycling methods, solar panels, efficiency, extended producer responsibility, regulatory framework.*

Введение

Одним из доминирующих трендов мирового развития стал «зелёный» переход на возобновляемые источники энергии (ВИЭ), который продемонстрировал достаточно высокую устойчивость и впечатляющий рост. Однако, будущее этого процесса будет зависеть не только от дальнейшего наращивания мощностей ВИЭ, но и от возможностей их эффективной утилизации и, как следствие снижения рисков загрязнения окружающей среды от всё растущих отходов деятельности сектора ВИЭ.

Проблема утилизации отходов постепенно превращается в один из основополагающих вопросов глобальной повестки развития. Для Узбекистана, достигшего больших успехов во внедрении и развитии технологий ВИЭ и принявшего на себя беспрецедентные международные обязательства по реализации целе-

вых ориентиров роста и декарбонизации традиционных секторов, вопросы формирования системы утилизации отходов ВИЭ приобретает все большую актуальность.

В настоящем аналитическом исследовании представлены результаты анализа мирового опыта в области развития ВИЭ с оценкой возникающих проблем, связанных с ростом отходов при их использовании. В качестве важнейшего компонента исследования выступали также задачи по обобщению принимаемых решений по их утилизации с акцентом на наиболее продвинутые технологические способы переработки солнечных панелей, применяемых в мире.

Методология исследования основана на комбинации методов анализа количественных и качественных данных о развитии ВИЭ, подходов к оценке технических способов переработки солнечных панелей, инструментов сравнительного анализа и выработки оптимальных решений в области регулирования процессов утилизации, в том числе с учетом мирового опыта. Анализируемые данные были собраны из открытых источников, включая отчеты ООН, Международного энергетического агентства (МЭА), Международного агентства по возобновляемым источникам (IRENA) «Renewable energy statistics» (2025) и др.

В рамках анализа достигнутых показателей роста сектора ВИЭ в Узбекистане были сформулирован вывод о необходимости включения вопросов утилизации в повестку актуальных реформ, проводимых в стране. Это направление должно способствовать принятию своевременных и обоснованных решений по формированию комплексной системы управления отходами «зелёной» энергетики с учетом внедрения передовых международных практик.

Основные результаты исследования

Глобальный сектор ВИЭ демонстрирует устойчивый рост, как с точки зрения развития мощностей, так и с позиций вклада в мировую динамику социально-экономического развития. Возрастающая динамика формируется под

воздействием обязательств стран по сокращению парниковых газов.

По данным Международного энергетического агентства (МЭА) за период 2016–2024 гг. установленная мощность ВИЭ в мировом масштабе увеличилась в 2,2 раза. В 2024 г. отмечалось ускорение темпов роста ввода мощностей, которые составили 115,1% к 2023 г. – это один из самых высоких показателей роста за последние годы [1].

Общая мировая установленная мощность ВИЭ к 2024 г. превысила 4 448 ГВт, из которых 1 865 ГВт или 42% пришлось на солнечные установки. Мощности ВИЭ обеспечили 32% всей мировой генерации электроэнергии. В 2024 году на долю введенных солнечных мощностей приходилось около 77% установленных мощностей ВИЭ во всем мире [1].

Такие высокие темпы роста ВИЭ оказывали влияние на улучшение таких показателей социально-экономического развития, как занятость, создание новых рабочих мест, улучшение доступа населения к энергии и т.д. По последним данным Международного агентства по возобновляемым источникам энергии (IRENA), сектор ВИЭ обеспечил около 16,2 млн. рабочих мест в 2023 г., из которых более 7,2 млн. были трудоустроены в сфере солнечной энергетики [2].

Согласно прогнозам различных международных организаций, мощности ВИЭ увеличатся на 5 000–6 000 ГВт к 2030 г., что позволит довести долю ВИЭ в мировой генерации электроэнергии до 50% [3]. Ожидается, что опережающими темпами будет развиваться солнечная энергетика — согласно прогнозам МЭА, к 2030 г. установленные мощности солнечной энергии превысят 4 000 ГВт и на их долю придется более 80% прироста мировых мощностей ВИЭ (Рис. 1).

Однако такая быстрая экспансия мощностей солнечной энергии сопровождается формированием новой экологической проблемы – накоплением отходов отработанных солнечных панелей. Учитывая средний срок службы пане-

лей, первые массовые волны вывода оборудования из эксплуатации начнутся уже в текущем десятилетии. По оценке IRENA, к 2030 г. объём накопленных отходов может достичь 8 млн. тонн, а к 2050 г. – 60-78 млн. тонн [4].

Рис. 1. Мировая установленная мощность ВИЭ за 2016–2024 гг. и прогноз на 2030 г.

Источник: данные Международного энергетического агентства.

Солнечные панели содержат в себе такие элементы и металлы как алюминий, стекло, кремний, различные полимеры, серебро и медь, которые могут быть переработаны и использованы повторно. Кроме того, панели содержат токсичные материалы, такие как свинец, хром и кадмий, которые могут проникать в почву и грунтовые воды если их не утилизировать должным образом.

Сегодня в большинстве стран мощности переработки панелей либо отсутствуют, либо функционируют в рамках инфраструктуры утилизации электронного оборудования. По состоянию на 2024 г. в мировом масштабе эффективно перерабатывается около 10% всех отработанных солнечных панелей [5].

Некоторые страны уже начинают внедрять систему утилизации отходов панелей: в ЕС солнечные панели официально включены в директиву утилизации электронного оборудования, и компании обязаны организовывать их сбор и переработку; Франция, например, уже имеет действующую промышленную линию по переработке фотоэлектрических модулей. Тем не менее, на глобальном

уровне пока ещё отсутствует универсальный правовой механизм, обязывающий производителей обеспечивать цикл ответственности за отходы солнечных панелей, аналогично системам EPR (расширенная ответственность производителя).

В этом контексте развитие циркулярных подходов, в том числе проектирование панелей с учётом их последующей утилизации, стимулирование разработки дешёвых и экологичных методов извлечения материалов, а также формирование вторичных рынков переработанных ресурсов становятся критически важными для стран, ориентированных на масштабное развитие солнечных и ветровых станций.

В соответствии с мировыми тенденциями, Узбекистан также активно развивает сектор ВИЭ. Высокий уровень инвестиционных вложений в ВИЭ обеспечил тенденцию ускорения диверсификации энергетических мощностей страны. За период 2016–2024 гг. установленная мощность ВИЭ возросла в 2,5 раза – с 1,88 тыс. МВт до 4,677 тыс. МВт (Рис. 2).

Рис. 2. Динамика роста установленной мощности ВИЭ в Узбекистане за период 2016–2024 гг.

Источник: оценка авторов на основе данных Национального комитета Республики Узбекистан по статистике и международных баз данных.

Рис 3. Генерация электроэнергии по источникам за 2016–2024 гг. и прогноз на 2030 г., млрд. кВт/ч

Источник: оценка авторов на основе данных Национального комитета Республики Узбекистан по статистике и международных баз данных.

В общей структуре генерирующих мощностей доля ВИЭ возросла с 13,3% в 2016 г. до 22% в 2024 г. Особенно высокий тренд роста отмечался в последние 2–3 года, когда были введены большие мощности солнечных и ветровых станций, которые составляют уже почти половину всей суммарной мощности ВИЭ с учетом гидроэнергетического потенциала.

Значительный прирост энергетических мощностей [6] способствовал тенденции роста выработки электроэнергии, которая за период 2016–2024 гг. увеличилась на 40% – до 81,5 млрд. кВт. ч. Причём выработка электроэнергии на основе ВИЭ увеличивалась более быстрыми темпами – на 87,9% при сравнении с 2016 г. (Рис. 3).

В 2024 г. на основе ВИЭ (с учетом гидроэнергетических мощностей) было выработано электроэнергии в объёме 13,1 млрд. кВт. ч. Основной прирост ВИЭ обеспечивался за счет солнечной и ветровой энергии, производство которых в 2024 г. увеличилось до 4,86 млрд. кВт. ч [6]. При этом, уже за 11 месяцев 2025 г. только солнечными и ветровыми станциями было выработано 10 млрд. кВт. ч. электроэнер-

гии, свидетельствуя о кратном превышении результатов прошлых лет.

В структуре общей выработки электроэнергии доля ВИЭ достигла рекордных 16,1%. Достигнутый показатель роста ВИЭ значительно улучшил позиции Узбекистана при сравнении с другими странами.

В рамках реализации ряда инициатив, направленных на увеличение доли ВИЭ в структуре энергобаланса, Узбекистан взял на себя повышенные обязательства по увеличению целевого показателя роста доли ВИЭ в структуре генерации – до 50% уже к 2030 году. Следует отметить, что первоначальные установки предполагали доведение этого показателя до 30–35%.

По прогнозам, к 2030 г. численность населения Узбекистана достигнет 41 млн. человек, экономика увеличится в 1,5 раза. Ожидается, что с такими темпами развития в 2030 г. экономике потребуется 117–120 млрд. кВт/ч — спрос будет как минимум на 45% больше, чем сейчас. Эти прогнозные ожидания обуславливают необходимость дальнейшего расширения энергетических мощностей, в том числе за счет опережающего развития ВИЭ.

Для достижения целевых ориентиров предполагается увеличить мощность ВИЭ до 18 ГВт к 2030 г. или более чем в 3,5 раза, что свидетельствует о твёрдой приверженности Узбекистана вектору развития «зелёной» энергетики.

Несмотря на многие преимущества, возобновляемая энергетика имеет и ряд недостатков. В их числе: низкая плотность энергии, что требует больше площади (пространства) или объема установок по производству энергии; необходимость развития больших систем хранения энергии, требующих дополнительные затраты на инфраструктуру хранения энергии и т. д.

Результаты анализа показывают, что, наряду с положительными эффектами ускоренного развития сектора ВИЭ, Узбекистан, как и многие страны, может столкнуться с проблемой обращения с отходами, образующимися по мере выхода из строя или замены компонентов

солнечных и ветряных установок. Особенно остро этот вопрос стоит в отношении солнечных панелей.

На фотоэлектрические модули приходится около 28% от общего веса солнечной установки. Если предположить, что за пределами 2030–2035 гг. постепенно будет выходить из строя около 50% солнечных панелей от текущего объема установленных мощностей, то, по нашим минимальным оценкам, объем образующихся в стране отходов солнечных панелей может составить от 57 до 70 тыс. тонн¹.

В условиях ожидаемого увеличения отходов, возникающих в процессе демонтажа солнечных панелей, вопросы утилизации технологий ВИЭ должны быть внесены в повестку актуальных реформ, проводимых в Узбекистане.

Исходя из мирового опыта, уже сегодня необходимо принятие решений по созданию нормативной, институциональной и технологической базы для эффективного управления всего процесса утилизации технологий ВИЭ, рационального регулирования данных видов отходов. Соответствующая платформа должна формироваться с учетом методов их переработки и регулирующих требований, применяемых в мировой практике.

Как показал анализ научной литературы, большинство международных экспертов в области развития технологий ВИЭ считают, что при образовании миллионов тонн отходов солнечных панелей возникает потенциальный риск загрязнения окружающей среды, что уже становится серьезной проблемой при их внедрении. Поэтому делается вывод, что утилизировать панели нужно правильно.

В целом, современные фотоэлектрические модули содержат небольшое количество опасных веществ, высвобождение которых происходит по большей части при повреждении панели, что практически неизбежно при утилизации на полигонах. При малых объемах

1 При расчёте использовались усреднённые показатели общего веса солнечных установок на 1 МВт установленной мощности.

токсичность этих веществ может быть несущественной, но при скоплении больших объемов может возникнуть риск загрязнения окружающей среды.

К настоящему времени, в мире в основном используются моно- и поликристаллические кремниевые панели, которые охватывают от 70% до 90% рынка солнечных технологий. В их составе встречаются такие элементы, как серебро, олово и свинец, в тонкопленочных панелях, помимо свинца, могут содержаться кадмий, теллур, индий, галлий и селен [7] (Рис. 4).

Рис. 4. Структура фотоэлектрической панели, в % от массы

Источник: *Review of issues and opportunities for glass supply for photovoltaic production at multiterawatt (TW) scale.*

Анализ показал, что в мировой практике выделяются 4 основных способа переработки отходов солнечных панелей — механическая, термическая, химическая и комбинированная (Табл. 1):

Механическая переработка включает в себя демонтаж, дробление и сортировку панелей для извлечения стекла, алюминиевых рам, кабелей и других компонентов. Эта технология отличается относительной простотой, невысокими затратами и возможностью масштабирования. Однако её эффективность ограничена — уровень извлечения ценных материалов, таких как кремний, серебро и редкоземельные элементы, как правило, не превышает 80%.

Термическая переработка применяется для удаления полимерных слоев с помощью высокотемпературной обработки (500°C). После термического этапа возможно более полное извлечение стекла, металлов и кремния. Достоинством данного подхода является его применимость к различным типам панелей и способность разрушать слоистую структуру.

Химическая переработка основана на растворении связующих и защитных слоев с использованием кислот или щелочей. Данный метод позволяет эффективно извлекать высокочистый кремний, серебро, индий, теллур и другие ценные материалы. Он обеспечивает высокий уровень чистоты вторичного сырья (до 95%), но отличается высокой себестоимостью и необходимостью утилизации химических отходов.

Таблица 1

Сравнение эффективности различных методов переработки

№	Способ переработки	Материалы, подлежащие извлечению	Эффективность	Характеристика
1	Механический	Стекло, алюминий, медь	70–80%	Низкие затраты, ограниченное извлечение ресурсов
2	Термический	Стекло, кремний, металлы	80–90%	Подходит для удаления EVA и прочих полимеров
3	Химический	Кремний, серебро, индий, кадмий	85–90%	Высокая чистота извлекаемых ресурсов, дорого и экологически чувствительно
4	Комбинированный	Все вышеперечисленное	90–95%	Наиболее перспективный и эффективный, но требует комплексной инфраструктуры

Источник: *составлено авторами на основе результатов исследования.*

Комбинированная переработка представляет собой наиболее технологически продвинутый и эффективный подход, при котором используются последовательные стадии: механическое разделение, термическое удаление органических компонентов и химическое извлечение остаточных ценных веществ.

Результаты анализа методов переработки отходов показали, что сегодня возможно пе-

переработать от 70% до 95% материалов солнечной панели. Стекло, медь, свинец, алюминий и другие опасные полупроводниковые материалы могут быть утилизированы посредством сочетания механических и химических процессов, оказывающих относительно небольшое воздействие на окружающую среду, или переплавлены для переработки, либо проданы в качестве сырья для использования в создании новых панелей или другой электроники.

Применительно к Узбекистану, рекомендуется внедрение наиболее перспективного комбинированного метода переработки. Однако этот способ утилизации солнечных панелей требует больших инвестиций и развития дополнительной инфраструктуры. Для выбора способа переработки требуется проведение технико-экономического обоснования различных вариантов утилизации технологий ВИЭ.

Конечно же, реализация наиболее эффективного метода переработки потребует создания целостной системы регулирования этих процессов. Система регулирования, основанная на принципах экономики замкнутого цикла, будет играть ключевую роль в снижении нагрузки на окружающую среду при переходе на возобновляемые источники энергии и должна быть налажена до того, как у солнечных панелей начнут массово истекать сроки службы.

Учитывая, что европейские страны имеют наилучший опыт в части внедрения технологий ВИЭ, и значительно раньше, чем другие страны приступили к решению задач по их утилизации, акцент был сделан на изучение европейского опыта.

ЕС первым ввел правила утилизации отходов солнечных электростанций – модули должны утилизироваться в соответствии с Директивой об отходах электрического и электронного оборудования (WEEE, 2012/19/EU). С 2012 г. положения Директивы WEEE были включены в национальное законодательство странами-членами ЕС, создав первый рынок, на котором переработка солнечных модулей обязательна. Установлен минимальный уровень переработ-

ки – не менее 85% от массы оборудования. Директива действует в рамках расширенной ответственности производителя (Extended Producer Responsibility – EPR), согласно которой производители обязаны финансировать сбор, переработку и утилизацию солнечных панелей.

Интересен также опыт Китая, как крупнейшего мирового производителя солнечных панелей и который уже сталкивается с растущим объемом отходов отслужившего оборудования. По прогнозам, к 2030 г. объем отходов достигнет 1,5 млн. тонн, а к 2050-му – 20 млн. тонн. Решение этих вопросов основывается на стратегическом подходе. Власти Китая разработали стратегию по созданию к 2025 г. системы утилизации и переработки, включая стандарты демонтажа, переработки и безопасной утилизации. Ожидается, что к 2040 г. отрасль переработки в Китае может достичь стоимости около \$21 млрд., играя важную роль в построении зелёной экономики [8].

Анализ инструментов регулирования, применяемых в зарубежных странах, показал, что с экономической точки зрения остается актуальным вопрос о рентабельности переработки солнечных панелей. В переработке солнечных панелей очень важен эффект масштаба — чем больше объёмы отходов, тем прибыльнее процесс их переработки. Несмотря на то, что на данный момент стоимость переработки значительно превышает затраты на захоронение, с ростом объема отходов и совершенствованием технологий переработка становится всё более рентабельной.

Уже сегодня возможно частичное возмещение затрат за счет извлечения ценных компонентов, таких как серебро, алюминий, медь и стекло. В ряде случаев эффективной переработки доход от вторсырья за одну панель может достигать \$15–25, что позволяет в перспективе приблизиться к безубыточности и возможно даже выйти на прибыль, особенно при массовых объемах переработки.

К примеру, серебро, несмотря на незначительное содержание, может составлять до

половины стоимости панели (Рис. 5). Алюминий и медь также имеют стабильный спрос на рынке, повторное использование очищенного кремния находится пока на ранней стадии, но представляет собой перспективное направление, особенно с учетом роста цен на сырьё.

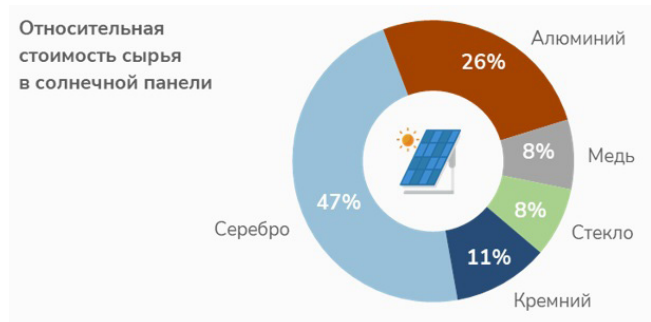

Рис. 5. Относительная стоимость сырья в солнечной панели

Источник: *End-of-life management: Solar photovoltaic panels.*

Кроме прямых экономических выгод, переработка панелей имеет и существенные косвенные эффекты. Это, в первую очередь, снижение выбросов парниковых газов за счет уменьшения потребности в первичных материалах (переработка одной панели предотвращает выбросы около 44 кг CO₂; повторное использование — до более чем 1,5 тонны CO₂) и предотвращение загрязнения окружающей среды тяжёлыми металлами.

По последним оценкам IRENA, совокупная стоимость сырья, технически возможно извлечь из фотоэлектрических солнечных панелей может составить \$450 млн. к 2030 г., что примерно равно стоимости сырья, необходимого для производства 60 млн. новых панелей, или 18 ГВт генерирующих мощностей. В докладе говорится, что к 2050 г. эта стоимость может составить более \$15 млрд. [9].

При эффективной организации системы переработки панелей, из минимального потенциального объема отходов солнечных панелей, который может образоваться к 2030 г. (1,7 млн. тонн), будет возможно извлечение более 960 тыс. тонн стекла, 75 тыс. тонн алюминия,

7 тыс. тонн меди, до 30 тыс. тонн кремния, 90 тонн серебра, а также значительных объемов редких и дорогостоящих элементов, таких как индий, теллур, галлий и селен.

Кроме того, всё большую роль в переработке солнечных панелей будут играть частные компании, включая строительные и монтажные организации, компании по сбору и предварительной переработке отходов панелей. Формирование новых цепочек создания стоимости и развитие сервисов по ремонту и повторному использованию PV-модулей в долгосрочной перспективе будет способствовать созданию дополнительных рабочих мест и возможностей для привлечения инвестиций в сфере обращения с отходами.

Основные выводы и рекомендации

Результаты проведенного исследования позволили сделать вывод о том, что развитие устойчивой энергосистемы должно сопровождаться принятием своевременных мер по её адаптивности к новым технологическим и экологическим вызовам. Всё более значимым становится вопрос экологически безопасной утилизации компонентов ВИЭ, в частности солнечных панелей, которые, в перспективном периоде будут переходить в стадию завершения их жизненного цикла.

Важно сформировать целостную систему регулирования, в рамках которой рекомендуется учесть следующие предложения, направленные на принятие решений по организации эффективного процесса управления отработанными панелями:

- 1) Внедрение механизма расширенной ответственности производителей (EPR), распространяющегося на национальных производителей и импортеров;
- 2) Классификация отработанных солнечных панелей к особой категории отходов, обладающих экологической опасностью и экономической ценностью и подлежащих отдельному нормативному регулированию. требований;
- 3) Разработка технического регламента и национальных стандартов обращения с отра-

ботанными солнечными модулями, включая требования к безопасному демонтажу оборудования, нормы по извлечению стекла, алюминия, кремния, серебра и других материалов, а также минимальные предельные уровни переработки;

4) Создание пилотных перерабатывающих мощностей с возможностью их дальнейшего масштабирования;

5) Внедрение комплекса финансовых стимулов, направленных на поддержку проектов по сбору, повторному использованию и переработке солнечных панелей. (налоговые и таможенные льготы, субсидии на оборудование и логистику, гранты на НИОКР, реализация проектов на основе ГЧП);

6) Привлечение международной технической помощи, инвестиций и передовых решений,

включая обучение кадров и организацию совместных проектов с международными экспертными и финансовыми организациями;

7) В целях продления срока службы солнечных панелей необходимо также поддерживать развитие частного сектора, специализирующегося на диагностике, техническом обслуживании и ремонте солнечных модулей.

Исходя из опыта Китая в данном направлении, рекомендуется разработать комплексную Стратегию по развитию системы утилизации технологий ВИЭ на долгосрочную перспективу, которая включала бы в себя ключевые принципы и направления развития соответствующей инфраструктуры, механизмы и инструменты создания благоприятной среды для вовлечения в этот процесс частного сектора.

Источники и литература

1. International Renewable Energy Agency, IRENA (2025). *Renewable capacity statistics 2025*. <https://www.irena.org/Publications/2025/Mar/Renewable-capacity-statistics-2025>
2. International Labour Organization. (2023). *Jobs in renewable energy reach highest annual growth rate, rising to 16.2 million*. <https://www.ilo.org/resource/news/jobs-renewable-energy-record-highest-annual-growth-rate-reaching-162>
3. International Energy Agency, IEA (2023). *Massive global growth of renewables to 2030 is set to match entire power capacity of major economies today, moving world closer to tripling goal*. <https://www.iea.org/news/massive-global-growth-of-renewables>
4. International Renewable Energy Agency. (2016). *Solar PV waste offers significant business opportunity*. <https://www.irena.org/news/articles/2016/Jun/Solar-PV-Waste>
5. SolarnPlus. (n.d.). *Solar panel waste: The unknown side of solar power*. <https://www.solarnplus.com/solar-panel-waste-the-unknown-side-of-solar-power/>
6. Министерство энергетики Республики Узбекистан. (2024). *Информация о проделанной работе в сфере энергетики в 2024 году*. <https://gov.uz/ru/minenergy/news/view/39442>
7. Chowdhury, T., Dehghanimadvar, M., Chang, N. L., & Corkish, R. (2025). *Review of issues and opportunities for glass supply for photovoltaic production at multiterawatt (TW) scale*. *Sustainable Energy & Fuels*, 9, 1414–1431. <https://doi.org/10.1039/D4SE01567C>
8. China Daily. (2023). *China ramps up solar power recycling efforts*. <https://www.chinadaily.com.cn/a/202306/05/WS647d343ba31033ad3f7ba63f.html>
9. International Renewable Energy Agency, & International Energy Agency Photovoltaic Power Systems Programme. (2016). *End-of-life management: Solar photovoltaic panels*. https://iea-pvps.org/wp-content/uploads/2020/01/IRENA_IEAPVPS

УЎК: 330.101.54.(575.1)

Xusanjon BAKIROV,
Iqtisodiyot va moliya vazirligi huzuridagi
Budjet-soliq ilmiy tadqiqotlari instituti bosh mutaxassisi,
 Email: bhusan08@gmail.com

YASHIL IQTISODIYOTGA O'TISHDA YASHIL TAKSONOMIYALARNING AHAMIYATI VA XORIJ TAJRIBASI TAHLILI

Annotatsiya: yashil iqtisodiyotga o'tishning tizimli va samarali yo'lga qo'yishda hamda uning normativ-huquqiy asoslarini belgilashda "yashil" taksonomiyalarning o'rni juda muhimdir. Ilmiy maqolada Yevropa Ittifoqining Barqaror moliyalashtirish taksonomiyasi, xususan, atrof-muhit muhofazasiga yo'naltirilgan maqsadlarni qo'llab-quvvatlovchi deb hisoblanishi mumkin bo'lgan faoliyat bo'yicha ko'rsatmalar va xorij mamlakatlarining milliy yashil taksonomiyasi o'rganildi va O'zbekiston milliy "yashil" taksonomiyasini takomillashtirish yuzasidan takliflar tayyorlandi.

Kalit so'zlar: taksonomiya, barqaror moliyalashtirish, ekologik maqsadlar, iqlim o'zgarishini yumshatish, iqlim o'zgarishiga moslashish, yashil yuvish, biologik xilma-xillik, aylanma iqtisodiyot, Milliy aniq hissalar (NDC), Yevropa Ittifoqi, Markaziy Osiyo mintaqasi, tasniflash kodlari, muvofiqlik mezonlari.

**Значение «зелёных» таксономий в
переходе к зелёной экономике и анализ
зарубежного опыта**

Хусанжон Бакиров,
 главный специалист Научно-
 исследовательского института
 бюджетно-налоговых исследований при
 Министерстве экономики и финансов

Аннотация: в системной и эффективной организации перехода к зелёной экономике, а также в определении её нормативно-правовой

базы, важную роль играют «зелёные» таксономии. В научной статье изучена Таксономия устойчивого финансирования Европейского Союза, в частности, руководящие принципы по видам деятельности, которые могут считаться поддерживающими экологические цели. Также рассмотрены национальные зелёные таксономии зарубежных стран, и подготовлены предложения по совершенствованию национальной «зелёной» таксономии Узбекистана.

Ключевые слова: таксономия, устойчивое финансирование, экологические цели, смягчение изменения климата, адаптация к изменению климата, «зелёный» камуфляж (greenwashing), биологическое разнообразие, циркулярная экономика, Национально определяемые вклады (NDC), Европейский Союз, регион Центральной Азии, классификационные коды, критерии соответствия.

**The role of "green" taxonomies in the
transition to a green economy and analysis of
international experience**

Husanjon Bakirov,
 Chief Specialist at the Research Institute for
 Fiscal Studies under the Ministry of Economy
 and Finance

Abstract: "Green" taxonomies play a crucial role in ensuring a systematic and effective transition to a green economy, as well as in defining its regulatory and legal framework. This scientific article examines the EU Sustainable Finance

Taxonomy, particularly its guidelines on activities that can be considered supportive of environmental objectives. National green taxonomies of foreign countries are also reviewed, and proposals are developed for improving Uzbekistan's national green taxonomy.

Keywords: *taxonomy, sustainable finance, environmental objectives, climate change mitigation, climate change adaptation, greenwashing, biodiversity, circular economy, Nationally Determined Contributions (NDCs), European Union, Central Asia region, classification codes, compliance criteria.*

Kirish

Zamonaviy jamiyatning barqaror iqtisodiy o'sishga erishish borasidagi asosiy vazifalaridan biri – ekologik, ijtimoiy va iqtisodiy manfaatlar o'rtasida muvozanatni ta'minlashdan iborat. Shu jihatdan, moliyaviy resurslarni atrof-muhit muhofazasiga yo'naltirish va barqaror iqtisodiy rivojlanishni ta'minlash muhim ahamiyatga ega. Yevropa Ittifoqida bu maqsadlarni amalga oshirishda Barqaror moliyalashtirish taksonomiyasi muhim vosita sifatida ko'riladi.

Yevropa Ittifoqi taksonomiyasi Yevropa Komissiyasi tomonidan tartibga soluvchi tasniflash tizimi bo'lib, Yevropaning 2050-yilgacha sof nol uglerod emissiyasiga o'tishini osonlashtirishga, shuningdek, uzoq muddatli istiqbolda iqlim o'zgarishiga qarshi kurashishga yordam berishga qaratilgan. Yevropa Ittifoqi taksonomiyasi "investorlar, kompaniyalar, emitentlar va loyiha targ'ibotchilariga kam uglerodli, barqaror va resurs tejankor iqtisodiyotga o'tishda yordam berishga" qaratilgan.

Taksonomiyalar energiya tejaydigan texnologiyalarga investitsiyalarni rag'batlantiradi, korxonalar uchun operatsion xarajatlarni kamaytiradi va raqobatbardoshlikni oshiradi. Xalqaro energetika agentligi (IEA) tomonidan olib borilgan tadqiqot shuni ko'rsatdiki [1], energiya samaradorligi bo'yicha Parij kelishuvi maqsadlariga erishish uchun zarur bo'lgan

issiqxona gazlari chiqindilarini kamaytirishning 40 foizdan ko'prog'ini ta'minlashi energiya samaradorligining yillik 3 foiz o'sishiga, bu esa 2040-yilga qadar biznes va uy xo'jaliklarining yiliga 500 milliard dollar energiya xarajatlarini tejashiga imkon beradi.

O'zbekiston Respublikasi Vazirlar mahkamasining 2023-yil 25-oktabrdagi 561-sonli qarori bilan Milliy "yashil" iqtisodiyot taksonomiyasi tasdiqlangan bo'lib, ushbu taksonomiyani takomillashtirish yuzasidan takliflar ishlab chiqish dolzarb vazifa sanaladi.

Taksonomiyalar turli sektorlararo izchil bo'lishi va mamlakatning Milliy Aniqlangan hissalariga (NDC) mos kelishi kerak. Mamlakatlar va mintaqalar o'rtasida investitsiyalar oqimini rag'batlantirish uchun taksonomiya ilg'or xalqaro tajriba va global tamoyillarga muvofiqlashgan bo'lishi maqsadga muvofiq. Bu, ayniqsa yashil investitsiyalarni taqqoslashni osonlashtiradi va qiyoslama tahlil qilish imkonini beradi hamda bir-biriga zid keluvchi tasniflarning oldini oladi.

Asosiy qism

Yashil iqtisodiyot taksonomiyasi nima?

Yashil iqtisodiyot taksonomiyasi kapital oqimini ekologik maqsadlarga muvofiq yashil va barqaror loyihalarga yo'naltirishga yordam beradigan vositadir. Puxta ishlab chiqilgan yashil iqtisodiyot taksonomiyalari ilmiy asoslangan, ishonchli, moslashuvchan, izchil, ommaga ochiq va aniq bo'lgan batafsil ta'rif va tasniflarni taqdim etishi maqsadga muvofiq.

Yashil iqtisodiyot taksonomiyasi iqtisodiy faoliyat, aktiv va sub'yekt darajasida "yashil" sifatida nimalar tasniflanishi mumkinligi haqida batafsil ma'lumot beradi. Taksonomiyalar tariflash va tavsiflashlardan iborat bo'lib, turli sektorlar va yo'nalishlarning o'ziga xosliklaridan kelib chiqib yashil va barqaror faoliyat turlarini tasniflashni ta'minlaydi. Taksonomiyalar oshkoralik, umumiy qo'llash va tushunarli bo'lishini ta'minlash uchun tor doiradagi metodologiyalarga asoslanmasligi va ommaga ochiq bo'lishi maqsadga muvofiq. Taksonomiyalar ma'lum mintaqa yoki mamlakat miqyosida barcha faoliyat subyektlari va faoliyat

yo'nalishlari uchun umumiy qabul qilingan va umumiy foydalanishga imkonli bo'lishi zarur. Taksonomiyalar tasnif malakasini belgilaydigan sektor yoki faoliyat bo'yicha tasniflash va ko'rsatkichlardan iborat bo'lishi lozim. Ushbu elementlar tasniflangan faoliyatning belgilangan maqsadga muvofiqligi hamda mamlakatning strategik maqsadlariga mos kelishini ta'minlash uchun iqlimshunoslik ilmiga asoslangan bo'lishi kerak.

Yevropa Ittifoqi Barqaror moliyalashtirish taksonomiyasi

Yevropa Ittifoqi siyosati kontekstida barqaror moliya deganda iqtisodiy o'sishni qo'llab-quvvatlash hamda ijtimoiy va boshqaruv jihatlarini hisobga olgan holda Yevropa Yashil kelishuvining iqlim va ekologik maqsadlariga erishishga yordam berish uchun atrof-muhitga bosimni kamaytirish tushuniladi.

Yevropa Ittifoqi taksonomiyasining oltita ekologik maqsadlari

Yevropa Ittifoqi taksonomiyasi barqaror faoliyatni belgilovchi keng qamrovli platformani tashkil etgan oltita ekologik maqsadlarga asoslanadi. **O'zbekiston Milliy taksonomiyasiga ushbu maqsadlarni mahalliy sharoitlardan kelib chiqib muvofiqlashtirilish, tasniflash guruhlarini shularga muvofiq tizimlashtirish maqsadga muvofiq:**

- Iqlim o'zgarishini yumshatish: Energetika, transport va sanoat kabi muhim tarmoqlarda issiqxona gazlari chiqindilarini kamaytirishga e'tibor qaratish;

- Iqlim o'zgarishiga moslashish: Suv tanqisligi va ekstremal ob-havo hodisalari kabi zaifliklarni bartaraf etish;

- Barqaror suv boshqaruvi: O'zbekiston qishloq xo'jaligi uchun muhim bo'lgan suvdan samarali foydalanish va suv resurslarini muhofaza qilishga ustuvor ahamiyat qaratish;

- Aylanma (Circular) iqtisodiyot: chiqindilarni kamaytirish, qayta ishlash va resurslar samaradorligini oshirish;

- Ifloslanishning oldini olish va nazorat qilish: havo, tuproq va suv ifloslanishiga qarshi kurash, ayniqsa sanoat va shaharlarda;

- Biologik xilma-xillik va ekotizimlarni tiklash: ekotizimlarni, shu jumladan Orol dengizi mintaqasini himoya qilish va tiklash.

“Sezilarli ziyon yetkazmang” (Do Not Significant Harm/DNSH) tamoyili. Yevropa Ittifoqi taksonomiyasi barqaror faoliyatning boshqa ekologik maqsadlarga zarar keltirmasligini taqozo etadi. Milliy taksonomiyada yaxlit barqarorlikni ta'minlash maqsadida ushbu tamoyilni inobatga olish maqsadga muvofiq. Misol uchun, gidroenergetika loyihasi iqlim o'zgarishini yumshatishga hissa qo'shishi mumkin, lekin suv ekotizimlari yoki biologik xilma-xillikka zarar keltirmasligi kerak.

Taksonomiyani ishlab chiqishda manfaatdor tomonlarni jalb qilish. Milliy “Yashil taksonomiya”ni ishlab chiqish va amalga oshirishga keng doiradagi manfaatdor tomonlarni, jumladan, davlat idoralari, moliya institutlari, biznes va fuqarolik jamiyatini jalb qilish maqsadga muvofiq. Masalan, asosiy vazirliklar, banklar va sanoat birlashmalari vakillaridan iborat Yashil moliya bo'yicha ishchi guruhini tashkil etish, fikr-mulohazalarni yig'ish va inklyuzivlikni ta'minlash maqsadida jamoatchilik muhokamalarini o'tkazish.

Texnik salohiyatni oshirish. Ko'plab manfaatdor tomonlar va iqtisodiy faoliyat ishtirokchilari yashil taksonomiyani samarali amalga oshirilishi bo'yicha texnik tajribaga ega bo'lmasligi mumkin. Shunga ko'ra texnik bilim va ko'nikmalarni oshirish dasturlari muhim ahamiyatga ega. Masalan, nazorat qiluvchi organlar, moliya institutlari va biznesga oid barqaror moliya va atrof-muhit mezonlari bo'yicha o'quv dasturlarini ishlab chiqish va faoliyat ishtirokchilarining malakasini oshirish, texnik yordam ko'rsatish maqsadida universitetlar va xalqaro tashkilotlar bilan hamkorlik qilish yashil iqtisodiyot taksonomiyasi amaliyoti bo'yicha texnik salohiyatni oshirishga yordam berishi mumkin.

Kuchli boshqaruv mexanizmlarini tashkil etish. Yashil taksonomiyani samarali amalga oshirish kuchli boshqaruv va nazoratni taqozo

etadi. Taksonomiyaning amalga oshirilishi va bajarilishini nazorat qilish uchun maxsus tartibga soluvchi organni yo'lga qo'yish, muvofiqlik (compliance) va yashil yuvish bo'yicha ko'riladigan choralar bo'yicha aniq ko'rsatmalar ishlab chiqish shunday mexanizmlardan biri bo'lishi mumkin.

Amaliyot. Yevropa Ittifoqi taksonomiya amaliyoti ijobiy kechayotganligini jamoat tashkilotlari va moliyaviy subyektlar o'zlarining biznes strategiyalari, yashil iqtisodiyotga o'tish davrini rejalashtirish, investitsiyalar va kreditlash uchun taksonomiyadan tobora ko'proq foydalanayotganligidan anglash mumkin.

Ma'lumot uchun: o'rtacha olganda, kompaniyalar kapital qo'yimlalarining taxminan 20%i [2] taksonomiyaga muvofiqlashtirilgan. Eng ko'p muvofiqlashtirilgan investitsiyalar

kommunal sohaga, xususan, elektr ta'minotchilari tomonidan amalga oshirilmoqda (60% dan ortig'i taksonomiyaga muvofiq).

Taksonomiyaga muvofiq faoliyatga kapital qo'yimlar 2024-yilda 2023-yilga nisbatan ko'paygan [3]: 2023-yilda 600 ga yaqin Yevropa kompaniyalari Taksonomiyaga muvofiq 191 mlrd yevrolik kapital qo'yimlar amalga oshirilgan bo'lsa, 2024-yilning hozirgi vaqtigacha kompaniyalarning bunday kapital qo'yimlari allaqachon 249 mlrd yevroni tashkil etgan. Demak 2023 va 2024-yillarda jami 440 mlrd yevroni tashkil etadi (2024-yil 6-may holatiga ko'ra). Kompaniyalar Taksonomiyaning to'rtta ekologik maqsadlariga muvofiq hisobot taqdim etishi yo'lga qo'yilsa, bu raqamlar yanada o'sishi kutilmoqda, bu esa tegishli kompaniyalar doirasini kengaytiradi.

1-jadval

Taksonomiyaga muvofiq investitsiyalar

	Ro'yxatga olingan korxonalar soni		Muvofiqlashtirilgan umumiy investitsiyalar miqdori (mlrd. yevro)	
	2022	2023	2022	2023
Kommunal soha	62	69	109	132
Iste'molga oid buyumlar va xizmatlar	66	86	35	45
Biznes va ishlab chiqarish	207	243	22	27
Energetika	26	32	11	23
Ko'chmas mulk	35	41	4	5
Boshqa sektorlar	212	254	11	16
Jami:	608	723	191	249

Manba: The EU Taxonomy's uptake on the ground, June 2024.

2022 va 2023-moliyaviy yillar uchun (2024-yil 26-may holatiga ko'ra) Yevropada taksonomiyaga muvofiq eng ko'p investitsiyalar Germaniyadagi kompaniyalar (114 mlrd. yevro), undan keyin Fransiya (63 milliard yevro), Ispaniya (60 milliard yevro) va Italiyada (48 milliard yevro) qayd etilgan [4].

2023-yilda Yevropa Ittifoqi davlat subyektlari tomonidan chiqarilgan yashil obligatsiyalarning 90 foizi yig'ilgan mablag'larni yashil loyihalar uchun ishlatish majburiyatini ko'rsatish uchun taksonomiyasiga muvofiqlashtirgan [4].

Yevropa Ittifoqi butun dunyo bo'ylab yashil obligatsiyalarning yetakchi emitenti bo'lib qolmoqda. 2023-yildagi global yashil obligatsiyalar hajmining yarmidan ko'pining kelib chiqish manbai Yevropaga tegishli [4].

“Yashil” iqtisodiyot taksonomiyasi bo'yicha yaqin xorij davlatlari tajribasi

Yevropa Ittifoqi taksonomiyasini tahlil qilish va o'rganish vositasida O'zbekistonga iqtisodiyoti yaqin bo'lgan bir nechta qo'shni va iqtisodiy rivojlanish darajasi yaqin bo'lgan davlatlar jumladan, Qozog'iston, Qirg'iziston, Mo'g'uliston

va Ozarbayjon kabi yashil taksonomiyani joriy qilayotgan mamlakatlar tajribasi o'rganib chiqildi.

Mo'g'uliston tajribasi [5]

Mo'g'uliston 2023-yil iyun oyida o'zining Yashil taksonomiya tizimini ishga tushirib, birinchilardan milliy yashil taksonomiyasini shakllantirgan davlatlar qatoriga kirdi. Mo'g'uliston Yashil taksonomiyasining umumiy maqsadi yashil moliyalashtirish kontekstida iqlim o'zgarishini yumshatish, moslashish, ifloslanishning oldini olish, resurslarni tejash va turmush darajasini yaxshilashga hissa qo'shadigan faoliyatning milliy tomonidan kelishilgan tasniflash tizimini ishlab chiqish hisoblanadi.

Taksonomiyada quyidagi aniq maqsadlar ilgari surilgan:

- Moliyaviy institutlar, biznes subyektlari, davlat boshqaruv organlari va boshqa ishtirokchilarga yashil loyihalarni aniqlash, ishlab chiqish va moliyalashtirish bo'yicha umumiy tushuncha va yondashuvni taqdim etish;

- Yashil loyihalarni moliyalashtirish va "yashil yuvish" xavfini kamaytirish uchun investorlarning ishonchini qo'llab-quvvatlash;

- Xususiy sektor, xalqaro moliya institutlari va xorijiy investorlar kabi turli manbalardan keladigan yashil moliya oqimini ko'paytirish;

- Yashil loyihalarda ishtirok etuvchi xususiy sektor investitsiyalarini kuzatib borish va Mo'g'ulistonning yashil rivojlanishi va iqlim o'zgarishi bilan bog'liq siyosat va maqsadlarga ta'sirini baholash;

- Yashil imkoniyatlar bozorini rivojlantirishga yordam beradigan yashil moliya bo'yicha milliy siyosat va qoidalarni xabardor qilish va shakllantirishga yordam berish.

Mo'g'uliston Yashil taksonomiyasida undan foydalanishning keng doirasi ko'rsatilishidan tashqari, undan asosiy foydalanuvchilar hamda foydalanuvchilar qo'llashi mumkin bo'lgan amaliyotlar aniq belgilab qo'yilgan.

Mazkur taksonomiyada shuningdek 6 tamoyilga asoslangan holda maqsadli yo'nalishlar belgilangan:

1-tamoyil: Milliy siyosat va maqsadlarga hissa qo'shish. Taksonomiya Mo'g'ulistonning yashil rivojlanishi va iqlim o'zgarishi bilan bog'liq qonunlar, strategiyalar va dasturlarga kiritilgan asosiy ekologik maqsadlarga hissa qo'shishi kerak.

2-tamoyil: Ekologik muammolarni hal qilish. Mo'g'ulistonning asosiy ekologik muammolarini hal qilish kerak – I) iqlim o'zgarishini yumshatish va moslashish; II) ifloslanish; III) resurslarni tejash; IV) turmush darajasini yaxshilash.

3-tamoyil: Emissiyasi yuqori, asosiy iqtisodiy tarmoqlarni qamrab olish. Taksonomiya iqtisodiyotning eng ko'p emissiya qiladigan tarmoqlarini qamrab olishi, shuningdek, asosiy iqtisodiy tarmoqlarning barqaror tarmoqlarga o'tishiga hissa qo'shishi kerak.

4-tamoyil: Xalqaro standartlar va muvofiq amaliyotlarga moslashish. Umumiy kelishilgan mahalliy standartlar bo'lmasa, taksonomiya xalqaro standartlar va eng yaxshi amaliyotlarga muvofiqlanishi qilishi kerak.

5-tamoyil: ESG standartlariga muvofiqlashtirish. Atrof-muhit va ijtimoiy xavflarni boshqarish bo'yicha minimal qoidalar va standartlar (Mo'g'ulistonning Barqaror moliyalash tamoyillari va sektor yo'riqnomalari) taksonomiyaga kiritilgan barcha turdagi faoliyat turlariga qo'llanilishi kerak.

6-tamoyil: Tahrirlash va rivojlantirishni davom ettirish. Taksonomiya siyosat o'zgarishlari, ilmiy ishlanmalar, texnologik o'zgarishlar va sanoatning yangi ehtiyojlari asosida doimiy ravishda ko'rib chiqilishi va yangilanishi lozim.

Qirg'iziston tajribasi [6]

Qirg'iziston yashil taksonomiyasi (loyihasi) ham keng ko'lamli hamda tizimli ravishda ishlab chiqilib, "yashil faoliyat"ni issiqxona gazlari emissiyasini kamaytirish (iqlim o'zgarishini yumshatish), iqlim o'zgarishiga moslashish, atrof-muhit ifloslanishini kamaytirish, suv ta'minoti yo'nalishlari bilan ta'rifi o'tiladi.

Taksonomiya yashil iqtisodiyotning ustuvor yo'nalishlari haqida umumiy tushunchalarni belgilash va ustuvorliklarni amaliy harakatlarga aylantirish imkonini beradi. Mazkur hujjat

iqtisodiyotning real va moliyaviy sektorlaridagi tadbirkorlarga o'z faoliyatini mazkur ustuvor yo'nalishlarga moslashtirishga yordam berishi ko'zda tutiladi.

Qirg'iziston yashil taksonomiyasi Qirg'iziston Respublikasida 2050-yilgacha uglerod neytralligiga erishish maqsadiga qaratilib, ikki eng asosiy vazifa – yashil iqtisodiyotga o'tish va ekologiyani yaxshilashni qo'yadi.

Taksonomiyaning asosiy vazifalaridan biri xalqaro investitsiyalarni jalb qilish uchun qulay muhit yaratish bo'lib, taksonomiya tamoyillari va tasniflari barqaror moliyalashtirish sohasidagi xalqaro amaliyotni hisobga olgan holda ishlab chiqilgan.

Qirg'iziston yashil taksonomiyasi Qirg'iziston Respublikasining ichki normativ-huquqiy hujjatlari va xalqaro shartnomalarni hisobga olgan holda tuzilib, ularning ro'yxati taksonomiyada aks ettiriladi.

Qirg'iziston taksonomiyasidagi tasniflashlar Xalqaro kapital bozorlari assotsiatsiyasining yashil obligatsiyalar tamoyillari (International Capital Markets Association's Green Bond Principles), Climate Bonds Initiative tomonidan ishlab chiqilgan iqlim obligatsiyalari taksonomiyasi (Climate Bond Taxonomy developed by Climate Bonds Initiative), Ko'p tomonlama taraqqiyot bankining iqlim ta'sirini yumshatish bo'yicha moliyalashtirishni kuzatish bo'yicha umumiy tamoyillari (Multilateral Development Bank's Common Principles for Climate Mitigation Finance Tracking), Yevropa Ittifoqi yashil taksonomiyasi kabi xalqaro taksonomiyalar va amaliyotlarga moslashtirilganligi ko'rsatib o'tilgan.

Taksonomiyada asosiy atama, qoida va mezonlarga ta'riflar berilgan bo'lib, taksonomiya foydalanuvchilari (jismoniy shaxslar, yuridik shaxslar, banklar va moliya institutlari, davlat boshqaruv organlari, mahalliy hokimiyat organlari) hamda boshqa davlat taksonomiyalari bilan birgalikda qo'llanilish tamoyillari ko'rsatib o'tilgan.

Muvofiqlik mezonlarini ishlab chiqishda xalqaro texnik me'yoriy-huquqiy baza, shu

jumladan Qirg'iziston Respublikasida tovarlarni yetkazib berish zanjirlarida qo'llanilishi mumkin bo'lgan umumiy xalqaro standartlar hisobga olingan. Qirg'iziston taksonomiyasida muvofiqlik mezonlari (Qirg'iziston iqtisodiy faoliyat tasniflash kodlari, NACE 2.1, TIF TN kodlari va CN EU), tushuntirishlar va fiskal imtiyozlar ko'rsatib o'tilgan.

Qozog'iston tajribasi [7]

Qozog'iston yashil taksonomiyasi 2021-yil 31-dekabrda Qozog'iston Respublikasi hukumatining "Yashil" obligatsiyalar va "yashil" kreditlar hisobidan moliyalashtiriladigan "yashil" loyihalar tasnifini (taksonomiyasini) tasdiqlash to'g'risidagi 996-son qarori bilan qabul qilingan. Qozog'iston yashil taksonomiyasi hamda O'zbekiston milliy taksonomiyasi orasida deyarli farqni ko'rmaymiz (milliy taksonomiyada ham "yashil" obligatsiyalar va kreditlar, shuningdek boshqa manbalar hisobidan moliyalashtiriladigan "yashil" turdagi loyihalarni tasniflash qayd etilgan), biroq Qozog'iston taksonomiyasi Qozog'istonning Ekologiya kodeksining tegishli moddasiga asoslangan holda ishlab chiqilgani hamda mavjud tabiiy resurslardan foydalanish samaradorligini oshirish, atrof-muhitga salbiy ta'sir darajasini kamaytirish, energiya samaradorligini oshirish, energiya tejash, iqlim o'zgarishi oqibatlarini yumshatish va iqlim o'zgarishiga moslashishga qaratilgan ekanligi qayd etilgan.

Ozarbayjon tajribasi [8]

Eng oxirgi va mukammal ishlab chiqilgan milliy taksonomiyalardan biri Ozarbayjon yashil taksonomiyasi bo'lib, mazkur taksonomiya 2024-yil 7-noyabrda Ozarbayjon Markaziy Banki tomonidan tasdiqlangan. Ozarbayjon 2024-yil 11–22- noyabr kunlari BMTning Iqlim o'zgarishi bo'yicha Tomonlar Konvensiyasining 29-sessiyasi (COP29), Tomonlar Kioto protokoli yig'ilishining 19-sessiyasi va Tomonlar Parij kelishuvi yig'ilishining 6-sessiyasiga mezbonlik qilgan holda Ozarbayjon barqaror iqtisodiyotning dolzarbligini ilgari surishga bel bog'lagan. Barqaror rivojlanish va yashil iqtisodiyotga o'tish bo'yicha strategik maqsadlarga erishish

uchun Ozarbayjon Respublikasi Markaziy banki davlat organlari (muassasalari) vakillarini jalb qilgan holda Barqaror moliyalashtirish bo'yicha Ekspertlar guruhini tashkil etish tashabbusi bilan chiqdi. Ushbu guruh Jahon banki ekspertlari ko'magida Markaziy bank tomonidan qabul qilingan Yashil taksonomiyani ishlab chiqdi. Taksonomiya ilg'or xalqaro tajribalarni hamda Ozarbayjon iqtisodiyotining o'ziga xos xususiyatlarini o'zida mujassamlashtirgan. Ozarbayjon taksonomiyasi iqlim, yashil, ijtimoiy yoki barqarorlik maqsadlariga hissa qo'shadigan faoliyatni aniqlaydigan tasniflash tizimi bo'lib, ekologik maqsadlarga erishish va yashil iqtisodiyotni rivojlantirishga hissa qo'shishga qaratilgan faoliyatlar ro'yxatini belgilaydi.

Ozarbayjon taksonomiyasi konsepsiya shaklida xalqaro standartlar va tavsiyalarga muvofiq mukammal tuzilishga egaligini ko'rishimiz mumkin. Taksonomiya Muqaddima, Global tendensiyalar, Joriy holat tahlili, Taksonomiyaning maqsadlari va asosiy tamoyillari, Taksonomiya va Texnik skrinning mezonlari bo'yicha aniqlangan sektorlar, Taksonomiyaning asosiy foydalanuvchilari, Taksonomiyadan foydalanish holatlari, Yashil faoliyatlarni aniqlash va oxirgi Sohaviy baholash mezonlari (Tasniflash taksonomiyasi) qismlaridan iborat. Shuningdek, Ozarbayjon taksonomiyasiga "Iqlim o'zgarishiga moslashish choralari" va "Minimal ijtimoiy

himoya choralari" ilova qilingan.

O'zbekistonning milliy "yashil" iqtisodiyot taksonomiyasi hozirgi holati tahlili

O'zbekistonning milliy taksonomiyasini tuzilishi jihatidan takomillashtirish, Yevropa Ittifoqi barqaror moliyalashtirish taksonomiyasi dizayn tamoyillari, Jahon Bankining milliy yashil taksonomiya ishlab chiqish bo'yicha tavsiyalari asosida hamda ko'rib chiqilgan Mo'g'uliston, Qirg'iziston va ayniqsa Ozarbayjon taksonomiyalari tuzilishiga hamohang tarzda batafsil yashil iqtisodiyotdagi tizimli jarayonlarni qayd etgan holda, konsepsiyaviy shaklda ishlab chiqish maqsadga muvofiqdir. Milliy taksonomiyasi takomillashtirishda foydalanish tartibi va foydalanuvchilar haqida ma'lumotlarni ko'rsatib o'tish maqsadga muvofiq hisoblanadi. Milliy taksonomiyada yashil iqtisodiyot bo'yicha xalqaro shartnomalar, standartlar va mezonlarga havola qilish bo'yicha ma'lumotlar berilmagan. Yashil iqtisodiyot taksonomiyasining pirovard maqsadlaridan biri xalqaro investitsiyalarni jalb qilish uchun qulay muhit yaratish, taksonomiya tamoyillari va tasniflari barqaror moliyalashtirish sohasidagi xalqaro amaliyotni hisobga olgan holda ishlab chiqish hisoblanadi. Milliy taksonomiyaning amaliy ahamiyatini oshirish uchun uning xalqaro standartlar va ichki qonunchilikka muvofiq kodlar va standartlarga ko'ra guruhlashni tasniflash jadvalida inobatga olish zarur.

2-jadval

Xalqaro tashkilotlar tavsiyalari doirasida muhim komponentlarning O'zbekiston milliy yashil taksonomiyasida mavjudligi tahlili

Ko'rsatmalar	Mavjud	Mavjud emas	Izoh
<i>Jahon Banki tavsiyalari</i>			
Strategik maqsad		☒	Ekologiya (Atrof-muhit) bo'yicha strategik maqsad belgilab qo'yilishi lozim, masalan Parij bitimi doirasida 2030-yilga qadar yalpi ichki mahsulot birligida issiqxona gazlari emissiyasini 2010-yilgi ko'rsatkichlarga nisbatan 35 foiz kamaytirish, suv masalalari, energetika bo'yicha ustuvor maqsadlar taksonomiyada aks etishi lozim.
Ekologik (Atrof-muhit) maqsadli ko'rsatkichlari*	☒		*Milliy taksonomiyada "muvofiqlik mezonlari" ustuni mavjud bo'lsada, ekologik maqsadlarni takomillashtirish va miqdoriy ko'rsatkichlarni alohida qayd etib ko'rsatib o'tilishi maqsadga muvofiq

Investitsiya sektorlari va kategoriyalari			Milliy taksonomiya investitsiyaviy xarajatlarga taaluqli ekanligi yozilgan biroq sektorlar va kategoriyalar bo'yicha tavsiflar va mezonlar orqali takomillashtirish lozim
Investitsiyalarni baholash va tanlab olish			Investitsiyalarni baholash va tanlab olish bo'yicha alohida mezonlar va tamoyillar yoki mexanizm mavjud emas.
Maqsadli foydalanuvchilarni aniqlash			Foydalanuvchilar va manfaatdor tomonlar hamda foydalanish amaliyotlari aniq ko'rsatib o'tilmagan.
Hisobot berish ko'rsatmalari va yo'riqnomalari			Mas'ul respublika ijro etuvchi hokimiyat organiga ma'lumotlar taqdim etish tartibi joriy etilishi bo'yicha qisqa yozilgan bo'lsada, hisobot shakli, tartibi va mexanizmi mavjud emas.
Xalqaro Kapital Bozor Assotsiatsiyasi (ICMA)			
Maqsadlilik			Umumiy ekologik maqsadlar alohida belgilab ko'rsatilmagan, Milliy taksonomiyada ekologik va atrof-muhit tamoyillarini ko'rsatib o'tish hamda miqdoriy va sifat ko'rsatkichlari va o'lovchlarni belgilab berish maqsadga muvofiq
Qo'shimchalar kiritish			Mamlakatning ekologik maqsadlari va iqlim o'zgarishi muammolaridan kelib chiqib hamda ilmiy izlanishlar, xalqaro tashkilotlar tavsiyalariga muvofiq tahrir qilish imkoniyati ko'rsatilmagan.
Amaliy foydalanish			Foydalanuvchilar va manfaatdor tomonlar hamda foydalanish amaliyotlari aniq ko'rsatib o'tilmagan
Ochiqlik va muvofiqlik			Xalqaro yashil tashabbuslar va vositalarning ko'rsatmalari va tavsiyalariga tegishli taksonomiyada havola qilinishi, xalqaro standartlar va taksonomiyalarga uyg'unligi milliy taksonomiyada nazarda tutilmagan.
O'tishga imkoniyatlilik			Yashil taksonomiyadan foydalanishda yengilliklar, imtiyozlar berish, ko'rsatkichlarning chegaraviy qiymatlarida o'zgartirish imkoniyatlari belgilanmagan.

Manba: muallif tomonidan tahlil asosida ishlab chiqildi.

Xulosa va takliflar

Yashil iqtisodiyot taksonomiyasini amaliyotga joriy etish – iqtisodiy faoliyatni ekologik barqarorlikka moslashtirish, iqtisodiy o'sishni rag'batlantirish va uzoq muddatli barqarorlikni ta'minlashga qaratilgan vosita hisoblanadi.

Agar O'zbekiston iqlim o'zgarishiga moslashishni boshlamasa (iqlim o'zgarishiga moslashish jarayonida yashil iqtisodiyot taksonomiyasi asosiy instrument sifatida ko'riladi), 2050-yilga kelib mamlakat iqtisodiyoti 10 foizgacha qisqarishi Jahon banki tomonidan prognoz qilingan bo'lib, iqtisodiyotdagi bunday qisqarish o'z navbatida bandlik va aholi daromadlarining sezilarli darajada kamayishiga sababchi bo'lishi nazariy jihatdan isbotlangan.

Yashil taksonomiyalar aholining kam daromadli qismini ham barqaror investitsiyalardan manfaatdor bo'lishga imkon yaratish orqali ijtimoiy tenglikni rivojlantirishi mumkin. Masalan, Mo'g'ulistonning taksonomiyasiga asos bo'lgan Yashil rivojlanish siyosati qayta tiklanadigan energiya loyihalari orqali qishloq joylarda ish o'rinlari yaratish, ijtimoiy inklyuzivlikni rag'batlantirishga qaratilgan. O'zbekiston milliy taksonomiyasiga ijtimoiy kafolatlarni kiritish orqali adolatli iqtisodiyotga o'tishni ta'minlashi, barcha aholi qatlamlarining barqaror rivojlanishdan manfaatdor bo'lishiga erishilishi mumkin. Bu esa O'zbekistonning ijtimoiy davlatni rivojlantirish tamoyillariga juda mos keladi.

Tadqiqotdagi o'rganilishlarga muvofiq O'zbekistonning yashil iqtisodiyot taksonomiyasini takomillashtirish yuzasidan quyidagi takliflar tavsiya etiladi:

1. Jahon bankining milliy taksonomiyalarni tuzishda atrof-muhit maqsadlarini aniq belgilash tavsiyasidan kelib chiqib, O'zbekistonning milliy taksonomiyasida strategik maqsadlar aniq ko'rsatib o'tilishi maqsadga muvofiq. Misol uchun, O'zbekiston o'z oldiga qo'ygan maqsadli ko'rsatkichlarni ushbu taksonomiyada ham aks ettirishi va erishilayotgan natijalarni davriy ravishda ko'rsatib borishi maqsadga muvofiq.

2. Jahon bankining milliy taksonomiyalarni tuzishda soha va investitsiya turlarini aniqlash tavsiyasidan kelib chiqib, milliy taksonomiyada NACE (Nomenclature of Economic Activities yoki Iqtisodiy faoliyat turlari nomenklaturasi) tizimidan foydalanish maqsadga muvofiq. Ushbu tashabbus yashil iqtisodiyotga qaratilgan iqtisodiy faoliyat turlarining yuqori aniqligi vositasida xorij investitsiyalarini jalb qilishda muhim ahamiyat kasb etadi.

3. O'zbekistonning milliy taksonomiyasida taksonomiyadan foydalanuvchilar va boshqa ishtirokchilarni aniq belgilash orqali taksonomiyani yanada amaliy ahamiyatini oshirish mumkin.

4. Xalqaro amaliyotda yashil taksonomiya ishlab chiqish bo'yicha eng birinchi va eng takomillashgan, namuna sifatida qaraladigan Yevropa Ittifoqi taksonomiyasida belgilangan oltita ekologik maqsadlarni milliy taksonomiyada aks ettirish. Ushbu barqaror faoliyatni belgilovchi

keng qamrovli platformani tashkil etgan oltita ekologik maqsadlarni mahalliy sharoitlardan kelib chiqib muvofiqlashtirish, tasniflash guruhlarini tizimlashtirish maqsadga muvofiq.

5. Yashil taksonomiyani samarali amalga oshirish kuchli boshqaruv va nazoratni taqozo etadi. Taksonomiyaning amalga oshirilishi va bajarilishini nazorat qilish uchun maxsus tartibga soluvchi organni yo'lga qo'yish, muvofiqlik (compliance) va yashil yuvish bo'yicha ko'riladigan choralar bo'yicha aniq ko'rsatmalar ishlab chiqish shunday mexanizmlardan biri bo'lishi mumkin.

6. Taksonomiyaning ichki normativ-qonun hujjatlari, xalqaro standartlar va tamoyillarga muvofiqligi. Milliy taksonomiyada ichki normativ hujjatlarga yoki ko'rsatmalarga yondashuvlar, tegishli normativ-qonun hujjatlaridan kelib chiqib asoslantirish yoki milliy taksonomiyadan kelib chiqib normativ-qonun hujjatlarni muvofiqlashtirish bo'yicha ma'lumotlarni ta'minlash maqsadga muvofiq.

7. Yashil taksonomiyaning pirovard maqsadlaridan biri xalqaro investitsiyalarni jalb qilish uchun qulay muhit yaratish, taksonomiya tamoyillari va tasniflarini barqaror moliyalashtirish sohasidagi xalqaro amaliyotni hisobga olgan holda ishlab chiqish, masalan Parij kelishuvi va Milliy Aniq hissalar (NDC), shuningdek, BMTning Barqaror Rivojlanish Maqsadlari (SDGs), ESG standartlariga muvofiqlashtirish kabi global shartnomalar va talablarga integratsiyalash tavsiya qilinadi.

Manba va adabiyotlar

1. <https://www.ase.org/blog/raising-energy-efficiency-3-annually-key-climate-new-coalition-committing-make-it-happen>, "Raising Energy Efficiency by 3% Annually is Key for the Climate. A New Coalition is Committing to Make it Happen"
2. https://finance.ec.europa.eu/sustainable-finance/tools-and-standards/eu-taxonomy-sustainable-activities/eu-taxonomys-uptake-ground_en#2, "The EU Taxonomy's uptake on the ground", November 2025.
3. https://finance.ec.europa.eu/sustainable-finance/tools-and-standards/eu-taxonomy-sustainable-activities/eu-taxonomys-uptake-ground_en#3, "The EU Taxonomy's uptake on the ground", November 2025.
4. <https://www.franceinvest.eu/wp-content/uploads/2024/06/1717530890335.pdf>, "The EU Taxonomy's uptake on the ground", June 2024

5. https://www.sbfnetwork.org/wp-content/assets/policy-library/1270_Mongolia_Green_Taxonomy_2019_MSFA.pdf, “Mongolia Green Taxonomy Introduction & Proposed Taxonomy Framework”.

6. <https://mineconom.gov.kg/froala/uploads/file/652212a61eaece69258d0b5acab1d7fb9b70a5d4.pdf>, “Зеленая Таксономия Кыргызской Республики”

7. https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=37598502, Постановление Правительства Республики Казахстан от 31 декабря 2021 года № 996 “Об утверждении классификации (таксономии) «зеленых» проектов, подлежащих финансированию через «зеленые» облигации и «зеленые» кредиты”

8. <https://data.sbfnetwork.org/sites/default/files/2024-11/The%20Green%20Taxonomy.pdf>, “THE GREEN TAXONOMY” (adopted by the Central Bank of the Republic of Azerbaijan)

Ilova

3-jadval. Yaqin xorij mamlakatlar yashil taksonomiyasi bo'yicha taqqoslama ma'lumot

Taksonomiya mundarijasi	Foydalanuvchilar	Maqsadlar va yo'nalishlar	Ichki normativ hujjatlar muvofiqligi	Xalqaro hujjatlar va talablarga muvofiqligi	Tasnif sektorkari
Mo'g'uliston					
- Yashil iqtisodiyot sohasida ma'lumot - Maqsadi va qo'llanilish ko'lam; - Yondashuv va tamoyillar; - Yashil taksonomiyada jadvali	Moliyaviy institutlar (banklar, nobank moliya institutlari, Taraqqiyot banklari, ipoteka korporatsiyalari, institutsional investorlar, kredit kafolat fondlari, sug'urta kompaniyalari); Obligatsiya emitentlari (korporativ, munitsipal, davlat); Sanoat (korporativ, kichik va o'rta korxonalar, startaplar).	- iqlim o'zgarishini yumshatish, moslashish, ifloslanishning oldini olish, resurslarni tejash va turmush darajasini yaxshilash; - korporativ kreditlash, iste'mol krediti, loyihalarni moliyalashtirish, kichik va o'rta biznesni moliyalashtirish, yashil obligatsiyalar, aktsiyalarga investitsiyalar, sug'urta, kredit kafolatlari, grantlar, moliyaviy maslahat.	Taksonomiya tamoyillarida Mo'g'ulistonning yashil rivojlanishi va iqlim o'zgarishi bilan bog'liq qonunlar, strategiyalar va dasturlar e'tiborga olingan	Taksonomiya tamoyillarida Xalqaro standartlar va muvofiq amaliyotlar, ESG standartlar e'tiborga olingan	- Qayta tiklanadigan energiya - Energiya samaradorlik - Yashil qurilish - Kam ifloslanish energiyasi, ifloslanishning oldini olish va nazorat qilish - Barqaror suvdan foydalanish va chiqindi chiqarish - Barqaror qishloq xo'jaligi, yerdan foydalanish, o'rmon xo'jaligi, biologik xilma-xillikni saqlash va ekoturizm - Toza transport
Qirg'iziston					
- Yashil taksonomiyaning milliy konteksti; - Hujjatning xalqaro konteksti; - Atamalar; - Foydalanuvchilar; - Boshqa taksonomiyalar bilan qo'llanilishi tamoyillari; - Muvofiqlik mezonlari; - Fiskal imtiyozlar; - Hisobot mexanizmlari; - Yashil taksonomiyani amalga oshirish uchun zaruriy harakatlar; 6 ta ilovali taksonomiya	Jismoniy shaxslar (rezidentlar va norezidentlar); Yuridik shaxslar (rezidentlar va norezidentlar); Banklar va moliya institutlari; Davlat boshqaruv organlari; Mahalliy hokimiyat organlari	“yashil faoliyat”ni issiqxona gazlari emissiyasini kamaytirish (iqlim o'zgarishini yumshatish), iqlim o'zgarishiga moslashish, atrof-muhit ifloslanishini kamaytirish, suv ta'minoti yo'nalishlari; - fiskal imtiyozlarni olish huquqi, yashil kreditlar berish yoki yashil moliyaviy vositalarni joylashtirish.	Taksonomiya Qirg'iziston Respublikasining bir nechta ichki normativ-huquqiy hujjatlarini hisobga olgan holda tuzilgan	Taksonomiya tasniflash guruhlarini xalqaro taksonomiyalar va amaliyotlarga moslashtirilgan.	- Qayta tiklanadigan energiya - Elektr energiyasini uzatish - Elektr saqlash - Elektr energiyasini vodorodga aylantirish - Shaxsiy transport - Tijorat transporti - Jamoat transporti - Ko'chmas mulkning energiya samaradorligi - Sanoat va qishloq xo'jaligida energiya samaradorligi - Qattiq maishiy chiqindilarni boshqarish - Qurilish chiqindilari - Sanoat va tijorat chiqindilari - Qishloq xo'jaligi chiqindilari - Ichimlik suvini qazib olish, tayyorlash va yetkazib berish - Sug'orish uchun suv yetkazib berish - Sug'orish uchun yomg'ir suvini yig'ish va saqlash - Kanalizatsiya suvlarini tozalash - Barqaror qishloq xo'jaligi.

Qozog'iston					
• Umumiy qoidalar, • Yashil taksonomiya	Alohida ko'rsatilmagan	• Mavjud tabiiy resurslardan foydalanish samaradorligini oshirish, • Atrof-muhitga salbiy ta'sir darajasini kamaytirish, • Energiya samaradorligini oshirish, • Energiya tejash, • Iqlim o'zgarishi oqibatlarini yumshatish va iqlim o'zgarishiga moslashish, • "Yashil" obligatsiyalar va "yashil" kreditlar hisobidan moliyalashtiriladigan "yashil" loyihalar tasniflash.	Taksonomiyadagi har bir tasniflash elementi bo'yicha Qozog'iston Iqtisodiy faoliyatining umumiy tasniflagichi (OKED) kodlari ifodalangan	Ma'lumot mavjud emas	1. Qayta tiklanadigan energiya 2. Energiya samaradorlik 3. Yashil qurilish 4. Ifloslanishning oldini olish va nazorat qilish 5. Barqaror suvdan foydalanish va chiqindi chiqarish 6. Barqaror qishloq xo'jaligi, yerdan foydalanish, o'rmon xo'jaligi, biologik xilma-xillikni saqlash va ekoturizm 7. Toza transport 8. O'tish energiyasi
Ozərbaycan					
• Muqaddima, • Global tendensiyalar, • Joriy holat tahlili, • Taksonomiyaning maqsadlari va asosiy tamoyillari, • Taksonomiya va Texnik skrining mezonlari bo'yicha aniqlangan sektorlar, • Taksonomiyaning asosiy foydalanuvchilari, • Taksonomiyadan foydalanish holatlari, • Yashil faoliyatlarni aniqlash, • Sohaviy baholash mezonlari (Tasniflash taksonomiyasi), • "Iqlim o'zgarishiga moslashish choralari", • "Minimal ijtimoiy himoya choralari"	Banklar va nobank kredit tashkilotlari, kredit uyushmalari, Qimmatli qog'ozlar bozori ishtirokchilari (investitsiya kompaniyalari, investitsiya fondlari, fond menejerlari), Sug'urta bozorining professional ishtirokchilari, Kredit byurolari va kliring tashkilotlari, Markaziy bank tomonidan nazorat qilinadigan boshqa subyektlar, Davlat muassasalari, hukumat organlari, nodavlat tashkilotlari, Audit, ishonch va sertifikatlashtirish institutlari, Boshqa yuridik shaxslar	Iqlim o'zgarishi oqibatlarini yumshatish, Iqlim o'zgarishiga moslashish, Aylanma iqtisodiyotga o'tish, Chiqindini oldini olish va chiqindi nazorati, Biologik xilma-xillik va ekotizimlarni muhofaza qilish va tiklash	Taksonomiya Ozarbayjonning iqlimi, atrof-muhit va barqaror rivojlanish bo'yicha milliy maqsadlarini inobatga olgan holda ishlab chiqilgan bo'lib, mavjud milliy qonunlar, normativ hujjatlar va qoidalarini o'zida muvofiqlashtiradi.	Ozarbayjonning xalqaro kelishuvlari va majburiyatlarini, jumladan, Parij kelishuvi va Milliy Aniq hissalar (NDC), shuningdek, Birlashgan Millatlar Tashkilotining Barqaror Rivojlanish Maqsadlari (SDGs) kabi global shartnomalarga muvofiqlashtirilgan.	1. Qayta tiklanadigan energiya 2. Energiya samaradorligi 3. Barqaror suv boshqaruvi; 4. Ifloslanishning oldini olish va ifloslanishni nazorat qilish 5. Yashil transport 6. Barqaror qishloq xo'jaligi, dehqonchilik va suv xo'jaligi 7. Biologik xilma-xillikni saqlash 8. Aylanma iqtisodiyot va chiqindilarni boshqarish 9. Yashil binolar va barqaror qurilish 10. Yashil xizmatlar
O'zbekiston					
• Muqaddima, • Taksonomiya	Alohida ko'rsatilmagan	"yashil" infratuzilmalar uchun xususiy kapital jalb etilishini kengaytirish, "yashil" iqtisodiyot sohaslarida moliyaviy vositalarni rivojlantirishda "yashil" turdagi faoliyatni tasniflash mezonlarini joriy etish; davlat moliyaviy ko'magidan (subsidiyalari, grantlar, kredit liniyalari, kafolatlar va boshqalardan) foydalangan barcha tadbirkorlik subyektlari, shu jumladan, xususiy va davlat ishtirokidagi xo'jalik birlashmalarining investitsiyaviy xarajatlari Milliy "yashil" iqtisodiyot taksonomiyasi asosida tasniflash.	Ma'lumot taqdim etilmagan	Ma'lumot taqdim etilmagan	1. Suv va xomashyolardan foydalanish samaradorligi; 2. Havo va tuproq sifatini yaxshilash; 3. Barqaror qishloq va o'rmon xo'jaligi, ekoturizm; 4. Yashil transport; 5. Energiya samaradorlikni oshirish; 6. Qayta tiklanuvchi energiya; 7. Yashil binolar.

Manba: muallif tomonidan tahlil asosida ishlab chiqildi.

УЎК: 330.35.341.4.(575.1)

Abdulatifxon ANVARXONOV,
Makroiqtisodiy va hududiy tadqiqotlar instituti yetakchi mutaxassisi,
E-mail: a.anvarxonov@imrs.uz,
Raxmatullo AYUBOV,
Makroiqtisodiy va hududiy tadqiqotlar instituti yetakchi mutaxassisi,
E-mail: r.ayubov@imrs.uz

O‘ZBEKISTON IQTISODIYOTIDA SEKTORLAR RIVOJLANISHINING AHAMIYATI VA ULARNING IQTISODIY O‘SISHDAGI ROLINING TAHLILI

Annotatsiya: mazkur maqolada 2016–2024-yillar davomida O‘zbekiston iqtisodiyotining asosiy sektorlarining umumiy qo‘shilgan qiymat o‘shishiga ta’siri tahlil qilinadi. Tadqiqotda iqtisodiy o‘shishning tarkibiy manbalarini aniqlash maqsadida qo‘shilgan qiymatga asoslangan ajratib tahlil qilish (dekompozitsiya) metodologiyasidan foydalaniladi. Metodika har bir sektorning o‘shish sur’ati va uning iqtisodiyotdagi o‘rtacha ulushini birlashtirish orqali sektorlarning real hissasini baholash imkonini beradi.

Kalit so‘zlar: tuzilmaviy o‘zgarish, sektorlar dinamikasi, qo‘shilgan qiymat, iqtisodiy o‘shish, ajratib tahlil qilish, xizmatlar sektori, sanoat sektori, O‘zbekiston iqtisodiyoti.

**Анализ значения развития секторов
экономики Узбекистана и их роли в
экономическом росте**

Абдулатифхон Анвархонов,
ведущий специалист Института макроэкономических и региональных исследований,
Рахматулло Аюбов,
ведущий специалист Института макроэкономических и региональных исследований

Аннотация: в данной статье анализируется вклад основных секторов экономики Узбекистана в рост совокупной добавленной стоимости в период 2016–2024 годов. В исследовании для выявления структурных источников эконо-

мического роста используется методология разложения (декомпозиции), основанная на добавленной стоимости. Применяемый подход позволяет оценить реальный вклад каждого сектора за счёт объединения темпов его роста и средней доли в экономике.

Ключевые слова: структурные изменения, динамика секторов, добавленная стоимость, экономический рост, декомпозиционный анализ, сектор услуг, промышленный сектор, экономика Узбекистана.

**Analysis of the importance of sectoral
development in Uzbekistan’s economy and
their role in economic growth**

Abdulatikhon Anvarkhonov,
leading specialist, Institute for macroeconomic and regional studies,
Rakhmatullo Ayubov,
leading specialist, Institute for macroeconomic and regional studies

Abstract: this article analyzes the contribution of the main sectors of Uzbekistan’s economy to the growth of total value added over the period 2016–2024. The study employs a value-added-based decomposition methodology to identify the structural sources of economic growth. The applied approach makes it possible to assess the real contribution of each sector by combining its growth rate with its average share in the economy.

Keywords: *structural change, sectoral dynamics, value added, economic growth, decomposition analysis, services sector, industrial sector, Uzbekistan's economy.*

Kirish

Bozor iqtisodiyotining rivojlanib borishi, ishlab chiqarish texnologiyalarining tezkor yangilanishi va xalqaro iqtisodiy aloqalarning kengayishi zamonaviy davlatlar iqtisodiyoti oldiga yangi vazifalarni qo'yimoqda. Bu jarayonlar nafaqat iqtisodiy o'sish sur'atlariga, balki iqtisodiyotning ichki tuzilmasiga, sektorlar o'rtasidagi muvozanatga ham sezilarli ta'sir ko'rsatmoqda. Har bir sektorning iqtisodiy jarayonlardagi roli, qo'shilgan qiymat yaratishdagi ulushi va mehnat resurslarini qanchalik samarali jalb etayotgani umumiy o'sishning sifatini belgilab beradigan muhim omillar qatoriga kiradi. Shu sababli iqtisodiyotning sektorlar bo'yicha tarkibiy o'zgarishlarini, ularning rivojlanish yo'nalishlarini va o'sishdagi nisbatini ilmiy asosda baholash bugungi kunda ayniqsa dolzarblashgan [1].

Sektorlar o'rtasidagi siljishlar, ularning iqtisodiyotdagi ulushi va qo'shilgan qiymat dinamikasi xalqaro miqyosda ham keng o'rganilgan masalalardandir. Ayrim tadqiqotlar iqtisodiy o'sishning asosan sektorlar ichidagi mahsuldorlik oshishidan kelib chiqishini ta'kidlasa, boshqalari sektorlararo resurslarning to'g'ri yo'nalishda qayta taqsimlanishi o'sishning asosiy manbai bo'lishi mumkinligini ko'rsatadi [2]. Shu jihatdan qaralganda, sektorlar tarkibidagi o'zgarishlarni faqat ulushlar o'zgarishi bo'yicha emas, balki ularning mahsuldorlikka ta'siri, texnologik yangilanishi va samaradorlik darajasi bilan birgalikda o'rganish zarurati tug'iladi. Bunda qo'shilgan qiymat ko'rsatkichi iqtisodiyotdagi real qiymat yaratish jarayonini aks ettirishi bois markaziy mezon vazifasini o'taydi.

Sektorlar dinamikasini o'rganishning ilmiy ahamiyati shundan iboratki, makroiqtisodiy o'sishning manbalari turlicha bo'lishi mumkin: ba'zan iqtisodiyotning ichki tarkibi yangilanadi, ba'zan esa mavjud sektorlarning samaradorligidagi

o'sish barqaror natija beradi. Qaysi omil yetakchi ekani esa har bir mamlakat misolida alohida tahlilni talab qiladi. Bu nafaqat nazariy masala, balki iqtisodiy siyosatni shakllantirishda, investitsiya yo'nalishlarini belgilashda va resurslarni samarali boshqarishda asosiy ahamiyatga ega bo'lgan amaliy vazifadir.

Ushbu tadqiqot aynan shunday ilmiy ehtiyojdan kelib chiqib, iqtisodiyotning sektorlar bo'yicha tuzilmasida kuzatilgan o'zgarishlarning mazmunini, ularning qo'shilgan qiymat shakllanishiga qo'shgan hissasini va iqtisodiy o'sish bilan bog'liqligini tizimli ravishda o'rganishni maqsad qiladi. Tadqiqot doirasida sektorlar bo'yicha qo'shilgan qiymatning o'sish sur'atlari, ulushlardagi siljishlar va ularning makroiqtisodiy o'sishga ta'siri maxsus ajratib tahlil qilinadi. Mazkur yondashuv iqtisodiy o'sishning tarkibiy asoslarini aniqlashga, sektorlar rivojlanishining turli yo'nalishlarini solishtirishga va ularning iqtisodiyotdagi o'rnini yanada aniqroq belgilashga imkon beradi.

Adabiyotlar sharhi

So'nggi yillarda iqtisodiyotda sektorlar tarkibining qanday o'zgarayotgani, qo'shilgan qiymatning qayerda va qanday shakllanishi hamda mehnat resurslarining sektorlar bo'yicha qayta taqsimlanishi ilmiy tadqiqotlarda muhim mavzuga aylangan. Tuzilmaviy o'zgarish bilan iqtisodiy o'sish o'rtasidagi bog'liqlikni o'rganishga qaratilgan nazariy va amaliy izlanishlar esa bu jarayonlarning qanday ishlashini yanada aniqroq tushunishga yordam bermoqda.

Jumladan, global qiymat zanjirlari (mahsulot yoki xizmatni ishlab chiqarish jarayonining turli bosqichlari bir nechta mamlakatlarda joylashuv tizimi) bo'yicha olib borilgan eng muhim tadqiqotlardan biri Timmer (2014) tomonidan ishlab chiqilgan modeli qo'shilgan qiymatning xalqaro ishlab chiqarish jarayonida qaysi bosqichlarda shakllanishini aniqlashga imkon beradi. Ushbu metodologiya ishlab chiqarishning turli bosqichlarga ajralishi va qo'shilgan qiymatning sektorlar bo'yicha taqsimlanishini hisoblash asosida ishlab chiqilgan. Mualliflar olingan natijalar asosida global ishlab chiqarishning

chuqur parchalanishi yuqori malaka talab qiluvchi mehnat va kapital sig'imi yuqori bo'lgan sektorlar ahamiyatining ortishiga, past malakali mehnatga tayanadigan sektorlar ulushining esa qisqarishiga olib kelganini ko'rsatadi [7].

Shu bilan birga, tuzilmaviy o'zgarishning iqtisodiy o'sishga ta'sirini tahlil qilgan McMillan va Rodrik (2014) iqtisodiy o'sishning ikki asosiy manbaini ajratib beradi: sektor ichidagi mahsuldorlikning oshishi va sektorlararo mehnat resurslarining qayta taqsimlanishi. Ularning xulosalariga ko'ra, ushbu ikki omilning nisbatlari mamlakatlar kesimida jiddiy farq qiladi, ayrim hollarda mehnatning yuqori samaradorlikka ega sektorlarga o'tishi o'sishni jadallashtirsa, boshqa hollarda aksincha, resurslarning past mahsuldorlikka ega yo'nalishlarga siljishi o'sishni cheklashi mumkin [2].

Bundan tashqari, McMillan, Rodrik va Sepúlveda (2017) ushbu nazariy asosni kengaytirib, tuzilmaviy o'zgarishning samaradorligi mamlakatning makroiqtisodiy "asosiy omillari" – institutsional rivojlanish, texnologiyani o'zlashtirish darajasi, investitsiya muhiti va mehnat malakasi bilan chambarchas bog'liq ekanini ta'kidlaydi. Ularning yondashuvi tuzilmaviy transformatsiya jarayonining samaradorligi sektorlararo siljishlarning sektor ichidagi mahsuldorlik o'sishi bilan bir vaqtning o'zida kechishini talab qilishini ko'rsatadi [5].

Shuningdek, global qiymat zanjirlari doirasida qiymat yaratish mexanizmini kengroq yoritgan Jahon savdo tashkiloti (2013) hisobotida qo'shilgan qiymat ko'rsatkichi xalqaro savdo oqimlarini baholashda an'anaviy eksport statistikalariga nisbatan ancha to'g'ri natija berishi ta'kidlanadi. Hisobotda ishlab chiqarish jarayonining murakkablashuvi sababli tovar eksportining yalpi qiymati mamlakatning iqtisodiy ulushini aks ettirmasligi, real iqtisodiy hissa aynan qo'shilgan qiymat orqali aniqlanishi zarurligi asoslab beriladi. Qo'shilgan qiymatning taqsimlanishi esa texnologiya darajasi, mehnat malakasi, kapital sig'imi va sektorning global ta'minot zanjiriga integratsiyalashuv darajasiga bog'liq [9].

Tuzilmaviy o'zgarishning ko'p bosqichli tabiatini Heinrich, Yang va Dai (2020) o'zlarining "ko'p darajali tuzilmaviy o'zgarish" modeli orqali tahlil qiladilar. Ular sektorlardagi o'zgarishlarni uch darajada makro (sektor ulushi), mezo (sektor ichidagi faoliyat tarkibi) va mikro (firmalar mahsuldorligi) birgalikda o'rganish zarurligini ta'kidlashadi. Tadqiqot natijalari shuni ko'rsatadiki, sektorlar ichidagi texnologik yangilanish va firmalar darajasidagi samaradorlik oshishi ko'pincha sektorlararo qayta taqsimlanishdan kuchliroq ta'sir ko'rsatadi [4].

Osiyo iqtisodiyotlaridagi tuzilmaviy o'zgarish jarayonini o'rgangan Vu (2017) tomonidan taklif etilgan "samarali tuzilmaviy o'zgarish" ko'rsatkichi sektor ulushidagi o'zgarishlarning mahsuldorlik o'sishi bilan qay darajada uyg'unlashganini aniqlash uchun yangi metodik imkoniyat yaratadi. Tadqiqot xulosalariga ko'ra, iqtisodiy o'sishning yuqori sur'atlari odatda sektorlar ichidagi texnologik yangilanish, kapital samaradorligining oshishi va ishlab chiqarishning malaka talab qiluvchi segmentlariga o'tish bilan bog'liq bo'ladi [8].

Yana bir muhim tadqiqot Fekede (2021) tomonidan amalga oshirilgan sanoat tarkibi tahlili bo'lib, unda qo'shilgan qiymatning o'zgarishi sektor ichidagi innovatsiyalar, texnologik modernizatsiya va kapital chuqurlashuvi bilan bog'liq ekanini ta'kidlanadi. Muallif sektorlararo resurs siljishidan ko'ra sektor ichidagi mahsuldorlik o'sishi ko'proq ahamiyatga ega ekanini asoslaydi [3].

O'tish iqtisodiyotlarida o'sish va tuzilmaviy o'zgarish o'rtasidagi sabab-oqibat munosabatlari Olczyk va Kordalska (2018) tomonidan o'rganilib, iqtisodiy o'sish tuzilmaviy o'zgarishni boshlaydimi yoki aksincha, tuzilmaviy o'zgarish iqtisodiy o'sishni rag'batlantiradimi degan masalaga empirik javob bergan. Granger sababiyatini aniqlash usuli yordamida mualliflar turli mamlakatlarda jarayonning turlicha yo'nalishda kechishini aniqlaydilar, bu esa tuzilmaviy transformatsiya jarayoni universal bo'lmashligini, balki iqtisodiy va institutsional sharoitlarga bog'liqligini ko'rsatadi [6].

Xalqaro adabiyotlar bilan bir qatorda, O'zbekiston iqtisodiyotida tuzilmaviy o'zgarishlar masalasi mahalliy olimlar tomonidan ham tadqiq etilgan. Jumladan, Maxmudov va Avazov (2021) raqamli iqtisodiyot sharoitida investitsiya oqimlari va texnologik omillarning iqtisodiyot tarkibiga ta'sirini tahlil qilib, ularning qo'shilgan qiymat shakllanishidagi rolini empirik asosda ko'rsatadilar. Ushbu tadqiqot O'zbekiston sharoitida sektorlar dinamikasining shakllanish omillarini tushuntirishda muhim nazariy asos yaratadi [10].

Shuningdek, Rakhmonov va Ganiev (2025) O'zbekiston iqtisodiyotida strukturaviy transformatsiya jarayonlarini tahlil qilib, sektorlararo siljishlar, diversifikatsiya jarayonlari hamda xizmatlar va sanoat sektorlarining o'sish tendensiyalarini yoritadilar. Ularning tadqiqoti milliy iqtisodiyotda sektorlar tarkibining qanday yo'nalishda o'zgarayotganini aniqlashga xizmat qilib, sektorlar dinamikasini baholash bo'yicha empirik tadqiqotlar uchun muhim kontekst yaratadi [11].

Umuman olganda, ko'rib chiqilgan adabiyotlar tuzilmaviy o'zgarish iqtisodiy rivojlanishning murakkab va ko'p qirrali jarayoni ekanini ko'rsatadi. Tadqiqotlar natijalari sektorlar o'rtasidagi siljishlar hamda sektor ichidagi mahsuldorlik o'sishining iqtisodiy o'sishga ta'siri mamlakatlarning rivojlanish darajasi, institutsional sharoitlari va iqtisodiy siyosatiga qarab sezilarli darajada farqlanishini tasdiqlaydi. Shu bilan birga, qo'shilgan qiymatga asoslangan ajratib tahlil qilish yondashuvi sektorlar dinamikasini chuqur tahlil qilish, iqtisodiy o'sishning real manbalarini aniqlash va strukturaviy transformatsiya jarayonlarini baholashda eng samarali ilmiy vositalardan biri ekanini adabiyotlarda keng e'tirof etiladi.

Metodologiya

Tadqiqotda har bir sektorning qo'shilgan qiymat o'sishiga qo'shgan hisssasi maxsus dekompozitsiya formulasi yordamida aniqlanadi. Metodika sektor (*i*) bo'yicha qo'shilgan qiymatning o'sish sur'atini uning milliy iqtisodiyotdagi o'rtacha ulushiga ko'paytirishga asoslanadi. Ushbu ulush esa tahlil

qilinayotgan davrning boshlanishi (t_0) va yakuniy nuqtasi (t_1) orasidagi median qiymat sifatida baholanadi.

Sektor *i* ning umumiy qo'shilgan qiymat o'sishiga qo'shgan hisssasi quyidagi formula yordamida hisoblanadi:

$$Y_{t_0,t_1}^i = \left[\left(\frac{Y_{t_1}^i}{Y_{t_0}^i} \right)^{\frac{1}{t_1-t_0}} - 1 \right] \times \left[0.5 \times \left(\frac{Y_{t_0}^i}{Y_{t_0}} + \frac{Y_{t_1}^i}{Y_{t_1}} \right) \right]$$

bu yerda:

- Y_{t_0,t_1}^i - t_0 - t_1 oralig'ida sektor *i* bo'yicha qo'shilgan qiymatning o'sish sur'ati;
- $Y_{t_0}^i$ - t_0 yilda sektor *i* tomonidan yaratilgan qo'shilgan qiymat;
- $Y_{t_1}^i$ - t_1 yilda sektor *i* tomonidan yaratilgan qo'shilgan qiymat;
- Y_{t_0} - t_0 yilda iqtisodiyotning umumiy qo'shilgan qiymati;
- Y_{t_1} - t_1 yilda iqtisodiyotning umumiy qo'shilgan qiymati.

Formulaning birinchi qismida **sektorning o'sish sur'ati** aniqlanadi:

$$\left(\frac{Y_{t_1}^i}{Y_{t_0}^i} \right)^{\frac{1}{t_1-t_0}} - 1$$

Bu yerda

$\left(\frac{Y_{t_1}^i}{Y_{t_0}^i} \right)$ - ushbu nisbat t_0 va t_1 oralig'ida sektor qanchaga ko'payganini yoki kamayganini ko'rsatadi. Agar natija 1 dan katta bo'lsa - o'sish bor; 1 ga teng bo'lsa - o'zgarish yo'q; 1 dan kichik bo'lsa - qisqarish bo'lgan bo'ladi.

Darajadagi $\frac{1}{t_1-t_0}$ - yillik o'rtacha o'sish sur'atini hisoblash uchun foydalaniladi. Natijani -1 dan ayirish esa o'sish koeffitsiyentini foizli o'sishga aylantirish uchun foydalaniladi.

Formulaning ikkinchi qismida esa **sektorning o'rtacha ulushi** aniqlanadi:

$$0.5 \times \left(\frac{Y_{t_0}^i}{Y_{t_0}} + \frac{Y_{t_1}^i}{Y_{t_1}} \right)$$

Buyerda $\frac{Y_{t_0}^i}{Y_{t_0}}$ - t_0 yilda sektorning iqtisodiyotdagi

ulushi ya'ni sektor qo'shilgan qiymatining umumiy iqtisodiyotga nisbati va $\frac{Y_{t1}^i}{Y_{t1}} - t_i$ yilda sektorning iqtisodiyotdagi ulushi aniqlanadi. t_0 boshlang'ich va t_1 yakuniy yillardagi natijalarning yig'indisiga 0,5 qiymat ko'paytirilishi orqali o'rta arifmetigi topiladi. Chunki sektorning iqtisodiyotdagi ulushi vaqt davomida o'zgaradi va o'sish hissasini baholashda o'rtacha og'irlik eng adolatli va barqaror hisoblanadi.

Formuladagi ikki qism ya'ni sektorning o'sish sur'ati va sektorning o'rtacha ulushi ko'paytiriladi. Natijada har bir sektorning jami qo'shilgan qiymat o'sishiga qo'shgan real hissasi aniqlanadi.

Tahlil uchun Milliy statistika qo'mitasining sektorlarning yalpi qo'shilgan qiymat hajmi ma'lumotlaridan foydalanildi. Sektorlararo tahlil qilinganda klassifikatorlar to'rt asosiy sektorga birlashtirilgan bo'lib, ular quyidagilar:

1-jadval

Sektorlar tarkibiga kiradigan iqtisodiyot sohalari

Qishloq xo'jaligi	- Qishloq, o'rmon va baliq xo'jaligi.
Sanoat	- Tog'-kon sanoati va ochiq konlarni ishlash; - Ishlab chiqarish sanoati; - Elektr, gaz, bug' bilan ta'minlash va havoni konditsiyalash; - Suv bilan ta'minlash, kanalizatsiya tizimi, chiqindilarni yig'ish va utilizatsiya qilish.
Qurilish	- Qurilish.
Xizmatlar	- Ulgurji va chakana savdo; motorli transport vositalari va mototsikllarni ta'mirlash; - Tashish va saqlash; - Yashash va ovqatlanish bo'yicha xizmatlar; - Axborot va aloqa; - Moliyaviy va sug'urta faoliyati; - Ko'chmas mulk bilan operatsiyalar; - Professional, ilmiy va texnik faoliyat; - Boshqarish bo'yicha faoliyat va yordamchi xizmatlar ko'rsatish; - Davlat boshqaruvi va mudofaa; majburiy ijtimoiy ta'minot; - Ta'lim; - Sog'liqni saqlash va ijtimoiy xizmatlar ko'rsatish; - San'at, ko'ngil ochish va dam olish; - Boshqa turdagi xizmatlar ko'rsatish.

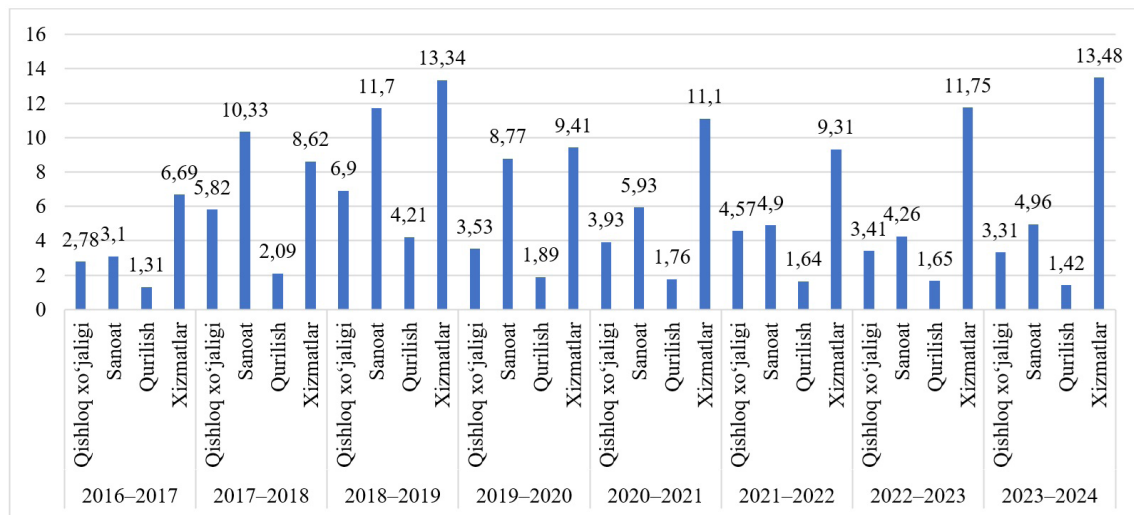
Manba: O'zR Milliy Statistika qo'mitasi ma'lumotlari asosida mualliflar tomonidan ishlab chiqildi.

Tadqiqotda har bir sektorning qo'shilgan qiymat o'sishiga qo'shgan hissasi maxsus dekompozitsiya formulasi yordamida aniqlanadi. Metodika sektor (i) bo'yicha qo'shilgan qiymatning o'sish sur'atini uning milliy iqtisodiyotdagi o'rtacha ulushiga ko'paytirishga asoslanadi.

Yuqoridagi jadval asosida ma'lumotlar umumiy lashtirildi va shu orqali ajratilgan to'rt sektor bo'yicha ma'lumotlar tahlil qilindi.

Tahlil va natijalar

Ushbu tadqiqotda 2016–2024-yillar oralig'ida iqtisodiyotning asosiy sektorlarining qo'shilgan qiymat o'sishiga qo'shgan hissasi sektorlar kesimida tahlil qilindi. Tahlil jarayonida har bir sektorning umumiy iqtisodiy o'sishga ta'siri sektor ichidagi o'sish sur'ati hamda uning iqtisodiyotdagi o'rtacha ulushini birlashtiruvchi metodologiya asosida baholandi. Mazkur yondashuv o'sishning faqat miqdoriy emas, balki strukturaviy jihatlarini ham aniqlash imkonini beradi (1-rasm).

1-rasm. Sektorning jami qo'shilgan qiymat o'sishiga qo'shgan real hissi (foizda)

Manba: mualliflar hisob-kitoblari.

Hisob-kitob natijalari shuni ko'rsatadiki, tadqiq etilayotgan davr davomida qo'shilgan qiymat o'sishi asosan xizmatlar sektori hisobiga shakllangan. Deyarli barcha yillarda mazkur sektor umumiy o'sishga eng yuqori hissa qo'shgan. Xususan, 2018–2019, 2020–2021 hamda 2023–2024-yillarda xizmatlar sektorining hissi mos ravishda 13,3 foiz, 11,1 foiz va 13,5 foizni tashkil etib, boshqa sektorlardan sezilarli darajada ustun bo'lgan.

Sanoat sektori ikkinchi yetakchi sektor sifatida namoyon bo'ldi. Ayrim yillarda, xususan 2017–2018 va 2018–2019-yillarda sanoat sektorining yuqori ichki o'sish sur'atlari uning umumiy iqtisodiy o'sishga qo'shgan hissasini keskin oshirdi. Bu holat sanoat ishlab chiqarish hajmining kengayishi va investitsion faollikning kuchaygani bilan izohlanadi.

Qishloq xo'jaligi sektori nisbatan barqaror o'sish sur'atlariga ega bo'lishiga qaramay, uning iqtisodiyotdagi ulushi bosqichma-bosqich kamayib borgan sababli umumiy o'sishga qo'shgan hissi cheklangan bo'lib qoldi. Ushbu sektorning hissi yillar kesimida asosan 3–5 foiz oralig'ida shakllangan.

Qurilish sektori esa yuqori o'sish sur'atlari bilan ajralib turgan bo'lsa-da, iqtisodiyotdagi nisbatan kichik ulushi sababli uning umumiy

o'sishga qo'shgan hissi past darajada qolgan. Bu sektorning hissi aksariyat yillarda 1–2 foiz atrofida bo'lgan.

Natijalari iqtisodiy o'sishning asosan strukturaviy siljishlar bilan bog'liqligini ko'rsatadi. Ya'ni, o'sish faqat sektorlar ichidagi samaradorlikning ortishi bilan emas, balki yuqori ulushga ega bo'lgan va tez rivojlanayotgan sektorlarning, ayniqsa xizmatlar sektorining, iqtisodiyotdagi rolini kuchaytirishi hisobiga yuzaga kelgan.

Sektorlarning o'rtacha ulushlarini hisobga olish o'sishning real manbalarini aniqlash imkonini berdi. Masalan, ayrim yillarda qurilish sektorida yuqori o'sish qayd etilgan bo'lsada, uning umumiy o'sishga ta'siri cheklanganligicha qolgan. Aksincha, xizmatlar sektorida o'sish sur'atlari nisbatan mo'tadil bo'lgan ayrim yillarda ham, yuqori ulush sababli uning hissi sezilarli bo'lib qolgan.

Olingan natijalar shuni ko'rsatadiki, 2016–2024-yillar davomida iqtisodiy o'sish asosan xizmatlar sektori hissasiga to'g'ri kelgan. Sanoat sektori barqaror ikkilamchi drayver sifatida muhim rol o'ynagan bo'lsa, qishloq xo'jaligi va qurilish sektorlarining hissi nisbatan cheklanganligicha qolgan. Bu holat iqtisodiyotda resurslarning yuqori samaradorlikka ega sektorlarga qayta taqsimlanayotganidan dalolat beradi.

Mazkur tahlil natijalari iqtisodiy siyosat nuqtayi nazaridan xizmatlar va sanoat sektorlarida samaradorlikni oshirish, innovatsiyalarni qo'llab-quvvatlash hamda ularning o'sish potensialini kuchaytirish muhimligini ko'rsatadi. Shu bilan birga, qishloq xo'jaligi va qurilish sektorlarida mehnat unumdorligini oshirish orqali ularning

iqtisodiy o'sishga qo'shgan hissasini kuchaytirish zarurligini ta'kidlaydi.

Tadqiqotda 2016–2024-yillar oralig'ida iqtisodiyotning asosiy sektorlarining umumiy qo'shilgan qiymat o'sishiga qo'shgan hissasi baholandi.

2-jadval

2016–2024-yillarda sektorlarning jami qo'shilgan qiymat o'sishiga qo'shgan real hissasi (foizda)

Davr	Sektor	O'sish sur'ati (%)	O'rtacha ulush (%)	O'sish hissasi (%)
2016–2024	Qishloq xo'jaligi	274.5	23.99	65.9
	Sanoat	596.8	23.19	138.4
	Qurilish	457.8	7.85	35.9
	Xizmatlar	434.1	44.97	195.3

Manba: mualliflar hisob-kitoblari.

Hisob-kitob natijalari shuni ko'rsatadiki, 2016–2024-yillar davomida iqtisodiy o'sish asosan xizmatlar sektori va sanoat sektori hisobiga shakllangan. Xizmatlar sektori mazkur davrda 434 foizdan ortiq o'sish sur'atini namoyon etib, iqtisodiyotdagi o'rtacha ulushi qariyb 45 foizni tashkil qilgan. Natijada ushbu sektorning umumiy iqtisodiy o'sishga qo'shgan hissasi 195 foiz punktdan oshib, barcha sektorlar orasida eng yuqori ko'rsatkichni qayd etdi. Bu holat iqtisodiyotda xizmatlarga yo'naltirilgan strukturaviy siljishlarning kuchayganini ko'rsatadi.

Sanoat sektori ham yuqori dinamikaga ega bo'lib, tahlil qilinayotgan davrda qariyb 600 foizga yaqin o'sish sur'atini ko'rsatdi. Sanoatning iqtisodiyotdagi o'rtacha ulushi 23 foiz atrofida shakllangan bo'lib, natijada uning umumiy o'sishga qo'shgan hissasi 138 foiz punktni tashkil etdi. Bu sanoat sektori iqtisodiy o'sishda muhim ikkilamchi drayver sifatida namoyon bo'lganini anglatadi.

Qishloq xo'jaligi sektori 2016–2024-yillar davomida nisbatan barqaror o'sishni ko'rsatgan bo'lsa-da, uning iqtisodiyotdagi o'rtacha ulushi pasayish tendensiyasiga ega bo'lgan. Mazkur sektorning umumiy o'sishga qo'shgan hissasi 66 foiz punkt atrofida shakllanib, sanoat va xizmatlar sektorlariga nisbatan ancha past bo'ldi. Bu holat

iqtisodiyotda resurslarning asta-sekin yuqori samaradorlikka ega bo'lgan sektorlarga qayta taqsimlanayotganini ko'rsatadi.

Qurilish sektori yuqori o'sish sur'atlariga ega bo'lishiga qaramay, iqtisodiyotdagi ulushining nisbatan kichikligi sababli uning umumiy o'sishga qo'shgan hissasi cheklangan bo'lib qoldi. Mazkur sektorning hissasi 36 foiz punkt atrofida shakllangan. Bu qurilish sektorining iqtisodiy o'sishda muhim, biroq yordamchi rol o'ynayotganidan dalolat beradi.

Umuman olganda, olingan natijalar 2016–2024-yillar davomida iqtisodiy o'sishning asosan strukturaviy transformatsiya bilan bog'liq ekanini ko'rsatadi. O'sishning asosiy manbalari yuqori ulush va nisbatan yuqori o'sish sur'atlariga ega bo'lgan xizmatlar va sanoat sektorlaridir. Ushbu holat iqtisodiy siyosatda xizmatlar va sanoat sektorlarida samaradorlikni oshirish, innovatsiyalarni rag'batlantirish va ularning uzoq muddatli o'sish potensialini qo'llab-quvvatlash muhimligini ta'kidlaydi.

Xulosa va takliflar

Mazkur tadqiqot 2016–2024-yillar oralig'ida iqtisodiyot sektorlarining umumiy qo'shilgan qiymat o'sishiga qo'shgan hissasini sektorlar kesimida baholadi. Hisob-kitob natijalari iqtisodiy o'sishning asosiy manbalari sifatida xizmatlar

va sanoat sektorlarini aniqlash imkonini berdi. Xizmatlar sektori yuqori o'sish sur'atlari va katta strukturaviy ulushi sababli tahlil qilinayotgan davrda iqtisodiy o'sishning yetakchi drayveri bo'lib chiqdi. Sanoat sektori esa yuqori ichki o'sish sur'atlari hisobiga ikkinchi muhim drayver sifatida namoyon bo'ldi.

Qishloq xo'jaligi va qurilish sektorlarida ham ijobiy o'sish kuzatilgan bo'lsa-da, ularning iqtisodiyotdagi ulushi nisbatan past bo'lgani sababli umumiy o'sishga qo'shgan hissasi cheklangan bo'lib qoldi. Bu holat iqtisodiyotda resurslarning tobora yuqori samaradorlikka ega bo'lgan sektorlarga qayta taqsimlanayotganini va mamlakat iqtisodiy tuzilmasida strukturaviy transformatsiya jarayoni kechayotganini ko'rsatadi.

Olingan natijalardan kelib chiqib, quyidagi takliflarni ilgari surish mumkin:

- Xizmatlar sektorida samaradorlikni oshirish va diversifikatsiya qilish.

Xizmatlar sektorining iqtisodiy o'sishdagi yetakchi roli uni rivojlantirishga qaratilgan siyosatni ustuvor yo'nalish sifatida belgilashni talab etadi. Xususan, raqamli xizmatlar, moliyaviy texnologiyalar, logistika, ta'lim va sog'liqni saqlash xizmatlarida innovatsiyalarni qo'llab-quvvatlash iqtisodiy o'sish barqarorligini kuchaytiradi.

- Sanoat sektorida yuqori qo'shilgan qiymatga yo'naltirilgan strategiyani kuchaytirish. Sanoatning umumiy o'sishga qo'shgan muhim hissasini inobatga olgan holda, xom ashyo eksportiga tayanishdan ko'ra, qayta ishlash,

texnologik yangilanish va sanoat klasterlarini rivojlantirish orqali sanoat mahsulotlarining qo'shilgan qiymatini oshirish maqsadga muvofiq.

- Qishloq xo'jaligida unumdorlikni oshirishga qaratilgan institutsional islohotlar. Qishloq xo'jaligi sektorining umumiy o'sishga qo'shgan hissasini kuchaytirish uchun mehnat unumdorligini oshirish, agrotexnologiyalarni joriy etish, logistika va saqlash infratuzilmasini rivojlantirish zarur. Bu sektorning strukturaviy samaradorligini oshirishga xizmat qiladi.

- Qurilish sektorini iqtisodiy o'sish bilan kuchliroq bog'lash.

Qurilish sektoridagi yuqori o'sish sur'atlarini sanoat va xizmatlar sektoridagi rivojlanish bilan integratsiyalash zarur. Infratuzilma, sanoat zonalari va shaharsozlik loyihalarini uzoq muddatli iqtisodiy o'sish strategiyasi bilan uyg'unlashtirish qurilish sektorining iqtisodiy ta'sirini kuchaytiradi.

- Sektorlararo muvofiqlashtirish va resurslar qayta taqsimotini takomillashtirish. Iqtisodiy siyosatda resurslarning yuqori samaradorlikka ega sektorlarga oqimini rag'batlantirish bilan birga, past samaradorlikka ega sektorlarning transformatsiyasiga e'tibor qaratish muhim. Bu uzoq muddatli barqaror iqtisodiy o'sishni ta'minlaydi.

Umuman olganda, 2016–2024-yillar davomida iqtisodiy o'sish asosan intensiv omillar, ya'ni yuqori qo'shilgan qiymat yaratishga qodir bo'lgan sektorlarning rivojlanishi bilan bog'liq bo'lib, iqtisodiyotda xizmatlarga yo'naltirilgan rivojlanish modeli shakllanayotganini tasdiqlaydi.

Manba va adabiyotlar

1. World Bank (2020). *Global Economic Prospects*. World Bank Group.
<https://www.worldbank.org/en/publication/global-economic-prospects>
2. McMillan, M. & Rodrik, D. (2014). *Globalization, structural change, and productivity growth, with an update on Africa*. *World Development*, 63.
<https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2013.10.012>
3. Fekede, T. (2021). *The nature of industrial structural change and economic growth: A decomposition analysis*. *IJSAB International*, 11(1).
<https://doi.org/10.2139/ssrn.2461290>

4. Heinrich, T., Yang, J. & Dai, S. (2020). *Levels of structural change: An analysis of China's development push 1998–2014*. arXiv.
<https://doi.org/10.48550/arXiv.2005.01882>
5. McMillan, M., Rodrik, D. & Sepúlveda, C. (2017). *Structural change, fundamentals, and growth: A framework and case studies*. World Bank Working Paper.
<https://doi.org/10.1596/978-0-8962-9214-7>
6. Olczyk, M. & Kordalska, A. (2018). *Growth and structural changes in transition countries: The chicken or the egg?* *Journal of Business Economics and Management*, 19(1).
<https://doi.org/10.1596/978-0-8962-9214-7>
7. Timmer, M.P., Erumban, A.A., Los, B., Stehrer, R. & de Vries, G.J. (2014). *Slicing up global value chains*. *Journal of Economic Perspectives*, 28(2).
<https://doi.org/10.1257/jep.28.2.99>
8. Vu, K. (2017). *Structural change and economic growth: Empirical evidence and policy insights from Asian economies*. ResearchGate Working Paper.
<https://doi.org/10.1016/j.strueco.2017.04.002>
9. World Trade Organization (2013). *Global value chains and development*. In: *Globalization, Competitiveness, and Workers*.
https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/glob_soc_sus_e_chap2_e.pdf
10. Maxmudov, N. M. & Avazov, N. R. (2021). *Raqamli iqtisodiyot sharoitida tarkibiy o'zgarishlarni chuqurlashtirish va unga investitsiya omilining ta'sirini baholash*. *Ilm-fan va innovatsion rivojlanish ilmiy jurnali*.
<https://ilm-fan-journal.csti.uz/index.php/journal/article/view/90>
11. Rakhmonov, A. & Ganiev, B. (2025). *O'zbekiston iqtisodiyotida strukturaviy transformatsiyalar va sektorlararo o'zgarishlar*. InLibrary: *International Journal of Public Sector Economics*.
<https://inlibrary.uz/index.php/ijpse/article/view/114100>

Ilova 1

1-jadval

Sektorlarning yalpi qo'shilgan qiymati hajmi, mlrd. so'm

Yil	Qishloq xo'jaligi	Sanoat	Qurilish	Xizmatlar
2016	68520.6	45883.5	18294.1	113369.2
2017	75484.6	53425.8	21460.1	129783.1
2018	92079.5	79913.9	27298.2	154633.4
2019	117272.3	119370.8	41379.1	202699.4
2020	134729.8	159531	50467.5	239401.7
2021	158203.4	194313.9	60807.7	303176.8
2022	190941.7	229755.4	72591.5	369495.5
2023	221004.9	267236.3	86864	468499.8
2024	256589.2	319701	102047.3	605663.7

Manba: O'zR Milliy Statistika qo'mitasi ma'lumotlari.

Ilova 2

1-jadval

Yillar kesimida sektorning jami qo‘shilgan qiymat o‘shishiga qo‘shgan real hissasi (foizda)

Davr	Sektor	O‘shish sur‘ati (%)	O‘rtacha ulush (%)	O‘shish hissasi (%)
2016–2017	Qishloq xo‘jaligi	10.16	27.40	2.78
	Sanoat	16.44	18.86	3.10
	Qurilish	17.31	7.55	1.31
	Xizmatlar	14.48	46.20	6.69
2017–2018	Qishloq xo‘jaligi	21.98	26.48	5.82
	Sanoat	49.58	20.82	10.33
	Qurilish	27.20	7.69	2.09
	Xizmatlar	19.15	45.01	8.62
2018–2019	Qishloq xo‘jaligi	27.36	25.21	6.90
	Sanoat	49.37	23.71	11.70
	Qurilish	51.58	8.16	4.21
	Xizmatlar	31.08	42.93	13.34
2019–2020	Qishloq xo‘jaligi	14.89	23.73	3.53
	Sanoat	33.64	26.07	8.77
	Qurilish	21.96	8.62	1.89
	Xizmatlar	18.12	51.92	9.41
2020–2021	Qishloq xo‘jaligi	17.41	22.55	3.93
	Sanoat	21.79	27.22	5.93
	Qurilish	20.48	8.55	1.76
	Xizmatlar	26.65	41.65	11.10
2021–2022	Qishloq xo‘jaligi	20.69	22.07	4.57
	Sanoat	18.25	26.85	4.90
	Qurilish	19.38	8.47	1.64
	Xizmatlar	21.87	42.55	9.31
2022–2023	Qishloq xo‘jaligi	15.75	21.66	3.41
	Sanoat	16.33	26.07	4.26
	Qurilish	19.66	8.38	1.65
	Xizmatlar	26.79	43.85	11.75
2023–2024	Qishloq xo‘jaligi	16.10	20.58	3.31
	Sanoat	19.65	25.26	4.96
	Qurilish	17.48	8.13	1.42
	Xizmatlar	29.27	46.06	13.48

Manba: mualliflar hisob-kitoblari.

УЎК: 336.6.(575.1)

Дилора АБДУХАЛИКОВА,
Тошкент Кимё халқаро университети
мустақил изланувчиси,
E-mail: diloraabdukhalikova552@gmail.com

НОЧОР КОРХОНАЛАРНИНГ ҲОЛАТИНИ МОЛИЯВИЙ БАҲОЛАШ МОДЕЛЛАРИ

Аннотация: мақолада ночор корхоналарнинг ҳолатини молиявий баҳолаш моделлари, жумладан Altman Z-Score, Taffler Z ва Beaver коэффициентлари назарий ва амалий жиҳатдан таҳлил этилади. Ўзбекистон корхоналари маълумотлари асосида банкротлик хавфи баҳоланиб, Navoiyazot АЖ мисолида комплекс диагностика ва ликвидлик муаммоларининг таъсири ёритилади. Шу асосда корпоратив молия қарорлари, қарз юки ва инвестиция сиёсати таъсирлари тақдим этилади.

Калит сўзлар: банкротлик, Altman Z-Score, Taffler модели, Beaver коэффициент, ликвидлик, молиявий барқарорлик, ночор корхоналар, молиявий таҳлил, пул оқими, кредит хавфи, корпоратив молия, Navoiyazot, Ўзбекистон саноати, қарздорлик, рентабеллик, Cash Flow/Debt, current ratio, молиявий моделлар, тўлов қобилияти, инвестиция рейтинг.

Модели финансовой оценки состояния неплатежеспособных предприятий

Дилора Абдухаликова,
независимый исследователь
Ташкентского международного
университета Кимё

Аннотация: в статье рассматриваются модели финансовой оценки неплатежеспособных предприятий, в том числе Altman Z-Score, Z-модель Tafflera и коэффициенты Beavera, в теоретическом и прикладном аспектах. На основе данных узбекских предприятий оце-

нивается риск банкротства, на примере АО «Navoiyazot» раскрываются комплексная диагностика и влияние проблем ликвидности. На этой основе приводятся рекомендации для корпоративных финансовых решений, управления долговой нагрузкой и инвестиционной политики.

Ключевые слова: банкротство, Altman Z-Score, модель Tafflera, коэффициенты Beavera, ликвидность, финансовая устойчивость, неплатежеспособные предприятия, финансовый анализ, денежный поток, кредитный риск, корпоративные финансы, Navoiyazot, промышленность Узбекистана, долговая нагрузка, рентабельность, Cash Flow/Debt, current ratio, финансовые модели, платежеспособность, инвестиционный рейтинг.

Models for the financial assessment of insolvent enterprises

Dilora Abdukhalikova,
independent researcher,
Kimyo International University in Tashkent

Abstract: the article examines models for the financial assessment of insolvent enterprises, including the Altman Z-Score, Taffler Z-model, and Beaver coefficients, in both theoretical and applied aspects. Based on data from Uzbek enterprises, bankruptcy risk is assessed, and using JSC “Navoiyazot” as an example, comprehensive diagnostics and the impact of liquidity problems are revealed. On this basis, recommendations are provided for corporate

financial decision-making, debt burden management, and investment policy.

Keywords: *bankruptcy, Altman Z-Score, Taffler model, Beaver coefficients, liquidity, financial stability, insolvent enterprises, financial analysis, cash flow, credit risk, corporate finance, Navoiyazot, industry of Uzbekistan, debt burden, profitability, Cash Flow/Debt, current ratio, financial models, solvency, investment rating.*

Кириш

Инқироз ва банкротликка олиб келиши мумкин бўлган молиявий муаммоларнинг сабабларини ўрганиш ва бартараф этиш борасида тегишли таклифларни ишлаб чиқиш корпоратив молия соҳасидаги тадқиқотларнинг асосий йўналишларидан биридир. Бугунги кунда иқтисодий ислохотлар жараёнида корхоналарнинг молиявий барқарорлигини таъминлаш, уларнинг банкротлик ҳолатининг олдини олиш масаласи Ўзбекистон учун долзарб аҳамиятга эга. Иқтисодий ўсиш ва инвестиция муҳитини яхшилашда корхоналарнинг молиявий салоҳиятини тўғри баҳолаш муҳим ҳисобланади.

Банкротликни баҳолашнинг биринчи ва энг кенг тарқалган усулларида бири бу Altman томонидан ишлаб чиқилган ёндашув ҳисобланади [1]. Шунингдек, Beaver молиявий тангликни жами активлар жами мажбуриятларни қоплай олмайдиган ҳолат сифатида таърифлаган биринчи тадқиқотчи эди [2]. Вақт ўтиши билан компаниянинг банкротлик хавфи бор ёки йўқлигини баҳолаш учун кўп чизиқли дискриминант моделида (Multiple Linear Discriminant Model (MDA)) рентабеллик, ликвидлик, тўлов қобилияти ва самардорлик кўрсаткичларини ҳисобга оладиган Altman модели турли олимлар томонидан такомиллаштирилди. Натижада бу моделнинг халқаро даражада аҳамияти кенгайиб у бутун дунё бўйлаб компаниялар ва секторларда кенг қамровли синовдан ўтказилди [3]. Бундан ташқари, тадқиқотчилар Altman моделидан ташқари капитал тузилишини, тўлов қобилияти хавфини ёки молиявий кийинчиликларни

ўрганиш учун бир нечта статистик ва эконометрик усуллардан фойдаланганлар.

Адабиётлар таҳлили

Бариленко В.И. ўзининг асарларида банкротлик хавфини диагностика қилиш молиявий ҳолатни комплекс таҳлилнинг ажралмас қисми деб таъкидлаган. Ликвидлик ва тўлов қобилияти, молиявий барқарорлик (қоплаш, автономия), бизнес фаоллик ва рентабеллик амалий диагностикаси учун классик скоринг моделларини (Altman, Taffler, Beaver ва б.) қўллаган ва натижаларни тармоқ ва ширкат ўлчамига мослаш зарурлигини таъкидлаган [4].

Г.В. Савицкая *корхонанинг молиявий барқарорлиги* – бу хўжалик юритувчи субъектнинг ички ва ташқи омиллар ўзгариб турган шароитда ҳам барча активлар ва мажбуриятлар (пассивлар) мувозанатини сақлаган ҳолда мавжуд бўлиши ва ривожланиш қобилиятидир деб таъкидлайди.

В.М. Родионова *таъкидлашича*, “Молиявий барқарорлик” – бу корхонанинг молиявий ресурслари, уларнинг тақсимланиши ва фойдаланилишидаги шундай ҳолатки, у фойданинг ўсиши асосида корхона ривожланишини таъминлайди ҳамда мақбул хавф даражасида тўловга қобилиятлилиқ ва кредитга лаёқатлилиқни сақлайди.

Брендина Е.Е. *рақобатли бозор шароитида ФХД таҳлилининг вазифаси* – банкротликка ча бўлган “эрта огоҳлантириш” сигналларини аниқлаш кераклигига аҳамият берган. **Индикаторлар:** ликвидлик коэффициентлари, қарз юки ва фоизларни қоплаш, айланма капитали етарлилиги, маржиналлик тенденцияларини таҳлил қилиш натижаларига таяниб, бошқарув қарорларида харажатларни оптималлаштириш ва даромад каналларини диверсификация қилиш таклиф этилган [5].

Губертов Е.А. ва Грибкова Д.О. *молиявий ҳолат таҳлилининг мақсади* – тўлов қобилияти ва барқарорликни баҳолаш орқали банкротлик эҳтимолини пасайтириши мумкинлигини ўрганган. **Тамойиллар:** тизимлилиқ, қиёсийлик (динамика ва бенчмарк), ишончли маълумот

базаси. Вазифалар: ликвидлик/солвентлик, капитал тузилмаси, коплаш ва фаоллик кўрсаткичлари бўйича интеграл баҳолаш кераклиги аниқланган [6].

Байбеков А.С. молиявий таҳлил – анти-кризис қарорлар қабул қилишнинг асосий воситаси эканлигини таъкидлаган. Банкротлик хавфини баҳолашда коэффициентлар таҳлили билан бирга пул оқимлари ва рентабеллик драйверларини кузатиш тавсия этилади. Эрта диагностика менежментга сценарий режалаштириш ва реструктуризацияни ўз вақтида бошлаш имконини беради.

Петросян К.Г. корхона молиявий ҳолатини баҳолашнинг марказий мезони – тўлов қобиляти ва капитал етарлилиги деб ҳисоблаган. У банкротлик хавфи шуларнинг узоқ муддатли ёмонлашувида намоён бўлишини ўзининг илмий асарларида таъкидлаган. Қисқа муддатли ликвидлик кўрсаткичларини узлуксиз мониторинг қилиш заруратининг муҳимлигини айтиб ўтган [7].

Юнусова А.Н. “Молиявий ҳолат тушунчаси совуқ ҳисоб-китоб эмас, балки ликвидлик, молиявий барқарорлик ва самарадорлик ўртасидаги мувозанатдир” дея таърифлайди. Банкротлик – ушбу мувозанатнинг изчил бузилиши натижаси; шунинг учун индикаторлар мажмуаси (ликвидлик, leverage, айланиш, фойдалилик)ни биргаликда таҳлил қилиш лозим.

Методология

Ушбу мақолада ночор корхоналарнинг молиявий ҳолатини баҳолаш ва молиявий танглик/банкротлик хавфини олдиндан аниқлашга хизмат қилувчи моделларнинг назарий-амалий жиҳатлари таҳлил қилинди. Тадқиқотда илмий билишнинг тизимли ёндашуви асосида кузатиш, маълумотларни йиғиш, умумлаштириш, таққослаш, индукция ва дедукция, эконометрик таҳлил ҳамда молиявий коэффициентлар усулларида фойдаланилди.

Тадқиқотнинг ахборот базасини корхоналарнинг молиявий ҳисоботлари (баланс, молиявий натижалар тўғрисидаги ҳисобот, пул оқимлари ҳисоботи), соҳавий статистик маъ-

лумотлар ҳамда маҳаллий ва хорижий олимларнинг банкротлик прогноз моделлари бўйича илмий ишланмалари ташкил этди. Мавзуга доир қонуний ва меъёрий-ҳуқуқий ҳужжатлар ўрганилиб, амалиётдаги талаблар ва чекловлар инобатга олинди.

Ночорликни баҳолашда коэффициентли таҳлил асосий йўналиш сифатида танланди. Жумладан, ликвидлик (жорий ликвидлик, тезкор ликвидлик), молиявий барқарорлик (қарз/капитал нисбати, ўз маблағлари билан таъминланганлик), рентабеллик (ROA, ROE), фаоллик (айланма маблағлар айланувчанлиги) ва пул оқимлари кўрсаткичлари ҳисобланиб, уларнинг динамикаси ва меъёрий чегаралари бўйича таҳлил амалга оширилди.

Асосий қисм

Сўнгги йигирма йил ичида молиявий танглик ва тўлов қобиляти хавфи бўйича тадқиқотлар сунъий нейрон тармоқлар, машинавий ўрганиш ва сунъий интеллектнинг пайдо бўлиши ва янада ривожланиши натижасида янада аниқ таҳлиллар ўтказиш имконини бера бошлади. Хусусан, Одом ва Шарда биринчи марта Altman тадқиқотида бўлгани каби бир хил молиявий кўрсаткичлардан фойдаланган ҳолда Америка компанияларининг банкротлигини башорат қилиш учун сунъий нейрон тармоқ (Artificial Neural Network (ANN)) методологиясини қўлладилар [8]. Уларнинг натижалари, Multiple Linear Discriminant Model (MDA) га нисбатан юқори аниқликка эга эканлигини кўрсатди. Вақт ўтиши билан кўплаб тадқиқотлар ANN усуллариининг логистик регрессия ва МОАдан молиявий қийинчиликларни аниқлаш ва банкротлик хавфини баҳолаш учун самарали усул эканлигини тасдиқлади [9].

Молиявий ҳисоботлар таҳлили бизнесни таҳлил қилишнинг кенгроқ соҳасининг ажралмас ва муҳим қисмидир, бизнес таҳлили эса компаниянинг иқтисодий истиқболлари ва рискларини баҳолаш жараёнидир. Бу компаниянинг бизнес муҳитини, унинг стратегияларини, молиявий ҳолати ва фаолиятини таҳлил қилишни ўз ичига олади. Ночор корхоналарни

молиявий баҳолаш моделлари (ёки банкротлик таҳлили моделлари) – бу корхоналарнинг молиявий барқарорлиги, қарздорлик даражаси ва банкротлик хавфини аниқлаш учун қўлланиладиган иқтисодий-математик инструментлар ва усуллар йиғиндисидир. Ушбу моделлар орқали корхонанинг молиявий аҳволи таҳлил қилинади ва келгуси даврда унинг тикланиш имкониятлари ёки тугатилиши эҳтимоли баҳоланади. Бугунги глобал иқтисодий муҳитда корхоналарнинг молиявий барқарорлигини таъминлаш ва банкротлик хавфини барвақт аниқлаш жуда долзарб вазифа ҳисобланади. Бу жараёнда молиявий таҳлил инструментларидан бири сифатида Altman Z-индекси кенг қўлланилиб, корхоналарнинг молиявий ҳолатини баҳолашда самарали восита бўлиб хизмат қилади. Altman Z-индекси 1968 йилда профессор Edward Altman томонидан яратилган бўлиб, банкротликка мойил компанияларни молиявий ҳисоботлар асосида барвақт аниқлаш мақсадини кўзлайди. Модел ёрдамида компаниянинг молиявий кўрсаткичлари математик комбинацияда баҳоланади ва унинг келгусида банкротлик эҳтимоли ҳисоблаб чиқилади. **Altman модели қуйидаги формула асосида ишлайди:**

$$Z = 1.2X_1 + 1.4X_2 + 3.3X_3 + 0.6X_4 + 1.0X_5 \quad (1)$$

Бу ерда:

- X_1 – Айланма капитал / Жами активлар,
- X_2 – Таксимланмаган фойда / Жами активлар,
- X_3 – ЕВІТ (фоиз ва солиқдан олдинги фойда) / Жами активлар,
- X_4 – Бозор қиймати / Жами қарздорлик,
- X_5 – Сотувлар / Жами активлар.

Альтман Z-индексида ҳисобланган қийматлар қуйидаги тарзда баҳоланади:

$Z > 2.99$ – Хавфсиз ҳудуд (банкротлик хавфи йўқ);

$1.81 < Z < 2.99$ – Сарик ҳудуд (эҳтиёткорлик зарур);

$Z < 1.81$ – Қизил ҳудуд (банкротлик хавфи юкори).

Altman Z-индекси ночор корхоналарни молиявий таҳлил қилишда жаҳон амалиётида синовдан ўтган самарали воситадир. Ўзбекистонда

ҳам ушбу моделдан фойдаланиш орқали корхоналарнинг молиявий барқарорлигини баҳолаш ва муаммоларни барвақт аниқлаш имконияти ортиб боради. Бироқ моделни қўллашда маҳаллий иқтисодий шароитларга мослаштириш муҳим аҳамиятга эга.

Сўнгги йилларда Ўзбекистон иқтисодиётида таркибий ўзгаришлар ва бозор муносабатларининг чуқурлашуви корхоналарнинг молиявий барқарорлигига турли таъсир кўрсатмоқда. Айрим корхоналар иқтисодий ислохотлардан самарали фойдаланаётган бўлса, баъзилари ночор ҳолатга тушиб қолмоқда. Шунинг учун корхоналарнинг молиявий аҳволини баҳолаш ва банкротлик хавфини барвақт аниқлаш давлат ва хусусий сектор учун долзарб масала ҳисобланади. Қуйида келтирилган жадвалда саноат, қурилиш ва кимё соҳаларидаги 10 та йирик ўзбек корхонаси учун сўнгги молиявий ҳисоботдан олинган асосий кўрсаткичлар ва банкротлик хавфи баҳоланган. Ҳар бир корхона бўйича жорий активлар/жорий мажбуриятлар (ликвидлик), умумий қарз/жами активлар (қарздорлик) ва соф даромад/жами активлар (фойдалилик) ҳамда қабул қилинган хавф даражаси келтирилган.

Ўзбекистон иқтисодиётида таркибий ўзгаришлар ва бозор муносабатларининг чуқурлашуви корхоналарнинг молиявий барқарорлигига турли таъсир кўрсатмоқда. Айрим корхоналар иқтисодий ислохотлардан самарали фойдаланаётган бўлса, баъзилари ночор ҳолатга тушиб қолмоқда.

1-жадвал

Ўзбекистонда саноат, қурилиш ва кимё, тўқимачилик соҳаларидаги йирик корхоналар
молиявий кўрсаткичлари ва банкротлик хавфи таҳлили

Кўрсаткичлар	Навоийазот АЖ	Navoiy Mining and Metallurgical (NMMC) АЖ	Қўқон Механика АЖ	Бухоро Текстил АЖ	Андижон Мотор АЖ
Ликвидлик коэффициенти	0.35	1.09	1.2	1.10	0.95
Қарздорлик даражаси	143%	27%	75%	65%	85%
Фойда	17.6%	17%	2.5%	4.0%	3.0%
Хавф даражаси	Жуда юқори	Паст	Юқори	ўртача	Хавфли

Манба: муаллиф томонидан ишланган.

Кўриб турганимиздек, “Navoiyazot” АЖда жорий активлар жорий мажбуриятлардан анча паст, қарздорлик жуда юқори, паст кўрсаткичи ва юқори қарз кўлами туфайли банкротлик хавфи жуда юқори деб баҳоланади. “Navoiy Mining and Metallurgical (NMMC)” АЖ йирик олтин ишлаб чиқарувчи корхона бўлиб, юқори рентабеллик ва паст қарздорлик кузатилмоқда. Узоқ муддатли маълумотларга кўра, NMMC нинг EBITDA маржаси юқори (50–60% атрофида), бу эса унинг ялпи фойдаси юқорилигини ва молиявий барқарорлигидан далолат беради. “Қўқон Механика” АЖ саноат корхонасининг кўрсаткичлари мўътадил деб баҳоланиши мумкин. Агар унинг жорий ликвидлик коэффициенти 1–2 оралиғида бўлса, бу соғлом деб ҳисобланади. Тўқимачилик корхоналарида нархлар ўзгарувчанлиги ва рақобат юқорилиги сабабли рентабеллик кўпинча паст бўлади. Яна бир муҳим жиҳат – паст рентабеллик банкротликка олиб келувчи асосий омиллардан бири ҳисобланади. Автомобилсозлик корхоналарида катта миқдорда капитал сарфланади, лекин улар кўпинча паст рентабелликка эга. Агар “Андижон Мотор” АЖнинг ликвидлиги 1–1,5 оралиғида бўлса, бу нормал ҳолат бўлиб, 2:1 ва ундан юқори бўлса – янада яхши ҳисобланади. Корхонанинг рентабеллиги юқори бўлмаса, банкротлик хавфи ортиши мумкин, чунки кам даромад билан қарзларни узиш қийинлашади.

Молиявий қиёфаси ночор (банкротлик хавфи юқори) бўлган корхоналарни аниқлашда турли мултивариант ва уйғун назарий моделлар қўлланилади. Булар орасида Edward Altman-

нинг Z-Score модели, R. Tafflerнинг Taffler Z-модели, U. Beaverнинг соддалаштирилган коэффициенти, шунингдек ликвидлик ва нақд пул оқими таҳлили кўп қўлланилади. Қуйида ҳар бир модел ва усулни қисқача таърифлаб, уларнинг формулалари ва ишлаш мезонларини кўриб чиқамиз, халқаро ва Ўзбекистон ми-соллари билан солиштирамиз. Altman Z-Score модели – иқтисодчи E. Altman томонидан 1968 йилда жорий этилган мултивариант дискриминант модели бўлиб, банкротлик эҳтимолини прогнозлаш учун молиявий коэффициен-тларни ҳисоблайди.

$$Z = 1.2TA_{WC} + 1.4TA_{RE} + 3.3TA_{EBIT} + 0.6TL_{MVE} + 1.0TA_S \quad (2)$$

Бу ерда, WC – жорий активлар сонидан жорий мажбуриятларни чиқариб қолдириш (ижарасида ишлаб олган ишлаб чиқариш капитали),

TA – умумий активлар,

RE – олинган даромадлар,

EBIT – солиқлар ва фоизлар чиқарилгач даромад,

MVE – бозордаги капитализация,

TL – барча мажбуриятлар,

S – савдо (сотувлар)дан тушган даромадлар умумий миқдори

Z-Score натижаси қуйидагича талқин қилинади:

$Z < 1,8$ -банкротлик хавфи юқори (қизил зона);

$1,8 < Z < 3$ -ўрта зона,

$3 < Z$ – ноҳуш ҳолат хавфи паст ҳисобланади.

Алгоритмнинг муҳим хусусияти – ишлаб чиқариш секторга мослаштирилгани. Chartmill

сайтида қайд этилишича, модел одатда ишлаб чиқариш корхоналари учун ҳисобланган ва банк ёки иқтисодий муассасалар каби таркибий жиҳатдан фарқли фаолият олиб борадиган компанияларга тўғри келмаслиги мумкин.

Ричард Таффлер (R. Taffler) ва Гэри Тишоу (G. Tisshaw) томонидан 1977 йили янги Z-кўрсаткич модели ишлаб чиқилган. Уйғунлаштирилган дискриминант ёки «T-score» модели, кўпроқ Таффлер тести деб аталади. Таффлер модели ҳам тўртта молиявий коэффициентни ўз ичига олади ва улар асосида банкротлик тахминини беради.

$$Z = 0.53X_1 + 0.13X_2 + 0.18X_3 + 0.16X_4 \quad (3)$$

X_1 = Солиқдан олдинги фойда / Қисқа муддатли мажбуриятлар,

X_2 = Жорий активлар / Жами активлар,

X_3 = Қисқа муддатли мажбуриятлар / Жами активлар,

X_4 = Сотувлар / Жами активлар.

Таффлер Z натижаси:

$Z > 0.3$ – қарздорлик хавфи нисбатан паст (корхона молиявий жиҳатдан барқарор);

$0.2 < Z < 0.3$ – оралиқ «шак-шубҳа зонаси» сифатида қаралади;

$Z < 0.2$ – юқори хавфли ҳисобланади (банкротлик хавфи юқори).

Taffler модели Altmanга нисбатан қисқартирилган шаклда яратилиб, асосан молиялаш ва савдо кўрсаткичларига урғу беради. Унинг мавжудлиги, мисол учун Британияда бир қатор таҳлилларда маълум компанияларнинг банкротлиги эҳтимоли юқори эканига ишора қилган. Tafflerнинг бу гуруҳдаги кўрсаткичлари бухгалтерия ҳисоботи асосида белгиланади, бозор қиймати қўшилмаган, бу унга хусусий компанияларга ҳам қўллаш имконини беради. В. Бевер (William Beaver) 1966 йили илк бор банкротликни илгари суришда молиявий коэффициентларни ишлатган. Univariate (якка коэффициентли) ёки нисбий модел сифатида бевосита синов усулини қўллаган. У ўзи танлаган бир неча асосий кўрсаткичлар орасида энг яхши ишловчи бўлганини танлаб олиб, ҳар бир корхона учун жуда содда ҳисоблайди. Beaver

модели қуйидаги асосий кўрсаткични қамраб олади. **Уларнинг энг машҳурлари:**

$$Beaver\ koef\ fisienti = \frac{Naqd\ pul\ oqimi (Net\ cash\ flow)}{Jami\ qarzlar}$$

Коэффициентнинг моҳияти:

- Корхонанинг олинаётган нақд пул оқими унинг умумий қарзларини қоплашга қай даражада етарлилигини кўрсатади;

- Қиймат паст бўлса – қарзларни узиш қийинлашади, банкротлик хавфи юқори;

- Қиймат юқори бўлса – молиявий барқарорлик мавжуд.

Бевер собиқ банкрот компаниялар ва барқарор компаниялар бўйича ўрганишлар асосида шулардан энг сезгир ҳисобланганларини ишлатади. Хулоса қилиб айтганда, Beaver модели учинчи томондан алоҳида кўриб чиқади, бир неча молиявий мослашувчанлик ҳажми бўйича субъектив баҳо беради, интеграл баҳони чиқармаслиги сабабли жорий ҳолатга тезкор сигнал беради. У инвестицион таҳлил ва кредит бериш жараёнларида оддий ва тезкор назорат сифатида қўлланилиши мумкин.

Юқорида таърифланган ҳар бир модел ўзининг афзаллик ва чекловларига эга. Халқаро нашрлардан маълум бўлишича, Altman Z-Score ва унинг турлари кўплаб саноат ва алоҳида бозорларда синовдан ўтказилган. Ҳиндистондаги тадқиқотларда Z-Score компанияларни соғлом чиққан ҳолатда топган. Бангладешда Altman Z-Score моделидан фойдаланиб амалга оширилган тадқиқотда баъзи корхоналар молиявий соғлом, аммо бошқаларида банкротлик хавфи юқори экани аниқланган. Мазкур моделларнинг Ўзбекистонда тўғридан-тўғри қўлланилишига оид оммавий нашрлар оз. Бироқ корхоналар молиявий барқарорлигини баҳолашда глобал тажрибага асосланиб Altman ва Taffler моделларига мувофиқ таҳлиллар ўтказилаган. Масалан, давлат соҳа корхоналарини баҳолашда янги моделлардан бири – Patrick Enyi томонидан таклиф қилинган «нисбий молиявий барқарорлик» модели ҳам қўлланган, шунингдек, Z-Score ва умумий ликвидлик кўрсаткичлари асосида таҳлил қилиш тавсия этил-

ган. Солиштиришда шундай хулосага келиш мумкин: Altman Z-Score – бу кенг миқёсда синовдан ўтган ва вақти камида икки йил ичида компания банкрот бўлиш эҳтимолини тахмин қиладиган модел, асосан машинасозлик, металлургия, химия каби тармоқларда тўғри келади. Taffler модели эса мамлакатнинг бошқа соҳалари ва хусусий компаниялар учун ҳам қўллашга мослашган; унинг оддий алгоритми кўп маълумот талаб қилмайди ва тезкор таҳлил учун қулай ҳисобланади. Beaver модели асосан фаоллик даражаси паст компанияларда илк огоҳлантирувчи сигналлар бериш мақсадида қўлланади, чунки у фақат суратлар билан эмас, нақд оқими билан боғлиқ коэффициентларга

асосланган. Ҳар бир моделда қўлланиладиган кўрсаткичлар турлича бўлгани сари, улар бир-бирига тўлдирувчи ролни ўйнайди. Масалан, Ўзбекистонда ва халқаро тажрибада шундай ҳолат кузатилади: Altman ва Taffler Z баллари уч йил мобайнида молиявий натижаларни ўлчашда фойдаланилади; Beaver эса қисқа муддатли молиявий ҳаракатларни таҳлил қилишда ёрдам беради. Ликвидлик ва пул оқими кўрсаткичлари шу моделлар билан биргаликда қўлланилганда компаниянинг ҳақиқий молиявий аҳволини яхшироқ акс эттиради. Қуйидаги жадвалда учта ўртача корхона учун Altman Z-Score, Taffler Z, ликвидлик ва Cash Flow кўрсаткичлари асосида баҳо кўрсатилган.

2-жадвал

Моделлар асосида баҳолаш мезонлари

Модел/Кўрсаткич	A (соғлом)	B (эҳтиёт)	C (ночор)
Altman Z	2.56	1.26	0.33
Taffler Z	0.55	0.26	0.19
Бивер (NI+Am/Debt)	0.50	0.20	0.00
Current Ratio	3.0	1.0	0.5
Cash Flow/Debt	0.80	0.40	0.10

Манба: муаллиф томонидан ишланган.

Ушбу жадвал асосида кўринадиги, А корхонаси барқарор турда бўлиб, барча кўрсаткичлар юқори ва банкрот бўлиш эҳтимоли паст. В корхонада Altman Z ва Taffler Z о'ртача даражада, иқтидор юқори эмас, Liquidity ҳам етарли эмас, Cash Flow/Debt таҳлили ҳам хавфни кўрсатади. С корхона эса барча моделларда ўта ноқулай натижаларга эга: Z-Score жуда паст, Taffler Z хавфли зонада, ликвидлик танқидий даражада ва Cash Flow/Debt қарзни тўлай олмаслик даражасида. Бу жадвал орқали кўрсатилганидек, ҳар бир модель ўзига хос жиҳатларни кўрсатади ва бир-бирини тўлдиради. Жадвал ва диагностика диаграммалари молиявий таҳлилда қиёсий қараш беришда қўлланилади. Масалан, Altman Z-Score билан Taffler Z қийматларини таққословчи диаграмма тузилса, барқарор ва рискли корхоналар ўртасидаги фарқ визуал шаклда акс этиб боради. Демак, Altman Z-Score, Taffler Z, Beaver коэффициентлари,

ликвидлик ва пул оқими таҳлили ҳар бири ўз спецификасининг моделлари ҳисобланади. Уларнинг умумий вазифаси – корхонанинг молиявий жиҳатдан инкирозга учраш (банкрот бўлиш) эҳтимолини эрта босқичда аниқлаш. Амалда ҳар бир модель турли шарт-шароитларда самарали бўлиши мумкин. Altman Z-Score – қисқа ва ўрта муддатда саноат корхоналари банкротлигини прогноزلашда юқори самарали ҳисобланади. Мазкур модель тарқоқ маълумотларга асосланиб тузилган ва юқори самарали бўлган, лекин молия институтлари ва банклар учун чуқур ўзгартирилиши зарур. Taffler Z – енгилроқ ва тезкор модель бўлиб, маълумот кам, хусусий компаниялар ва турли соҳаларда таҳлил учун мос. Тўртта коэффициент, молиявий барқарорлик ва савдо натижаларини иноватга олади. Beaver модели – энг оддий вариант бўлиб, алоҳида коэффициентлар асосида сигнал беради. Қарз тобора ўсиб (cash flow камайган) борар экан, унинг коэффициент-

лари тушишга олиб келади. Шунинг учун қисқа муддатли прогнозларда, жуда эрта огоҳлантирувчи сигнал беришда фойдали. Аммо Beaver моделида натижа умумлаштирилмайди ва фақат катта фарқ бўлганда аломат беради.

Хулоса қилиб айтиш мумкинки, ҳар бир модел турли вазиятларда афзалликка эга бўлади. Ишлаб чиқариш ва кенг саноат секторларида Altman Z-модели кўпроқ ишлатилса, турли корхона ва хусусий тармоқларда Taffler ҳам қўллана олади. Соддалик учун Бевернинг коэффицентлари кичик бизнес ёки алоҳида кооперативларга хизмат қилади. Шунингдек, ликвидлик ва пул оқими кўрсаткичлари барча моделларда кўшимча текшириш воситаси сифатида муҳимдир. Умуман олганда, самарадор баҳолаш учун барча усулларни комплексда қўллаш лозим, чунки улар корпоратив молиявий саломатлигининг турли томонларини очиб беради.

Қуйида Навоийазот акционерлик жамияти учун дастлабки тахминий молиявий кўрсаткичларни асос қилиб олиб, Altman Z-Score коэффиценти (Cash Flow/Debt) ҳисобланишини қўриб чиқамиз.

$$Z = 1.2 \frac{WC}{TA} + 1.4 \frac{RE}{TA} + 3.3 \frac{EBIT}{TA} + 0.6 \frac{MVE}{TL} + 1.0 \frac{S}{TA} \quad (4)$$

RE (retained earnings): tax+profit history; =1 000 млрд UZS.

$$\frac{WC}{TA} = \frac{1417-4112}{9350} = -0.296$$

$$\frac{RE}{TA} = \frac{1000}{9350} \approx 0.107$$

$$\frac{EBIT}{TA} = \frac{2300}{9350} \approx 0.246$$

MVE unavailable → hisoblash uchun =0

$$\frac{S}{TA} = \frac{12000}{9350} \approx 1.283$$

Ҳисоби:

$$Z = 1.2 \cdot (-0.296) + 1.4 \cdot 0.107 + 3.3 \cdot 0.246 + 0 + 1.0 \cdot 1.283 = -0.3552 + 0.1498 + 0.8118 + 1.283 = 1.8894 \approx 1.89$$

Жиддий хавф мавжуд эмас.

Taffler Z (4 коэффицент) асосида ҳисоблашни амалга оширамиз.

$$Z = 0.53X_1 + 0.13X_2 + 0.18X_3 + 0.16X_4$$

$$X_1 = EBIT/CL = 2\,300/4\,112 \approx 0.56$$

$$X_2 = CA/TL = 1\,417/13\,364 \approx 0.106$$

$$X_3 = CL/TA = 4\,112/9\,350 \approx 0.44$$

$$X_4 = S/TA = 12\,000/9\,350 \approx 1.283$$

Натижаси: $Z \approx 0.53 \cdot 0.56 + 0.13 \cdot 0.106 + 0.18 \cdot 0.44 + 0.16 \cdot 1.283 \approx 0.297 + 0.014 + 0.079 + 0.205 = 0.595$, яъни молиявий барқарорлик мавжуд.

Бугунги кунда, “Navoiyazot” АЖ учун “VV-” инвестиция рейтинги берилган. Корхона қарзларининг катта қисмига давлат кафолати мавжуд ва бу унинг банкротликка қарши барқарорлигини оширган. Шу билан бирга, бу кафолатнинг бир қисми ўрта муддатда камайиши кутиляпти – бу ҳолат қарз юки ва молиявий хавфга таъсир қилиши мумкин. “Навоийазот” АЖнинг молиявий муаммолари асосан хорижий қарзлар ва айланма маблағ етишмаслигидан келиб чиққан. Ҳукумат кафолатларининг ҳажм/ишловини пасайтириши қарзларга боғлиқ муаммоларни мураккаблаштириши мумкин, аммо ҳозиргача фаол давлат қўллаб-қувватлаши туфайли банкротлик хавфи назорат қилинган ҳолда деб баҳоланмоқда. Корхонанинг молиялаштирилган фойдаси (adjusted EBITDA) ҳам камайди: 2023 йили 2 295 582 млн (2022 йилда 2 930 548 млн) UZS, яъни EBITDA маржаси тахминан 48% (2022: 55%). Шундай қилиб, Навоийазотнинг ликвидлик коэффиценти (амалий фаол активлар / жорий мажбуриятлар) ҳам 0.27 атрофида бўлиб, паст даражада қолмоқда. Давлат кафолатлари қисқарса, “Навоийазот” АЖ ўзини ўзи молиялаштириши зарур бўлади. Кафолатлар камайганда, хорижий валютадаги катта қарзларни қайта молиялаштириш ёки тўлашда қийинчиликлар юзага келиши мумкин. Шу нуқтаи назардан, кафолатлар пасайганда дефолт хавфи озгина ошади. Корхона менежменти ва халқаро рейтинг агентликлари ипотека қулайликларини эътиборга олиб, кредит шартлари бузилганида ҳам дефолт хавфини “паст” деб баҳоламоқда. Шу билан бирга, компания иқтисодий ҳаракатлар режаларини амалга ошираётганлиги ва фойда кўрсаткичлари тикланиши банкротлик хавфини камайтирувчи омиллардан ҳисобланади.

Хулоса ва таклифлар

Тадқиқот натижалари шундан далолат берадики, ночор корхоналарнинг молиявий аҳволи-

ни баҳолашда ягона бир моделдан фойдаланиш етарли эмас, аксинча Altman Z-Score, Taffler Z-моделли, Beaver коэффицентлари, ликвидлик ва пул оқими кўрсаткичларини комплекс қўллаш энг тўғри ёндашув ҳисобланади. Бу моделлар турли молиявий томонларни ёритади: Altman Z-Score – корхонанинг умумий банкротлик эҳтимолини, Taffler Z – рентабеллик ва тўлов қобилиятини, Beaver коэффицентлари эса нақд пул оқими ва қарз юкининг мутаносиблигини эрта босқичда сигнал сифатида кўрсатади.

Ўзбекистон саноат, қурилиш, кимё ва тўқимачилик тармоқлари мисолидаги ҳисоб-китоблар шуни кўрсатадики, корхоналар ўртасида молиявий барқарорлик даражаси кескин фарқланади. “Navoiyazot” АЖ мисолида Altman Z-Score (1,89 атрофида) ва Taffler Z (0,595) қийматлари корхона банкротлик хавфи юқори критик зонада эмаслигини кўрсатса-да, жуда паст ликвидлик, юқори қарздорлик ва давлат кафолатларига кучли боғлиқлик келгуси даврда молиявий хавфларни кучайтириши мумкинлигини англатади. Шу нуқтаи назардан, моделлар фақат «бугунги ҳолат» эмас, балки келгуси рисклар учун ҳам эрта огоҳлантирувчи сигнал вазифасини бажаради.

Таҳлил шуни ҳам кўрсатадики, халқаро амалиётда синовдан ўтган Altman, Taffler ва Beaver моделларини Ўзбекистон шароитига тўғридан-тўғри кўчириш мумкин эмас, уларни миллий молиявий ҳисобот стандартлари, тармоқ хусусиятлари, давлат кафолатлари, валюта рисклари ва солиқ тизимининг ўзига хосликларини ҳисобга олган ҳолда мослаштириш талаб этилади. Шу билан бирга, ушбу моделларнинг жорий этилиши банклар, инвесторлар ва менежмент учун қарор қабул қилиш жараёнларини шаффофлаштириб, корхоналарнинг банкротлик ҳолатига тушиб қолишининг барвақт олдини олишга хизмат қилади.

Таклифлар

1. Корхона даражасида комплекс диагностика тизимини жорий этиш.

Корхоналарда молиявий мониторинг тизими доирасида Altman Z-Score, Taffler Z, Beaver

коэффицентлари, current ratio ва Cash Flow/Debt кўрсаткичларини камида ҳар чоракда ҳисоблаш ва динамикада таҳлил қилиш тавсия этилади.

2. Моделларни миллий шароитга мослаштириш.

Ўзбекистон учун алоҳида эмпирик тадқиқотлар ўтказиб, тармоқлар кесимида Z-индекс ва бошқа моделлардаги чегара қийматларини (cut-off) қайта калибровка қилиш, саноат, тўқимачилик, қурилиш, хизмат кўрсатиш соҳалари учун алоҳида мезонлар ишлаб чиқиш мақсадга мувофиқ.

3. Банклар ва кредиторлар амалиётига интеграция қилиш.

Тижорат банклари ва кредит ташкилотлари томонидан кредит скоринг тизимларига Altman, Taffler ва Beaver кўрсаткичларини мажбурий индикатор сифатида киритиш, кредит портфелидаги корхоналарни «соғлом – хатарли – ночор» тоифаларга ажратиш система тарзида йўлга қўйилиши лозим.

4. “Navoiyazot” АЖ ва шунга ўхшааш корхоналар учун риск-менежментни кучайтириш.

Ликвидлик коэффицентини ошириш мақсадида айланма маблағлар структурасини қайта кўриб чиқиш, қисқа муддатли қарзларни қисқартириш, дебиторлик қарзларини қатъий назорат қилиш;

Валютадаги қарзлар улушини босқичма-босқич камайитириш ёки хеджлаш инструментларини қўллаш;

Давлат кафолатларига боғлиқликни секин-аста камайитириб, бозор инструментлари ҳисобидан молиялаштириш улушини ошириш тавсия этилади.

5. Корпоратив бошқарув ва шаффофликни ошириш.

Корхоналарда халқаро молиявий ҳисобот стандартлари (IFRS)га босқичма-босқич ўтиш, тузилган молиявий ҳисоботларни очиқ эълон қилиш, рейтинг агентликлари ва мустақил аудиторлар билан ҳамкорликни кенгайтириш банкротлик хавфини пасайтирувчи омил сифатида хизмат қилади.

6. Сунъий интеллект ва машинавий ўрганиш моделларидан фойдаланиш.

Altman ва Taffler каби классик моделлар билан бирга, ANN, логистик регрессия ва бошқа машинавий ўрганиш усуллари қўллаб, катта ҳажмдаги молиявий ва номолиявий маълумотлар асосида банкротликни прогноз қилиш аниқлигини ошириш тавсия этилади.

7. Тармоқ ва давлат даражасида эрта огоҳлантириш индикаторлари.

Иқтисодиёт тармоқлари кесимида асосий молиявий коэффицентлар учун «қизил», «сарик» ва «яшил» зоналарини белгилаб, иқтисодий ислохотлар мониторингида ушбу индикаторлардан фойдаланиш мақсадга мувофиқ.

8. Илмий-амалий ҳамкорликни кенгайтириш.

Университетлар, тадқиқот марказлари ва йирик корхоналар ўртасида ҳамкорлик дастурлари йўлга қўйилиб, докторлик ва магистрлик диссертацияларида банкротлик моделлари бўйича эмпирик тадқиқотлар сонини кўпайтириш таклиф этилади. Умуман олганда, ушбу мақолада кўриб чиқилган моделлар ва амалий ҳисоб-китоблар шуни кўрсатадики, молиявий қийинчиликларни барвақт аниқлаш, рискларни бошқариш ва корпоратив молиявий саломатликни таъминлашда комплекс, моделлар уйғунлигига асосланган ёндашув энг самарали йўл ҳисобланади.

Манба ва адабиётлар

1. Altman, Edward I. 1968. *Financial ratios, discriminant analysis and the prediction of corporate bankruptcy*. *The Journal of Finance* 23: 589-609.
2. Beaver, W. H. 1966. *Financial ratios as predictors of failure*. *Journal of Accounting Research* 4: 71-111. [CrossRef]
3. Altman, Edward I., Malgorzata Iwanicz-Drozowska, Erkki K. Laitinen, and Arto Suvas. 2017. *Financial distress prediction in an international context: A review and empirical analysis of Altman's Z-score model*. *Journal of International Financial Management & Accounting* 28: 131-71.
4. Бариленко В.И. Комплексный анализ хозяйственной деятельности: / под ред. В. И. Бариленко. – М.: Издательство Юрайт, 2015. - 455 с.
5. Брендина Е.Е. Сущность и роль анализа финансово-хозяйственной деятельности предприятия в рыночных условиях. / *Аллея науки*. – т.7, - №6(22), – 2018 г., стр. 144-148
6. Губертов Е.А., Грибкова Д.О. Экономическая сущность, принципы и задачи анализа финансового состояния предприятия. *Территория науки*. №6, - 2017г., – стр. 101-106
7. Петросян К.Г. Сущность и значение оценки финансового состояния предприятия. *Мир экономики и права*. – №3, - 2013 г., стр.23-26
8. Altman, Edward I., Malgorzata Iwanicz-Drozowska, Erkki K. Laitinen, and Arto Suvas. 2017. *Financial distress prediction in an international context: A review and empirical analysis of Altman's Z-score model*. *Journal of International Financial Management Accounting* 28: 131-71.
9. Mselmi, Nada, Amine Lahiani, and Taher Hamza. 2017. *Financial distress prediction: The case of French small and medium-sized firms*. *International Review of Financial Analysis* 50: 67-80. [CrossRef]

Ijtimoiy masalalar, fan, ta'lim va kambag'allikni qisqartirish /
Социальные вопросы, наука, образование и сокращение бедности /
Social issues, science, education, and poverty reduction

УЎК: 336.114.(575.1)

Тоштемир БЕРДИЕВ,
DSc (иқтисодиёт фанлари бўйича),
АТ Халқ банки гуруҳ раҳбари,
E-mail: toshtemir.berdiev82@mail.ru

**АҲОЛИ МОЛИЯВИЙ САВОДХОНЛИГИНИ ОШИРИШНИНГ
БАНК ТИЗИМИ РИВОЖЛАНИШИДАГИ ЎРНИ**

Аннотация: ушбу илмий мақолада мамлакатимизда аҳолининг молиявий саводхонлик даражаси ошишининг банк тизимида таъсири келтириб ўтилган. Жаҳон банки маълумотлари асосида МДХ мамлакатларида замонавий банк хизматлари билан аҳолининг таъминланганлик даражаси таҳлил қилинган. Шунингдек, тижорат банкларида жисмоний шахсларнинг асосий операциялари солиштирма маълумот асосида келтирилган. Муаллиф томонидан мамлакатимиз аҳолисининг молиявий саводхонлигини ошириш механизмларини шакллантириш ва самарадорлигини оширишга қаратилган илмий таклиф ва амалий тавсиялар берилган.

Калит сўзлар: молиявий саводхонлик, оммабоп хизматлар, мобил илова, P2P тўловлар, онлайн платформа, фирибгарлик, муаммоли кредитлар.

Роль повышения финансовой грамотности населения в развитии банковской системы

Тоштемир Бердиев,
DSc (по экономическим наукам),
руководитель группы АК “Халк банк”

Аннотация: в данной научной статье рассматривается влияние повышения уровня финансовой грамотности населения нашей страны на банковскую систему. На основе

данных Всемирного банка анализируется уровень обеспеченности населения современными банковскими услугами в странах СНГ. Также на основе сравнительных данных представлены основные операции физических лиц в коммерческих банках. Автором представлены научные предложения и практические рекомендации, направленные на формирование механизмов повышения финансовой грамотности населения страны и повышение эффективности.

Ключевые слова: финансовая грамотность, государственные услуги, мобильное приложение, P2P-платежи, онлайн-платформа, мошенничество, проблемные кредиты.

The role of Increasing financial literacy in the development of the banking system

Toshtemir Berdiev,
DSc (in Economics),
JC “Xalk Bank”, Group Leader

Abstract: this research article examines the impact of improving financial literacy in our country on the banking system. Using World Bank data, the article analyzes the availability of modern banking services in CIS countries. It also presents comparative data on key retail transactions in commercial banks. The author presents research proposals and practical recommendations aimed at developing mechanisms for improving financial

literacy in our country and enhancing their effectiveness.

Keywords: *financial literacy, government services, mobile app, P2P payments, online platform, fraud, problem loans.*

Кириш

Мамлакат иқтисодиётнинг барқарор ўсиши, аҳоли фаровонлигининг ошиши асосан аҳолининг молиявий фаолият билан самарали шуғулланишига боғлиқ. Албатта молиявий фаолият билан самарали шуғулланиш, жараёнларга онгли равишда муносабатда бўлиши эса аҳолининг молиявий саводхонлигини талаб этади. Аҳолининг молиявий саводхонлиги қанчалик юқори бўлса, уларнинг иқтисодий фаолияти шу даражада самарали бўлади, мамлакатдаги ишбилармонлик муҳитининг ривожланишига, тадбиркорлик фаолиятининг кенгайишига қулай имкон яратади.

Мавзуга оид адабиётларнинг таҳлили

Аҳолининг молиявий саводхонлигини ошириш жараёнининг назарий жиҳатлари рус иқтисодиётчилари А.Судакова, Е.Гарцуева, А. Скотенко, мамлакатимиз олимлари А.Вахабов, О.Дусмухамедов, М.Ядгароваларнинг тадқиқотларида ўз аксини топган [1, 2, 3, 4].

Хусусан, А.Судакова тадқиқотлари натижазида “Шахснинг молиявий саводхонлиги тушунчасини ўз фаровонлигини ошириш учун молиявий жиҳатдан асосланган қарорлар қабул қилиш имконини берувчи компетенциялар йиғиндиси сифатида талқин этиш мумкин. Айни вақтда у устун равишда молиявий ва вақт бўйича йўқотишларни энг кам даражага туширишга имкон яратади” [1].

Е.Гарцуеванинг таъкидлашича, молиявий саводхонлик—бу инсоннинг ижтимоий тақрор ишлаб чиқаришда инвестор сифатида онгли иштирок эта олиш қобилияти бўлиб, у молиявий дастакларни танлашга оқилона ва масъулиятли ёндашган ҳолатда билим эгасининг молиявий жиҳатдан барқарорлигини таъминлаши лозим” [2].

А.Вахабов, О.Дусмухамедов фикрига кўра, “Молиявий саводхонлик — бу ижобий

молиявий хулқ-атворга, таянч иқтисодий-молиявий билимга, кўникма ва малакаларга эга бўлиш билан бир қаторда, тасарруфидаги молиявий ресурсларни қисқа ва узоқ муддатли режалаштириш ҳамда бошқаришда самарали қарорларни қабул қилишни билдиради. Аҳоли молиявий саводхонлиги бу молиявий ресурсларни бошқариш жараёнида самарали қарорларни қабул қилиши, ҳақ-хукукларини билиши, турли молиявий-иқтисодий рискларни тўғри баҳолай олишини англатади. Инсоннинг молиявий саводхонлиги даражасининг ортиши, унинг турмуш фаровонлиги даражаси билан тўғри мутаносибликда боғланган. Яъни, инсоннинг молиявий саводхонлиги даражасининг ортиши унинг турмуш фаровонлигининг ўсиб боришига тўғридан-тўғри таъсир кўрсатади ёки аксинча” [3].

М. Ядгарованинг фикрига кўра, мамлакатда аҳоли молиявий саводхонлиги даражасининг юқори бўлиши молиявий хизматлар соҳасининг ҳам жадал ривожланишига сабаб бўлади. Шунингдек, молиявий хизматларни омалаштириш орқали аҳолининг бу борадаги билимларини мустаҳкамлаш ва кичик бизнес субъектларининг бундай хизматларга бўлган талабини ошириш имконини беради [4]. Умумлаштириб шуни айтишимиз мумкинки, барча тадқиқотларда аҳолининг молиявий саводхонлигининг ошиши иқтисодий тизимга ижобий таъсир ўтказиши келтириб ўтилган.

Асосий қисм

Мамлакатимизда аҳолининг банк тизими-га бўлган ишончини ошириш бўйича амалга оширилган чора-тадбирлар самара берганлиги натижазида аҳолининг банк тизими-га, шунингдек онлайн тўловларга ишончи ошиб бормоқда. Жаҳон банки томонидан олиб борилган изланишлар шуни кўрсатдики, сўнгги йилларда мамлакатимизда аҳоли молиявий тизимда фаоллашмоқда (1-жадвал).

1-жадвал

Аҳолининг тўлов тизимларида фаоллашуви бўйича маълумот
(15 ёшдан юқори қатлам) фоизда

Кўрсаткичлар	Мезонлар	Жаҳон бўйича ўртача			Ўзбекистон			Россия			Қозоғистон			Қирғизистон			Тожикистон		
		2017	2021	2024	2017	2021	2024	2017	2021	2024	2017	2021	2024	2017	2021	2024	2017	2021	2024
Банкларда ҳисоб рақами мавжудлар	Жами	68	71	75	37	44	60	76	89	79	59	81	84	38	41	70	47	39	52
	Эркак	71	74	77	38	50	59	75	88	81	57	78	87	39	43	70	52	38	59
	Аёл	65	69	73	36	39	61	76	89	77	60	84	82	38	39	70	42	39	46
	25+	72	75	79	44	50	67	78	88	78	66	83	89	44	46	75	46	46	62
	15-24	55	59	62	21	24	35	67	93	88	37	74	64	25	29	52	49	17	26
Мобил илова орқали хизматлар учун тўлов амалга оширганлар	Жами	-	-	-	6	16	24	35	59	-	21	51	51	3	9	35	8	4	21
	Эркак	-	-	-	-	22	27	34	61	-	22	48	49	-	-	36	-	-	29
	Аёл	-	-	-	-	11	22	35	56	-	21	53	53	-	-	35	-	-	14
	25+	-	-	-	-	18	27	32	58	-	22	53	55	-	-	38	-	-	26
	15-24	-	-	-	-	10	14	46	64	-	20	39	32	-	-	26	-	-	9
Мобил илова орқали харидлар амалга оширганлар	Жами	-	-	-	-	6	9	-	46	-	-	38	43	-	10	19	-	1	6
	Эркак	-	-	-	-	-	-	-	49	-	-	36	44	-	-	16	-	-	-
	Аёл	-	-	-	-	-	-	-	43	-	-	40	42	-	-	21	-	-	-
	25+	-	-	-	-	-	-	-	42	-	-	35	43	-	-	18	-	-	-
	15-24	-	-	-	-	-	-	-	66	-	-	52	43	-	-	21	-	-	-
Интернет тармоғида бизнес эгалари	Жами	-	-	-	-	2	5	-	39	-	-	33	40	-	4	16	-	1	5
	Эркак	-	-	-	-	-	-	-	40	-	-	32	41	-	-	13	-	-	-
	Аёл	-	-	-	-	-	-	-	38	-	-	33	40	-	-	18	-	-	-
	25+	-	-	-	-	-	-	-	35	-	-	30	40	-	-	14	-	-	-
	15-24	-	-	-	-	-	-	-	58	-	-	47	42	-	-	20	-	-	-
Мобил иловалар орқали кредит олганлар	Жами	-	-	-	2	7	12	23	31	-	28	30	33	10	18	18	15	13	17
	Эркак	-	-	-	-	-	13	24	32	-	30	29	36	10	20	19	17	13	20
	Аёл	-	-	-	-	-	11	22	30	-	27	30	30	10	17	17	14	12	15
	25+	-	-	-	-	-	13	25	34	-	31	32	37	13	22	21	11	15	21
	15-24	-	-	-	-	-	8	14	16	-	19	18	15	4	9	7	24	6	8

Манба: www.worldbank.org/en/publication/globalindex/download-data

Аҳоли молиявий саводхонлиги бу молиявий ресурсларни бошқариш жараёнида самарали қарорларни қабул қилиши, ҳақ-ҳуқуқларини билиши, турли молиявий-иқтисодий рискларни тўғри баҳолай олишини англатади.

Маълумотлардан кўриниб турибдики, банкларда ҳисоб рақами мавжуд аҳолининг салмоғи 2017 йилда 37 фоизни ташкил этган бўлса, 2024 йилда 60 фоизга етган, эркакларда мос равишда 38 фоиздан 59 фоизга, аёлларда 36 фоиздан 61 фоизга ошган. Бу кўрсаткич жаҳондаги умумий кўрсаткичдан пастлигича қолмоқда, ваҳоланки Россия Федерацияси ва Қозоғистонда бу кўрсаткич ўртача жаҳон кўрсаткичидан юқори. Мобил илова орқали хизматлар учун тўлов амалга оширганлар, мобил илова орқали харидлар амалга оширганлар, интернет тармоғида бизнес билан шуғулланаётганлар ва мобил иловалар орқали кредит олганлар бўйича маълумотларда ҳам ўхшаш манзарани кўришимиз мумкин.

2-жадвал

Тижорат банкларида жисмоний шахсларнинг операциялари бўйича маълумот

Йиллар	Муомалага чиқарилган карталар сони, дон	Миллий валютада жалб қилинган омонатлар салмоғи, млрд. сўм	Аҳолига ажратилган кредитлар, млрд. сўм
2020	25 775 662	229 088,60	28 466,60
2021	27 105 785	368 122,52	40 520,90
2022	34 195 648	671 362,73	65 288,48
2023	46 205 950	989 268,47	100 234,77
2024	61 996 419	1 306 079,01	104 674,99

Манба: www.cbu.uz

Мамлакатимизда аҳолининг банкларга бўлган ишончи йилдан-йилга ошиб бормоқда. Хусусан, 2024 йилда 2020 йилга нисбатан муомалага чиқарилган банк карталари сони деярли 2,5 баробарга, миллий валютада жалб қилинган омонатлар салмоғи 5,7 баробарга, аҳолига ажратилган кредитлар 3,7 баробарга ошган (2-жадвал).

Аҳолининг молиявий тизимда фаоллашуви билан бирга турли хил кўнгилни хира қиладиган ҳолатлар сони ҳам ортиб бормоқда. Онлайн тўловларни амалга оширишда, P2P тўловларда, онлайн платформаларда харидлар амалга оширишда ва мобил иловалар орқали кредитлар расмийлаштиришда турли хил фирибгарлик ҳолатлари кўпайиб бормоқда. Бундай фирибгарлик ҳолатларига ўз шахсий маълумотларини фирибгарларга бериб қўйиш орқали карталардаги маблағларини йўқотиш, ишончсиз ва репутацияси яхши бўлмаган интернет порталларда савдо қилиш, “арзон маҳсулотлар” қопқонига тушиш, нотаниш кишиларга пул ўтказиш каби сабаблар асос бўлмоқда. Марказий банк берган маълумотга кўра, биргина 2024 йилнинг 10 ойида фирибгарлик йўли билан 463 та ҳолатда фуқаролар номига 15 млрд сўм миқдорида ноқонуний онлайн кредитлар расмийлаштирилиб ўзлаштирилган [5].

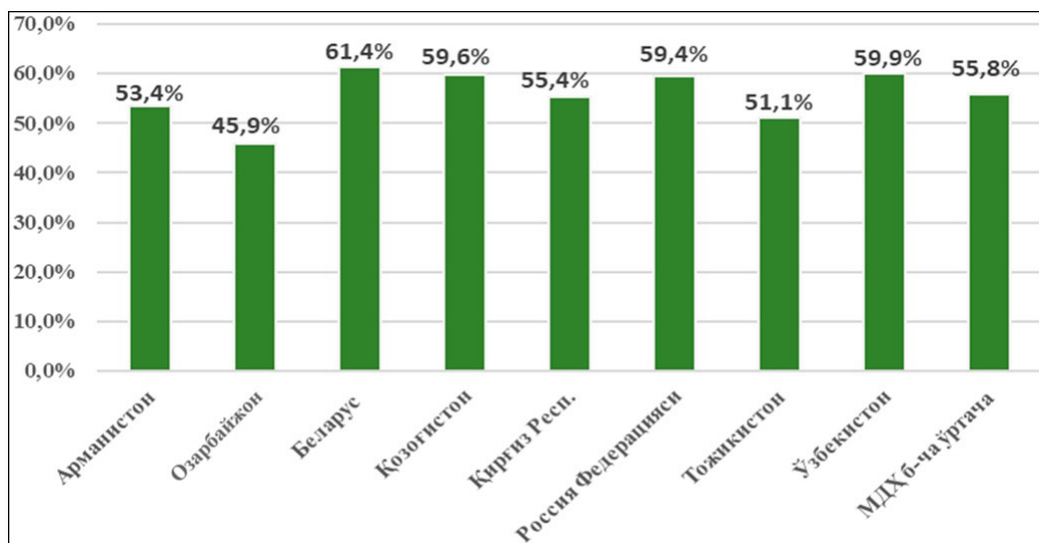
Олий Мажлиснинг инсон ҳуқуқлари бўйича вакили (омбудсман) берган баёнотга асосан, 2024 йилда Омбудсманга фуқаролардан иқтисодий ҳуқуққа оид 6 мингдан ортиқ мурожаатлар келиб тушган. Ушбу мурожаатларнинг 9

фоизи фирибгарлик ҳолатлари билан боғлиқ. Фуқароларнинг шахсий маълумотлари асосида турли тижорат банкларидан кредит ажратиш ҳолатлари сезиларли даражада кўпайган. 2023 йилда шундай мурожаатлар сони 110 тани ташкил қилган бўлса, 2024 йилда бу рақам 42 фоизга ошган.

Шикоятларнинг 60 фоизида ўзларини Клик ёки Марказий Банк ходимлари сифатида таништирган ва фуқароларнинг шахсий маълумотларидан фойдаланиб, онлайн кредит олиш учун ариза берган шахслар бор. Баъзи ҳолларда бир фуқаро номидан турли тижорат банкларида 5–6 та кредитлар расмийлаштирилган [6]. Мамлакатимизда сўнгги йилларда энг кенг тарқалган фирибгарлик ҳолати – бу банк карталари билан боғлиқ фирибгарликларга тўғри келмоқда. Сўнгги беш йил ичида одамлар дуч келган кибер (телефон схемалари) фирибгарликлар 2019 йилдаги 863 тадан 2025 йилда 58800 тага етиб, 68 баробарга ошди. Ушбу фирибгарликлар туфайли аҳолига 159 миллион долларга тенг эквивалентда молиявий зарар етказилди [7]. Бундай фирибгарликларнинг энг кўп учрайдиган ҳолатлари сифатида “яқин қариндошингиз фалокатга учради”, “банкдан телефон қияпмиз”, “тўлов тизимидан телефон қияпмиз”, “хато ўтказилган пул ўтказмаси”, “сизнинг номингизга кредит расмийлаштирилди” кабилар учраб турибди. Албатта бундай муаммоларнинг юзага келишини аҳолининг молиявий саводхонлиги пастлиги билан боғлаш мумкин. Аҳолининг молиявий саводхонлиги

етарли эмаслиги қарз юкининг ошиб кетиши, жамғарма маблағларининг етишмаслиги, молиявий пирамидалар сонининг ортиши, тўловга таъсир қилувчи факторларни ҳисобга олмасдан

кредитлар олиними, ўз жамғармаларини тўғри бошқара олмаслик каби муаммолар тобора кучайиб бораётганлиги билан изоҳланмоқда.

1-расм. Молиявий саводхонлик бўйича маълумот (max=21)

Манба: www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2021/12/financial-literacy-levels-in-the-commonwealth-of-independent-states_5641769e/394dbe88-en.pdf

Аҳолининг молиявий саводхонлиги даражасини аниқлаш бўйича Иқтисодий ҳамкорлик ва тараққиёт ташкилоти (Organisation for Economic Cooperation and Development (OECD)) ўз тадқиқотларида МДХ давлатларида молиявий саводхонлик даражасини баҳолаб, Ўзбекистон учун 59,9 фоиз кўрсаткич келтириб ўтган. Бу кўрсаткич Арманистон, Озарбайжон, Қирғиз Республикаси ва Тожикистонда МДХ давлатлари бўйича ўртачадан паст бўлса, Беларус Республикаси, Қозоғистон, Россия Федерацияси ва Ўзбекистонда ўртачадан юқори.

Бу кўрсаткични баҳолашда қуйидаги 3 та асосий йўналишда изланишлар олиб борилган:

1. Молиявий билимлар даражаси (max=7);
2. Молиявий хулқ-атвор даражаси (max=9);
3. Молиявий муносабатлар даражаси (max=5).

Молиявий билимлар даражасини баҳолашда аҳолининг инфляция, фоиз, риск, даромад, харажат каби асосий молиявий тушунчалар бўйи-

ча билимлари даражаси, шунингдек, бу билимларни амалиётда қўллаш билиш қобилияти ҳисобга олинган. Бу молиявий саводхонликнинг асосий қисми бўлиб, молиявий кўникмалар ва муносабатларни ҳам ўз ичига олади.

Молиявий хулқ-атвор даражасини баҳолашда аҳоли ёки юридик шахснинг ўз маблағларини бошқариш, жумладан режалаштириш, жамғариш, сарфлаш, инвестиция киритиш ва кредит олиш, шунингдек, хавфларни баҳолаш жараёни ҳисобга олинган. Ушбу таҳлил молиявий саводхонликнинг муҳим қисми бўлиб, молиявий бошқарувнинг самарадорлигини тушунишга ёрдам беради.

Молиявий хулқ-атвор даражасини баҳолашда юридик шахсларнинг молиявий ва иқтисодий фаолиятининг тўлиқ таҳлили, унинг барқарорлиги, ликвидлиги ва самарадорлигини аниқлаш жараёни ҳисобга олинган. У бухгалтерия ҳисоботлари ва молиявий коэффицентлар асосида амалга оширилади.

3-жадвал

Молиявий саводхонлик таркибий ташкил этувчилари бўйича маълумот, фоизда

Давлатлар	Молиявий билимлар	Молиявий хулқ-атвор	Молиявий муносабатлар
Арманистон	49,9	56,8	52,4
Озарбайжон	35,0	53,8	47,2
Беларус	64,3	64,5	51,6
Қозоғистон	60,0	65,4	48,6
Қирғиз Респ.	46,3	65,7	49,4
Россия Федерацияси	58,7	64,4	51,3
Тожикистон	42,9	59,7	47,3
Ўзбекистон	51,3	68,4	56,6
МДХ бўйича ўртача	51,1	62,3	50,5

Манба: www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2021/12/financial-literacy-levels-in-the-commonwealth-of-independent-states_5641769e/394dbe88-en.pdf

Жадвал маълумотларидан кўриниб турибдики, мамлакатимизда молиявий саводхонлик таркибий ташкил этувчилари бўйича кўрсаткичлар пастлигича қолмоқда. Аҳолининг молиявий билимлар даражаси 51,3 фоизни, молиявий хулқ-атвор даражаси 68,4 фоизни, молиявий муносабатлар даражаси 56,6 фоизни ташкил этган. Бу ҳолат ушбу соҳада қилинадиган ишлар кўплигидан далолат қилади.

Албатта ҳукумат ва масъул ташкилотлар томонидан кўрсаткичларни яхшилаш ва салбий ҳолатларнинг олдини олишга катта эътибор қаратилиб, асосий дастак сифатида молиявий саводхонликни ошириш қаралмоқда. Ўзбекистон Республикаси Президентининг 2019 йилнинг 23 июлида қабул қилинган “Микромолиявий хизматлар оммабоплигини ошириш чора-тадбирлари тўғрисида”ги ПҚ-4400-сонли қарорига биноан Ўзбекистон Республикаси Марказий банки томонидан илғор халқаро тажриба асосида аҳоли молиявий хизматлар оммабоплигини кенгайтиришни ва тадбиркорлик субъектларининг молиявий саводхонлик даражасини оширишни, молиявий хизматлар кўрсатишда истеъмолчилар ҳуқуқларини ҳимоя қилишни назарда tutuvchi “Молиявий оммабопликни оширишнинг миллий стратегияси” ишлаб чиқилди. Унга кўра молиявий саводхонлик

оқилона молиявий қарорларни қабул қилиш ва пировардда шахсий молиявий фаровонликка эришиш учун зарур бўлган хабардорлик, билимлар, кўникмалар, хулқ-атвор ва муносабатлар мажмуидир [8].

Стратегияда молиявий саводхонлик даражасини ошириш масъулиятли қарор қабул қилиш натижасида рақобатни яратиш орқали молия сектори ривожланишига, молиявий хизматлар истеъмолчилари ҳуқуқларини ҳимоя қилиш тизими самарадорлигининг ошишига ҳамда банк-молия тизимида бўлган ишончнинг ортishiга кўмаклашиши таъкидланди.

Миллий стратегиянинг асосий йўналишлари сифатида:

- базавий молиявий хизматлар қамровини ошириш;
- рақамли молиявий хизматларни ривожлантириш;
- кичик тадбиркорликни молиялаштиришни такомиллаштириш;
- молиявий хизматлар истеъмолчилари ҳуқуқларини ҳимоя қилишни кучайтириш;
- аҳоли ва тадбиркорларнинг молиявий саводхонлигини ошириш кўрсатилади.

2020 йилнинг 27 февраль куни Ўзбекистон Республикаси Президенти Ш.М.Мирзиёев раслигида бўлиб ўтган йиғилишда Президент ўз

нуткида: “Камбағалликни камайтириш ойлик ёки нафақа микдорини кўпайтириш, ёппасига кредит бериш дегани эмас. Бунинг учун, энг аввало, аҳолини касбга ўқитиш, молиявий саводхонлигини ошириш, одамларда тадбиркорлик ҳиссини уйғотиш, инфратузилмани яхшилаш, фарзандларни ўқитиш, сифатли даволашни, манзилли нафақа тўлаш тизимини жорий қилиш керак”, – деб таъкидлади [9].

Хулоса ва таклифлар

Изланишлар натижасида хулоса қилиб айтишимиз мумкинки, молиявий саводхонлик – бу молия соҳаси билан боғлиқ молиявий қарорлар қабул қилиш, шунингдек, шахсий молиявий фаровонликка эришиш учун зарур бўлган билим ва кўникмалар жамламасидир. Бунга моддий фаровонликка таъсир қиладиган молиявий шароитларни таҳлил қилиш, бошқариш, молиявий харажатларни режалаштириш қобилияти киради. Молиявий саводхонликнинг паст даражаси иқтисодиётга, хусусий секторга ва мамлакат аҳолисига салбий таъсир кўрсатади.

Изланишлар шуни кўрсатдики, ижтимоий-иқтисодий ривожланиш даражаси ва суръатлари молия бозорларининг ривожланиш даражасига, бу эса ўз навбатида аҳолининг молиявий саводхонлиги билан узвий боғлиқ бўлиб, ўз-ўзидан молиявий маҳсулотларга талабнинг ошишига ҳисса қўшади. Биргаликда бу омиллар аҳоли фаровонлигини яхшилашга ҳаракат қиладди. Мавжуд салбий ҳолатлар аҳолининг молиявий саводхонлигини ошириш орқали банк хизматлардан фойдаланиш имкониятини оширишга хизмат қиладиган давлат сиёсати зарурат туғдиради. Бунинг учун миллий менталитетимиздан келиб чиққан ҳолда чоралар ишлаб чиқиш устувор вазифага айланмоқда. **Бунда қуйидагиларга эътиборни қаратиш лозим деб ҳисоблаймиз:**

- молиявий мажбуриятларни бажариш учун фуқароларнинг шахсий жавобгарлигини ошириш;
- фуқароларга банк хизматларидан янада самарали фойдаланиш имкониятларини кенгайтириш учун хизматлар тўғрисидаги билим ва кўникмаларини шакллантириш;

- фуқароларнинг истеъмол кредитлари бўйича қарз юкини босқичма-босқич камайитириш. Бунинг учун кредит тўлови таътили тушунчасини киритиш лозим. Кредит қарздорлик юкини камайитириш мақсадида кредит таътили жорий этила бошланди. 2024 йил 1 январдан бошлаб, қийин ҳаёт шароитида бўлган фуқаролар учун 6 ойгача бўлган кредит таътилининг доимий механизми ишга тушди [10].

- аҳолининг турли ижтимоий гуруҳлари учун мўлжалланган банк хизматлари бўйича турли ўқув дастурларини ишлаб чиқиб, тегишли аҳоли қатламлари учун етказиб бериш. Бундай ўқув дастурлари самарадорлигини Россия Федерациясида кўришимиз мумкин. Молиявий саводхонликни ошириш стратегияси ишлаб чиқилиб, амалга оширилиши туфайли, 2017–2023 йилларда бутун мамлакат бўйлаб методологик ахборот ресурслари яратилди. Молиявий саводхонлик элементлари мактаблар, коллежлар ва университетларнинг ўқув дастурларига киритилди. Фақат 2022 йилда молия мавзусига бағишланган турли онлайн ва офлайн тадбирларда 30 миллиондан ортиқ одам иштирок этди [11].

- молиявий ташкилотлар, жумладан банклар билан турли низоли ҳолатларда фуқаролар ўз ҳақ-хуқуқларини ҳимоя қилишлари учун ҳуқуқий саводхонликни шакллантириш;

- аҳолига банк омонатлари орқали маблағларни хавфсиз жамғариш имкониятларини тушунтириш;

- молиявий хавфсизликнинг асосий қоидаларини шакллантириш;

- ижобий кредит тарихини шакллантириш учун масъулиятли қарз олишнинг аҳамиятини тушунтириш зарур.

Мамлакатда аҳоли молиявий саводхонлиги даражасининг юқори бўлиши молиявий хизматлар соҳасининг ҳам жадал ривожланишига, жумладан, банклар томонидан кўрсатилаётган хизматларга талабнинг ошишига ва банклар учун “қулай” мижозлар шаклланишига сабаб бўлади. Бу ҳолат банк тизими учун салбий ҳолатлардан бири муаммоли активлар салмоғи-

нинг ошмаслигига мезон яратади. Шунингдек, молиявий саводхонликнинг ошиши ҳар бир фуқаро учун банк маҳсулотлари моҳиятини тушуниб, пухта ўйланган қарорлар қабул қи-

лиши, онгли танлов қила билиши, ўз молиявий фаровонлигини яхшилаш ва манфаатларини ҳимоя қилиш бўйича самарали чоралар кўриш қобилиятини беради.

Манба ва адабиётлар

1. Судакова А.Е. Финансовая грамотность: теоретическое осмысление и практическое исследование // *Финансы и кредит*, 2017, т. 23, вып. 26, стр. 1563–1582.
2. Гарсеева Е.В. Финансовая грамотность индивида – условие его успехов в рыночной экономике // *Вестник Томского государственного университета. Экономика*. 2017. № 38. С. 91-105.
3. Вахабов А., Дусмухамедов О. Молиявий саводхонлик тушунчасининг назарий асосларини такомиллаштириши. // *Иқтисод ва молия/Экономика и финансы* 2022, 5(153)
4. www.media.neliti.com/media/publications/637462-aholi-farovonligini-os'hiris'hda-moliavi-1bd779fe.pdf
5. www.cbu.uz/oz/press_center/media_library/video/firibgarlik-holatlarining-oldini-olish-uchun-kredit-tashkilotlari-tomonidan-onlayn-kredit-azhratilish
6. www.ombudsman.uz/uz/news
7. www.uz24.uz/ru/articles/fraud-25-11-18
8. www.cbu.uz/upload/iblock/a87/Moliyaviy-khizmatlar-ommabopligini-os'hi-ris'h-milliy-strategiyasi.pdf
9. www.uza.uz
10. www.объясняем.рф/articles/news/tsentrobank-razrabotal-ryad-mer-po-snizheniyu-dolgovoy-nagruzki-grazhdan/
11. www.cbr.ru/press/event/?id=17155

YŷK: 368.032.(575.1)

Umidjon NURMATOV,
chief specialist,
Institute for macroeconomic and regional studies,
Email: u.nurmatov0107@gmail.com

HEALTH INSURANCE AND HEALTH STATUS. DOES HAVING PRIVATE HEALTH INSURANCE LEAD TO BETTER SELF-REPORT ON HEALTH?

Abstract: *this study investigates the causal relationship between private health insurance coverage and self-reported health status using data from a nationally representative survey. The treatment variable, having private insurance, is examined alongside various socio-demographic and economic covariates such as education, urban residence, employment, income, and chronic health conditions. To strengthen causal inference, multiple methodological approaches are employed, including ordinal logistic regression and propensity score matching. The findings underscore the complex interplay between health insurance, socio-economic factors, and health outcomes. Although the overall effect of insurance is not large, its benefits are particularly pronounced among vulnerable populations, such as those with chronic conditions. This research highlights the importance of targeted interventions and equitable healthcare policies to maximize the benefits of insurance coverage and improve health outcomes for underserved groups.*

Keywords: *private insurance, propensity score matching, ordinal model, health outcomes.*

**Tibbiy sug'urta va sog'lomlik darajasi.
Xususiy tibbiy sug'urtaga ega bo'lish sog'lik
haqida yaxshiroq fikrda bo'lishga olib
keladimi?**

Umidjon Nurmatov,
Makroiqtisodiy va hududiy tadqiqotlar instituti
bosh mutaxassisi

Annotatsiya: *ushbu tadqiqot o'tkazilgan so'rov ma'lumotlaridan foydalangan holda xususiy tibbiy sug'urta qoplamasining mavjudligi va xabar qilingan sog'lomlik darajasi o'rtasidagi bog'liqlikni o'rganadi. Tadqiqotda xususiy sug'urtaga ega bo'lish asosiy o'zgaruvchi sifatida foydalanilgan bo'lsa, ta'lim, shaharda yashash, bandlik, daromad va surunkali kasalliklar kabi turli xil ijtimoiy-demografik va iqtisodiy o'zgaruvchilar qo'shimcha izohlovchilar sifatida foydalanilgan. Bog'liqlikni aniqroq o'rganish maqsadida bir nechta uslubiy yondashuvlar qo'llaniladi, jumladan, tartibli logistik regressiya va moyillik ballarini moslashtirish. O'rganish natijalari xususiy tibbiy sug'urta, ijtimoiy-iqtisodiy omillar va bildirilgan sog'lomlik darajasi o'rtasidagi murakkab o'zaro bog'liqlik mavjudligini ko'rsatdi. Natijalarga ko'ra xususiy sug'urtaning umumiy ta'siri unchalik katta bo'lmasa-da, uning foydalari ayniqsa surunkali kasalliklarga chalinganlar kabi zaif aholi qatlamlari orasida yaqqol namoyon bo'ladi. Ushbu tadqiqot sug'urta qoplamasining afzalliklarini maksimal darajada oshirish va kam ta'minlangan guruhlar uchun sog'liqni saqlash natijalarini yaxshilash uchun davlat maqsadli aralashuvlarining va adolatli sog'liqni saqlash siyosatining muhimligini yana bir bor ko'rsatdi.*

Kalit so'zlar: *xususiy sug'urta, moyillik ballini moslashtirish, tartibli model, sog'lomlikka daxldor natijalar.*

Медицинское страхование и состояние здоровья. Способствует ли наличие частной медицинской страховки более объективной самооценке состояния здоровья?

Умиджон Нурматов,
главный специалист

Института макроэкономических и
региональных исследований

Abstract: в данном исследовании изучается связь между наличием частной медицинской страховки и состояния здоровья с использованием данных общенационального репрезентативного опроса. В качестве экспериментальной переменной рассматривается наличие частной страховки в сочетании с различными социально-демографическими и экономическими переменными, такими как образование, проживание в городе, занятость, доход и наличие хронических заболеваний. Для подтверждения причинно-следственной связи используются различные методологические подходы, включая порядковую логистическую регрессию и сопоставление показателей склонности. Результаты подчеркивают сложное взаимодействие между медицинской страховкой, социально-экономическими факторами и состоянием здоровья. Хотя общий эффект страхования невелик, его преимущества особенно заметны среди уязвимых групп населения, таких как лица с хроническими заболеваниями. Данное исследование подчеркивает важность целенаправленных мер и справедливой политики здравоохранения для максимизации преимуществ страхового покрытия и улучшения результатов лечения малообеспеченных групп населения.

Ключевые слова: частное страхование, сопоставление показателей склонности, порядковая модель, результаты в отношении здоровья

Introduction

Access to healthcare is a pivotal determinant of individual and public health, yet disparities

persist globally due to uneven health insurance coverage. This paper investigates a question of what is the effect of having private insurance on self-reported health status by individuals. Thus, the causal effect under examination is the influence of private insurance on self-reported health status, particularly focusing on its impact on individuals aged 25–65 and those with chronic diseases. By exploring this, we aim to provide insights into the role of private health insurance in mitigating health inequities and promoting better health outcomes.

The study employs data from the 2019 National Health Interview Survey (NHIS), curated to minimize biases such as selection effects and reverse causality. Through statistical models and propensity score matching, the analysis isolates the impact of private insurance on self-reported health while accounting for confounding variables like socioeconomic status, education, employment, and health conditions. The approach includes subgroup analyses to better understand the nuances of insurance effects across different population segments. Our findings present a complex narrative. While private insurance is positively associated with better healthcare access and socioeconomic stability, its direct causal effect on self-reported health is limited and statistically insignificant. The analysis reveals that socioeconomic factors, such as education, employment, and income, play a more substantial role in shaping health outcomes. Moreover, the interaction between chronic diseases and insurance highlights a nuanced dynamic: insurance appears to benefit individuals with fewer chronic conditions more significantly than those with multiple health challenges. This observation suggests limitations in insurance coverage for comprehensive chronic disease management.

This research contributes to the ongoing discourse on health policy by underscoring the multifaceted determinants of health outcomes. While private insurance is a critical component, our results emphasize the need for integrated policy approaches that address underlying socioeconomic disparities alongside expanding insurance access. By illuminating these complex interdependencies,

this study advances the understanding of health insurance's role in fostering equitable and effective healthcare systems.

While this study focuses on the United States' mixed public-private insurance model, the question of how health insurance interfaces with health perceptions is a global one, particularly relevant for nations undergoing health system reforms. Uzbekistan has been transitioning from a centralized, Semashko-style healthcare system to a more decentralized model¹. Recent reforms have aimed to strengthen primary care and introduce mandatory health insurance, moving away from a purely tax-funded system. Examining the relationship between insurance and health status in the U.S. context provides valuable lessons for Uzbekistan. It highlights the potential and the limitations of insurance alone in improving population health. For Uzbekistan, which is in the process of designing and scaling its insurance coverage, understanding that socioeconomic factors like education and employment can be stronger determinants of health than mere insurance coverage is critical. This study can thus serve as a cautionary tale, emphasizing that insurance expansion must be part of a broader, integrated strategy that also addresses the social determinants of health to achieve meaningful improvements in population well-being.

Literature review

The relationship between health insurance and health outcomes has been extensively examined, given its significant implications for healthcare policy, social equity, and public health. Private insurance has been consistently associated with improved self-reported health outcomes, largely due to better access to preventive and chronic care services. For instance, [14] analyzed NHIS data and highlighted that individual with private insurance report significantly better health than their uninsured counterparts. Similarly, [6] emphasized that private insurance facilitates regular access

to primary care, preventive services, and chronic disease management, resulting in fewer unmet healthcare needs and improved health perceptions.

However, these benefits are not uniformly distributed. Disparities based on income and demographic factors persist, as observed by [14]². Research further indicates that insured individuals utilize primary care services at higher rates than their uninsured counterparts, facilitating early detection and management of health issues. Additionally, Medicaid expansion under the Affordable Care Act (ACA) significantly increased preventive service utilization among newly insured individuals, [13]. Also, it is found that even though private insurance is associated with reduced mortality risk and better health behaviors, [2]. However, disparities in health outcomes remain even among privately insured individuals, suggesting that insurance coverage alone cannot address deeper issues related to lifestyle and chronic disease management.

The management of chronic diseases, such as diabetes, hypertension, and asthma, is a critical pathway through which insurance impacts health outcomes. Research demonstrated that health insurance is associated with better chronic disease management and improved health scores among middle-aged adults, [3]³. Similarly, access to private insurance mitigates health declines in this population, [1]. Further observed that private insurance reduces the risks of depression and cognitive impairments in individuals with multiple chronic conditions, [7].

Additionally, the research compared outcomes for diabetes patients across insurance types and revealed that those with private managed care plans experienced fewer hospitalizations and lower rates of end-stage renal disease compared to individuals on Medicare Fee-For-Service (FFS), [9]. This finding underscores the comprehensive nature of private insurance plans, which often include care coordination and wider provider networks.

1 The Semashko model is a single-payer healthcare system where healthcare is free for everyone, and is funded from the national budget.

2 They also found that higher-income individuals gain more from private insurance due to fewer financial barriers

3 However, for their research they used individuals who are about to be Medicare eligible.

Nevertheless, the paper questions the magnitude of these benefits, suggesting that pre-existing health and socioeconomic conditions often moderate the effects of insurance on health outcomes, [8].

Access to preventive care is another avenue where insurance impacts health. It is reviewed U.S.-based studies and concluded that insurance increases the utilization of physician and preventive services, leading to better self-reported health outcomes, [5]. However, the findings suggest self-reported health measures often misrepresent the true disease burden, particularly for chronic conditions like hypertension and lung disease, [12]. The study highlights that reliance on self-reports can lead to over- or underestimations.

Socioeconomic and regional disparities heavily influence the relationship between insurance and health outcomes. The research finds even though private health insurance is associated with better self-reported health compared to public insurance or being uninsured, [4]. However, after adjusting for socioeconomic factors, these effects diminish significantly, indicating that private insurance alone does not necessarily translate into improved health outcomes. It is also highlighted that individuals in underserved areas face challenges accessing healthcare services, even when insured, [6]. Similarly, while healthcare expenditure and insurance coverage improve health outcomes in European countries, regional factors, such as provider density and public health initiatives, play a pivotal role, [11].

The interaction between socioeconomic factors and insurance is particularly pronounced that income and education mediate the relationship between insurance and self-reported health, with higher-income individuals deriving greater benefits from insurance coverage, [11].

Despite strong evidence supporting the benefits of private insurance, gaps remain in understanding the causal pathways linking insurance to health. It is highlighted that being insured does not consistently predict better health outcomes, especially when baseline health and socioeconomic conditions are not adequately controlled, [8]. However, it

is cautioned that increased healthcare utilization does not always translate into proportionate health benefits and advocated for policies addressing social determinants of health alongside insurance expansions, [10].

Additionally, most existing studies rely on cross-sectional data, limiting their ability to establish causality. Future research should prioritize longitudinal datasets to capture dynamic changes in health outcomes. Moreover, more nuanced analyses of private insurance characteristics, such as premiums, network restrictions, and coverage types, are needed to identify the features that yield the greatest health benefits. Expanding the focus to include diverse racial and socioeconomic groups will further enhance the generalizability of findings.

Data description

The data we use for this study is drawn from National Health Interview Survey (NHIS), a widely recognized and comprehensive dataset on the health and healthcare utilization of the U.S. population. For our analysis we used the data from 2019. The decision to use the 2019 National Health Interview Survey (NHIS) data is because of the need to analyze health and insurance-related outcomes without the confounding effects of the COVID-19 pandemic. The COVID-19 pandemic introduced significant disruptions to healthcare systems, employment patterns, and insurance coverage.

This research focuses specifically on variables related to private health insurance coverage and health status. This survey provides extensive data on health insurance status, types of health coverage, demographic characteristics, and health behaviors. Key variables used from the NHIS include insurance status (whether respondents have private insurance or uninsured), health conditions and diagnoses (self-reported health status and chronic conditions), and demographic information (age, gender, income and educational level, and other controllers), which help in understanding disparities in insurance coverage and health outcomes.

The analysis focuses on adults aged between 25 and 65, as they are most likely to independently interact with private health insurance markets. And also, young adults and elderly people over 65 excluded from the analysis to cleanly identify the effects of the having private insurance on self-reported health outcomes. **Thus, to properly have dataset for analysis the following steps were taken to select the sample:**

1. Restricting to Adults: The dataset was filtered to include only individuals aged between 25 years and 65. We also excluded the individuals who are active in the armed forces.

2. Excluding Public-Only Insured Individuals: The study focuses on individuals with private health insurance or who does not insurance.

3. Removing Missing or Invalid Data: Observations with missing values for key variables, including health insurance status and health outcomes, were removed.

The final sample consists of 14608 individuals who meet the inclusion criteria.

Table 1 presents descriptive statistics for key variables in the analysis, based on the selected sample. Variables include age, gender, income level, education, self-reported health status, and private insurance coverage. The table compares key characteristics between insured and uninsured individuals, highlighting notable differences in demographics, education, health, and socioeconomic factors.

Table 1: Summary Statistics

		All	Insured	Uninsured
Mean Age		44.88 (0.1)	45.17 (0.1)	43.3 (0.25)
Fraction of Male		47.14 %	46.73 %	49.34 %
Mean years of schooling		15.67 (0.02)	15.96 (0.02)	14.08 (0.05)
Mean Health Status		3.85 (0.01)	3.89 (0.01)	3.63 (0.02)
Mean Persons in household		2.99 (0.06)	3.01 (0.06)	2.92 (0.14)
Fraction of Employed		85.69 %	88.13 %	72.44 %
Fraction of Home Ownership		68.01 %	71.32 %	50.0 %
Mean of Number of Chronic Diseases		1.2 (0.01)	1.22 (0.01)	1.13 (0.02)
Fraction of Individuals with at least one chronic disease	one chronic	72.0 %	72.46 %	69.53 %
Fraction of Individuals with Total income more than 100k	income more	38.98 %	43.97 %	11.82 %
Observations		14608	12340	2268

Notes: *this table shows summary statistics for the full sample (and separately for insured and uninsured individuals) for the year of 2019. Numbers in parentheses for continuous variables are standard deviations.*

Source: *author's calculations based on NHIS dataset.*

Insured individuals are slightly older (45.17 years) compared to the uninsured (43.3 years), and there is a small difference in gender distribution, with the uninsured group having a slightly higher proportion of males. In terms of education, insured individuals have more years of schooling on

average (15.96 years) than the uninsured (14.08 years), suggesting education may play a role in securing insurance coverage.

Figure 1. Comparison between insured and not insured in terms of health status

Source: author's calculations based on NHIS dataset.

Health outcomes reveal that insured individuals report better health status (3.89) compared to the uninsured (3.63), indicating that insurance may contribute to better overall health as shown in Figure 1. The average number of chronic diseases is slightly higher among the insured (1.22 vs. 1.13), which could reflect more access to healthcare and better management of chronic conditions.

Socioeconomically, insured individuals who have more people in their households (3.01 vs. 2.92) and a higher employment rate (88.13% vs.

72.44%) and homeownership (71.32% vs. 50%), suggesting these variables may be linked to insurance coverage. Finally, insured individuals are more likely to have at least one chronic disease, which may be due to better healthcare access leading to more diagnoses. Additionally, a higher fraction of insured individuals (43.97%) has a total income above \$100,000 compared to the uninsured (11.82%), indicating that higher income is linked to private insurance coverage as shown Figure 2.

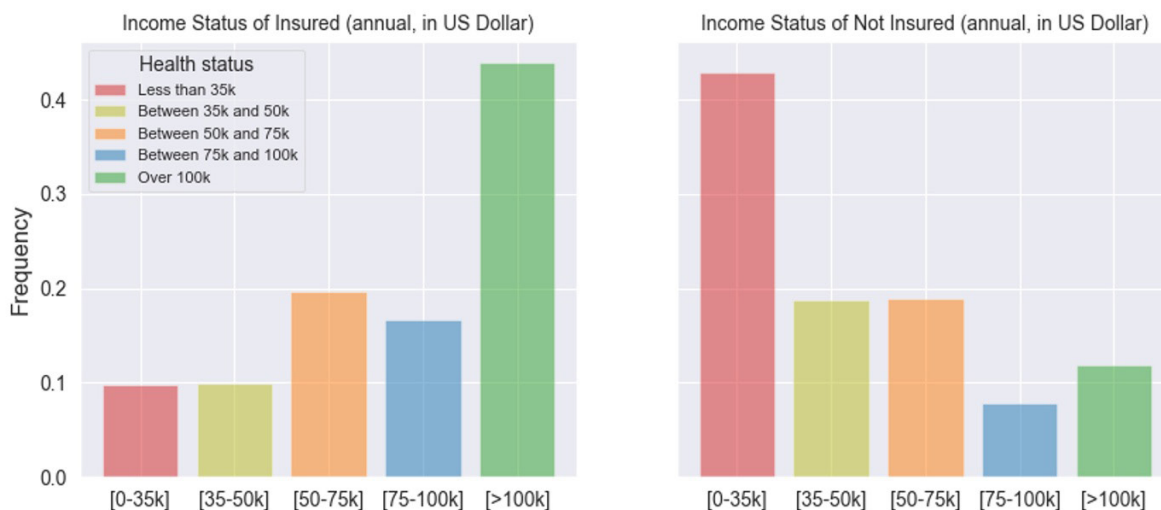

Figure 2. Comparison between insured and not insured in terms of annual income

Source: author's calculations based on NHIS dataset.

Overall, Table 1 results suggest that private insurance is associated with better health outcomes, higher education, and greater socioeconomic stability. It also highlights that insured individuals may have higher rates of chronic diseases due to better access to healthcare and disease management.

Identification of causal effects

In this section, we aim to identify the causal effect of private insurance on self-reported health status, using three distinct models and one additional method. We define private insurance as the treatment variable and self-reported health status as the outcome variable. Identifying causal effects in the relationship between health insurance and health outcomes presents several challenges. For example, one of the primary challenges in identifying causal effects is selection bias, where individuals with health insurance may differ systematically from those without insurance. People who obtain health insurance often have different socioeconomic characteristics, which can influence health outcomes independently of insurance. Another concern is reverse causality where individuals who are already sick may be more motivated to obtain health insurance, leading to an observed association between health insurance and worse health outcomes. These issues complicate the identification of a direct causal relationship between insurance status and health outcomes.

To address the challenges of selection bias, endogeneity, and reverse causality, the strategy we have adopted is based on controlling for a set of observable covariates that are known to influence both insurance status and health outcomes. These controls include demographics, socioeconomic factors and health factors.

We also focus on specific subgroups (those aged 45-65 or with at least one chronic disease) to reduce heterogeneity and potential confounding. By narrowing the sample, we can better isolate the insurance effect on health in groups where the relationship is likely to be more consistent and stronger.

Given the points outlined above, our first model focuses on a subset of the population aged between 45 and 65. This age group is particularly relevant as it represents individuals who are more likely to be experiencing the effects of aging and may face differing healthcare needs compared to younger individuals.

The model for this group is specified as:

$$Y_i = \alpha_0 + D_i \alpha_1 + X_{ik}^T \beta_k + \varepsilon_i \quad (1)$$

This model will provide an estimate of the effect of private insurance on self-reported health status for individuals aged 45-65, holding other factors constant.

In the second model, we introduce the number of chronic diseases as an additional control variable, which may be an important factor influencing both the likelihood of having private insurance and an individual's health status. Moreover, we include an interaction term between the number of chronic diseases and the insurance status to explore whether the effect of insurance on health outcomes is changed by the number of chronic conditions an individual has.

The model is specified as follows:

$$Y_i = \alpha_0 + D_i \alpha_1 + (D_i \times Z_i) \alpha_2 + Z_i \alpha_3 + X_{ik}^T \beta_k + \varepsilon_i \quad (2)$$

This model will help us understand whether the effect of private insurance on health outcomes varies depending on the individual's chronic disease burden.

The third model restricts the sample to individuals who have at least one chronic disease. This subgroup is of particular interest because chronic diseases are strongly associated with healthcare needs, and insurance coverage might have a more pronounced effect on health outcomes within this group. By focusing only on individuals with chronic diseases, we are able to examine the treatment effect of private insurance within a population that is more likely to benefit from health interventions.

The model is specified as:

$$Y_i = \alpha_0 + D_i \alpha_1 + X_{ik}^T \beta_k + \varepsilon_i \quad (3)$$

This model is similar to the first model but is applied only to individuals who report at least one chronic disease. It will estimate the treatment effect

of private insurance on self-reported health status specifically for those individuals who have chronic conditions. The followings are the definitions to the notation we used in our models: (1) Y_i is the self-reported health status of individual i , which is an ordinal variable, (2) D_i is a binary treatment variable whether individual i has private insurance, (3) Z_i is a variable indicating the number of chronic diseases, (4) X_{ik} is a set of controllers, (5) ε_i is the error term. In each model, we aim to estimate the causal effect of being insured on self-reported health status with the assumption that the treatment assignment is not correlated with unobserved factors, controlling for confounding factors such as age, gender, education, employment, and chronic diseases.

Additionally, to address the challenges mentioned above, we use propensity score matching (PSM). This method is used to reduce selection bias by matching insured and uninsured individuals based on a range of observable characteristics, such as income level, age, education, and lifestyle behaviors. Despite the strengths of these strategies, several limitations remain. For example, unobserved confounders, such as individuals' health-seeking behaviors or social support networks, could still bias the results. Also, our findings may not generalize to other countries, populations, or insurance types. Self-reported health status may introduce measurement errors. Insurance coverage may be misclassified in survey data.

Results

This chapter presents the results of our analysis aimed at understanding the effects of private insurance on self-reported health status. Three distinct models were estimated to investigate this relationship, with each model addressing different aspects of the data to ensure robustness of the findings. Additionally, the chapter will discuss the propensity score matching technique applied to the data to control for selection bias and further assess the causal effect of insurance on health status. The estimated effects are presented alongside their corresponding standard errors, significance levels,

and robustness checks. The results provide insights into the role of private insurance in influencing health outcomes, especially for individuals in mid-life and those with chronic conditions. The results from the ordinal logistic regression analysis are presented in Table 2, detailing the outcomes for three distinct models. These models aim to evaluate the effect of insurance status on self-reported health while accounting for various covariates.

In Model 1, which focuses on individuals aged 45 to 65, the treatment variable Insurance shows a small and statistically insignificant negative coefficient (-0.132, $p = 0.064$). This indicates that, among this age group, being insured does not have a strong association with self-reported health. The control variables in this model, however, reveal some significant effects. For instance, education is positively associated with better health (coef. = 0.098, $p < 0.001$), suggesting that individuals with higher educational attainment are more likely to report good health. Similarly, living in urban areas (coef. = 0.196, $p = 0.002$), being employed (coef. = 0.450, $p < 0.001$), owning a home (coef. = 0.239, $p < 0.001$), and higher income brackets all also correspond to better health outcomes. Interestingly, age has a small but negative effect on health (coef. = -0.009, $p = 0.027$), which aligns with expectations that health tends to decline with age. Being male is also associated with slightly worse health (coef. = -0.102, $p = 0.022$), suggesting that men may self-report lower health outcome possibly due to differences in health-seeking behavior or reporting styles. Model 2 expands on the first by incorporating the number of chronic diseases and an interaction term between insurance status and the number of chronic diseases.

Table 2: Ordinal Models Results

Variable	Model 1		Model 2		Model 3	
	Coef.	P values	Coef.	P values	Coef.	P values
Insurance	-0.132 (0.071)	0.064	0.01 (0.068)	0.885	-0.009 (0.056)	0.876
Education	0.098 (0.009)	0.0	0.073 (0.006)	0.0	0.106 (0.008)	0.0
Urban	0.196 (0.062)	0.002	-0.0 (0.045)	0.994	0.171 (0.051)	0.001
Age	-0.009 (0.004)	0.027	-0.021 (0.002)	0.0	-0.021 (0.002)	0.0
Male	-0.102 (0.045)	0.022	0.071 (0.031)	0.022	-0.001 (0.037)	0.976
FamSize	-0.0 (0.003)	0.969	-0.03 (0.003)	0.0	0.0 (0.003)	0.906
Employment	0.45 (0.062)	0.0	-0.035 (0.047)	0.449	0.424 (0.055)	0.0
Ownership	0.239 (0.06)	0.0	-0.048 (0.038)	0.206	0.153 (0.045)	0.001
Region_South	-0.182 (0.051)	0.0	0.016 (0.035)	0.653	-0.14 (0.042)	0.001
Region_West	0.049 (0.06)	0.411	0.015 (0.041)	0.71	0.055 (0.048)	0.251
Status_Seperated	0.041 (0.057)	0.471	0.029 (0.044)	0.513	0.05 (0.051)	0.326
Status_Single	0.101 (0.078)	0.2	0.103 (0.045)	0.021	0.066 (0.054)	0.218
Race_White	0.066 (0.078)	0.394	-0.037 (0.053)	0.489	0.154 (0.063)	0.016
Race_Other	-0.016 (0.112)	0.886	-0.026 (0.071)	0.712	-0.08 (0.088)	0.366
Income_[35-50k]	0.324 (0.092)	0.0	0.011 (0.062)	0.864	0.329 (0.072)	0.0
Income_[50-75k]	0.528 (0.082)	0.0	0.019 (0.057)	0.737	0.53 (0.067)	0.0
Income_[75-100k]	0.624 (0.091)	0.0	-0.053 (0.062)	0.395	0.687 (0.073)	0.0
Income_[>100k]	0.994 (0.086)	0.0	0.0 (0.06)	0.997	0.958 (0.071)	0.0
NumChronDis			0.015 (0.042)	0.721		
Insurance_Chronic			-0.115 (0.045)	0.01		
Cut-off: Poor/Fair	-1.868 (0.306)	0.0	-4.221 (0.16)	0.0	-2.263 (0.182)	0.0
Cut-off: Fair/Good	0.587 (0.044)	0.0	0.522 (0.035)	0.0	0.652 (0.036)	0.0
Cut-off: Good/Very Good	0.609 (0.021)	0.0	0.592 (0.016)	0.0	0.632 (0.017)	0.0
Cut-off: Very Good/Excellent	0.561 (0.017)	0.0	0.552 (0.012)	0.0	0.654 (0.014)	0.0
Number of Observations	7003		14608		10518	

Notes: this table shows estimation results of the models underlined in Chapter 4. Numbers in parentheses are standard errors.

Source: author's calculations based on NHIS dataset.

The coefficient for Insurance in this model is positive as expected but very small and remains statistically insignificant (0.01, $p = 0.885$). This suggests that insurance does not directly affect self-reported health, even when accounting for chronic disease burden. The interaction term for Insurance and chronic diseases (coef = -0.115, $p = 0.01$) is

significant, implying that the effect of insurance is moderated by the number of chronic conditions an individual has. In this context, insurance appears to have a more substantial impact on individuals with fewer chronic diseases, but its benefits diminish or even reverse for those with multiple conditions.

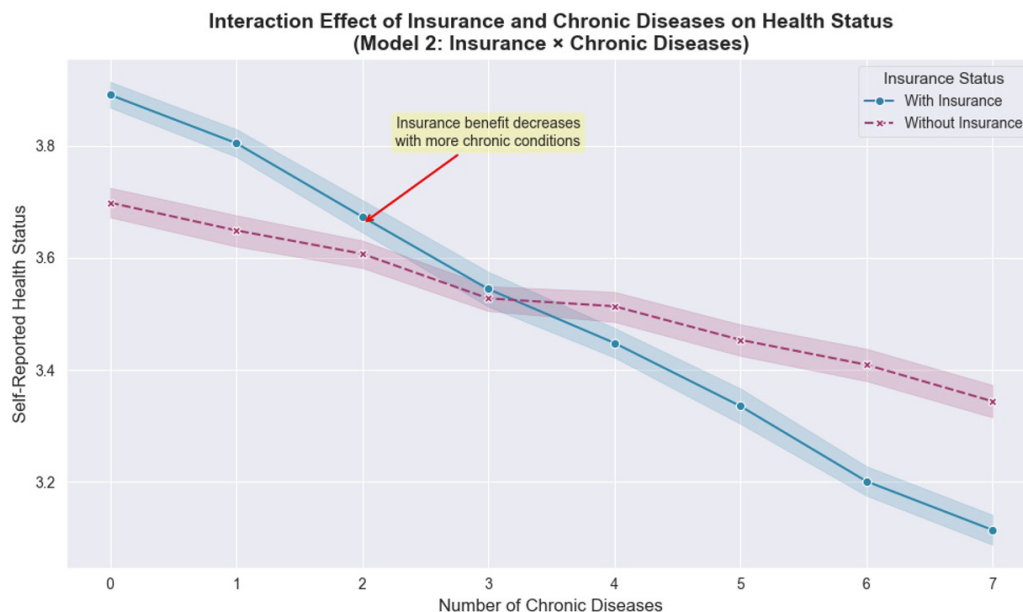

Figure 3. Analysis of interaction effect of insurance and chronic diseases on health status
Source: author's calculations based on NHIS dataset.

In Model 3, the analysis is restricted to individuals who have at least one chronic disease. Once again, the coefficient for Insurance is small and insignificant (coef. = -0.009, $p = 0.876$). This lack of a substantial effect may reflect the complexity of health determinants among individuals with chronic conditions. For this subgroup, other factors, such as education (coef = 0.106, $p < 0.001$), urban residence (coef = 0.171, $p = 0.001$), and income levels, continue to play significant roles in health outcomes. Employment and homeownership also remain strong predictors of better health in this model, reinforcing their importance across different subgroups.

The treatment variable, Insurance, consistently demonstrates small and statistically insignificant effects on self-reported health across all three models. This finding warrants careful

consideration. While insurance is often assumed to improve health outcomes by facilitating access to healthcare services, the results suggest that its impact may be limited in this context. Several explanations could account for this observation. First, the self-reported nature of the health outcome might introduce bias or measurement error. Second, insurance coverage does not guarantee the quality of care, which might be critical for improving health outcomes. Lastly, the presence of other strong determinants, such as education, employment, and income, could overshadow the direct effects of insurance.

Moreover, the significant interaction term in Model 2 highlights an important nuance: the effect of insurance varies depending on the number of chronic conditions. This finding suggests that while insurance might mitigate the health burden

for individuals with fewer chronic diseases, it is less effective or even counterproductive for those with multiple conditions. This could be due to inadequate coverage for comprehensive chronic disease management or other structural barriers within the healthcare system.

The consistent significance of variables like education, employment, and income across all models underscores their critical roles in determining health outcomes. These findings align with a substantial body of literature emphasizing the social determinants of health. Education and income levels likely enable individuals to access better healthcare, and living conditions, which contribute to better health. Employment, aside from providing financial stability, may also confer psychological benefits that positively impact health. The negative association of being male with self-reported health is consistent with prior studies suggesting that men are less likely to seek medical care.

In addition to the ordinal regression models, propensity score matching was used as a robustness check to account for potential selection bias in insurance status. The results from this analysis reaffirm the findings of the regression models: the effect of insurance on self-reported health remains small and statistically insignificant⁴. While propensity score matching addresses some limitations of observational data, it cannot fully eliminate unobservable confounders, which may still influence the results.

The findings highlight the complexity of identifying causal effects in observational data. While the regression models attempt to control for observable confounders, unmeasured factors such as healthcare utilization patterns, cultural attitudes towards health, and differences in insurance plans could still bias the results. Furthermore, the ordinal nature of the health outcome variable introduces challenges in interpretation, as small shifts in self-reported health categories may not fully capture meaningful changes in actual health status.

Discussion and conclusions

This paper aims to examine whether or not private health insurance improves health outcomes using the 2019 NHIS dataset to avoid the significant disruptions of COVID-19 on the healthcare system. Through this exploration, this paper tried to shed light on the role of private health insurance in influencing health outcomes, disparities, and enhancing overall health outcomes, especially for those in mid-life or individuals suffering from chronic diseases.

Our findings are complex. While private insurance is linked to improved healthcare access its direct impact on self-reported health is minimal and statistically insignificant. On the other hand, socioeconomic factors such as education, employment, and income emerge as stronger determinants of health outcomes. Additionally, private insurance benefits individuals with fewer chronic conditions than those with multiple health challenges, highlighting likely gaps in coverage for comprehensive chronic disease management. In models 1 and 3 insurance shows insignificant association with self-reported health. While model 2 shows a positive effect although small. However, the significant interaction term in Model 2 highlights an important nuance: the effect of insurance varies depending on the number of chronic conditions.

Furthermore, The analysis highlights education, employment, and income as key determinants of health outcomes. These observations are perfectly aligned with the existing literature in favor of the socioeconomic factors' direct impact on health outcomes. Additionally, the negative association between being male and self-reported health aligns with studies indicating men's lower likelihood of seeking medical care.

Our findings are important as they challenge the conventional assumption that private health insurance directly improves self-reported health outcomes. By uncovering the limited and context-dependent effects of insurance, particularly for individuals with multiple chronic conditions, this research advances the understanding of

⁴ Results for propensity score matching method is not presented in this paper. Results can be provided upon request.

health disparities and highlights gaps in current healthcare coverage. It underscores the need for policies that address broader social determinants of health alongside expanding insurance access, such as initiatives to enhance education and employment opportunities. Furthermore, the nuanced interaction between insurance and chronic disease burden suggests the necessity of designing more comprehensive insurance plans tailored to the needs of individuals with chronic conditions, addressing a critical societal need for equitable and effective healthcare.

The findings of this study, while used the U.S. data, carry significant implications for other countries, including Uzbekistan that are actively reforming their health systems. Uzbekistan's ambitions towards universal health coverage through its new mandatory health insurance scheme can benefit from the key insight of this research: insurance is a necessary but insufficient condition for improving self-perceived health status.

For Uzbek policymakers, our results suggest that simply rolling out an insurance program may not yield the expected gains in population health satisfaction if not coupled with parallel investments.

The strong, consistent effect of education, employment, and income in our models indicates that policies aimed at economic development, educational attainment, and job creation may have a synergistic or even greater effect on health outcomes than the insurance mechanism itself. Furthermore, the nuanced finding that insurance benefits diminish for those with multiple chronic conditions is a critical lesson. As Uzbekistan's population ages and the burden of chronic diseases grows, designing insurance benefits packages that specifically address comprehensive, long-term disease management – covering medications, regular check-ups, and lifestyle support – will be essential to prevent a coverage-access-outcome gap.

In conclusion, while expanding insurance access is a laudable and vital goal for Uzbekistan, this research underscores the importance of a broad approach. Achieving better health outcomes requires not just a health insurance card, but a multi-sectoral strategy that empowers citizens through education, economic stability, and a healthcare system capable of providing high-quality, continuous care, especially for the most vulnerable.

References

1. Avid, D., Aker, W. B., Oseph, J., Udano, J. S., Effrey, J., Lbert, M. A., Orawski, L. A. B., & Or, A. V. D. (2001). *Special Article 1106*. In *N Engl J Med* (Vol. 345, Issue 15). www.nejm.org
2. Bittoni, M. A., Wexler, R., Spees, C. K., Clinton, S. K., & Taylor, C. A. (2015). *Lack of private health insurance is associated with higher mortality from cancer and other chronic diseases, poor diet quality, and inflammatory biomarkers in the United States*. *Preventive Medicine*, 81, 420–426. <https://doi.org/10.1016/j.ypmed.2015.09.016>
3. Dor, A., Sudano, J., & Baker, D. W. (2006). *The effect of private insurance on the health of older, working age adults: Evidence from the health and retirement study*. *Health Services Research*, 41(3 I), 759–787. <https://doi.org/10.1111/j.1475-6773.2006.00513.x>
4. Elo, P.; Feldman, Makuc, & Kleinman. (1993). *Does Medical Insurance Contribute to Socioeconomic Differentials in Health?* In *Doornbos and Kromhout* (Vol. 78, Issue 2).
5. Freeman, J. D., Kadiyala, S., Bell, J. F., & Martin, D. P. (2008). *The Causal Effect of Health Insurance on Utilization and Outcomes in Adults A Systematic Review of US Studies*.
6. Hoffman, C., & Paradise, J. (2008). *Health insurance and access to health care in the United States*. In *Annals of the New York Academy of Sciences* (Vol. 1136, pp. 149–160). Blackwell Publishing Inc. <https://doi.org/10.1196/annals.1425.007>

7. Jun, H., & Aguila, E. (2021). Private insurance and mental health among older adults with multiple chronic conditions: A longitudinal analysis by race and ethnicity. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 18(5), 1–15. <https://doi.org/10.3390/ijerph18052615>
 8. Kronick, R. (2009). Health insurance coverage and mortality revisited. *Health Services Research*, 44(4), 1211–1231. <https://doi.org/10.1111/j.1475-6773.2009.00973.x>
 9. Lee, S. H., Brown, S. L., & Bennett, A. A. (2021). The relationship between insurance and health outcomes of diabetes mellitus patients in Maryland: a retrospective archival record study. *BMC Health Services Research*, 21(1). <https://doi.org/10.1186/s12913-021-06534-w>
 10. Levy, H., & Meltzer, D. (2008). The impact of health insurance on health. *Annual Review of Public Health*, 29, 399–409. <https://doi.org/10.1146/annurev.publhealth.28.021406.144042>
 11. Nixon, J., & Ulmann, P. (2006). The relationship between health care expenditure and health outcomes: Evidence and caveats for a causal link. In *European Journal of Health Economics* (Vol. 7, Issue 1, pp. 7–18). <https://doi.org/10.1007/s10198-005-0336-8>
 12. Onur, I., & Velamuri, M. (2018). The gap between self-reported and objective measures of disease status in India. *PLoS ONE*, 13(8). <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0202786>
 13. Sommers, B. D., Maylone, B., Blendon, R. J., John Orav, E., & Epstein, A. M. (2017). Three-year impacts of the affordable care act: Improved medical care and health among low-income adults. *Health Affairs*, 36(6), 1119–1128. <https://doi.org/10.1377/hlthaff.2017.0293>
 14. West, A. A., & Unruh, L. (2021). Interaction Between Income, Health Insurance, and Self-rated Health: a Path Analysis. <https://doi.org/10.21203/rs.3.rs-537237/v1>
-

УЎК: 330.65.(575.1)

Nasimjon ALIMOV,
iqtisodiyot fanlari nomzodi, dotsent,
O'zLiDeP Amaliy loyihalar va siyosiy ta'lim markazi rahbari,
E-mail: nasimjon1@mail.ru

MULKCHILIK MUNOSABATLARI TIZIMIDA IJTIMOY-IQTISODIY ADOLAT MASALALARI

Annotatsiya: *maqolada mulkchilik munosabatlari tizimida adolat mezonlarini aniqlab, ularning jamiyat tomonidan qabul qilinishi va samaradorligini baholash maqsadida mulkchilik tizimida ijtimoiy-iqtisodiy adolatning nazariy asoslari, adolat qoidalari va ularning zamonaviy iqtisodiy sharoitda amal qilishi tahlil qilingan. Shuningdek, bozor iqtisodiyoti sharoitida mulkchilik munosabatlari tizimida ijtimoiy-iqtisodiy adolat qoidalari va mezonlari hamda ularni ro'yobga chiqarish masalalarining umumiy yechimlari bo'yicha ilmiy-amaliy tahlil va xulosalar bayon etilgan.*

Kalit so'zlar: *mulk, mulk ob'ekti, mulkka egalik, mulkchilik munosabatlari, makroiqtisodiy barqarorlik, barqaror rivojlanish, ijtimoiy-iqtisodiy adolat, adolatli jamiyat, ijtimoiy-iqtisodiy siyosat.*

сти, анализируются теоретические основы социально-экономической справедливости, принципы справедливости и особенности их проявления в современных экономических условиях. Кроме того, представлены научно-практический анализ и выводы, посвящённые принципам и критериям социально-экономической справедливости в системе отношений собственности в условиях рыночной экономики, а также концептуальным подходам к обеспечению их реализации.

Ключевые слова: *собственность, объект права собственности, владение собственностью, отношения собственности, макроэкономическая стабильность, устойчивое развитие, социально-экономическая справедливость, справедливое общество, социально-экономическая политика.*

**Вопросы социально-экономической
справедливости в системе отношений
собственности**

Nasimjon Alimov,
кандидат экономических наук, доцент,
руководитель Центра практических
проектов и политического
образования УзЛиДеП

Аннотация: *в статье, с целью определения критериев справедливости в системе отношений собственности, а также оценки их общественного признания и эффективно-*

**Issues of socio-economic justice in the system
of property relations**

Nasimjon Alimov,
PhD (in Economics), associate professor,
Head of the O'zLiDeP Center for practical
projects and political education

Abstract: *this article examines the theoretical foundations of socio-economic justice within the system of property relations, with a focus on identifying relevant justice criteria and assessing their societal acceptance and functional effectiveness. The study analyzes the principles*

of justice and the conditions under which they manifest in contemporary economic environments, highlighting key determinants that shape the fairness of property relations in a market-based economy. In addition, the research provides a comprehensive scientific and practical assessment of the principles and criteria of socio-economic justice and outlines conceptual approaches and general methodological solutions aimed at ensuring their effective implementation. The findings contribute to a deeper understanding of the mechanisms through which socio-economic justice can be strengthened within modern property relations systems and offer insights for policymakers, researchers, and practitioners engaged in economic reforms and institutional development.

Keywords: *property, object of property rights, ownership of property, property relations, macroeconomic stability, sustainable development, socio-economic justice, fair society, socio-economic policy.*

Kirish

Iqtisodiy rivojlanish va transformatsiya jarayonlarida mulkchilik munosabatlari aholi farovonligi va ijtimoiy barqarorlikka to'g'ridan to'g'ri aloqadorlikda bo'ladi. Mulkchilik munosabatlari tizimida adolat qoidalarining amalda qanday tatbiq qilinishi va ularning ijtimoiy-iqtisodiy barqarorlikka ta'siri muhim tadqiqot ob'ekti hisoblanadi. Ijtimoiy-iqtisodiy adolatning o'zak qoida va mezonlari mulkiy munosabatlarga borib taqaladi. Chunki, mulkchilik munosabatlari, unga egalik qilish iqtisodiy tizimning asosini tashkil qiladi. Shu nuqtai nazardan jamiyatda ijtimoiy-iqtisodiy adolat umumiy iqtisodiy kategoriya va umuminsoniy qadriyatlar sifatida jamiyat taraqqiyotini belgilab beradi. Mulkchilik munosabatlarida adolat jamiyat taraqqiyoti bosqichlariga nisbatan o'zgarib boradi va madaniylashgan rivojlanish darajasiga qarab, takomillashib boradi. Ijtimoiy-iqtisodiy adolat mulkchilikning amaldagi holati bilan bog'liq bo'lib, mulkchilikni realizatsiya qilish

mexanizmidagi kamchiliklar ijtimoiy adolat qoidalarining buzilishiga sabab bo'ldai.

Mulkchilik munosabatlari tizimida ijtimoiy-iqtisodiy adolat qoidalari va mezonlari bozor iqtisodiyoti sharoitida muhim ahamiyat kasb etadi. Mulkiy adolat, tenglik va tengsizlik nuqtai nazaridan iqtisodiy adolat muammolarini tahlil qilish O'zbekiston Respublikasida amalga oshirilayotgan islohotlar doirasida dolzarb masaladir. Xususiyl mulk, tadbirkorlik va raqobat bozorlarining rivojlanishi turli ijtimoiy guruhlar o'rtasida manfaatlar muvozanatini ta'minlovchi mulkiy munosabatlarni tartibga solishning aniq mexanizmlarini taqozo etadi.

Adabiyotlar sharhi va metodologiya

Iqtisodiy nazariyada mulkchilik munosabatlari va adolat masalasi ko'p asrlardan buyon tadqiq qilinmoqda. Klassik iqtisodchilar – Adam Smit va David Rikardo – bozor mexanizmlari orqali adolatning tabiiy yo'llari haqida fikr bildirgan. Ular shaxsiy manfaatlar orqali umumiy ijtimoiy samaraga erishish mumkinligini ta'kidlab, iqtisodiy o'sish va farovonlik uchun shaxsning erkin harakat qilish imkoniyatini asosiy omil sifatida ko'rsatgan [1].

Marks va Engels mulkchilik va kapital to'planishi jarayonidagi tengsizlikka e'tibor qaratgan. Ularning fikriga ko'ra, mulk va kapital taqsimotidagi adolatsizlik ijtimoiy barqarorlikka salbiy ta'sir ko'rsatadi. Marksning kapital nazariyasida mulkchilik munosabatlari va ijtimoiy adolatning mohiyati chuqur tahlil qilingan. Engels esa sotsialistik va kapitalistik mulkchilik modellarini solishtirib, adolatning ijtimoiy ahamiyatini ochib bergan [2].

Jon Roulz va Amartiya Senning zamonaviy nazariyalari mulkchilik munosabatlarida adolatning sub'ektiv va ob'ektiv jihatlarini tushuntirishda alohida ahamiyat kasb etadi. Roulz adolatni resurslar taqsimoti, imkoniyatlar tengligi va shaxslar huquqlari orqali ta'minlash zarurligiga urg'u bergan.

Sen esa adolatni insonning haqiqiy imkoniyatlari, foydalanish quvvati va erishuvchanliklari bilan baholash lozimligini

ta'kidlagan [3]. Bu nazariy asoslar mulkchilik tizimida adolat qoidalarini aniqlash va mulkni realizatsiya qilish mexanizmlarini tahlil qilishda muhim baza bo'lib xizmat qiladi.

Mamlakatimizda bozor munosabatlarini yanada rivojlantirish mulkchilik munosabatlarini tubdan qayta ko'rib chiqishni taqozo etadi. Shuning uchun, O'zbekiston Respublikasining yangi tahrirdagi Konstitutsiyasi 65-moddasida "Fuqarolar farovonligini oshirishga qaratilgan O'zbekiston iqtisodiyotining negizini xilma-xil shakllardagi mulk tashkil etadi. Davlat bozor munosabatlarini rivojlantirish va halol raqobat uchun shart-sharoitlar yaratadi, iste'molchilarning huquqlari ustuvorligini hisobga olgan holda iqtisodiy faoliyat, tadbirkorlik va mehnat qilish erkinligini kafolatlaydi. O'zbekiston Respublikasida barcha mulk shakllarining teng huquqliligi va huquqiy jihatdan himoya qilinishi ta'minlanadi", deb belgilab qo'yildi [4]. Konstitutsiyada belgilangan ushbu qoidalar bozor iqtisodiyoti sharoitida mulkiy adolatni ta'minlashning asosidir.

Prezident Shavkat Mirziyoevning O'zbekiston Respublikasi Prezidenti huzuridagi Xorijiy investorlar kengashining birinchi yalpi majlisida so'zlagan nutqida tadbirkorlarning mulk huquqi adolatli va shaffof sud tizimi orqali himoya qilinishini va sud tizimidagi islohotlarning ustuvor yo'nalishlari belgilab olinganini ta'kidlab o'tdi. Jumladan, "Keyingi yillarda yurtimizda xususiy mulk daxlsizligini ta'minlash va mulkdorlar huquqlarini himoya qilish borasida misli ko'rilmagan choralar hayotga joriy etildi. Bundan buyon fuqaro va tadbirkorlarga mulk huquqini so'zsiz ta'minlash va himoya qilish shaffof va adolatli sud-huquq tizimi tomonidan kafolatlanadi" [5] dedilar.

O'zbekiston Respublikasida iqtisodiyotning samarali amal qilishiga va xalq farovonligining o'sishiga imkoniyat yaratuvchi har qanday shakldagi mulkchilik bo'lishiga ruxsat beriladi. Mulkchilikning hamma shakllari, ya'ni xususiy, jamoa, oila, mahalla, vaqf va davlat mulklari daxlsiz bo'lishiga va ularning rivojlanishi uchun teng sharoit yaratilishiga qonun kafolat beradi.

Iqtisodiyot barqaror rivojlanishining huquqiy asoslari va uning ijtimoiy yo'naltirilganligi ham O'zbekiston Respublikasi Konstitutsiyada belgilangan bo'lib, bunga barcha mulk shakllarining tengligi, xususi mulkning davlat himoyasidaligi, markazlashtirishdan chetlashtirish, iqtisodiyotni monopoliyadan xoli etish, korxonalar mustaqilligini mustahkamlash, erkin iqtisodiy faoliyatni ta'minlash kiradi.

Asosiy qism

Bozor iqtisodiyoti sharoitida mulk huquqining daxlsizligini ishonchli himoya qilish, mulkiy munosabatlarga asossiz aralashuvga yo'l qo'ymaslik, xususiy мулкка устуворлик бериш, mulkning kapitallashuv darajasini oshirish, mulkiy huquqlarning ishonchli himoyasini ta'minlash masalalari ijtimoiy-iqtisodiy adolat talablaridir. Shuningdek, mulkiy adolat resurslar va imkoniyatlardan teng foydalanish uchun jamiyat a'zolariga teng sharoitlarni yaratishni, mulk huquqini himoya qilish va haddan tashqari mulkiy tengsizlikning oldini olishni o'z ichiga oladi. Bu, o'z navbatida, iqtisodiy tenglikka erishishga xizmat qiladi. Mamlakatimizda mulkchilik munosabatlarini amalga oshirish bo'yicha qulay sharoitlar yaratishning ta'sirchan choralari nazarda tutuvchi alohida dasturlar ishlab chiqishga e'tibor qaratilayotgani esa ushbu yo'nalishda adolat tamoyillariga rioya etilayotganini ko'rsatadi.

Mulkka egalik qilishda adolatni ta'minlash baqaror rivojlanishning muhim sharti ekan, bunda mulkiy adolat tamoyillariga rioya qilish talab etiladi.

**O'zbekiston Respublikasida
iqtisodiyotning samarali amal
qilishiga va xalq farovonligining
o'sishiga imkoniyat yaratuvchi
har qanday shakldagi mulkchilik
bo'lishiga ruxsat beriladi.**

Mulkiy adolat tamoyillari va xususiyatlari

Tamoyillar	Asosiy g'oya	Ijtimoiy ta'siri	Tanqidiy jihati
Merokratiya	Mulk va maqomlar shaxsiy qobiliyat va sa'y-harakat asosida taqsimlanishi kerak.	Ilgarilash rag'batini oshiradi, ammo boshlang'ich shartlar noteng bo'lsa, notenglikni cho'qurlashtirishi mumkin.	Bolalik tarbiyasi, irsiy jihatlar hisobga olinmaydi.
Tenglik	Barcha insonlar teng hayot sharoitiga ega bo'lishi kerak, mulk taqsimoti tekis bo'lishi lozim.	Ijtimoiy barqarorlik va himoyani ta'minlaydi.	Iqtisodiy o'sishni susaytirishi va shaxsiy rag'batni pasaytirishi mumkin.
Ehtiyoj asosida taqsimot	Resurslar insonlarning ehtiyojlari (ta'lim, sog'liq, uy-joy) asosida taqsimlanishi kerak.	Ijtimoiy adolat va insoniy obro'-e'tiborni oshiradi.	Ehtiyojni aniqlash qiyin, resurslar chegarasi muammosi.
Liberallik	Shaxsiy huquq va erkin savdo mulkiy adolatning asosidir; davlat aralashmasligi kerak.	Erkinlik va innovatsiyani rivojlantiradi.	Katta ijtimoiy-iqtisodiy tafovutlarga olib kelishi mumkin.
Minimallik	Eng kam ta'minlanganlar foydasiga ishlaydigan mexanizm adolatlidir ("Minnimaks" printsipli).	Zaif va kambag'al qatlamlarning ahvolini yaxshilaydi.	Amalda o'lhovini aniqlash qiyin kechadi va tatbiq etish qiyin. Korrupsiya alomatlar ko'zatilishi mumkin.

Yuqorida keltirilgan tamoyillarni quyidagicha izohlash mumkin.

1. *Merokratiya.* Insonlar qanchalik aqli, talantli va mehnatsevar bo'lsa, shunchalik yuqori maqom va boylikka ega bo'lishi kerak, degan tamoyil. Ideal holida, har kim "boshlang'ich chiziq"dan teng boshlaydi va faqat shaxsiy salohiyati bilan yuqori ko'tariladi. Biroq, amalda boslang'ich imkoniyatlar (oilaviy mablag', sifatli ta'lim muhiti, ijtimoiy aloqalar) noteng bo'lgani uchun, merokratiya ko'pincha mavjud notenglikni muqimlashtirish uchun ishlatiladi.

2. *Tenglik.* Barcha insonlar ijtimoiy holat, daromad va mulk jihatidan teng bo'lishi kerak. Biroq, tenglikning o'zi ikki xil bo'ladi:

Natija tengligi: har bir kishi jamiyatdagi natijalarda (daromad, mulk) teng ulushga ega bo'ladi. Masalan, shunday jamiyatda har bir shifokor va har bir oshpaz bir xil maosh olar edi. Imkoniyat tengligi: har bir inson o'z qobiliyatini namoyon qilish uchun teng imkoniyatlarga ega bo'lishi kerak. Bu esa natija tengligini talab qilmaydi.

3. *Ehtiyoj asosida taqsimot.* Inson ehtiyojlari adolatli taqsimlashning asosiy mezoni bo'lishi kerak. Ushbu tamoyilga ko'ra, har bir insonning hayot uchun zarur ehtiyojlari (oziq-ovqat, uy-joy, tibbiy yordam, ta'lim) qondirilishi lozim.

4. *Liberallik.* Insonning shaxsiy erkinligi va mulk huquqi har qanday narsadan yuqori turadi. Tovar va xizmatlar erkin bozor mexanizmlari vositasida, davlat aralashmasdan taqsimlanishi

kerak. Tenglik natijasida emas, balki jarayonda (erkin kelishuvlarda) amalga oshirilishi kerak.

5. *Minimallik.* Adolatli jamiyat – eng kam bahramand oluvchilar (inglizcha: the least advantaged) uchun eng yaxshi natija beradigan jamiyatdir. Amerikalik faylasuf Djon Rols fikriga ko'ra, "tasavvur qilingki, siz jamiyat qanday tashkil etilishini bilmay turib "parda" ortida qaror qilmoqdasiz, shunday sharoitda, o'zingiz eng kambag'al qatlamda tug'ilishingiz ehtimolini hisobga olgan holingizda, ularning ahvoli eng yaxshi bo'ladigan tizimni tanlar edingiz."

Yuqorida ta'kidlangan tamoyillarning barcha elementlarini O'zbekiston davlat siyosatida ko'rish mumkin. "Yoshlar dasturlari" (merokratiya), "Ehtiyojmandlarni himoya qilish" (ehtiyoj asosida), majburiy va tekin ta'lim (imkoniyat tengligi), xususiy tadbirkorlikni qo'llab-quvvatlash (erkinlik) va "ijtimoiy adolat" kontsepsiyasi birgalikda amalga oshirilmoqda. Asosiy vazifa – ushbu tamoyillarni muvozanatli holda tatbiq etishdir.

Mulkni o'z xohishiga ko'ra va o'z manfaatini ko'zlab egallash, undan foydalanish va uni tasarruf etish, shuningdek, mulk huquqini har qanday buzilishlardan xoli etishni talab qilish huquqi tushunchasi mulk huquqining mazmunini tashkil etadi. Sub'ektiv mulk huquqining mazmunini tashkil etadigan elementlar mulk egasiga qonun bilan belgilangan doiralarda beriladi.

Mulkdor huquqlari va vakolatlarining chegarasi O'zbekiston Respublikasi Konstitutsiyasining 66-moddasida [4], shuningdek, O'zbekiston

Respublikasining “Mulkchilik to‘g‘risida”gi qonunida ham “Mulkdor o‘ziga tegishli mol-mulkka o‘z ixtiyoriga ko‘ra egalik qiladi, undan foydalanadi va uni tasarruf etadi. Mulkdor o‘z mol-mulkiga nisbatan qonunga zid bo‘lmagan har qanday xatti-harakatlarni qilishga haqlidir. U mulkdan qonun hujjatlari bilan taqiqlanmagan har qanday xo‘jalik yoki boshqa faoliyatni amalga oshirishda foydalanishi mumkin” [6], deb belgilab qo‘yilgan.

Mulkdorning o‘z xohishi deganda, uning o‘z erki, irodasi bilan o‘zining manfaatlarini ko‘zlab, o‘zgalarning (uchinchi shaxslarning) tazyiqisiz, zo‘rlashsiz harakat qilishi nazarda tutiladi. Agar mulkdorga nisbatan bunday holatda zo‘rlilik, tazyiq ko‘rsatilgan bo‘lsa, qonun mulkdorning xohish-irodasini erkin amalga oshirishni kafolatlaydi va muhofaza qiladi. Shuningdek, mulkdorning o‘z xohishiga ko‘ra ish tutishi qonun, insof va adolat doirasida erkin amalga oshirilishi lozim.

Mulkdor mulkiy huquqini o‘z xohishi doirasida amalga oshirishda uning manfaati ustun qo‘yiladi. Bu manfaat bevosita uning o‘ziga, yaqinlariga yoki boshqalarga taalluqli bo‘lishi mumkin. Masalan, ota-ona voyaga yetmagan farzandi nomiga bankka omonat pul mablag‘i qo‘yganda ham, garchi bunda uchinchi shaxsning manfaati ko‘zlanganday bo‘lsa ham, aslida mulkdorning harakati zahirida ota-ona sifatidagi burch yotadi. Mulkdorning o‘z istagiga ko‘ra yoki manfaatiga zid ravishda mulkiy bitimlar tuzishga majbur qilinishi, qonunchilikka ko‘ra, bunday bitimlar haqiqiy sanalmasligiga sabab bo‘ladi.

O‘zbekiston Respublikasi Fuqarolik kodeksining 164-moddasiga ko‘ra mulk huquqi shaxsning o‘ziga qarashli mol-mulkka o‘z xohishi bilan va o‘z manfaatlarini ko‘zlab egalik qilish, undan foydalanish e‘ini uni tasarruf etish, shuningdek o‘zining mulk huquqini, kim tomonidan bo‘lmasin, har qanday buzishni bartaraf etishni talab qilish huquqidan iboratdir [7].

Fuqarolik Kodeksining 174-moddasiga asosan, o‘ziga qarashli mol-mulkni saqlash, agar qonun hujjatlarida yoki shartnomada boshqacha tartib nazarda tutilgan bo‘lmasa, mulk egasining

zimmasida bo‘ladi. Agar mulkdor bu majburiyatni bajarmasa, ba‘zi hollarda uning mulkiy huquqlari chegaralab qo‘yilishi yoki mol-mulk undan olib qo‘yilishi haqida da’vo oldindan ogohlantirmasdan ham qo‘zg‘atilishi mumkin [7].

Mulk huquqining mazmunida nafaqat mulkdorning huquqlari, balki mol-mulkni saqlab turish burchi ham yotadi. So‘nggi yetti yil davomida amalga oshirilgan ijtimoiy-iqtisodiy munosabatlarni tubdan o‘zgartirish borasida mulkiy huquqlarni noqonuniy tajovuzlardan himoya qilish muammosi, ayniqsa dolzarb ahamiyat kasb etdi. Bu davrda mulkdorlar huquqlarini ta‘minlashga qaratilgan Prezident va hukumatning 300 dan ortiq hujjatlari qabul qilindi.

Dastlab **“Harakatlar strategiyasidan – Taraqqiyot strategiyasi sari”** tamoyiliga asosan Harakatlar strategiyasining mantiqiy davomi sifatida “2022–2026-yillarga mo‘ljallangan Yangi O‘zbekistonning taraqqiyot strategiyasi” va 2023-yilda “O‘zbekiston – 2030” strategiyasi qabul qilindi. Unda mamlakatda adolat va qonun ustuvorligi tamoyillarini taraqqiyotning eng asosiy va zarur shartiga aylantirish eng ustuvor yo‘nalishlardan biri sifatida belgilandi. Buning uchun bir nechta zarur maqsadlar nazarda tutildi. Xususan, mulk daxlsizligini ishonchli himoya qilish hamda davlat organlarining mulkka эгалик қилишда noqonuniy aralashuvini cheklash maqsadi belgilangan bo‘lib, ushbu maqsadga xususiy mulk daxlsizligi va himoyasi kafolatlarini kuchaytirish, mulkiy, shu jumladan yer uchastkasiga bo‘lgan huquqlarni so‘zsiz ta‘minlash, xususiy mulk ustuvorligini asosiy tamoyil sifatida belgilash, davlat idorasining rasmiy ma‘lumotiga ishonib mol-mulk sotib olgan shaxsning huquqini himoya qilish tizimini joriy etish shular jumlasidandir. Shu nuqtai nazardan, yangilangan Konstitutsiyada hech kim sudning qarorisiz va qonunga zid paviшда uy-joyidan mahrum etilishi mumkin emasligi, uy-joyidan mahrum etilgan mulkdorga uy-joyning qiymati hamda u ko‘rgan zararlarning o‘rni qonunda nazarda tutilgan hollarda va tartibda oldindan hamda teng qiymatda qoplanishi ta‘minlanishi kafolatlandi.

Fuqarolik kodeksining 228 va 231-moddalariga muvofiq mulkdor o'z mol-mulkini boshqa shaxsning qonunsiz egaligidan talab qilib olishga haqli (vindikatsiya), shuningdek o'z huquqlarining har qanday buzilishini, garchi bu buzilish egalik qilishdan mahrum etish bilan bog'liq bo'lmasa ham, bartaraf etishni talab qilishi mumkin (negator da'vo) [7]. Shuni ta'kidlash lozimki, hozirgi kunda ham xususiy mulkni himoya qilish sohasidagi amalga oshirilgan islohotlar va ko'rilayotgan choralarga qaramasdan o'zboshimchalik bilan xususiy mulk huquqini poymol qilish, ayrim mansabdor shaxslarning adolatsiz va asossiz vajlar bilan ko'chmas mol-mulkni buzish holatlari kuzatilmoqda. Albatta, buning uchun qonunchilik va huquqni qo'llash amaliyotidagi xususiy mulkni himoya qilish bilan bog'liq mazkur muammoli vaziyatlar va bo'shliqlarni bartaraf etish yo'llari ishlab chiqilib, qonunchilik takomillashtirildi.

Shu o'rinda, xorijiy tajribaga ham to'xtalib o'tsak. Misol uchun, tarixda xususiy mulk kafolatlarini belgilab bergan konstitutsiyaviy ahamiyatga ega bo'lgan birinchi hujjat Fransiyaning 1789 yildagi Inson va fuqaroning huquq va erkinliklari deklaratsiyasi bo'lib, unda xususiy mulk insonning tabiiy va ajralmas, muqaddas va daxlsiz huquqi sifatida ko'rsatilgan. Deklaratsiyadagi mulk masalalari "inson va fuqarolik huquqlari" bo'limida aks ettirilgan va uning 2-bandida shunday deyilgan: "Har qanday siyosiy birlashmaning maqsadi insonning tabiiy va ajralmas huquqlarini ta'minlashdir. Bu huquqlar erkinlik, mulk, xavfsizlik va zulmga qarshilik ko'rsatishni o'z ichiga oladi"[8].

Germaniya konstitutsiyasining I-bob, 14-moddasida esa, mulk va meros huquqlari kafolatlanishi, ularning mazmuni va chegaralari qonunlar bilan belgilanishi qayd etilgan. Daniya asosiy qonunining VIII-bob, 73-moddasida esa, xususiy mulk daxlsiz ekanligi, hech kim o'z mulkidan voz kechishga majburlanishi mumkin emasligi, faqat jamoatchilik foydasi uchun talab qiladigan holatlar bundan mustasnoligi belgilab qo'yilgan.

Har bir inson shaxsiy mulkka egalik qilish huquqiga ega va bunday mulk har qanday tomon tarafidan nohaq tortib olinishi mumkin emasligi Indoneziya, xususiy mulkka bo'lgan umumiy huquqni bekor qilishning taqiqlanishi Gruziya konstitutsiyalarida e'tirof etilgan.

Taraqqiyotning mutlaqo yangi bosqichiga qadam qo'ygan mamlakatimizda Bosh qomusimiz barcha sa'y-harakatlarimizning dasturulamaliga aylandi, desak to'g'ri bo'ladi. Xususan, Konstitutsiyamizning 65-moddasida "O'zbekiston Respublikasida barcha mulk shakllarining teng huquqliligi va huquqiy jihatdan himoya qilinishi ta'minlanadi. Xususiy mulk daxlsizdir. Mulkdor o'z mol-mulkidan qonunda nazarda tutilgan hollardan va tartibdan tashqari hamda sudning qaroriga asoslanmagan holda mahrum etilishi mumkin emas", deb qat'iy belgilangan. [4]

So'nggi yillarda tadbirkorlik yo'lidagi ortiqcha cheklovlarni bartaraf qilish, ularning faoliyatiga davlat idoralarining noqonuniy aralashuvini qat'iy cheklash borasida salmoqli ishlarga qo'l urildi. Misol uchun, korrupsiyaga yo'l ochib berayotgan yer ajratish amaliyoti tubdan isloh qilindi. Bu jarayon endilikda yer ajratish elektron tizimi orqali amalga oshirilmoqda. E'tibor beradigan bo'lsak, bu o'zgarish ham mulk daxlsizligini ta'minlash yo'lidagi jiddiy qadamlardan biri bo'ldi.

Bundan tashqari, yerni olib qo'yish va kompensatsiya to'lashning yangi tartibi, yer faqat mulk egasining roziligi bilan olinishiga oid qoidalar joriy qilindi. Shu bilan birga, mulk daxlsizligi to'g'risidagi qonunlarga amal qilmagan mansabdor shaxslarga nisbatan, ular qanday lavozim egasi bo'lishidan qat'i nazar, javobgarlik kuchaytirildi.

Sir emas, tadbirkorlarga yer berishda shu kunga qadar turli yechimini kutayotgan masalalar mavjud edi. Ya'ni amalda hokimlar yerdan foydalanish huquqini beradigan qarorlarni o'zlari qabul qilar, vaqti kelganda esa, ularni o'zlari bekor qilishi ham mumkin edi. Davlatimiz rahbari tashabbusi bilan ana shu vakolatga chek qo'yildi. Bunday masalalar endi faqat sud tartibida hal qilinadigan bo'ldi.

Prezidentimizning 2019-yil 13-avgustdagi “Xususiy mulkni himoya qilish va mulkdorlar huquqlarining kafolatlarini kuchaytirish, tadbirkorlik tashabbuslarini qo‘llab-quvvatlash borasidagi ishlarni tashkil qilish tizimini tubdan takomillashtirish bo‘yicha qo‘shimcha chora-tadbirlar, shuningdek, tadbirkorlik sub’ektlarining moliyaviy resurslar va ishlab chiqarish infratuzilmasidan foydalanish imkoniyatlarini kengaytirish to‘g‘risida”gi Farmoni sohada uchrayotgan muammolarni bartaraf etishda muhim dasturulamal bo‘lib xizmat qilmoqda. Konstitutsiyaviy norma asosida qabul qilingan ushbu Farmonda so‘nggi vaqtlarda mulk daxlsizligiga soya solayotgan holatlarga barham berildi. Ya‘ni Farmonga ko‘ra, Bosh prokuratura va O‘zbekiston Respublikasi Prezidenti huzuridagi Tadbirkorlik sub’ektlarining huquqlari va qonuniy manfaatlarini himoya qilish bo‘yicha vakil tomonidan mulkdorga qasddan nomaqbul shartlarni, shu jumladan, mulkni yoki mulkiy huquqni topshirishga doir asossiz talablarni qo‘yish, mulk egasini shaxsiy mulk huquqidan voz kechishga majbur qilishga yo‘l qo‘yilmasligi ustidan tizimli nazorat o‘rnatildi.

Konstitutsiyamizda mulk huquqiga ustuvor ahamiyat qaratilgani bejiz emas. Negaki, uning qat‘iy va o‘zgarmas qoida sifatida belgilangani tadbirkorlar o‘z biznesiga bexavotir investitsiya kiritishi, ishlab chiqarish faoliyatini kengaytirishi, mahsulot hajmi va olayotgan daromadini ko‘paytirishi, o‘z mulkiga o‘zi egalik qilishi, foydalanishi, tasarruf etishining kafolatidir. Qolaversa, bu xususiy mulkning samarali faoliyati uchun qulay sharoitlarni yaratadi, aholining tadbirkorlik tashabbuslarini rag‘batlantirishga xizmat qiladi.

Bugungi kunda respublikamizda mulkchilik munosabatlarini amalga oshirish, kichik biznes va xususiy tadbirkorlikni rivojlantirish uchun quyidagi sharoitlar yaratilganligi ham mulkchilik munosabatlari tizimida ijtimoiy-iqtisodiy adolat qoidalariga rioya qilinayotganiga misol bo‘ladi:

1. Ko‘chmas mulk ob’ektlari va kelgusida shakllanuvchi davlat aksiya paketlari (ulushlari) hamda davlat korxonalarini xususiylashtirish to‘g‘risida qaror qabul qilish, ularni sotish shartlari, savdo turi va ommaviy savdolardagi boshlang‘ich narxini belgilash.

2. Davlat aktivlarini investitsiya kiritish majburiyatlari bilan sotishda investorlar tomonidan xorijiy el valyutasidagi pul mablag‘lari shaklida kiritiladigan investitsiyalari korxonalarning alohida hisobvarag‘iga o‘tkazilishi.

3. Mulk huquqining daxlsizligini ishonchli himoya qilish, mulkiy munosabatlarga asossiz aralashuvga yo‘l qo‘ymaslik, xususiy mulkning kapitallashuv darajasini oshirish chora-tadbirlari ishlab chiqildi.

Xulosa o‘rnida aytish mumkinki, xususiy mulk daxlsizligini ta‘minlash, turli tajovuzlardan himoya qilish, xususiy mulkni saqlash va ko‘paytirish uchun barcha zarur shart-sharoitlarni yaratish, mulkdorlarni qo‘llab-quvvatlash, o‘ziga tegishli bo‘lgan mol-mulkka mustaqil egalik qilish, foydalanish va tasarruf etish huquqlarini himoya qilish kafolatlarini yanada kuchaytirish, bu – huquqiy demokratik davlat va adolatli fuqarolik jamiyatining eng muhim mezonidir.

Umuman olganda, yuqorida qayd etilgan maqsadlarga erishish, mamlakat iqtisodiyotini har tomonlama va jadal rivojlantirish hamda davlat organlari bilan munosabatlarda xususiy mulk huquqlarining huquqiy kafolatlarini ta‘minlash uchun bevosita sharoitlar yaratishda kuchli turtki bo‘ladi.

Zamonaviy bozor iqtisodiyoti sharoitida adolat prinsiplarini amalga oshirishda xususiy mulk va davlat manfaatlarining nisbatiga ko‘p narsa bog‘liq. Ushbu nisbatga qarab turli adolat prinsiplari tatbiq etilishi nisbati ham vujudga keladi. Ma‘lumki, xususiy mulk iqtisodiy taraqqiyotga olib keladigan kuchli rag‘batlar tizimini yaratadi. Buning isboti sifatida odatda to‘rtta asos ko‘rsatiladi. Birinchidan, xususiy mulk mol-mulkdan oqilona foydalanishni rag‘batlantiradi. Agar xususiy egalar o‘z mulkini lozim darajada saqlay olmasalar yoki unga nisbatan yomon munosabatda bo‘lsalar,

ular uning narxi pasayishi bilan «jazolanadi». Va aksincha, agar mol-mulkdan samarali foydalanilsa, mulkning qiymati balandroq bo'ladi.

Agar mulk davlatga tegishli bo'lsa yoki unga birgalikda shaxslarning katta guruhi egalik qilsa, mulkni tartibli saqlash niyatlari susayadi. Bu mol-mulkka nisbatan davlat mulki yaratgan rag'batlar tizimining ifodasidir. Shuning uchun ham, xususiylashtirish va davlat korxonalarini isloh qilish keng ko'lamli iqtisodiy o'zgarishlarga erishish hamda inklyuziv va dinamik xususiy sektorni rivojlantirish uchun juda muhimdir.

Ikkinchidan, xususiy mulk kishilarni o'z boyligini ko'paytirishga va undan samarali foydalanishga undaydi. Xususiy mulk sharoitida kishilar o'z malakasini oshirishga, ko'proq va samaraliroq ishlashga harakat qiladi, chunki bu ularga foyda keltiradi. Shu boisdan ham ularda o'z boyligini ko'paytirishga intilish paydo bo'ladi.

Uchinchidan, xususiy mulkdorlar o'z zaxiralardan boshqalarga foyda keltirgan holda foydalanishga harakat qiladilar. Qonun ularga o'z mulkini «xohlaganlaridek» tasarruf etishga ruxsat bersa ham, xususiy mulkdorlar o'z mulkini boshqalar uchun qanday qilib jozibaliroq ko'rsatish to'g'risida o'ylaganlaridan foyda ko'rmaydilar. Agar ularning xatti-harakatlari boshqalar tomonidan ma'qullansa, ularning mol-mulki qiymati ortadi, aks holda pasayadi. O'z mehnat layoqatini tasarruf etish huquqi o'z ta'limi va o'qishiga investitsiyalash uchun kuchli rag'bat bo'lib, kishilarga boshqalar tomonidan yuksak baholanadigan xizmatlar ko'rsatish imkonini beradi. Xuddi shuningdek moddiy boyliklarning egalarida ham ularni boshqalar ma'qullaydigan yo'nalishda takomillashtirish rag'batini mavjud.

To'rtinchidan, xususiy mulk zaxiralardan oqilona foydalanishga va ularni kelajak uchun saqlashga ko'maklashadi. Zaxiralardan bugunning o'zida foydalanish bugungi foydalanuvchilar ehtiyoji sabab bo'lgan joriy daromadni hosil qiladi. Ammo kelgusida kutilayotgan zaxiralarning narxi oshishi natijasida ehtimoli bo'lgan yutuq kelajakdagi foydalanuvchilarning ehtiyojini aks ettiradi. Xususiy mulkdorlarda bu ikkala ehtiyojni

tenglashtirishga rag'bat bor. Zaxiralarning kelajakda kutilayotgan qiymati hozirgi vaqtdagi qiymatidan oshsa, xususiy mulkdorlar, basharti kelajakdagi foydalanuvchilar uchun zaxiralarni saqlasa va o'sha vaqtgacha yashashni nazarda tutmasa ham, yutadi. Bunda bozor mexanizmi va xususiy mulkni ko'pincha xudbinlik bilan bog'lashadi. Ammo, doim ham bunday emas. Bozor iqtisodiyoti sharoitida xususiy mulk o'zlariga tegishli bo'lmagan narsaga egalik qilishga intilayotgan qalloblardan himoyani ta'minlaydi va zaxiralardan foydalanuvchilarni o'z xatti-harakatlari uchun javob berishga majburlaydi.

Mulk huquqlari aniq belgilab qo'yilganida, ishonchli tarzda himoya qilinganida va oldi-sotdi predmeti bo'lib xizmat qilishi mumkinligida tovar va xizmatlarni ishlab chiqaruvchilar egalariga qiymatini kompensatsiya qilmasdan turib tanqis zaxiralardan foydalanolmaydilar. Zaxira egalari manbalardan muqobil tarzda foydalanishdan voz kechishi uchun lozim miqdorda to'lash kerak bo'ladi. Aslida xususiy mulkning muayyan huquqlari va bozor iqtisodiyoti majburlashni raqobat vositasida qo'llash imkonini bermaydi. Xususiy mulk hokimiyat taqsimlanishiga ko'maklashadi va ixtiyoriy hamkorlikka asoslangan faoliyat sohasini kengaytiradi. Xususiy mulkdorlarning o'zlariga berilgan hokimiyat qat'iy cheklangan. Xususiy firma rahbarlari o'zgalarni o'zlarida tovar sotib olishga yoki o'zlarida ishlashga majburlab qo'yishi mumkin emas. Ular kimningdir daromadi yoki mulkiga soliq solishi mumkin emas. Ular o'zganing daromadining bir qismi o'rniga qimmatliroq hisoblangan narsani beribgina uni olishi mumkin. Bundan tashqari, eng boy mulkdorning (yoki eng katta firmaning) hokimiyati o'xshash mahsulotlar va xizmatlar yetkazishga intilayotganlarning raqobati bilan cheklangan.

Xususiylashtirish va davlat korxonalarini isloh qilish keng ko'lamli iqtisodiy o'zgarishlarga erishish hamda inklyuziv va dinamik xususiy sektorni rivojlantirish uchun juda muhimdir. Bozor iqtisodiyoti sharoitida mulkiy adolat resurslar va imkoniyatlardan teng foydalanish uchun jamiyat

a'zolariga teng sharoitlarni yaratishni, mulk huquqini himoya qilish va haddan tashqari mulkiy tengsizlikning oldini olishni o'z ichiga oladi. Bu, o'z navbatida, iqtisodiy tenglikka erishishga xizmat qiladi.

Mamlakatimizda amalga oshirilayotgan islohotlar mulkdorlar va tadbirkorlarning yangi avlodini tarbiyalashda o'z millati va mamlakati manfaatlarini himoya qilish, iqtisodiy zonalarining infratuzilmasini, jumladan, transport, logistika, energetika va kommunikatsiya tizimlarini faol rivojlantirishni yaxshi biladigan, sohaga ko'plab innovatsiyalar va kreativ yondashuvlarni olib kiradigan kishilarni voyaga yetkazish vazifasi nihoyatda dolzarblashib borayotganidan dalolat beradi. Ayni paytda, mamlakatimiz ijtimoiy-iqtisodiy hayotida mulkdorlar va tadbirkorlar ta'sirini yanada kuchaytirish, sohaga xorijiy investitsiyalarni jalb qilishga qaratilgan faoliyatni kuchaytirish, fuqarolarining farovonligini qo'llab-quvvatlash uchun kelajakka olg'a qadam tashlash, ushbu soha sub'ektlari faoliyatini rag'batlantirishni yangi bosqichga ko'tarish bilan bog'liq nihoyatda muhim ahamiyatga molik vazifalar ham paydo bo'lmoqda.

Korxonalar korporativ boshqaruvida adolat qoidalari va uning mulkchilik munosabatlari tizimidagi o'rniga ham alohida e'tibor qaratish lozim, deb hisoblaymiz. Chunki, korxonalarning korporativ boshqaruvida adolat prinsipiga rioya qilish mulkchilik munosabatlari tizimining samaradorligini oshirishda muhim ahamiyatga ega. Adolatli boshqaruv tizimi aksiyadorlar, xodimlar va boshqa manfaatdor tomonlarning huquq va manfaatlarini himoya qilishga qaratilgan.

Korporativ boshqaruvda adolatlilik tadbirkorlik faoliyatining barcha ishtirokchilari, shu jumladan aksiyadorlar, xodimlar va sheriklar manfaatlarini himoya qilishni o'z ichiga oladi. O'zbekistonda bu soha quyidagilar bilan tartibga solinadi:

- "Aksiyadorlik jamiyatlari va aksiyadorlarning huquqlarini himoya qilish to'g'risida"gi Qonuni aksiyadorlarning huquq va majburiyatlari, boshqaruv mexanizmi va mas'uliyatini belgilab beradi;

- 2016 yilda qabul qilingan "Korporativ boshqaruv kodeksi"da korxonalarda adolatli boshqaruvni ta'minlash, manfaatdor tomonlarning huquqlarini himoya qilish va shaffoflikni oshirishga qaratilgan qoidalar belgilangan. O'zbekistonda aholining turli qatlamlari manfaatlarini muvozanatlashtirishga qaratilgan normativ-huquqiy baza yaratilgan. Biroq, to'liq ijtimoiy adolatga erishish uchun soliq siyosati, ijtimoiy himoya va korporativ boshqaruv mexanizmlarini yanada rivojlantirish zarur.

Bozor iqtisodiyoti jamiyatda boylikning tabaqalanishini muqarrar ravishda keltirib chiqaradi, chunki daromad va kapital notekis taqsimlanadi. Biroq, boylikning haddan tashqari tengsizligi ijtimoiy keskinlikka va iqtisodiy o'sishning sekinlashishiga olib kelishi mumkin. O'zbekistonda boyliklar tengsizligini kamaytirish bo'yicha quyidagi chora-tadbirlar amalga oshirilmoqda, jumladan:

- aholining ijtimoiy himoyaga muhtoj qatlamlarini qo'llab-quvvatlash bo'yicha davlat dasturlari ("Obod qishloq" va "Obod mahalla" dasturlari);

- progressiv soliqqa tortish: yuqori daromadlar va boyliklarga yuqori soliqlar qo'yish orqali daromadlarni qayta taqsimlashga qaratilgan soliq siyosati;

- ijtimoiy himoya tizimini rivojlantirish, arzon uy-joy qurish dasturi va boshqalar. Shu asosda davlat boylar va kambag'allar o'rtasidagi tafovutni qisqartirib, yanada adolatli jamiyat yaratishga intiladi.

Oila darajasida ham mulkiy masalalarda adolat qoidalari va mezonlari mavjud. Masalan, aslida nikoh shartnomasi mulkiy adolatni ta'minlovchi zamonaviy huquqiy vosita hisoblanadi. Xorijiy tajribaga qaraganda, aksariyat rivojlangan mamlakatlarda nikoh shartnomasi keng qo'llaniladi hamda odatiy tusga kirgan va mol-mulk taqsimotini tartibga keltiruvchi, tomonlar manfaatlarini himoya qiluvchi institut hisoblanadi. Masalan, AQSh va Yevropa davlatlarida "prenuptial agreement" deb ataluvchi hujjat ko'pchilik tomonidan odatiy huquqiy vosita

sifatida qabul qilingan. Rossiya Federatsiyasida ham “Brachniy dogovor” instituti rivojlangan bo‘lib, u er-xotinning mulkiy munosabatlarini aniq belgilaydi. Bu davlatlarda nikoh shartnomasi nafaqat ajralish paytida, balki nikoh davomida ham moliyaviy intizomni ta’minlaydi. Shartnoma taraflarning qaysi mulkka egalik qilishi va undan qanday foydalanishini oldindan belgilab berilishi kelajakda yuzaga kelishi mumkin bo‘lgan nizolarni bartaraf etadi.

Xulosa va takliflar

Olib borilgan tahlillar shuni ko‘rsatadiki, mulkchilik munosabatlari tizimida ijtimoiy-iqtisodiy adolat qoidalarini ta’minlash nafaqat iqtisodiy o‘sish, balki ijtimoiy barqarorlik va jamiyatda qonuniylilikni saqlash uchun ham muhimdir. Yuqoridagi fikr va mulohazalarimiz quyidagicha xulosaga kelishga, shuningdek, taklif va tavsiyalarni shakllantirishga asos bo‘ldi.

1. Mulkchilik munosabatlari tizimida ijtimoiy-iqtisodiy adolat qoidalarini va mezonlari mulk, resurslar va ishlab chiqarish vositalarining taqsimoti, shuningdek, iqtisodiy faoliyatda ishtirok etuvchi a’zolarining huquqlari va manfaatlarini ta’minlashga qaratilgan. Mulkchilik munosabatlari jamiyatdagi iqtisodiy tartibni belgilaydi, ishlab chiqarishning tashkiliy shakllarini, resurslarning taqsimotini va foydani kimga qanday taqsimlashni aniqlaydi. Ijtimoiy-iqtisodiy adolatning mulkchilik munosabatlari kontekstidagi qoidalarini va mezonlari jamiyatda tenglik, fuqarolarning huquqlari va imkoniyatlarini ta’minlash, iqtisodiy imkoniyatlardan barcha foydalanishini nazarda tutadi. Bu qoidalar, turli mulkchilik shakllari va mexanizmlari orqali ijtimoiy-iqtisodiy adolatga erishishni maqsad qiladi.

2. Mulkchilik munosabatlari tizimida ijtimoiy-iqtisodiy adolatning quyidagi qoidalarini alohida ko‘rsatish mumkin:

- Mulkni adolatli taqsimlash qoidasi. Mulkning adolatli taqsimoti islohotlar va qonunlar orqali ta’minlanishi kerak. Mulkka bo‘lgan huquqlar bir xil bo‘lib, to‘g‘ri va teng taqsimlanishi kerak. Har bir shaxsning o‘z mulkiga bo‘lgan huquqi va erkinligi himoya qilinadi, ammo umumiy

manfaatlarni ko‘zlab, muvozanat saqlanishi lozim. Mulkning taqsimlanishi shaxsiy, ijtimoiy va davlat mulki sifatida bo‘lishi mumkin. Har qanday holatda ham jamiyatdagi ijtimoiy-iqtisodiy adolatni ta’minlash uchun bu shakllar o‘rtasidagi muvozanat muhimdir.

- Mulkka bo‘lgan huquqlarning teng taqsimoti qoidasi. Mulkchilik munosabatlarida har bir fuqaroning mulkka bo‘lgan huquqlari teng bo‘lishi kerak. Bu, o‘z navbatida, fuqarolarning o‘z mulklaridan foydalanish, boshqarish va ular bilan bog‘liq qarorlar qabul qilishda erkinlikni ta’minlaydi. Teng imkoniyatlar va huquqlar yo‘qligi jamiyatda ijtimoiy adolatsizlikka olib kelishi mumkin. Shuning uchun mulkka bo‘lgan huquqlar va imkoniyatlar barcha fuqarolar uchun teng bo‘lishi kerak.

- Mulkni taraqqiy ettirish uchun resurslarni samarali taqsimlash qoidasi. Mulkchilikning har bir shakli jamiyatning iqtisodiy rivojlanishini ta’minlash uchun resurslarni samarali taqsimlashga xizmat qilishi kerak. Buning uchun davlat va xususiy sektor o‘rtasida yoki kichik va katta mulk egalari o‘rtasida samarali hamkorlik o‘rnatish zarur. Mulkchilik shakllarining samarali ishlashi, resurslarni ishlab chiqarishda va taqsimlashda adolatni ta’minlaydi. Bu ham ishlab chiqarishning samaradorligini, ham teng imkoniyatlarni ta’minlashga yordam beradi.

- Shaxsiy va umumiy manfaatlar o‘rtasidagi muvozanat qoidasi. Mulkchilik munosabatlarida shaxsiy manfaatlar bilan umumiy manfaatlar o‘rtasidagi muvozanatni saqlash juda muhim. Mulkning xususiylashtirish yoki davlatlashtirish jarayonida, umumiy manfaatlarga, jamiyatning barqarorligiga va ijtimoiy ravshanlikka alohida e’tibor qaratish kerak. Masalan, jamiyatda xususiy mulk egalari o‘rtasidagi tengsizliklarni kamaytirish va kambag‘allarning ijtimoiy holatini yaxshilash uchun, davlatning ayrim mulklarni nazorat qilish va taqsimlash siyosati muhim bo‘lishi mumkin.

- Mulk egalari tegishli huquq va manfaatlarni himoya qilish qoidasi. Mulkchilik munosabatlarida mulk egalari tegishli huquqlarni himoya qilish muhimdir. Bu, mulkka ega bo‘lish va undan

foydalanishning himoyalanişini ta'minlaydi. Har bir shaxs o'z mulkiga bo'lgan huquqni himoya qilish va uni o'z xohishiga ko'ra ishlatish imkoniyatiga ega bo'lishi kerak. Shunday bo'lsa-da, davlatning mulk egalariğa tegishli huquqlarni himoya qilishda umumiy jamiyat manfaatlarini hisobga olishi, shuningdek, ekologik, ijtimoiy va iqtisodiy xavflarni kamaytirishga ham e'tibor berishi lozim.

3. Mulkchilik munosabatlari tizimida ijtimoiy-iqtisodiy adolatning quyidagi mezonlarini alohida ko'rsatish mumkin:

- Tenglik mezoni. Tenglik mezoni mulk va resurslarning taqsimoti jarayonida har bir a'zoga teng huquq va imkoniyatlar berishga asoslanadi. Mulkchilik munosabatlarida tenglik prinsipi mulkning barcha sohalarida (hususiy, davlat, ommaviy) ta'minlanishi kerak. Masalan, tadbirkorlar uchun resurslardan teng foydalanish imkoniyati, ishchi va xizmatkorlar uchun teng ish haqi va imkoniyatlar ta'minlanishi kerak.

- Faqatgina oqilona va mantiqiy taqsimot mezoni. Mulkning taqsimotida oqilona va mantiqiy yondashuvlar talab qilinadi. Bu, resurslar va mulkning qanday taqsimlanishini belgilashda ijtimoiy va iqtisodiy manfaatlarini nazarda tutishni o'z ichiga oladi. Masalan, agar biror bir mulk yoki resurs jamiyatning o'zi uchun samarali bo'lsa, unda uning taqsimlanishida faqat shaxsiy manfaatlar emas, balki jamiyatning umumiy manfaatlarini ham hisobga olinishi kerak.

- Ta'minotning barqarorligi mezoni. Barqaror taqsimot mezoni mulk va resurslarning qonunga muvofiq va barqaror taqsimlanishini nazarda tutadi. Davlat va jamiyat resurslarning o'sishi, jamiyatning iqtisodiy imkoniyatlaridan teng foydalanishga harakat qilishlari kerak. Barqaror taqsimot ijtimoiy-iqtisodiy adolatning muhim mezoni hisoblanadi, chunki uning yordamida jamiyatning har bir a'zosi o'z mulki va resurslaridan samarali va barqaror foydalanishi mumkin.

- Davlatning iqtisodiy rolini belgilash. Davlatning o'rni mulkchilik munosabatlarida muhim mezonlardan biridir. Davlat resurslar va mulkni taqsimlashda yordam berishi, ijtimoiy

tenglikni ta'minlash uchun regulyator vazifasini bajarishi kerak. Davlatning rivojlanishga yo'naltirilgan siyosati, umumiy manfaatlar uchun jamiyatning faoliyat ko'rsatishini ta'minlashda muhimdir.

- Ijtimoiy yordam va muhofaza mexanizmlari. Ijtimoiy yordam va muhofaza mezoni jamiyatning ijtimoiy holatini yomonlashtirishga yo'naltirilgan. Bu mezon mulkning taqsimotidan kelib chiqib, yoshlarga, kambag'allarga va ijtimoiy xavfdagi a'zolarga yordam ko'rsatish mexanizmlarini ishlab chiqishga asoslangan.

Yuqoridagi fikrlardan xulosa shuki, mulkchilik munosabatlari tizimida ijtimoiy-iqtisodiy adolat qoidalari va mezonlari jamiyatda tenglik, fuqarolarning huquqlari va manfaatlarini ta'minlashga qaratilgan. Bu qoidalar orqali resurslar va mulkning adolatli taqsimotini ta'minlash, barqaror rivojlanish va kambag'allikni kamaytirish maqsad qilinadi. Mulkchilik shakllari o'rtasidagi muvozanat, davlatning nazorati va ijtimoiy yordam tizimlari, jamiyatning barqaror rivojlanishini va ijtimoiy-iqtisodiy adolatni ta'minlash uchun muhimdir.

4. Iqtisodiyot va butun jamiyatning barqaror rivojlanishida mulkiy munosabatlardagi adolatlilik asosiy o'rin tutadi. Bozor iqtisodiyoti sharoitida mulkiy adolat muammosi mulk huquqini himoya qilish, resurslarni qayta taqsimlash va ijtimoiy kafolatlarni ta'minlashni o'zida mujassam etgan kompleks yondashuvni taqozo etadi. Mulk huquqlarini mustahkamlash va qonuniy kafolatlarni ta'minlash orqali aholining mulkka bo'lgan ishonchini oshirish mumkin.

5. Turli mulk shakllarini kapitallashtirish orqali mamlakatimizda aholi turmush darajasi va farovonligini yanada yaxshilash uchun: aholi turmush darajasini baholashda jon boshiga to'g'ri keladigan daromad, xarajatlarning tarkibiy o'zgarishi, asosiy oziq-ovqat mahsulotlari iste'moli va uzoq muddat foydalaniladigan tovarlar bilan ta'minlanganligi bilan bir qatorda yashash sharoiti va standartlari, aholining obod va zamonaviy uy-joylar bilan ta'minlangani, aholi

istiqomat qiladigan muhitni rivojlantirish hamda obodonlashtirish talab etiladi. Ushbu chora-tadbirlarning amalga oshirilishi, o'z navbatida, mamlakatimizdagi mulk shakllari xilma-xilligi darajasini kengaytirish orqali uning iqtisodiy realizatsiyasi samaradorligini oshirishga, aholi ijtimoiy holatini yaxshilash va farovonligini yanada yuksaltirishga imkon yaratadi.

6. Tadbirkorlar va fuqarolarning mulk huquqini kafolatlash maqsadida «Mulk huquqi prezumpsiyasi»ni joriy qilish, mulk egasi uning mulkdor emasligi isbotlanmaguncha ushbu mulkning mulkdori hisoblanishi va mulkka egalik qiluvchi davlat organining hujjatiga ishonib harakat qilgan insofli egallovchidan mulkni qaytarib olish ta'qiqlanishi qonunchilikda belgilanishi kerak.

Manba va adabiyotlar

1. Smit A. *Issledovanie o prirode i prichinax bogatstva narodov*. – M.: Eksmo, 2007. 352–366-betlar.
2. Marks K. *Kapital*. – M.: Politizdat, 1983. 154–176-betlar;
3. Fridrix Engels. *Oila, xususiy mulk va davlatlarning paydo bo'lishi* // K.Marks, F.Engels. *Asarlar to'plami*. Tom 21. 169–218-b.
4. Rolz Dj. *Teoriya spravedlivosti*. – M.: Novoe izdatelstvo, 2020. 236–251-betlar; Sen A. *Razvitie kak svoboda*. – M.: Logos, 2017. 303–316 betlar.
5. O'zbekiston Respublikasi Konstitutsiyasi. "O'ZBEKISTON" Toshkent - 2023. 39-bet.
6. O'zbekiston Respublikasining "Mulkchilik to'g'risida"gi Qonuni. <https://www.lex.uz/acts/111466>
7. O'zbekiston Respublikasining Fuqarolik kodeksi. <https://lex.uz/mact/111189>
8. Inson va fuqaroning huquq va erkinliklari deklaratsiyasi. 9-bet.

УЎК: 330.65.(575.1)

Bobur QORABOYEV,*Makroiqtisodiy va hududiy tadqiqotlar instituti loyiha rahbari,***E-mail:** qoraboyev.bobur09@gmail.com,**Islamjan XUDAYBERDIYEV,***Makroiqtisodiy va hududiy tadqiqotlar instituti yetakchi mutaxassisi,***E-mail:** ixudoyberdiyev222@gmail.com

O‘ZBEKISTONDA BUKMEKERLIK FAOLIYATINI SOLIQQA TORTISHNI BARQAROR RIVOJLANISH MAQSADLARI ASOSIDA TAKOMILLASHTIRISH

Annotatsiya: maqolada Barqaror rivojlanish maqsadlari, qimor va tavakkalchilikka asoslangan o‘yinlar faoliyati o‘rtasidagi bog‘liqlik, qimor o‘yinlarining aholi salomatligiga ta’siri, hamda ularning global ko‘lami va ijtimoiy-iqtisodiy zarari ko‘rib chiqilgan. O‘zbekistonda tavakkalchilikka asoslangan o‘yinlarni soliqqa tortishning amaldagi tizimi, yalpi o‘yin daromadidan undirilayotgan 4 foizlik to‘lovning huquqiy maqomi va uning Barqaror rivojlanish maqsadlari bilan nomuvofiqlik jihatlari tahlil qilingan.

Kalit so‘zlar: barqaror rivojlanish maqsadlari, 3-maqsad “Sog‘lom hayot va farovonlik”, 10-maqsad “Tengsizlikni kamaytirish”, ruhiy salomatlik, past daromadli aholi, qimor va tavakkalchilikka asoslangan o‘yinlar, fiskal tushumlar, aksiz tabiatli maxsus soliq, yalpi o‘yin daromadi, tartibga soluvchi soliqlar.

**Совершенствование налогообложения
букмекерской деятельности в Узбекистане
на основе Целей устойчивого развития**

Бобур Корабоев,*руководитель проекта Института
макроэкономических и региональных
исследований,***Исламжан Худайбердиев,***ведущий специалист Института
макроэкономических и региональных
исследований*

Аннотация: в статье рассматриваются взаимосвязи между Целями устойчивого развития и деятельностью по организации азартных и основанных на риске игр, а также влияние азартных игр на здоровье населения, их глобальные масштабы и социально-экономический ущерб. Анализируется действующая в Узбекистане система налогообложения игр, основанных на риске, выявляются правовой статус четырехпроцентного платежа, взимаемого с валового игрового дохода, и аспекты его несоответствия Целям устойчивого развития.

Ключевые слова: Цели устойчивого развития, цель 3 «Хорошее здоровье и благополучие», цель 10 «Сокращение неравенства», психическое здоровье, малообеспеченное население, азартные и основанные на риске игры, фискальные поступления, специальный налог акцизной природы, валовой игровой доход, регулирующие налоги.

**Improving the taxation of bookmaking
(betting) activities in uzbekistan in line with
the sustainable development goals**

Bobur Koraboev,*head of project, Institute for macroeconomic and
regional studies,***Islamjan Khudayberdiev,***leading specialist, Institute for macroeconomic
and regional studies*

Abstract: *this article examines the relationship between the Sustainable Development Goals and gambling and risk-based gaming activities, the impact of gambling on population health, as well as its global scale and socio-economic harm. It analyses the current system of taxing risk-based games in Uzbekistan, identifies the legal status of the 4 per cent levy on gross gaming revenue and the ways in which it is misaligned with the Sustainable Development Goals.*

Keywords: *sustainable Development Goals (SDGs), Goal 3 “Good health and well-being”, Goal 10 “Reduced inequalities”, mental health, low-income populations, gambling and risk-based games, fiscal revenues, special excise-type tax, gross gaming revenue (GGR), regulatory taxes.*

Kirish

Barqaror rivojlanish maqsadlariga erishishga yo‘naltirilgan siyosat davlatning kelajak avlodlar oldidagi mas‘uliyatini amalda bajarayotganining eng muhim mezoni hisoblanadi. U iqtisodiy o‘rish, ijtimoiy adolat va ekologik xavfsizlikni yagona rivojlanish yo‘nalishiga birlashtirib, davlat siyosatiga bo‘lgan ishonchni kuchaytiradi.

Shu bois qimor va tavakkalchilikka asoslangan o‘yinlar (bukmekerlik) bozorini tartibga solish, shunchaki fiskal masala emas, balki BRM doirasida hal etilishi shart bo‘lgan ustuvor vazifa hisoblanadi. Jahon sog‘liqni saqlash tashkilotining qimor va boshqa tavakkalchilikka asoslangan o‘yinlarning salbiy ta‘sirini alohida ruhiy salomatlik buzilishi sifatida e‘tirof etishi bukmekerlik faoliyatini bevosita BRM 3 – “Sog‘lom hayot va farovonlik” maqsadi doirasiga kiritadi, past daromadli aholining mazkur faoliyatdan ko‘proq zarar ko‘rayotgani esa uning BRM 10 – “Tengsizlikni kamaytirish” maqsadi bilan uzviy bog‘liqligini ko‘rsatadi.

Tadqiqotda sifat tahliliga asoslangan kompleks metodologiya qo‘llanilib, xalqaro tajriba va milliy normativ-huquqiy baza tizimli o‘rganildi. Xalqaro tashkilotlar hisobotlari va ilmiy maqolalar asosida qimor va tavakkalchilikka asoslangan o‘yinlarning jamoat salomatligi hamda ijtimoiy tengsizlikka

ta‘siri bo‘yicha nazariy qarashlar umumlashtirildi. O‘zbekistonda bukmekerlik faoliyati bilan bog‘liq soliq ma‘murchiligining BRM talablariga muvofiqligi ekspert baholash va qiyosiy tahlil usullari asosida o‘rganildi.

I. Barqaror rivojlanish maqsadlari va bukmekerlik faoliyati o‘rtasidagi bog‘liqlik

Barqaror rivojlanish maqsadlari (BRM) – BMT tomonidan 2015-yilda qabul qilingan 17 ta global maqsad bo‘lib, davlatlarning siyosiy qarorlarini iqtisodiy o‘rish bilan bir qatorda sog‘liqni saqlash, ijtimoiy tenglik, ekologik barqarorlik va adolatli institutlar bilan uyg‘unlashtirishni talab qiladi. BRMga rioya qilishning muhimligi shundaki, ular uzoq muddatli barqaror siyosat yuritishni, ijtimoiy himoya va iqtisodiy farovonlikni parallel ravishda rivojlantirishni ta‘minlaydi.

BMTning “The Sustainable Development Goals Report 2023” [1] hisobotida hukumat boshqaruvidagi BRMga nisbatan siyosiy nomuvofiqlik barqaror rivojlanish bo‘yicha uzoq muddatli majburiyatlarning izdan chiqishiga, ijtimoiy ehtiyojlarning ortishiga va tizimning inqirozlarga nisbatan chidamliligining pasayishiga sabab bo‘lishi mumkinligi ta‘kidlangan. Ya‘ni davlat siyosati BRMga mos kelmaganda boshqaruv samaradorligi va ijtimoiy-iqtisodiy barqarorlikka nisbatan bosim kuchayadi.

Jahon sog‘liqni saqlash tashkilotining ICD-11 (“International Classification of Diseases, 11th Revision”) tasnifiga ko‘ra, qimor va tavakkalchilikka asoslangan o‘yinlar bilan bog‘liq buzilishlar “6C50 – Gambling disorder” [2] nomi bilan rasmiy ruhiy salomatlik buzilishi sifatida e‘tirof etilgan. Bu esa bukmekerlik faoliyati BRM-3 (“Sog‘lom hayot va farovonlik”) bilan bevosita bog‘liq ekanini ko‘rsatadi. Haddan tashqari pul tikish, ruhiy bosim va moliyaviy stress aholi sog‘ligini yomonlashtiradi. Shuning uchun davlat siyosatining BRMga mosligi – sog‘lom turmush tarzini himoya qilish uchun mas‘uliyatli o‘yin standartlarini, cheklovlar va monitoring mexanizmlarini joriy etishni talab qiladi.

Bundan tashqari, past daromadli aholi orasida qimor va tavakkalchilikka asoslangan o‘yinlarga

nisbatan ko'ngilochar odat sifatida emas, balki tezkor boyib ketishi vositasi sifatida qarash shakllangan. Moliyaviy savodxonlikning pastligi, raqamli texnologiyalardan foydalanish bo'yicha ko'nikmalarning yetarli emasligi va eng muhimi o'zini o'zi cheklay olmaslik mazkur qatlamning asosiy zaif tomonlari hisoblanadi. Bu omillar ularning moliyaviy yo'qotishlarini ko'paytirgan holda, mavjud iqtisodiy tafovutlarni yanada chuqurlashtiradi. Natijada BRM-10 ("Tengsizlikni kamaytirish") bo'yicha salbiy ta'sir yuzaga keladi. Shu sababli bukmekerlik faoliyatini tartibga solish siyosatida aynan past daromadli va zaif guruhlarini himoya qiluvchi maxsus chora-tadbirlarni nazarda tutish zarur.

II. Bukmekerlik faoliyatining aholi salomatligiga ta'siri bo'yicha adabiyotlar sharhi

Qimor va tavakkalchilikka asoslangan o'yinlar so'nggi o'n yilliklarda ko'plab davlatlarda jamoat salomatligi nuqtayi nazaridan alohida xavf omili sifatida ko'rib chiqilmoqda, chunki u nafaqat individual ruhiy salomatlikka, balki oilaviy munosabatlar, moliyaviy barqarorlik va ijtimoiy farovonlikka ham kompleks ta'sir ko'rsatadi.

Zamonaviy ilmiy adabiyotlarda, xususan N. Raybould va M. Larkin o'z ilmiy ishlarida 1994–2020-yillar oralig'ida qimor va tavakkalchilikka asoslangan o'yinlarning zarariga bag'ishlangan 59 ta tadqiqot ishining natijalarini umumlashtirgan holda [3], ushbu faoliyatning inson salomatligiga ta'sirini batafsil tahlil qilgan. Mazkur faoliyat oqibatlarini depressiya, kuchli tashvishlanish, o'z joniga qasd qilish xavfi, ortiqcha qarzdorlik va sog'liq uchun zarur xarajatlarning qisqarishi bilan chambarchas bog'liq ekani, ularning salbiy ta'siri ayniqsa ijtimoiy jihatdan zaif qatlamlarda kuchliroq namoyon bo'lishini ko'rsatib bergan.

Bundan tashqari, Raybould va hammualliflarining umumlashtirilgan tadqiqotlari qimor va tavakkalchilikka asoslangan o'yinlar oqibatlarini jamiyat bo'ylab teng taqsimlanmasligini ham ko'rsatadi. Zararlar asosan kam daromadli, ta'im darajasi past, ish o'rni beqaror bo'lgan

yoki ishsiz shaxslar va boshqa ijtimoiy jihatdan zaif guruhlar orasida to'planadi. Natijada qimor va bukmekerlik faoliyati nafaqat alohida shaxs salomatligini, balki jamiyatdagi mavjud tengsizliklarni ham kuchaytiradi.

Boshqa adabiyotlarda qimor va bukmekerlikning salbiy ta'siri faqat shaxslarning ruhiyati bilan cheklanmasdan, uning yaqinlari va kengroq jamoaga ham tarqalishi ta'kidlanadi. JSST qimor va tavakkalchilikka asoslangan o'yinlar zarari oilaviy munosabatlarning buzilishi, ajrimlar, oilaviy zo'ravonlik, bolalarga nisbatan beparvolik, jinoyatchilik va korrupsiya xavfini oshirishini qayd etgan [4]. B. Goodwin tadqiqotida esa bir qimor o'yinchisi o'rtacha olti nafar boshqa shaxslar – turmush o'rtog'i, farzandlari, qarindoshlari yoki hamkasblari – hayotiga turli shakllarda salbiy ta'sir ko'rsatishi aniqlangan [5].

Konseptual tadqiqotlarda esa qimor va bukmekerlik faoliyati tobora ko'proq jamoat salomatligi masalasi sifatida talqin qilinadi. T. Latvala qimor oqibatlarini faqat individual xatti-harakat emas, balki ijtimoiy, iqtisodiy va muhit omillari bilan bog'liq tizimli muammo sifatida tasvirlangan. Unda mualliflar hukumat va jamiyat faqat "mas'uliyatsiz o'yinchilar"ni ayblash o'rniga tavakkalchilikka asoslangan o'yinlarni reklama qilishni, onlayn imkoniyatlarni cheklashni va sportga homiylik qilish kabi omillarni tartibga solishga e'tibor qaratish zarurligini ta'kidlashgan [6].

Yuqorida keltirilgan ilmiy ishlarda qimor va bukmekerlik faoliyatining salomatlik va ijtimoiy tengsizliklarga jiddiy salbiy ta'siri asoslab berilgach, adabiyotlarda bu xavflarni kamaytirishning amaliy mexanizmlari ham alohida yo'nalish sifatida shakllangan. Shu nuqtada ko'plab tadqiqotchilar mazkur faoliyatni soliqlar yordamida tartibga solishni jamoat salomatligi maqsadlariga xizmat qiluvchi muhim instrument sifatida ko'rsatadi.

Adabiyotlarda mazkur faoliyatni soliqlar yordamida tartibga solish masalasi ko'pincha "salomatlik soliqlari" yoki tuzatuvchi soliqlar

doirasida ko'riladi. M.Schalkwyk[7], P.Newall va M.Rockloff[8] mazkur yo'nalish bo'yicha jamoat salomatligi yondashuvida soliqlarni zararli faoliyatni cheklash va zararlarni kamaytirishdagi asosiy vositalardan biri sifatida tilga olgan, biroq hukumatning qimor daromadlariga qaramligi siyosiy ziddiyatlarni kuchaytirishi qayd etilgan va soliq tizimi zaif guruhlarga uchun regressiv ta'sirni, tashkilotchilarning esa soliq to'lovlaridan bo'yin tovlash xavflarini inobatga olgan holda tuzilishi kerak degan xulosalarni berishgan.

V.Marionneau [9] Yevropa onlayn qimor bozorlari bo'yicha o'tkazilgan tahlilida past soliq stavkalari noqonuniy operatorlar bilan raqobat qilish maqsadida joriy qilinishi, lekin bu sog'liqni saqlash maqsadlaridan ko'ra fiskal manfaatlarga xizmat qilishini ko'rsatadi. D.Ukhova[10] global me'yoriy tendensiyalar sharhida ko'plab davlatlarda qimor soliqlari birinchi navbatda budjet daromad manbai sifatida shakllanib, zararlarni kamaytirishga yo'naltirilgan salomatlikni saqlash siyosati bilan tizimli bog'lanmaganini qayd etgan.

III. Qimor va tavakkalchilikka asoslangan o'yinlarning global ko'lami va uning zarari

Dunyo miqyosida mazkur "tarmoq"ning yillik xarajatlari (o'yinchilar yutqazgan pullari) 2017-yildagi 545,0 mlrd. AQSh dollaridan, 2024-yilga kelib 593,0 mlrd. AQSh dollarigacha o'sdi[11]. Prognozlariga ko'ra ushbu raqamlar 2028-yilda 700,0 mlrd. AQSh dollariga yetish ehtimoli yuqori. Buning asosiy omillaridan biri sifatida esa past va o'rta daromadli davlatlarda internet tarmog'iga ulanish imkoniyatining kengayishi natijasida onlayn qimor ishtirokchilari soni ortishi keltirilgan.

Tahlillar shuni ko'rsatmoqdaki, noqonuniy qimor va tavakkalchilikka oid o'yinlarning hajmi qonun doirasida faoliyat yuritadigan qismidan ko'proqni tashkil etadi. BMT Narkotik va jinoyatchilik bo'yicha boshqarmasining (UNODC) 2023-yilgi hisobotiga ko'ra birgina sport o'yinlariga pul tikish orqali har yili 140,0 mlrd. AQSh dollarigacha "pul yuviladi", noqonuniy stavka bozorlarida tikilgan mablag'lar esa 340

mlrd. AQSh dollaridan 1,7 trln AQSh dollarigacha baholangan[12].

Ma'lumot uchun: *Dunyo bo'ylab 448,7 mln katta yoshlilar qimor o'yinlariga moyil bo'lsa[13], Jahon sog'liqni saqlash tashkilotining (JSST) ma'lumotlariga ko'ra dunyodagi katta yoshli aholining 1,2 foizi (taxminan 80 mln) qimor o'yinlariga qaramlikdan yoki qimor o'ynash bilan bog'liq muammolardan aziyat chekadi.*

Ushbu zararli odat ustiga qurilgan "tarmoq"ni nazorat qilish va uning ta'sirini kamaytirish maqsadida har bir mamlakat o'z qonunchiligi doirasida turli mexanizmlarni ishlab chiqqan. Ayrim davlatlarda qimor o'yinlari taqiqlangan yoki qisman cheklangan bo'lsa (aksariyat musulmon davlatlari, Yaponiya, Hindiston, Xitoy), aksariyat mamlakatlarda qonun doirasida bu turdagi faoliyat bilan shug'ullanishga ruxsat etilgan.

Qimor o'yinlariga xarajatlar odatda daromad bilan birga o'sadi, ammo daromadi pastroq bo'lgan odamlar qimor o'yinlariga umumiy budjetining nisbatan katta qismini sarflaydi [14]. Buning natijasida normal iste'mol xarajatlarining tarkibi o'zgarib boshqa sohalarida faoliyat yurituvchi korxonalar daromadlari ham cheklanishi mumkin.

Ma'lumot uchun: Finlandiyada 20 ming ishtirokchi orasida o'tkazilgan tadqiqotga ko'ra muammoli va xavfli qimor xatti-harakatlari ishsiz yoki ijtimoiy nafaqa oladigan odamlar orasida ko'proq uchraydi [15]. Norvegiyada 11 yil davomida 67 mingdan ortiq odamlar orasida o'tkazilgan o'rganishlar ham past daromadli insonlar orasida qimorga qaramlik kasalligiga chalinish xavfi yuqori ekanligi aniqlangan [16].

Ko'pgina mamlakatlarda qimor o'yinlarining tijoratlashuvi uning jamiyat tomonidan odatiy hol sifatida qabul qilinishiga ham hissa qo'shgan holda, qimor o'yinlari keltirib chiqaradigan salbiy oqibatlarining ko'payishiga sabab bo'ladi. Shved olimlarining tadqiqotlariga ko'ra, o'yinlarga qaram bo'lgan odamlarda o'z joniga qasd qilish ehtimoli oddiy aholiga qaraganda 15 baravar yuqori ekanligi tasdiqlangan [17]. Avstraliyaning Viktoriya shtatida o'z joniga qasd qilish

holatlarining kamida 4,2 foizi qimor o'yinlari bilan bog'liq ekanligi aniqlangan [18].

IV. Qimor va tavakkalchilikka asoslangan o'yinlarni soliqqa tortish bo'yicha xalqaro soliq instrumentlari tahlili

Jismoniy shaxslarning qimor va tavakkalchilikka asoslangan o'yinlardan ko'rgan daromadlarini soliqqa tortish bo'yicha xalqaro amaliyotda ikki asosiy yondashuv mavjud. Birinchi yondashuvga ko'ra, mazkur faoliyat ko'ngilochar odat sifatida baholanadi. Shu sababli yutuqlardan jismoniy shaxsning daromadi sifatida soliq undirilmaydi, asosiy soliq yuki esa tashkilotchilar zimmasiga tushadi (Buyuk Britaniya, Germaniya).

Ikkinchi yondashuv Fransiya, Turkiya va Janubiy Koreya amaliyotida kuzatiladi. Bu mamlakatlarda mazkur faoliyatga ijtimoiy xavfli soha sifatida qaraladi va bir vaqtning o'zida ham jismoniy shaxslarning daromadidan, ham tashkilotchilar faoliyatidan katta soliqlar undiriladi. Mazkur yondashuv davlat budjetiga qo'shimcha tushumlarni ta'minlash bilan birga aholini zararli odatlardan cheklashga harakat qiladi va uning salbiy oqibatlarini kamaytirishni maqsad qiladi (1-jadval).

Qimor va tavakkalchilikka asoslangan o'yinlarni soliqqa tortish tizimlari mamlakatlarning fiskal siyosati va tartibga solish darajasiga qarab turli instrumentlar orqali amalga oshiriladi. Bulardan

eng asosiylari – yalpi o'yin daromadi (GGR), o'yinlarga tikilgan jami aylanma yoki o'yin uchun tikilayotgan har bir pul mablag'i (stake), jismoniy shaxslarning yutuqlari, korporativ soliq, litsenziya to'lovlari va regulyator badallari hisoblanadi.

Ma'lumot uchun: *GGR (Gross Gaming Revenue) – bu qimor va tavakkalchilik o'yinlaridan olingan yalpi o'yin daromadi bo'lib, u o'yinchilar tomonidan tikilgan umumiy mablag'dan ularga to'langan yutuqlar ayirilgan holda hisoblanadi. Ko'plab davlatlar GGR ko'rsatkichidan qimor biznesi uchun maxsus soliq bazasi sifatida foydalanadi.*

Deyarli barcha davlatlarda qimor va tavakkalchilikka asoslangan faoliyat 2 bosqichda alohida tartibda soliqqa tortiladi: aksiz tabiatiga ega bo'lgan maxsus soliq va korporativ soliq. Faqat Polshada soliq bazasi sifatida jami tikilgan pul aylanmasi e'tirof etilishi sababli mazkur faoliyatdan bir marta soliq undiriladi.

Aksariyat Yevropa mamlakatlarida qimor faoliyatidan olinadigan maxsus soliq GGR bazasiga asoslanadi, bu operatorning haqiqiy foydasini hisobga olib barqaror tushumni ta'minlaydi. Germaniyada aralash model qo'llanilib, kazino faoliyati GGR asosida, onlayn o'yinlarda esa har bir tikilgan pul (stake) soliqqa tortilsa, Rossiya va Qozog'istonda qat'iy belgilangan stavka amal qiladi. Har bir o'yin stoli, avtomat yoki pul tikish punkti uchun oldindan belgilangan miqdorda oylik to'lov undiriladi.

1-jadval

Mamlakatlar kesimida qimor va tavakkalchilikka asoslangan o'yinlardan olinadigan soliqlar tahlili

Davlat	Nazorat qiluvchi organ	Jismoniy shaxslar tomonidan to'lanadigan soliqlar	O'yin tashkilotchilari (onlayn / oflayn) tomonidan to'lanadigan soliqlari		
			Aksiz yoki aksiz tabiatli maxsus soliq	Foyda solig'i	Boshqa soliqlar yoki to'lovlar
Buyuk Britaniya	UK Gambling Commission	Yutuqlardan soliq undirilmaydi	GGR miqdoridan 15-21 % (faoliyat turiga qarab)	25 % korporativ soliq	Litsenziya to'lovi, reklama cheklovlar
Fransiya	Autorité Nationale des Jeux	1 500 yevrodan oshgan daromadlar – 13.7%, professional faoliyat – 0-45%	GGR miqdoridan kelib chiqqan holda, 10 %dan 55% gacha (progressiv)	25 % korporativ soliq	GGRning 15%(onlayn) va 7,6% (oflayn) miqdorida ijtimoiy soliq
Germaniya	Gemeinsame Glücksspiel behörde	Faqat professional faoliyatdan olingan daromad soliqqa tortiladi – 0-45%	Har bir tikilgan puldan (stake) soliq – 5% dan 20%gacha	15% korporativ soliq	Oflayn kazinolar uchun joylashgan hududiga qarab GGRning 20%dan 80%gacha soliq
Italiya	Agenzia delle Dogane e dei Monopoli	Sof daromaddan – 20%, 500 yevrodan yuqori lotereya yutuqlari – 6%	GGR solig'i – 20,5-25,5%	27,5 % korporativ soliq	Operator oladigan komissiyaning 3% miqdorida raqamli xizmat solig'i

Davlat	Nazorat qiluvchi organ	Jismoniy shaxslar tomonidan to'lanadigan soliqlar	O'yin tashkilotchilari (onlayn / oflayn) tomonidan to'lanadigan soliqlari		
			Aksiz yoki aksiz tabiatli maxsus soliq	Foyda solig'i	Boshqa soliqlar yoki to'lovlar
Polsha	Moliya vazirligi	Faqat lotereya yutuqlari soliqqa tortiladi – 10 %	Kazinatorlar va o'yin avtomatlari uchun GGR solig'i – 50%, Faoliyat turlariga qarab (Podatek od gier) 2,5%dan 20%gacha savdo aylanmasidan soliq		Onlayn qimorxona foydasidan Sport jamg'armasiga ajratma
Vengriya	Supervisory Authority for Regulated Activities	Faqat litsenziyasiz operatorlardan ko'rilgan yutuqlardan daromad (15%) va ijtimoiy(13%) soliq	GGR miqdoridan "Gaming Tax" – 15-30 % GGR(faoliyat turiga qarab)	9 % korporativ soliq	SARA tashkiloti foydasiga GGRning 2,5% miqdorida "regulyator to'lovi"
Janubiy Koreya	National Gambling Control Commission	Yutuq miqdoridan kelib chiqib 22% yoki 33% daromad solig'i (progressiv)	Operatorlar daromadidan kelib chiqib, 0% dan 4%gacha shaxsiy iste'mol solig'i	9–24 % korporativ soliq	Turizm hamda Sog'liq va sport jamg'armasiga majburiy ajratma
Rossiya	Moliya vazirligi va Federal soliq xizmati	Yutuqlar uchun standart 13 % daromad solig'i, yutuq 5 mln rubldan oshsa 15%	Har bir stol, o'yin avtomati, pul tikish punktlaridan tortib protsessing markazlari uchun har yili qat'iy summada soliq o'rnatiladi	20 % korporativ soliq	Sport federatsiyalariga 2 % badal
Qozog'iston	Qimor o'yinlari va lotereyani tartibga solish qo'mitasi	Yutuqlar uchun 10 % daromad solig'i		20–25 % korporativ soliq	

Manba: mualliflar tomonidan ilmiy adabiyot va manbalarni o'rganish natijasida umumlashtirilgan.

Xalqaro amaliyotga ko'ra, qimor va tavakkalchilikka asoslangan o'yinlarni soliqqa tortish tizimi faqat fiskal tushumlarni ta'minlash vositasi emas, balki ijtimoiy xavflarni kamaytirish mexanizmi ham hisoblanadi. Ayrim mamlakatlar bu sohani iqtisodiy faoliyat sifatida tartibga solib, barqaror budjet manbaini shakllantirgan bo'lsa, boshqalari uni ijtimoiy jihatdan xavfli hodisa deb baholab, yuqori soliq stavkalari va cheklovchi choralar orqali salbiy oqibatlarini yumshatishga intilmoqda.

V. O'zbekistonda tavakkalchilikka asoslangan o'yinlarni soliqqa tortishning amaldagi tizimi

O'tgan yilgacha O'zbekistonda internet tarmog'ida tavakkalchilikka asoslangan o'yinlarni tashkil etish va bukmekerlik faoliyati taqiqlangan bo'lib, O'zbekiston Respublikasi Prezidentining 2024-yil 19-apreldagi "Lotereyalar va tavakkalchilikka asoslangan o'yinlarni tashkil etish va o'tkazishni tartibga solishni takomillashtirish chora-tadbirlari to'g'risida"gi PF–68-son farmoniga asosan 2025-yil 1-yanvardan boshlab, ushbu faoliyatni qonuniy amalga oshirishga ruxsat berildi.

Bukmekerlik faoliyatini tartibga solish hamda

litsenziyalash bo'yicha vakolatli organ – Istiqbolli loyihalar milliy agentligining (ILMA) tushuntirish berishicha, farmonda nazarda tutilgan choralar, birinchi navbatda, fuqarolarning huquq va manfaatlarini himoya qilish, shuningdek, qimor o'yinlariga qaramlikning oldini olish va unga qarshi kurashish, shuningdek, mablag'larning mamlakatdan chiqib ketishining oldini olishga qaratilgan.

Amaldagi tartibga ko'ra, lotereya, internet o'yinlari va bukmekerlik faoliyatini amalga oshirayotgan yuridik shaxslar 5 yil mobaynida o'z faoliyatidan olingan jami daromaddan to'langan yutuqlar va qaytarilgan stavkalar chegirilgan holda 4 foizlik aylanmadan olinadigan soliq to'lovchilari sifatida belgilandi.

Shu bilan birga, litsenziyalangan tashkilotlar orqali o'tkazilgan o'yinlarda qatnashgan jismoniy shaxslarning yutuqlari daromad solig'idan ozod etildi. Bunday yondashuv fiskal siyosatda ikki tomonlama maqsadni ko'zlaydi: bir tomondan, davlat budjetiga barqaror tushum manbaini yaratadi, ikkinchi tomondan esa, qonuniy faoliyatni rag'batlantirib, sohada yashirin iqtisodiyot ulushini kamaytiradi.

VI. O'zbekistonda tavakkalchilikka asoslangan o'yinlarni soliqqa tortishni BRM tamoyillari asosida takomillashtirish yo'nalishlari

Amaldagi tartibga ko'ra, O'zbekistonda lotereya, internet o'yinlari va bukmekerlik faoliyatini amalga oshirayotgan yuridik shaxslar o'z faoliyatidan olgan yalpi o'yin daromadidan (GGR) 4 foizlik soliq to'lasa, jismoniy shaxslarning yutuqlari esa daromad solig'idan ozod etilgan. Mazkur tartib qonuniy faoliyatni rag'batlantirib, sohada yashirin iqtisodiyot ulushini kamaytirish maqsadida qilingan bo'lsa-da, Barqaror rivojlanish maqsadlarining 3-va 10-maqsadlariga zid hisoblanadi.

O'zbekistonda tavakkalchilikka asoslangan o'yinlarni soliqqa tortishning amaldagi mexanizmi mohiyatan mazkur faoliyatni zararli emas, balki ko'ngilochar odat sifatida talqin qiluvchi yondashuvga yaqin hisoblanadi. **Shu bois soliqqa tortish tizimini takomillashtirishda asosiy e'tibor faqat fiskal tushumlarni ko'paytirishga emas, balki soliqlarning tartibga soluvchi, ijtimoiy xavflarni cheklovchi va zararli odatlarni tiyib turuvchi funksiyalarini kuchaytirish maqsadida quyidagilar taklif etiladi:**

- Amaldagi GGRdan undiriladigan 4 foizlik to'lovni Soliq kodeksida aksiz solig'i sifatida belgilash. Tavakkalchilikka asoslangan o'yinlar ijtimoiy jihatdan zararli faoliyat turlariga kirgani sababli, mavjud GGRdan olinadigan to'lovni aylanmadan olinadigan soliq emas, balki aksiz solig'i sifatida e'tirof etish va faoliyatni aksiz undiriladigan xizmatlar toifasiga kiritish maqsadga muvofiq. Tashkilotchilarni aksiz to'lovchisi sifatida qayta tasniflanishi, aholiga ochiqroq ma'lumot berilishiga xizmat qilgan holda bunday xizmatlarning jozibadorligini kamaytiradi.

- Operatorlar faoliyatiga nisbatan alohida foyda solig'ini belgilash. Amaldagi GGRdan olinadigan soliq aksiz tabiatli maxsus soliq sifatida shakllanganini inobatga olib, tavakkalchilikka asoslangan o'yinlar sohasida faoliyat yurituvchi operatorlar uchun 15 foizlik foyda solig'ini

joriy etish zarur. Bu chora faoliyatni umumiy soliq tartibiga kiritish, budget tushumlarini oshirish va ishtirokchilarning fiskal mas'uliyatini kuchaytirishga xizmat qiladi;

- Jismoniy shaxslarning tavakkalchilikka asoslangan o'yinlardan olgan daromadlarini soliqqa tortish mexanizmini joriy etish. Aholining o'yin yutuqlaridan olgan daromadini solig'ini JShDSga tortish orqali bunday faoliyatning iqtisodiy jozibadorligini kamaytirib, o'yinlardan olinadigan shaxsiy foyda ustidan nazoratni kuchaytirishi ijtimoiy adolatni ta'minlab, kam daromadli qatlamlarning ishtirokini qisman cheklaydi;

- Kelgusida tavakkalchilikka asoslangan o'yinlar sohasidan tushadigan daromadlarning bir qismini ijtimoiy jamg'armalarga yo'naltirish. Operatorlarning yalpi o'yin daromadidan (GGR) ma'lum foizni Sog'liqni saqlash, sportni rivojlantirish yoki ijtimoiy rehabilitatsiya jamg'armalariga majburiy ajratma sifatida yo'naltirish orqali qimor o'yinlariga qaramlikning oldini olish, davolash va profilaktika dasturlarini moliyaviy qo'llab-quvvatlash mumkin;

Bundan tashqari soliq islohotlari bilan parallel ravishda noqonuniy faoliyatlarga qarshi kurashish tizimini ham kuchaytirish zarur. Noqonuniy saytlarni operativ bloklash mexanizmini joriy etish, to'lov provayderlari orqali noqonuniy operatorlarga va qora ro'yxatdagi identifikatorlarga pul o'tkazmalarini qat'iy taqiqlash, shubhali tranzaksiyalarni banklar va to'lov tizimlarida avtomatik ushlab turish va tekshirish tartibini yo'lga qo'yish lozim.

Istiqbolli loyihalar milliy agentligining hisob-kitoblariga ko'ra bir yilda qimor o'yinlariga O'zbekistondan chiqib ketayotgan mablag' hajmi 300 mln AQSh dollaridan – 1 mlrd AQSH dollarigacha yetishi mumkin. Noqonuniy saytlarning to'liq bloklanmay qolishi va ularga to'lov imkoniyatining mavjud bo'lishi, ko'plab yengilliklar berilgan amaldagi soliq ma'murchiligi bilan ham aholining noqonuniy saytlar orqali xizmatlardan foydalanishini cheklay olmaydi. Natijada yangi soliqlar va tartibga solish

choralaridan kutilgan fiskal hamda ijtimoiy natijalar amalga oshmasligi mumkin.

Xulosa

Qimor va tavakkalchilikka asoslangan o'yinlar sohasi fiskal jihatdan yuqori daromad manbai bo'lishi bilan birga, jamoat salomatligi va ijtimoiy tenglik uchun sezilarli xavf tug'diradi. BRM konsepsiyasi doirasida bu sohani baholash shuni ko'rsatmoqdaki, davlat siyosati faqat budget tushumlariga emas, balki aholi salomatligi, ijtimoiy zaif qatlamlarning himoyasi va teng imkoniyatlar masalalariga ham bir vaqtning o'zida javob berishi kerak. Xalqaro ilmiy tadqiqotlar va amaliy tajriba natijalari mazkur faoliyatni BRM mezonlari asosida qayta ko'rib chiqishni talab qiluvchi umumiy qonuniyat va xulosalar mavjud.

O'zbekistonda lotereya, internet o'yinlari va bukmekerlik faoliyatini qonuniy amalga oshirishga 2025-yil 1-yanvardan ruxsat berilishi natijasida ushbu soha tez o'sayotgan yangi bozor segmentiga aylanmoqda, lekin uni tartibga solish mexanizmlari hali to'liq shakllanmagan.

O'zbekistonda tavakkalchilikka asoslangan o'yinlarni soliqqa tortishning amaldagi mexanizmi mohiyatan mazkur faoliyatni zararli emas, balki ko'ngilochar odat sifatida talqin qiluvchi yondashuvga yaqin hisoblanadi. Shu bois soliqqa tortish tizimini takomillashtirishda asosiy e'tibor faqat fiskal tushumlarni ko'paytirishga emas, balki soliqlarning tartibga soluvchi, ijtimoiy xavflarni

cheklovchi va zararli odatlarni tiyib turuvchi funksiyalarini kuchaytirishga qaratilishi maqsadga muvofiq.

Amaldagi tartibga ko'ra, litsenziyalangan tashkilotlar lotereya, internet o'yinlari va bukmekerlik faoliyati bo'yicha 4 foizlik to'lovni amalga oshiradi, litsenziyalangan o'yinlarda qatnashgan jismoniy shaxslarning yutuqlari daromad solig'idan ozod etilgan, bu esa sektorni fiskal jihatdan nisbatan imtiyozli sohaga aylantiradi.

Noqonuniy saytlarning to'liq bloklanmay qolishi, ularga to'lov imkoniyatlarining saqlanib qolishi va soliq ma'muriyati bilan bog'liq yengilliklar natijasida aholi bir vaqtning o'zida ham litsenziyalangan, ham noqonuniy platformalardan foydalanishda davom etayotgani, natijada fiskal maqsadlar bilan ijtimoiy himoya maqsadlari o'rtasida ziddiyat yuzaga kelishi xavfi mavjud.

GGRga asoslangan amaldagi tartibni aksiz solig'i tabiatiga yaqinlashtirish, operatorlar foydasini alohida soliqqa tortish, yirik yutuqlarni JShDS doirasida soliqlash hamda tushumlarning bir qismini sog'liqni saqlash va reabilitatsiya dasturlariga yo'naltirish orqali mazkur sohaning foydasi va ularning ijtimoiy xarajatlari o'rtasida nisbiy muvozanat shakllantirilishi mumkin. Shu bilan birga, noqonuniy bozorni qisqartirish bo'yicha yagona reglament joriy etish sohadagi noqonuniy faoliyat hajmini qisqartirishga xizmat qiladi.

Manba va adabiyotlar

1. United Nations (2023) *The Sustainable Development Goals Report 2023: Special Edition*. New York: United Nations. Internet resurs: <https://unstats.un.org/sdgs/report/2023/>
2. World Health Organization (2025) *ICD–11 for Mortality and Morbidity Statistics (ICD–11 MMS), 2025–01 version*. Geneva: World Health Organization. Internet resurs: https://icd.who.int/ct/icd11_mms/en/2025-01
3. Raybould, J.N., Larkin, M. and Tunney, R.J. (2021) "Is there a health inequality in gambling related harms? A systematic review", *BMC Public Health*, 21(1), 305. Internet resurs: <https://link.springer.com/article/10.1186/s12889-021-10337-3>
4. World Health Organization (no date) "Gambling". *WHO Fact sheets*. Internet resurs: <https://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/gambling>
5. Goodwin, B.C., Browne, M., Rockloff, M. et al. (2017) "A typical problem gambler affects six others", *International Gambling Studies*, 17(2), pp. 276–289. Internet resurs: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/14459795.2017.1331252>

6. Latvala, T., Lintonen, T. and Konu, A. (2019) "Public health effects of gambling – debate on a conceptual model", *BMC Public Health*, 19, 1077. Internet resurs:<https://link.springer.com/article/10.1186/s12889-019-7391-z>
7. Schalkwyk, M., Petticrew, M., Cassidy, R. et al. (2021) "A public health approach to gambling regulation: countering powerful influences", *The Lancet Public Health*, 6(8). Internet resurs:<https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2468266721000980>
8. Newall, P.W.S. and Rockloff, M.J. (2022) "Risks of using taxation as a public health measure to reduce gambling-related harms", *The Lancet Public Health*, 7(8), pp. e654–e660. Internet resurs:[https://www.thelancet.com/journals/lanpub/article/PIIS2468-2667\(22\)00144-X/fulltext](https://www.thelancet.com/journals/lanpub/article/PIIS2468-2667(22)00144-X/fulltext)
9. Marionneau, V., Matteucci, N., Vieira Lima, S., Nikkinen, J. and Selin, J. (2025) "Channelling and taxation in European online gambling markets: evolution and policy implications", *Harm Reduction Journal*, 22(1), 1. Internet resurs:<https://harmreductionjournal.biomedcentral.com/articles/10.1186/s12954-024-01145-0>
10. Ukhova, D., Wardle, H., Marionneau, V. and Nikkinen, J. (2022) Embracing public health approaches to gambling? A review of global legislative and regulatory trends. Conference presentation, University of Glasgow, 23 November. Internet resurs:<https://eprints.gla.ac.uk/297990/2/297990.pdf>
11. The Economist (2024) "How sports gambling became ubiquitous", *The Economist, Finance & economics*, 5 December. Internet resurs:<https://www.economist.com/finance-and-economics/2024/12/05/how-sports-gambling-became-ubiquitous>
12. United Nations Office on Drugs and Crime (2021) "Section 9: Illegal betting and sport", in *Global Report on Corruption in Sport*. Vienna: UNODC. Internet resurs:https://www.unodc.org/documents/corruption/Publications/2022/Global_Report_on_Corruption_in_Sport_Chapter_9.pdf
13. Wardle, H., Degenhardt, L., Marionneau, V. et al. (2024) "The Lancet Public Health Commission on gambling", *The Lancet Public Health*, 9(11), pp. e950–e994. Internet resurs:<https://www.thelancet.com/action/showPdf?pii=S2468-2667%2824%2900167-1>
14. Beckert, J. and Lutter, M. (2009) "The inequality of fair play: lottery gambling and social stratification in Germany", *European Sociological Review*, 25(4), pp. 475–488. Internet resurs:https://www.researchgate.net/publication/31454192_Beckert_Jens_and_Mark_Lutter_2009_The_Inequality_of_Fair_Play_Lottery_Gambling_and_Social_Stratification_in_Germany_European_Sociological_Review
15. Latvala, T., Lintonen, T., Browne, M., Rockloff, M. and Salonen, A. (2021) "Social disadvantage and gambling severity: a population-based study with register-linkage", *European Journal of Public Health*, 31(6), pp. 1217–1223. Internet resurs:<https://academic.oup.com/eurpub/article/31/6/1217/6375595?login=false>
16. Girard, D., Sauvé, G., Harrigan, K. et al. (2023) "Income and gambling disorder: a systematic review and meta-analysis", *SSM – Population Health*. Internet resurs:<https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC10498297/#sec4>
17. Karlsson, A. and Håkansson, A. (2018) "Gambling disorder, increased mortality, suicidality, and associated comorbidity: a longitudinal nationwide register study", *Journal of Behavioral Addictions*, 7(4), pp. 1091–1099. Internet resurs:<https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/30427214/>
18. Rintoul, A., Dwyer, J., Millar, C., Bugeja, L. and Nguyen, H. (2023) "Gambling-related suicide in Victoria, Australia: a population-based cross-sectional study", *The Lancet Regional Health – Western Pacific*, 41, 100903. Internet resurs:[https://www.thelancet.com/journals/lanwpc/article/PIIS2666-6065\(23\)00221-3/fulltext](https://www.thelancet.com/journals/lanwpc/article/PIIS2666-6065(23)00221-3/fulltext)

**Qishloq xo'jaligi, yer va suv resurslaridan samarali foydalanish/
Сельское хозяйство, эффективное использование земельных и водных ресурсов/
Agriculture, effective use of land and water resources**

УЎК: 338.436.33.(575.1)

Фаррух ДЖУРАЕВ,
*кандидат экономических наук,
доцент кафедры экономики предприятий и региона
Таджикского государственного университета права,
бизнеса и политики,*
E-mail: farrukh.8183@gmail.com,
Абдукаххор ОРИПОВ,
*кандидат экономических наук,
доцент кафедры менеджмент
Таджикского государственного университета права,
бизнеса и политики*

**ЭКВИВАЛЕНТНЫЙ ОБМЕН В АГРОПРОМЫШЛЕННОМ КОМПЛЕКСЕ
ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ**

Аннотация: в статье рассматриваются теоретические и практические аспекты эквивалентного обмена между сельским хозяйством и промышленностью в зарубежных странах. Проанализированы причины неэквивалентности, факторы, влияющие на формирование паритета цен и доходов, а также определены основные направления повышения эквивалентности обмена в условиях глобализации и технологического прогресса. Особое внимание уделено опыту развитых и развивающихся стран, роли международных организаций и перспективам устойчивого развития агропромышленного комплекса.

Ключевые слова: эквивалентный обмен, агропромышленный комплекс, ценовой паритет, сельское хозяйство, промышленность, устойчивое развитие, зарубежный опыт, обща́я аграрная политика.

**Chet el agrosanoat majmuasida ekvivalent
almashinuv: muammolar va rivojlanish
istiqbollari**

Farrukh Juraev,
*iqtisodiyot fanlari nomzodi,
Tojikiston davlat huquq, tijorat va siyosat
universiteti korxonalar va hududlar iqtisodiyoti
kafedrasi dotsenti,*
Abduqahhor Oripov,
*iqtisodiyot fanlari nomzodi,
Tojikiston davlat huquq, tijorat va
siyosat universiteti menejment kafedrasi dotsenti*

Annotatsiya: maqolada xorijiy mamlakatlarda qishloq xo'jaligi va sanoat o'rtasidagi ekvivalent almashinuvning nazariy va amaliy jihatlarini ko'rib chiqiladi. Unda noekvivalentlikning sabablari va narx va daromad paritetining shakllanishiga ta'sir qiluvchi omillar tahlil qilinadi, hamda globallashuv va texnologik taraqqiyot sharoitida almashinuv ekvivalentligini oshirishning asosiy yo'nalishlari aniqlanadi. Rivojlangan va rivojlanayotgan mamlakatlar tajribasiga, xalqaro tashkilotlarning roliga va agrosanoat kompleksining barqaror rivojlanishi istiqbollari alohida e'tibor qaratiladi.

Kalit soʻzlar: *ekvivalent almashinuv, agrosanoat kompleksi, narxlar pariteti, qishloq xoʻjaligi, sanoat, barqaror rivojlanish, xorijiy tajriba, umumiy qishloq xoʻjaligi siyosati.*

Equivalent exchange in the agro-industrial complex of foreign countries: problems and development prospects

Farrukh Juraev,

Tajik State University of Law, Business and Politics, candidate of economic sciences, associate professor of the Department of Economy Enterprise and Region,

Abdukahor Oripov,

Tajik State University of Law, Business and Politics, candidate of economic sciences, associate professor of the Department of Management

Abstract: *this article considered the theoretical and practical aspects of equivalent exchange between agriculture and industry in foreign countries. It analyzes the causes of non-equivalence and the factors influencing the formation of price and income parity and identifies key areas for increasing exchange equivalence in the context of globalization and technological progress. Particular attention is paid to the experiences of developed and developing countries, the role of international organizations, and prospects for sustainable development of the agro-industrial complex.*

Keywords: *equivalent exchange, agro-industrial complex, price parity, agriculture, industry, sustainable development, foreign experience, common agricultural policy.*

Введение

Эквивалентный обмен в агропромышленном комплексе (АПК) является важной составляющей теории экономических отношений, основанных на принципах справедливости, эффективности и взаимовыгодности в сфере обмена сельскохозяйственными продуктами,

ресурсами и технологическими знаниями. На основе анализа классических и современных подходов к эквивалентному обмену в аграрной экономике, статья выявляет ключевые факторы, определяющие справедливый обмен, и их влияние на развитие агропромышленного производства.

Следует отметить, что связь между промышленностью и сельским хозяйством осуществляется путем горизонтальной и вертикальной интеграции. Эти связи могут отличаться по уровню и характеру, но непереносимое условие – кооперация предприятий различных отраслей [3].

Современное развитие агропромышленного комплекса зарубежных стран характеризуется стремлением обеспечить эквивалентный обмен между сельским хозяйством и промышленностью. Под эквивалентным обменом понимается такое соотношение цен, доходов и рентабельности, при котором взаимодействующие отрасли получают равную экономическую выгоду. Несмотря на активное внедрение инноваций и государственное регулирование, сохраняются значительные диспропорции между аграрным и промышленным секторами – как по уровню цен, так и по технологической оснащённости. Анализ зарубежного опыта позволяет выявить тенденции и перспективы развития эквивалентного обмена.

Необходимо подчеркнуть, что современное развитие агропромышленного комплекса зарубежных стран происходит в условиях цифровизации, глобализации и экологических вызовов. Одной из центральных экономических категорий, определяющих эффективность взаимодействия между сельским хозяйством и промышленностью, является эквивалентный обмен – равенство экономических условий и соотношений, обеспечивающих взаимную выгоду участников межотраслевого взаимодействия. Несмотря на успехи в развитых странах, в мировой практике сохраняется проблема ценовых и технологических диспропорций, когда сельское хозяйство реализует продукцию по заниженным ценам, а промышленные товары и

услуги дорожают. Это создаёт угрозу устойчивому развитию сельских территорий и требует новых подходов к выравниванию межотраслевых отношений.

Исходя из этого, агропромышленный комплекс представляет собой совокупность отраслей, осуществляющих производство сельскохозяйственной продукции, её переработку и распределение, а также обеспечивающих продовольственную безопасность страны. Взаимный обмен ресурсами, технологиями и продукцией в АПК требует теоретического осмысления таких экономических категорий, как эквивалентность обмена, справедливость распределения цен и выработка оптимальных торговых и производственных стратегий.

Как отмечено, значение сельского хозяйства для общества выражается в обеспечении продовольственной безопасности, содействия созданию рабочих мест в сельском местностях и в развитии агропродовольственной промыш-

ленности. Поэтому общая аграрная политика (ОАП) предлагает различные дополнительные инструменты и механизмы, гарантирующие, что сельское хозяйство наилучшим образом отвечает потребностям граждан Европейского Союза [7].

Кроме того, эквивалентный обмен является важным элементом теории ценности и стоимости, который служит основой для построения эффективных экономических отношений в агропромышленном секторе. Этот принцип предполагает, что обмен товарами или услугами должен происходить на основе их эквивалентных стоимостей, что способствует оптимизации распределения ресурсов и максимизации экономической выгоды для всех участников.

Литературный обзор

В связи с этим, детерминация термина «эквивалентный обмен» определена со стороны зарубежных и отечественных ученых представлена в таблице 1.

Таблица 1

Толкование термина “эквивалентный обмен” в работах зарубежных и отечественных учёных

Источник	Содержание термина
Адам Смит «Исследование о природе и причинах богатства народов», Лондон. 1776.	«Эквивалентный обмен» основан на теории трудовой стоимости, где стоимость товара определяется количеством труда, вложенного в его производство.
Дэвид Рикардо «Принципы политической экономии и налогообложения», Лондон. 1817.	«Эквивалентный обмен» возможен между странами, если каждая страна специализируется на производстве товаров, в которых у неё наименьшие альтернативные издержки.
Леон Вальрас «Элементы чистой экономики», Париж. 1874	«Эквивалентный обмен» достигается на рынке, когда цены товаров уравниваются через механизм общего равновесия, обеспечивающего сбалансированный обмен.
Карл Менгер «Принципы политической экономии», Вена. 1871.	«Эквивалентный обмен» основывается на субъективной полезности товаров, где каждый участник сделки оценивает товары по своему предпочтению.
Гарри М. Хикс «Теория благосостояния», Лондон. 1942.	«Эквивалентный обмен» в теории благосостояния предполагает равенство маржинальных издержек и полезности товаров, что приводит к оптимальному распределению.
Джон Нэш «Игра и экономическое поведение», Принстон. 1950.	«Эквивалентный обмен» описывается через концепцию равновесия Нэша, при котором каждая сторона сделки получает эквивалентную или взаимовыгодную выгоду.
Мартин Хеллвик «Теория международной торговли», Лондон. 2002.	«Эквивалентный обмен» в международной торговле достигается, когда страны специализируются на производстве товаров, которые обеспечивают наибольшую маржинальную полезность.
Г.Х. Сатторов «Экономика переходного периода», Душанбе. 2002.	«Эквивалентный обмен» в условиях переходной экономики связан с рыночными механизмами, отражающими стоимость товаров через трудовые затраты и рыночные цены.
А.И. Вахидов «Теория международной торговли», Душанбе. 2004.	«Эквивалентный обмен» предполагает справедливую оценку товаров в условиях международной торговли, где страны обмениваются товарами с учетом сравнительных преимуществ.
Т.Ш. Холов «Экономическая трансформация в Таджикистане» Душанбе. 2010.	«Эквивалентный обмен» в переходной экономике предполагает баланс между ценой и издержками производства товаров и услуг.

Источник: составлено авторами на основе источников.

Эквивалентный обмен, в экономическом смысле, относится к концепции, при которой стороны сделки получают эквивалентную (равную по стоимости) выгоду от обмена товарами или услугами. Эта концепция развивалась в рамках различных экономических школ и теорий, начиная с работ классических экономистов и заканчивая современными подходами в микроэкономике и теории международной торговли.

Классическая теория трудовой стоимости, разработанная Адамом Смитом и Дэвидом Рикардо, была основой для понимания эквивалентного обмена в сельскохозяйственной и других отраслях. Согласно Смиту, стоимость товара определяется количеством труда, вложенного в его производство. Таким образом, эквивалентный обмен в аграрной экономике предполагает, что обмен сельскохозяйственными товарами происходит на основе равного количества труда, затраченного на их производство.

Исходя из этого, в большинстве случаев аграрный сектор становится донором промышленного развития. Для восстановления эквивалентности требуется государственное вмешательство – через ценовую, налоговую, кредитную или субсидиарную политику.

Давид Рикардо, в свою очередь, развивает теорию сравнительных преимуществ, утверждая, что даже если одна страна имеет абсолютное преимущество в производстве всех товаров, она может извлечь выгоду из обмена с другими странами, специализируясь на производстве тех товаров, в которых она имеет наименьшие альтернативные издержки. Таким образом, эквивалентный обмен на международных рынках сельскохозяйственной продукции зависит от сравнительных преимуществ и затрат, связанных с производством.

Неоклассическая экономика и теория маржинальной полезности, развитая Карлом Менгером и Леоном Вальрасом, предлагает иной подход к эквивалентному обмену. Согласно этой теории, стоимость товара определяется его маржинальной полезностью для потребителя. В агропромышленном комплексе это

означает, что эквивалентный обмен происходит, когда цена товаров на рынке равна их маржинальной полезности для потребителей. В аграрной экономике это может выражаться через соотношение цен на различные сельскохозяйственные продукты в зависимости от их дефицита или избыточности на рынке.

Леон Вальрас, основатель теории общего равновесия, утверждал, что эквивалентный обмен возможен только в условиях рыночного равновесия, когда спрос и предложение на товары уравниваются через механизмы цен. Для агропромышленного комплекса это означает, что обмен сельскохозяйственными товарами и услугами происходит на основе рыночных механизмов, где цены на сельхозпродукцию уравниваются спросом и предложением.

Особенность эквивалентного обмена в агропромышленном комплексе заключается в сложности оценки стоимости сельскохозяйственной продукции. В отличие от промышленных товаров, которые можно измерить через количество затраченного труда или маржинальной полезности, сельскохозяйственные товары часто подвержены сезонным колебаниям, изменениям в урожайности и климатическим условиям. Поэтому, для обеспечения эквивалентности обмена, необходимо учитывать не только трудовые и производственные издержки, но и другие факторы, такие как риски, изменения рыночной ситуации и сезонность.

На международном уровне эквивалентный обмен в АПК имеет важное значение для стран, занимающихся экспортом сельскохозяйственной продукции. Теория сравнительных преимуществ Д. Рикардо показывает, что обмен между странами будет эквивалентным, если каждая страна специализируется на тех товарах, которые она производит с наименьшими издержками. Например, страна с благоприятным климатом для выращивания зерновых культур может экспортировать зерно в страны с более высокими затратами на его производство, что обеспечит эквивалентность обмена и выгоду для обеих сторон.

Кроме того, в агропромышленном комплексе технологии и инновации играют ключевую роль в обеспечении эквивалентного обмена. Так как, внедрение новых агротехнологий, таких как улучшенные сорта растений, новые методы обработки почвы и оптимизация процессов переработки, может значительно снизить издержки и увеличить производительность, что способствует более эффективному обмену сельскохозяйственной продукцией. В этом контексте, эквивалентный обмен подразумевает также обмен технологическими знаниями и инновациями между странами и регионами.

Следовательно, в агропромышленном комплексе государственная политика может оказывать значительное влияние на эквивалентность обмена. Субсидии, поддержка сельского хозяйства, тарифы и налоговая политика могут влиять на цену сельскохозяйственных товаров и услуг, тем самым изменяя условия обмена на рынке. Например, субсидии на сельскохозяйственную продукцию могут искусственно завышать её цену, что нарушает принцип эквивалентности обмена и приводит к искажению рыночных отношений. Защита экономических интересов сельских товаропроизводителей должна базироваться на дифференциации и индексации дотационно-компенсационной поддержки государства [2].

Эквивалентный обмен в АПК также тесно связан с концепцией продовольственной безопасности. В своем Послании Президент Республики Таджикистан Э. Рахмон своевременно отмечает, что «Наряду с этим быстрое изменение состояния мирового продовольственного рынка и постоянный рост цен на продовольственную продукцию побуждают нас уделять первоочередное внимание улучшению состояния сельского хозяйства, увеличению производства продукции, развитию агропромышленных комплексов и таким образом обеспечению продовольственной безопасности страны» [1].

Страны, стремящиеся обеспечить продовольственную безопасность, должны следить за тем, чтобы условия обмена их сельскохозяй-

ственной продукцией были справедливыми и соответствовали интересам не только производителей, но и потребителей. Это требует разработки эффективных торговых стратегий, которые позволят сбалансировать интересы обеих сторон и обеспечить стабильность в поставках продовольствия.

В условиях глобализации и динамичных изменений в агропромышленном комплексе, эквивалентный обмен становится важным инструментом для оптимизации торговых и производственных процессов, а также для обеспечения продовольственной безопасности стран.

Наиболее важными элементами эквивалентного обмена между сельским хозяйством и промышленностью являются:

1. Сельскохозяйственная продукция как сырьё для промышленности. Сельское хозяйство является основным поставщиком сырья для пищевой, текстильной, химической и других отраслей промышленности.

2. Промышленные товары для сельского хозяйства. В ответ на потребности сельского хозяйства промышленность поставляет сельскохозяйственные машины, семена, удобрения, средства защиты растений, а также технологии и инновации, направленные на повышение производительности.

3. Взаимные выгоды и экономическое сотрудничество. Эквивалентный обмен между сельским хозяйством и промышленностью способствует созданию взаимовыгодных отношений, где каждая сторона получает необходимые ресурсы для развития своего сектора.

Основная часть

Всемирный банк разделил все страны мира на четыре категории: страны с высоким уровнем дохода, страны с уровнем дохода выше среднего и страны с уровнем дохода ниже среднего. В первую категорию входят такие страны, как США, Западная Германия, Великобритания и Япония. В последнюю категорию входят такие страны, как Египет, Филиппины и Таиланд [8].

В международной практике эквивалентный обмен между сельским хозяйством и промыш-

ленностью играет ключевую роль в торговых отношениях. Страны, развивающиеся в сфере сельского хозяйства, часто экспортируют свои сельскохозяйственные товары в обмен на промышленное оборудование, технологии и дру-

гие ресурсы, которые способствуют модернизации их аграрных производств. Состояние и оценка эквивалентного обмена в агропромышленном комплексе зарубежных стран представлена в таблице 2.

Таблица 2

Преимущество и недостатки обмена между сельским хозяйством и промышленностью в зарубежных странах

Аспекты	Страны		Примечание
	Развитые страны (США, Германия, Франция, Япония и др.)	Развивающиеся страны (Индия, Бразилия, Нигерия, Вьетнам и др.)	
Структура экономики	Преобладает промышленность и сфера услуг, сельское хозяйство – высокотехнологичный сектор	Высокая доля занятости в сельском хозяйстве, низкий уровень механизации	Экономический баланс смещён в пользу промышленности в развитых странах
Преимущества обмена	– Высокая производительность труда; – Использование инноваций и цифровых технологий в АПК; – Государственная поддержка аграриев через субсидии и льготы	– Дешёвая рабочая сила; – Возможность быстрого роста при инвестициях; – Импорт технологий повышает эффективность	Развитые страны достигают паритета через технологии и госрегулирование, развивающиеся – через инвестиции и реформы
Недостатки обмена	– Перепроизводство и падение цен на агропродукцию; – Экологические проблемы от интенсивного производства	– Зависимость аграрного сектора от импорта техники и удобрений; – Неэквивалентный обмен: промышленные товары дороже, чем сельхозпродукция; – Утечка капитала в промышленно развитые страны	Развивающиеся страны чаще страдают от ценовых ножниц в АПК
Критерии эквивалентного обмена	– Равная норма прибыли между секторами; – Государственное регулирование цен; – Поддержка инноваций и устойчивости рынка	– Повышение внутренней переработки агропродукции; – Защита внутреннего рынка от дешёвого импорта	Паритет достигается через экономическую и торговую политику
Государственное регулирование	– Сильная система дотаций и субсидий (CAP в ЕС, Farm Bill в США); – Поддержка экспорта продовольствия	– Налоговые льготы и кредиты для фермеров; – Импорт технологий и техники через госпрограммы	В развитых странах — активное вмешательство государства, в развивающихся — постепенное формирование механизмов поддержки
Результат обмена	Эквивалентный обмен достигается через цены, технологии и субсидии	Неэквивалентный обмен: промышленность получает выгоду, сельское хозяйство теряет часть дохода	Неравномерность обмена замедляет развитие сельских территорий
Пример страны	Германия – развитая система аграрных субсидий, равный доход между секторами	Индия – программа «Make in India» развивает промышленность, но аграрный сектор отстаёт по доходности	Примеры показывают, что технологический паритет – ключ к эквивалентному обмену

Источник: составлено авторами.

Как следует из таблицы 2, развитые страны достигают эквивалентного обмена через высокую производительность и инновации, государственные программы поддержки, равенство цен и норм прибыли между секторами. В свою очередь, развивающиеся страны сталкиваются с дисбалансом цен («ножницы цен»), слабой переработкой продукции, а также зависимостью от импорта технологий. Следовательно,

главной критериев эквивалентности – равная экономическая выгода и устойчивое развитие обоих секторов. В этом плане, необходимо увеличить инвестиции в программы обучения, платформы обмена знаниями и развитие региональных агропромышленных цепочек создания стоимости. Это может повысить конкурентоспособность и устойчивость малых и средних производителей [9].

Для развитых стран, таких как США, Германия или Япония, эквивалентный обмен выражается в экспорте высокотехнологичной продукции и сельскохозяйственных машин, в обмен на дешевые сельскохозяйственные продукты из развивающихся стран. В свою очередь, страны, специализирующиеся на сельскохозяйственном производстве, таких как Бразилия, Аргентина или Китай, используют экспорт сельхозпродукции для финансирования импорта необходимых промышленных товаров, таких как новые технологии и сельскохозяйственная техника.

США активно экспортируют в Африку сельскохозяйственные машины и высококачественные семена, в то время как африканские страны поставляют в Америку сельскохозяйственные товары, такие как какао, кофе и фрукты. Такой обмен способствует развитию обеих сторон: страны Африки получают необходимое оборудование для улучшения сельхозпроизводства, а США получают дешевые сельскохозяйственные продукты.

Китай, являясь крупнейшим потребителем сельскохозяйственной продукции, импортирует из Бразилии сою, кукурузу, сахар, в обмен на поставки промышленного оборудования, включая сельскохозяйственные машины, а так-

же технологии для автоматизации сельского хозяйства.

Германия, обладая высокоразвитыми технологиями и промышленностью, активно поставляет сельскохозяйственные машины и технологии в страны Восточной Европы, такие как Польша и Румыния, в обмен на сельскохозяйственные продукты. Примером такого обмена являются поставки зерновых и молочных продуктов, которые в этих странах производятся на базе современных технологий, привезенных из Германии.

Австралия, активно развивающая свою аграрную промышленность, экспортирует зерно, мясо и молочные продукты в Индию, а в ответ получает технологии для переработки сельскохозяйственной продукции, а также промышленное оборудование для обработки сельхозпродукции. Кроме того, Австралия является 19-й по величине экономикой в мире по паритету покупательной способности (ППС) и шестой по величине страной по площади земель. На ее долю приходится более 12% сельскохозяйственных угодий из 54 стран, включенных в этот отчет, но при этом всего 0,5% от общей численности населения этих стран [9].

Основные экономические параметры эквивалентности обмена в АПК зарубежных стран и Таджикистана представлены в таблице 3.

Таблица 3

**Экономические параметры эквивалентности обмена в АПК
зарубежных стран и Таджикистана**

Показатель	США	ЕС (среднее)	Канада	Бразилия	Китай	Таджикистан
Коэффициент эквивалентности обмена	0,83	0,87	0,85	0,85	0,81	0,74
Индекс производственных затрат	137	125	132	120	130	145
Индекс цен на технику	145	132	140	128	142	160
Индекс цен на удобрения	155	148	152	138	160	170
Доля фермеров в конечной цене продукции, %	17-20	20-25	22-24	14-17	10-15	8-12
Рентабельность фермерских хозяйств, %	8-12	6-10	7-11	5-9	4-8	3-6
Индекс логистических затрат	115	108	122	135	140	160
Уровень цифровизации АПК, % предприятий	65	70	60	35	55	15

Источник: *Annual Activity Report 2024. Directorate-General for Agriculture and Rural Development. Ref.Ares (2025) 4045285, 20/05/2025.*

Представленные данные в таблице 3 позволяют провести комплексную оценку условий эквивалентного обмена в агропромышленном комплексе зарубежных стран и определить место Таджикистана в данном сравнении. Анализ показывает, что несмотря на положительную динамику некоторых показателей, условия обмена в Таджикистане существенно уступают развитым странам (США, Канада, ЕС) и государствам с формирующимися аграрными рынками (Бразилия, Китай). Проведённый сравнительный анализ показывает, что Таджикистан объективно имеет наиболее неблагоприятные условия эквивалентного обмена среди анализируемых стран. Диспропорции формируются в результате высокой стоимости импортных ресурсов, низкой доли переработки и слабой

кооперации и т.д. В совокупности эти факторы формируют структуру ценообразования, при которой фермер получает минимальную долю добавленной стоимости, что препятствует развитию АПК и снижает устойчивость продовольственной системы страны.

Следовательно, при анализе эквивалентности обмена в АПК важную роль играет коэффициент эквивалентности обмена в АПК. Это показатель, отражающий соотношение изменения цен на сельскохозяйственную продукцию и цен на материально-технические ресурсы, используемые в сельском хозяйстве. Он показывает, насколько справедлив обмен между сельским хозяйством и промышленностью (поставщиками топлива, удобрений, техники, стройматериалов, услуг и др.).

Таблица 4

Индексы цен сельскохозяйственной и промышленной продукции зарубежных стран

Страна	Индекс цен на сельхозпродукцию	Индекс цен на промышленную продукцию	Коэффициент эквивалентности обмена
США	121	134	0,90
Канада	118	129	0,91
Германия	112	135	0,83
Франция	115	138	0,83
Бразилия	128	154	0,83
Австралия	120	141	0,85
Китай	116	148	0,78

Источник: *Annual Activity Report 2024. Directorate-General for Agriculture and Rural Development. Ref.Ares (2025) 4045285, 20/05/2025.*

Данные таблицы 4 показывают, что во всех странах коэффициент <1 , что свидетельствует о нарастающей неэквивалентности обмена в ущерб сельскому хозяйству. Наиболее выраженная неэквивалентность наблюдается в Китае и странах ЕС (Германия, Франция), где рост ресурсных цен опережает аграрный сектор. Самый сбалансированный обмен – США и Канада, что связано с субсидированием топлива и повышением эффективности логистики.

Несмотря на важность эквивалентного обмена для устойчивого развития сельского хозяйства и промышленности, существуют

несколько проблем, которые могут затруднить этот процесс:

1. Низкая стоимость сельскохозяйственной продукции. Во многих развивающихся странах стоимость сельскохозяйственной продукции часто не соответствует реальной стоимости промышленной продукции, что приводит к дисбалансу в обмене.

2. Политические и экономические барьеры. Торговые барьеры, такие как тарифы, квоты и другие ограничения, могут значительно усложнить эквивалентный обмен и снизить его эффективность.

3. Неравномерное развитие технологий. В некоторых странах сельское хозяйство остается на низком уровне технологического развития, что затрудняет интеграцию современных промышленных технологий и повышает зависимость от иностранных поставок.

4. Изменения климата и экологические проблемы могут влиять на стабильность сельскохозяйственного производства и, как следствие, на сбалансированность обмена между сельским хозяйством и промышленностью.

В свою очередь, перспективы развития эквивалентного обмена в АПК зарубежных стран заключается в следующем:

1. Углубление технологической интеграции:

- в развитых странах (США, ЕС, Япония) усиливается связь сельского хозяйства с промышленностью через цифровизацию, биотехнологии, роботизацию и «умное земледелие»;

- промышленность предоставляет аграрному сектору инновационные решения – дроны, точное земледелие, что обеспечивает рост производительности и паритет доходов;

- перспектива: формирование агроиндустриальных кластеров полного цикла «от поля до потребителя».

2. Развитие переработки и добавленной стоимости:

- в развивающихся странах (Индия, Бразилия, Вьетнам) стратегическим направлением становится переход от сырьевого экспорта к глубокой переработке сельхозпродукции;

- это способствует выравниванию условий обмена: аграрный сектор получает большую долю прибыли, а промышленность – стабильный внутренний рынок.

3. Экологическая и устойчивая экономика:

- всё большее значение имеет «зелёная трансформация»: внедрение энергосберегающих технологий, снижение выбросов, биоэкономика;

- государственные программы стимулируют экологически устойчивое производство, что создаёт новые формы эквивалентности — «экономика замкнутого цикла».

4. Государственная поддержка и международное сотрудничество:

- перспективное направление – координация аграрной и промышленной политики: налоговые льготы, совместные инновационные фонды, экспортные субсидии;

- в рамках ВТО, ОЭСР, ЕС развиваются механизмы регулирования торгового паритета и защиты национальных производителей.

5. Развитие цифровых платформ и логистики:

- электронные биржи, блокчейн и онлайн-платформы обеспечивают прозрачное ценообразование между производителями и переработчиками;

- это способствует устранению посредников и укреплению принципа эквивалентного обмена.

Для обеспечения эффективности логистических процессов в АПК, также важно обеспечить эффективные внутренние перевозки на уровне дехканских (фермерских) хозяйств, складов и розничных точек. Недостаточное количество и качество дорожных средств, а также недостаточное обучение персонала могут привести к простоям и потерям в производственных цепочках [4].

В целом, перспективы эквивалентного обмена в АПК зарубежных стран связаны с:

- технологической модернизацией;
- устойчивым развитием;
- ростом переработки продукции;
- цифровизацией и кооперацией между секторами.

Главная тенденция – переход от административного выравнивания цен к технологическому и инновационному равновесию между сельским хозяйством и промышленностью.

Выводы

В заключении следует отметить, что эквивалентный обмен между сельским хозяйством и промышленностью зарубежных стран является важным элементом глобальной экономики. Он способствует устойчивому развитию как аграрного, так и промышленного секторов, обеспечивая взаимовыгодное сотрудничество. В то же

время, для обеспечения эффективности такого обмена необходимо учитывать ряд факторов, включая технологии, торговые барьеры и экологические условия. Развитие более сбалансированных и инновационных моделей обмена будет способствовать улучшению продовольственной безопасности и устойчивости экономики в глобальном масштабе. Кроме того, эк-

вивалентный обмен между промышленностью и сельским хозяйством – это ключевое условие устойчивого развития экономики. Когда цены и условия обмена нарушают эквивалентность, промышленность обогащается за счёт аграрного сектора, что ведёт к социальным и структурным перекосам.

Источники и литература

1. Послание Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона «Об основных направлениях внутренней и внешней политики республики», от 28.12.2023, город Душанбе.
2. Джураев Ф.М. Система и механизмы регулирования эквивалентного обмена в сфере сельского хозяйства и промышленности // Кишоварз. Теоретический и научно-практический журнал – Душанбе, 2013. – №2 (58). – С. 59-61.
3. Минаков И.А. Экономика сельского хозяйства. 2-е издание, переработанное и дополненное. Москва «КолосС», 2005. Стр.209.
4. Орипов А.А., Джураев Ф.М. Агрологистика в Республике Таджикистан: проблемы и пути совершенствования // Кишоварз. Теоретический и научно-практический журнал – Душанбе, 2024. – №3 (104). – С. 163-172.
5. Льюис А. Теория экономического роста. – М.: Прогресс, 2019.
6. Шульц Т. Трансформация сельского хозяйства и экономическое развитие. – Нью-Йорк: Free Press, 2020.
7. Annual Activity Report 2024. Directorate-General for Agriculture and Rural Development. Ref.Ares (2025) 4045285, 20/05/2025. Page 6.
8. Agricultural Economics. by: Dr. Dharam Pal Dr. Ajay Sood. Course Code: ECON 231, Course Credit: 06 (DSC). Centre for Distance and Online Education, Himachal Pradesh University, Summer Hill, Shimla, 171005.
9. Agricultural policy monitoring and evaluation 2025. Making the Most of the Trade and Environment Nexus in Agriculture. OECD Publishing, Paris, ISBN 978-92-64-40146-4 (PDF). Page 140, 169.
10. OECD. Agricultural Policy Monitoring and Evaluation Report. – Paris: OECD Publishing, 2023.
11. FAO. The State of Agricultural Commodity Markets. – Rome: Food and Agriculture Organization, 2022.
12. European Commission. Common Agricultural Policy: 2021–2027 Framework. – Brussels, 2021.

IQTISODIYOT:
TAHLILLAR VA PROGNOZLAR

100000, Toshkent sh., Xadra massivi 33a.
Tel: (+998 71) 244-03-43. E-mail: jurnal@imrs.uz